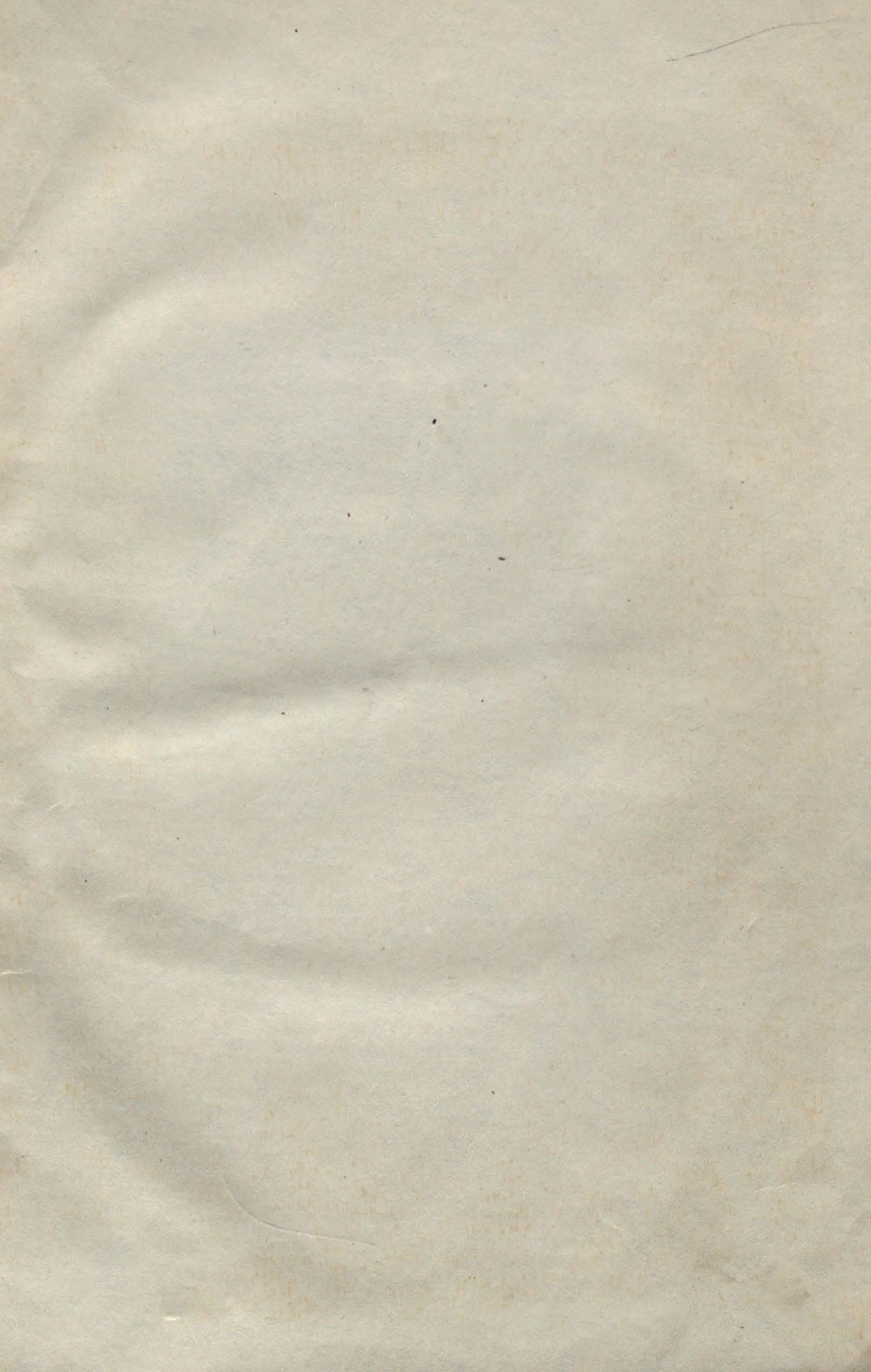

НЕ КОПИРОВАТЬ

„ПОЭТЫ-МЫСЛИТЕЛИ“.
Серія иллюстрированныхъ и комментированныхъ европейскихъ классиковъ.

ДАНТЕ АЛЛИГІЕРИ.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ.

АДЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО РАЗМѢРОМЪ ПОДЛИННИКА (ТЕРЦИНАМИ)

Н. ГОЛОВАНОВА,

съ 24 рисунками Густава Доре, портретомъ Данта, 587-ю объяснительными примѣчаніями и приложеніемъ статей о Дантѣ проф. Ѳ. И. Буслаева, Карлейля, Эдгара Кине, Ламене, Шлегеля и др.

ТЕКСТЪ ПЕРЕВОДА ПРОСМОТРѢНЪ

ПРОФ. Ѳ. И. БУСЛАЕВЫМЪ.

Цѣна 2 рубля.

Изданіе второе, печатанное безъ перемѣнъ съ 1-го изданія, **допущеннаго Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и безплатныя сельскія читальни.**

1899.

Книжная торговля ГОЛОВАНОВА, Москва,

Большая Никитская, д. кн. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой.

„ПОЭТЫ-МЫСЛИТЕЛИ“.
Серія иллюстрированныхъ и комментированныхъ европейскихъ классиковъ.

ДАНТЕ АЛЛИГІЕРИ.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ.

АДЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО РАЗМѢРОМЪ ПОДЛИННИКА (ТЕРЦИНАМИ)
Н. ГОЛОВАНОВА,
съ 24 рисунками Густава Доре, портретомъ Данта, 587-ю объяснительными примѣчаніями и приложеніемъ статей о Дантѣ проф. Ѳ. И. Буслаева, Карлейля, Эдгара Кине, Ламене, Шлегеля и др.

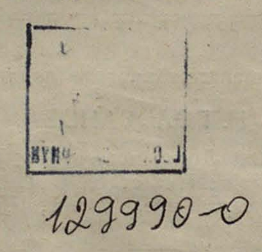
ТЕКСТЪ ПЕРЕВОДА ПРОСМОТРѢНЪ
проф. Ѳ. И. БУСЛАЕВЫМЪ.

Цѣна 2 рубля.

Изданіе второе, печатанное безъ перемѣнъ съ 1-го изданія, **допущеннаго Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и безплатныя сельскія читальни.**

1899.
Книжная торговля ГОЛОВАНОВА, Москва,
Большая Никитская, д. кн. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой.

Рисунки дозволены цензурою. Москва, 7 октября 1898 г.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. д.
1899.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ предлагаемомъ переводѣ я поставилъ себѣ цѣль, принятую уже однимъ изъ переводчиковъ Данта: «одѣть мысль Данта въ ту же самую одежду словъ, въ какую одѣлъ ее самъ Дантъ». Быть можетъ, буквальность была часто въ ущербъ русскому языку; да и отъ самой цѣли я былъ то ближе, то дальше: работа затянулась на девять лѣтъ, а въ этотъ періодъ существенно мѣнялось во мнѣ и пониманіе Данта.

Архаизмы и славянизмы я не стѣснялся употреблять, частію памятуя, что Литтре даже умышленно пробовалъ переводить Данта стариннымъ французскимъ языкомъ XIII столѣтія, частію и потому, что нашъ обыденный языкъ слишкомъ бѣденъ для красокъ и оттѣнковъ Данта. Порою я употреблялъ былинные и пѣсенные обороты; не стѣснялся и низменными выраженіями, хотя на фонѣ общей торжественности тона. Получилась извѣстная пестрота языка; но быть можетъ, она отражаетъ пестроту той vulgaris eloquentiae, первоздателемъ которой явился самъ Дантъ.

Приложенныя примѣчанія представляютъ простой переводъ и почти всѣ принадлежатъ Dr. Пфейдлереру, комментировавшему нѣмецкій переводъ «Б. К.» Штрекфуса; они только дополнены примѣчаніями, взятыми изъ «Б. К.» въ изданіи Сонцоньо, и исто-

рическими свѣдѣніями, приложенными къ англійскому переводу Лонгфелло; у послѣдняго же взяты вступленіе и прибавленія въ концѣ книги, составляющія вмѣстѣ съ статьей проф. Ѳ. И. Буслаева, почтившаго меня своимъ руководительствомъ,—какъ бы маленькую христоматію о Дантѣ, христоматію, представляющую образцы отношенія къ Данту итальянцевъ, французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, американцевъ и русскихъ. Біографіи Данта не прилагаю, такъ какъ по русски ихъ имѣется нѣсколько.

Н. Г.

*
* *

Какъ путникъ отъ жары и пыли отдохнуть,
Покинувъ улицы докучное смятенье,
Подъ сѣнь стариннаго собора держитъ путь;

Какъ въ полумракъ цвѣтной вступивъ въ благоговѣньи
И ношу положивъ къ узорчатымъ дверямъ,
Разсматриваетъ онъ вокругъ изображенья,—

Войдите такъ и вы въ старинный этотъ храмъ,
Въ готическій соборъ, построенный изъ слова!
Какъ антикварій ревностный, я вамъ,

Вдали отъ всѣхъ суетъ смятенія дневного,
Столѣтій пыль съ его святынь стряхну
И вызову на свѣтъ видѣнія былого;

Изъ гроба воскрешу святую старину,
Чтобъ, сокровенная, она явилась взору
И развернулася предъ нимъ подобно сну!

Что за причудливыя башенки и хоры!
Какъ длиненъ статуй рядъ! и ласточки пріютъ
Нашли въ одеждахъ ихъ... Какъ кружева узоры,

Драконы, бѣсы, змѣи вьются тутъ,
Сплелись невиданныхъ чудовищъ стаи въ груду;
Вотъ трубы ангеловъ вѣщаютъ страшный судъ

Трепещущей землѣ; вотъ тащитъ бѣсъ Іуду;
Вотъ страсти Господа; вотъ книжниковъ кагалъ,
Какъ стая псовъ, Его объемлетъ отовсюду...

Все мракъ таинственными красками застлалъ;
Какъ будто балдахинъ изящный филигранный,
Весь въ стеклахъ расписныхъ раскинулся порталъ,

И цѣлый храмъ цвѣтетъ, какъ садъ благоуханный!
Все необычное, далекое отъ насъ—
Обычно, близко этой сферѣ странной:

Какой отчаянный порывъ, какой экстазъ,
Какой полетъ души! Какая духа сила
И жажда страстная, земную сбросивъ грязь,

Взлетѣть къ утраченной отчизнѣ неба милой!
И какъ могучъ любви возвышенный недугъ,
Какъ торжествуетъ жизнь надъ тлѣньемъ и могилой!

Нѣтъ, здѣсь не властна смерть! Не тратитъ даромъ духъ
Такихъ святыхъ даровъ; и вѣчною любовью
И вѣчной прелестію дышетъ все вокругъ

Въ мистическомъ цвѣткѣ средневѣковья.

Пѣснь первая.

Вступленіе. Лѣсъ. Три звѣря. Появленіе Виргилія.

---

1. На полпути земного бытія

---

1. Такъ какъ первая и вторая пѣсни представляютъ введеніе и экспозицію всей поэмы, то необходимо, чтобы читателю лучше оріентироваться, сказать нѣсколько словъ объ общей идеѣ поэмы. Странное названіе у столь серьезнаго произведенія дано самимъ Дантомъ, согласно понятіямъ средневѣковой піитики, дававшей названіе комедіи такому произведенію, которое, начинаясь печально, имѣетъ веселый конецъ. Согласно тѣмъ же понятіямъ въ двадцатой пѣсни Ада „Комедіи“ Данте противополагается „Трагедія“ Виргилія, т.-е. Энеида, оканчивающаяся печально. Эпитетъ „Божественной“ прибавленъ къ Дантовой Комедіи благоговѣющимъ потомствомъ. Впервые это названіе попадается въ 29-мъ изданіи поэмы, появившемся въ 1516 году.

Внѣшній ходъ и содержаніе поэмы—фантастическое путешествіе Данта по Аду, Чистилищу и Раю. Въ этомъ путешествіи его сопровождаютъ сперва римскій поэтъ Виргилій, потомъ его юношеская любовь Беатриче. Эти три царства невидимаго міра полны современниковъ Данта и историческихъ личностей разныхъ временъ, съ которыми поэтъ бесѣдуетъ и которыя разсказываютъ ему свои мученія и радости, свои желанія и воззрѣнія, свои мысли и чувства. Такимъ образомъ, поэма полна яркихъ эпизодовъ, которые, при всемъ своемъ разнообразіи, тѣмъ не менѣе обоснованы на одномъ общемъ планѣ, и этотъ планъ—*изображеніе духовнаго самоусовершенствованія человѣка.* Это самоусовершенствованіе переходитъ три ступени развитія: сознанія своей грѣховности и раскаянія въ ней (Адъ); очищенія (Чистилище) и вознесенія духа къ блаженству (Рай). Самъ Дантъ, проходящій эти ступени, является такимъ образомъ типомъ человѣка вообще, а его поэма—образнымъ изображеніемъ человѣческаго спасенія.

Кромѣ этого, Божественная Комедія еще имѣетъ значеніе какъ памятникъ политическихъ и общественныхъ воззрѣній своего времени. „Какая была великая Троянская война среднихъ вѣковъ,—говоритъ одинъ изъ комментаторовъ Данта,—какъ не борьба гвельфовъ и гибеллиновъ, свѣтской и духовной власти, папъ и императоровъ, получившая такое яркое отраженіе въ Дантовой поэмѣ?“ Данте, какъ извѣстно, родился и жилъ первую половину своей жизни во Флоренціи, городѣ, раздираемомъ политическими раздорами. Симпатіи къ гвельфамъ или къ гибеллинамъ породили въ флорентійскихъ нобн-

Вступилъ я въ лѣсъ угрюмый и унылый,
И затерялась въ немъ тропа моя.

ляхъ партіи *Бѣлыхъ*, приверженцевъ императора, и *Черныхъ*, приверженцевъ папы. Въ 1302 году послѣ побѣды Черныхъ ярый гибеллинъ Данте подвергся изгнанію и никогда уже болѣе не возвращался на родину. Но изгнаніе не сломило его духовной мощи, и вся „Божественная Комедія" является огненнымъ протестомъ противъ свѣтской власти папъ и выразителемъ тѣхъ новыхъ въ то время государственныхъ идей, которымъ современемъ суждено было сломить средневѣковый строй въ Европѣ.

Сообразно этимъ двумъ сторонамъ „Божественной Комедіи" и аллегорія первой пѣсни получаетъ двоякое толкованіе. Съ одной стороны, Данте, заблудившись въ лѣсу человѣческихъ слабостей, подвергается нападенію страстей: чувственности (Пантера), властолюбія (Левъ) и жадности (Волчица), отъ которыхъ спасаетъ его разумъ, олицетворенный въ Виргиліи; этотъ разумъ ведетъ его путемъ нравственнаго самоусовершенствованія къ блаженству, открываемому богословіемъ (Беатриче). Съ другой стороны, тотъ же лѣсъ можетъ изображать политическія смуты, мѣшавшія Данту достичь вершины доступнаго человѣку счастія (освѣщенная солнцемъ гора); пестрая Пантера, по этому объясненію, изображаетъ Флоренцію съ ея Черной и Бѣлой партіями; Левъ—Францію и Карла Валуа, а Волчица (lupa съ ея другимъ латинскимъ значеніемъ,—намекъ на развратъ папскаго двора)—Римъ, свѣтскую власть папы. Избавленія отъ нихъ Данте ищетъ сперва въ обращеніи къ классической древности (Виргилій); но это только путь къ достиженію христіанскихъ идеаловъ жизни, носительницею которыхъ является Беатриче.

Полпути земного бытія, по собственному объясненію Данта въ Convito, есть тридцатипятилѣтній возрастъ - моментъ, въ который оканчивается развитіе человѣческихъ силъ и начинается ихъ увяданіе. Данте пріурочилъ свое путешествіе, обозначающее извѣстный поворотъ въ разумѣ и мышленіи, именно къ этому возрасту, вѣроятно, по поводу словъ еврейскаго царя Езекіи „*Рѣхъ въ преполовеніе дней моихъ: ко вратамъ ада пріидохъ.*" (Исаіи XXVIII, 10),—которыя по объясненію св. Бернарда указываютъ на помощь божественной благодати, вслѣдствіе которой человѣкъ на половинѣ дней своихъ, отдавъ первую часть ихъ злу, изъ страха наказаній начинаетъ искать утѣшеніе въ добрѣ. Сравн. также Brunetto Latini, *Tesoretto*, II, 75.

Pensando a capo chino,
Perdei il gran cammino,
E tenni alla traversa.
D'una selva diversa.

Моментъ, съ котораго начинается дѣйствіе поэмы, есть ночь на страстную пятницу съ 24 на 25 марта 1300 года,—такимъ образомъ первый день новаго столѣтія, если годы считать не отъ Рождества Христова (ab Nativitate), а отъ Воплощенія (ab Incarnatione), какъ это дѣлалось иногда въ средніе вѣка. Время Дантова странствованія точно опредѣляется въ 21-й пѣсни „Ада".

2. *Лѣсъ* обозначаетъ человѣческую жизнь вообще, а личную бурную жизнь Данта въ особенности. Что Данте очутился въ лѣсу лишь „*на полпути земного бытія*",- значитъ, что сознаніе своихъ заблужденій появилось въ немъ

4. Такъ страшно тамъ и такъ пустынно было,
Что рѣчь слаба предъ скорбiю такой,
И мысль одна ту скорбь возобновила.

7. Не горше скорбь предъ смертiю самой!
Лишь изъ-за благъ, что въ томъ пути я встрѣтилъ,
О прочемъ всемъ разсказъ веду я свой.

10. Какъ я въ тотъ лѣсъ вошелъ, я не замѣтилъ;
Такой палъ на меня глубокiй сонъ
Въ тотъ мигъ, какъ ложный путь меня осѣтилъ.

13. Когда же я пришелъ на горный склонъ,
Близъ коего кончался долъ тотъ черный,
Въ которомъ такъ тоской я былъ смятенъ, —

16. То, вверхъ взглянувъ, зубцы вершины горной
Увидѣлъ я въ лучахъ планеты той,
Что средь извилинъ путь намъ кажетъ торный.

19. Свѣтъ уменьшилъ немного ужасъ мой,

лишь въ этотъ перiодъ его жизни, когда „*затерялась его тропа*" послѣ смерти Беатриче въ 1290 году. Кромѣ этого, Данте въ 1300 году сдѣлался однимъ изъ прiоровъ (сенаторовъ) Флоренцiи, такъ что политическiя смуты, къ которымъ онъ поэтому сталъ ближе, еще болѣе отклонили его отъ истиннаго пути.

8. Принимаю чтенiе Бланка altre, а не alte cose.

10—12. Данте вступаетъ въ лѣсъ, равно какъ и перевозится Харономъ въ адъ, въ состоянiи мистическаго сна; потому что, съ одной стороны, во снѣ человѣкъ, освобождаясь отъ узъ плотскихъ чувствъ, ближе къ духовному мiру, съ другой стороны — сонъ вообще обозначаетъ нѣкоторое ослабленiе духа и недостаточность самосознанiя.

16. Несмотря на лѣсъ заблужденiй, Дантъ не теряетъ изъ виду вершины, освѣщенной солнцемъ истины, вершины, обозначающей полноту человѣческой жизни, человѣческихъ радостей и счастiя.

17. По Птоломеевой системѣ мiра, солнце—планета.

18. Солнце, какъ символъ божественнаго вдохновенiя, у Данта часто противополагается мѣсяцу, какъ символу земного, человѣческаго разума; поэтому этотъ стихъ имѣетъ еще кромѣ прямого смысла и иносказательный: какъ по солнцу можно найти въ лѣсу истинное направленiе пути, такъ точно сiянiе божественной правды показываетъ въ жизненномъ лѣсѣ то направленiе, котораго слѣдуетъ держаться.

19. Предъ свѣтомъ истины уменьшается страхъ предъ заблужденiями земной жизни.

Въ какой меня повергла тьма ночная,
И въ море сердца пролилъ мнѣ покой.

22. И какъ пловецъ, отъ устали вздыхая,
Едва спасаясь, не сводитъ глазъ своихъ
Съ пучины, гдѣ шумитъ волна морская,—

25. Мой духъ, готовый въ бѣгство по сей мигъ,
Такъ та долина скорби приковала,
Безъ слезъ не отпускавшая живыхъ.

28. И снова я, давъ членамъ отдыхъ малый,
Въ пустынный путь пошелъ, при чемъ всегда
Внизу нога опорная стояла.

31. Но только я отправился туда,
Пантера появилась вдругъ, вся въ пятнахъ,
Окрашенныхъ въ роскошные цвѣта.

34. Боязнь ея набѣговъ многократныхъ,
Подъемъ такъ часто затруднявшихъ мой,
Внушала мысль мнѣ о путяхъ обратныхъ.

---

21. *Море сердца* можетъ быть понятно или просто какъ метафора или какъ полости сердца, наполненныя кровью, которыя во времена Данта считались мѣстопребываніемъ животной души человѣка.

22—28. Первый взглядъ на пройденныя трудности даетъ силы къ продолженію медленнаго, но неустаннаго подъема выше.

30. При подъемѣ на гору, мы всегда опираемся на ту ногу, которая стоитъ ниже. Прекрасный образъ духовнаго самоусовершенствованія, допускающаго только тогда идти выше, когда на болѣе низкомъ мы стоимъ твердо.

32. Пантера, какъ уже сказано въ примѣчаніи къ стиху 1, обозначаетъ въ нравственномъ смыслѣ чувственность, а въ политическомъ Флоренцію; ея пятнистость въ политическомъ смыслѣ—флорентійскія партіи Бѣлыхъ и Черныхъ, а въ нравственномъ отношеніи яркость цвѣтовъ ея шкуры обозначаетъ ту яркость жизненныхъ впечатлѣній, которою чувственность сначала порабощаетъ человѣческій духъ.

36—37. Чувственность, появляясь въ ранній періодъ нашего духовнаго восхожденія, не представляется намъ въ томъ отвратительномъ видѣ, какъ прочія страсти. Хотя она и мѣшаетъ восхожденію, но вмѣстѣ и привлекаетъ своею жизненностью и подъемомъ тѣлесныхъ силъ, что при яркомъ сіяніи истины рождаетъ надежду достигнуть болѣе высокихъ ступеней.

37. Но въ небесахъ былъ утра часъ златой,
И солнце вверхъ текло въ сопровожденьи
Тѣхъ звѣздъ, средь коихъ призвано впервой

40. Любовію Божественной въ движенье
Все льстило мнѣ, надеждою маня
Добыть Пантеры шкуру, въ то мгновенье:

43. И время года раннее и дня;
Но скоро вновь мой робкій духъ смутился
Предъ грознымъ Львомъ, настигнувшимъ меня.

46. Навстрѣчу мнѣ онъ съ ревомъ устремился
И голову поднялъ, какъ бы къ борьбѣ,
Такъ что какъ будто воздухъ вкругъ страшился.

49. Волчица съ нимъ, что въ страшной худобѣ
Алчбы полна казалась всевозможной;
Въ ней гибель многіе нашли себѣ.

39—40. Въ созвѣздіи Овна. Данте держится того вѣрованія, что міръ сотворенъ въ началѣ весны, въ періодъ весенняго равноденствія, когда солнце вступаетъ въ это созвѣздіе. *Божественная Любовь,* по мнѣнію Данта, — есть причина, *которая движетъ солнца и звѣзды* (послѣдній стихъ Рая).

41—43. Свѣжесть жизненныхъ силъ пробуждаетъ желаніе овладѣть чувственностью, побѣдивъ ее.

45. Когда страстная чувственность юности охлаждается, появляется властолюбіе (Левъ), отвращающее даже могучія натуры отъ стремленія къ единой истинѣ; это могущественнѣйшая и самая ужасная изъ страстей, въ особенности во времена политическихъ раздоровъ,—даже и въ томъ случаѣ, когда человѣкъ самъ сознаетъ, что онъ жертва этой страсти.

46—47. Два признака ярости: поднятая голова показываетъ отвагу къ нападенію, а ревъ—желаніе напасть.

48. Принимаю чтеніе temesse, а не tremesse.

49. Наконецъ является жадность (Волчица), которая, поглощая земныя блага, тѣмъ болѣе чувствуетъ голодъ, чѣмъ болѣе пожираетъ (ст. 99). Нѣтъ дурной страсти, нѣтъ порока, съ которыми бы она не была въ тѣсной связи и которыхъ бы она не привела за собой (ст. 100—101). Эта самая низкая изъ страстей, тѣмъ не менѣе самымъ неотступнымъ образомъ преслѣдуетъ человѣка въ его стремленіи къ высшимъ благамъ и отступаетъ, лишь окончательно погубивъ его (ст. 96). Вотъ почему Данте охваченъ такимъ отчаяніемъ при появленіи Волчицы. Не нужно также забывать, что Волчица означаетъ еще римскую курію со всѣми ея пороками!

52. Такъ я тоской охваченъ былъ тревожной
Отъ злобы, коей полнъ у ней былъ взглядъ,
Что думалъ я, — подняться безнадёжно!

55. Точь-въ-точь скупой, всю жизнь сбиравшій кладъ,
Когда все потерять пора настала,
Не сдержитъ слезъ, отчаяньемъ объятъ.

58. Тотъ безпокойный звѣрь мало-по-малу
Меня, идя ко мнѣ навстрѣчу, сшибъ
Въ такую глубь, гдѣ солнце умолкало.

61. И вотъ, когда я думалъ, что погибъ,
Предсталъ мнѣ Нѣкто, кто, какъ видно было,
Отъ долгаго молчанія охрипъ.

64. Узрѣвъ его въ пустынѣ той унылой, —
— „Спаси меня!“ ему я съ воплемъ рекъ, —
„Будь человѣкъ ты, или нѣтъ, — помилуй!“

67. „Не человѣкъ я, былъ я человѣкъ“,

---

60. Метафора, часто встрѣчающаяся у Данта.

62. Наконецъ является разумъ, чтобы насъ спасти отъ страстей. Но вслѣдствіе того, что онъ долго молчалъ, онъ не сразу начинаетъ возвышать голосъ и кажется сначала охрипшимъ отъ долгаго безмолвія. Въ этомъ видятъ также упрекъ Данта современникамъ въ забвеніи Виргилія, который, не будучи читаемъ и изучаемъ, какъ бы пересталъ говорить.

Почему разумъ олицетворенъ въ Виргиліи? Это объясняется частію тѣмъ представленіемъ, какое имѣли о Виргиліи средніе вѣка. Для того времени Виргилій являлся не только поэтомъ древности, а какимъ-то вѣщимъ мудрецомъ, пророкомъ и волшебникомъ, дѣлавшимъ чудеса. Основаніемъ такому представленію о Виргиліи, вѣроятно, послужила четвертая его эклога „Полліонъ“ (имѣется по-русски въ переводѣ г. Владиміра Соловьева), въ которой Виргилій говоритъ о рожденіи какого-то чудеснаго младенца, долженствующаго насадить новый золотой вѣкъ на землѣ. Въ ней видѣли предсказаніе о пришествіи Христа на землю и находили въ ней такое сходство съ нѣкоторыми мѣстами пророка Исаіи, что императоръ Константинъ Великій даже велѣлъ прочесть ее на первомъ вселенскомъ соборѣ (см. книгу Ѳ. И. Буслаева „Мои досуги“). — Кромѣ того это объясняется личнымъ глубокимъ почтеніемъ Данта къ Виргилію, которое Дантъ изливаетъ въ послѣдующихъ стихахъ 79—87.

Онъ молвилъ: „мои предки--Мантуане,
„И родъ мой изъ Ломбардіи истекъ.

70. „Sub Julio рожденъ, хоть жилъ не ранѣ
„Счастливыхъ Риму Августовыхъ лѣтъ
„Въ погибельномъ лжевѣрія обманѣ.

73. „Я былъ пѣвецъ, и мною былъ воспѣтъ
„Эней, Анхиза праведное чадо,
„Пришедшій къ намъ послѣ Троянскихъ бѣдъ.

76. „Но ты, что ты стремишься къ сѣни ада?
„Зачѣмъ бѣжищь ты горной высоты,
„Начала и источника отрады?“ —

79. — „О неужель, Виргилій, это ты?“
Воскликнулъ я, краснѣя отъ волненья:
„Потокъ, струящій рѣки красоты,

82. „Другихъ пѣвцовъ хвала и украшенье!
„О, да зачтется мнѣ передъ тобой
„Твоихъ созданій дивныхъ изученье!

85. „Мой образецъ, наставникъ, авторъ мой!
„Тебѣ я одному обязанъ славой;
„Прекрасный стиль, чѣмъ я прославленъ, твой!

68—69. Виргилій родился въ 684 году отъ основанія Рима въ мѣстечкѣ Андесъ близъ Мантуи, въ консульство Кн. Помпея и Лициніа Красса, когда Юлій Цезарь былъ еще въ Галліи. Дантъ заставляетъ его говорить, что онъ родился *Sub Julio*,—по обычаю Дантовскаго времени пересыпать рѣчь латинскими выраженіями,—лишь изъ своихъ гибеллинскихъ побужденій,--а именно, желая пріурочить рожденіе перваго поэта римской имперіи къ владычеству перваго римскаго императора, каковымъ онъ считаетъ Цезаря. Изъ этого же объясняется эпитетъ Августова вѣка „счастливый“, потому что монархистъ Данте считаетъ счастливымъ вѣкомъ періодъ Августова единодержавія въ противоположность республиканскому періоду Римской исторіи.

72. Виргилій какъ бы оправдывается въ своемъ язычествѣ.

76—78. Виргилій съ спокойствіемъ мудреца и мужа древности не можетъ понять, что заставляетъ Данта бѣжать полноты жизненныхъ радостей, которая является ему на горѣ, освѣщенной солнцемъ.

87. Данте уже и до „Божественной Комедіи“ былъ извѣстенъ въ Италіи своими сонетами и канцонами.

88. „Взгляни, мнѣ угрожаетъ звѣрь лукавый;
„Спаси меня, прославленный мудрецъ;
„Онъ кинулъ въ дрожь мнѣ жилы и суставы“.—

91. — „Инымъ путемъ“,—мнѣ отвѣчалъ Пѣвецъ,—
„Идти ты долженъ, если отъ напасти
„Спастися пожелаешь ты вконецъ.

94. „А звѣрь, чьей ты избѣгнуть хочешь пасти,
„Другихъ не терпитъ на стезѣ своей,
„Но ихъ по смерть въ своей содержитъ власти.

97. „Породы нѣтъ коварнѣе и злѣй.
„Нѣтъ сытости въ ея утробы ямѣ:
„Чѣмъ больше пищи, голодъ рѣзче въ ней.

100. „Блудотворя со многими звѣрями,
„Она сойдется съ новыми стократъ;
„Но Песъ придетъ ее низвергнуть въ срамѣ.

103. „Псу пища не земля и не булатъ,
„Но доблесть, милосердіе, судъ правый;
„Между двухъ Фельтро будетъ Песъ зачатъ.

106. „Италіи рабѣ онъ будетъ славой,

---

91. Только прохожденіемъ черезъ адъ, т.-е. сознаніемъ порочности и раскаяніемъ оказывается для Данта достижимой вершина счастія.

100. Намекъ на многочисленныя политическія связи Рима.

102. *Песъ* (veltro). Anonimo Fiorentino и Landino подъ Псомъ разумѣютъ сочетаніе планетъ, причиняющее перемѣны въ религіи и нравахъ (впослѣдствіи въ древнемъ начертаніи этого слова Ueltro видѣли анаграмму имени Lutero) Velutello утверждаетъ, что подъ именемъ Пса слѣдуетъ разумѣть Кана-Гранде Делла-Скалла, обладателя Вероны, при дворѣ котораго Данте жилъ и которому посвятилъ свой „Рай“; это въ особенности подтверждается стихомъ 105. Этотъ благородный юноша, на которомъ почивали надежды гибеллиновъ, былъ представителемъ императора въ Италіи; но умеръ, не осуществивъ этихъ надеждъ, въ 1329 году.

103. Т.-е. онъ не будетъ ослѣпленъ жадностью и жаждой завоеваній.

105. Между горою Фельтро и городомъ Фельтро, т.-е. въ Ломбардіи.

106. Идея единства всей Италіи, которой было суждено осуществиться лишь въ нашемъ столѣтіи, уже одушевляла Данте

„Въ честь коей Эвріалъ и Низъ легли,
„Турнъ и Камилла смертію кровавой.

109. „Травя Волчицу изъ одной земли
„Къ другой, онъ свергнетъ въ адъ ее, отколѣ
„Ее раздоръ и зависть извели.

112. „Теперь тебя я не покину болѣ,
„И ты въ предѣлы вѣчности за мной
„Пойдешь изъ этой горестной юдоли.

115. „Увидишь ты духовъ казнимыхъ рой,
„Увидишь древнихъ плѣнниковъ мученья,
„Что смерти въ мукахъ ждутъ вотще второй;

118. „И проходящихъ пламя очищенья
„Въ надеждѣ лучшихъ благъ увидишь тамъ;
„Увидишь Рая свѣтлыя селенья;

121. „Но не со мной пойдешь ты къ тѣмъ мѣстамъ;
„Тамъ есть душа достойная иная,
„И той душѣ тебя я передамъ.

124. „Затѣмъ, что Самодержца власть святая,
„Чей дерзостно отвергнулъ я законъ,
„Меня въ блаженномъ томъ не терпитъ краѣ.

107—108. Во время празднованія шестисотлѣтняго юбилея дня рожденія Данта городъ Флоренція поднесъ королю Виктору Эммануилу золотую шпагу съ надписью „al gran Veltro—великому Псу“, при адресѣ, въ которомъ говорилось, что король Викторъ Эммануилъ явился тѣмъ самымъ великимъ Псомъ, низвергнувшимъ Волчицу—папство, о которомъ нѣкогда пророчествовалъ Данте (Ѳ. И. Буслаевъ „Мои досуги“).

118—119. Чистилище.

122. Беатриче, которая поведетъ Данта въ Рай.

124. Въ подлинникѣ Imperadore. Данте очень горячо лелѣялъ любимую мечту среднихъ вѣковъ о священной Римской имперіи, которая бы объединила подъ своимъ скипетромъ всѣ христіанскіе народы. Поэтому императоръ является для него достойнѣйшимъ подобіемъ Божества на землѣ.

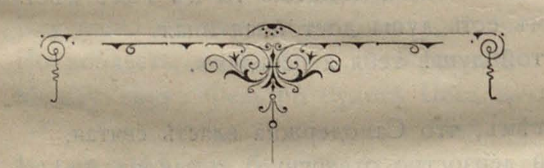
126. Божественная сладость вѣчнаго блаженства, къ которой стремится очищенный отъ страстей духъ и которую человѣкъ предчувствуетъ, вступая на путь самоисправленія, можетъ быть открыта только вѣрою. Виргилій, какъ

127. „Вселенной всей, Могучій, правитъ Онъ;
„Но тамъ Его престолъ и царство свѣта...
„Блаженъ, кто въ свѣтлый градъ Его вселенъ!...“ —

130. — „Царемъ небесъ“, —я сталъ просить Поэта, —
„Непознаннымъ тобой, тебя молю:
„Веди меня, избавь напасти этой

133. „И горшихъ бѣдъ, направь стопу мою,
„Да, муки Ада видѣвъ, невозбранно
„Къ Петровой двери свѣтлой приступлю!“ —

136. И мы пошли, спускаясь въ долъ туманный.

чуждый этой вѣрѣ, не можетъ проникнуть въ свѣтлый градъ Божій. Онъ ведетъ Данте только до тѣхъ поръ, до которыхъ можетъ довести разумъ, а далѣе—онъ передаетъ его Беатриче.

135. Неизвѣстно, о какой Петровой двери идетъ рѣчь, потому что далѣе никакой такой двери не описывается; вѣроятно, надо разумѣть входъ въ чистилище, описанное въ IX пѣсни „Чистилища“.

Пѣснь вторая.

Разсказъ Виргилія. Беатриче. Лючія.

---

1. День гаснулъ; бурый сумракъ отъ кручинъ
Къ покою звалъ земныя всѣ созданья;
И я лишь одинешенекъ—одинъ

4. Къ искусамъ и пути и состраданья
Готовился, которыхъ, не тая,
Готово обновить воспоминанье.

7. О Музы! Вышній духъ! Наставь меня;
О память! вѣрный будь изобразитель;
Пусть доблесть въ томъ проявится твоя!

10. Я началъ: „Вѣщій мой путеводитель!
„Пытай меня сперва, довольно ль силъ
„Во мнѣ—вступить въ безсмертія обитель.

13. „О Сильвія отцѣ ты говорилъ,
„Что въ область онъ безсмертія когда-то
„Въ одеждѣ тлѣнной чувственно сходилъ.

---

2. Подражаніе Виргилію Æneis II.

3. Потому что Виргилій, какъ духъ, былъ другой природы.

4. „*Искусъ состраданія*“ состоялъ въ томъ, чтобы не чувствовать состраданія къ праведно наказуемымъ Вышнимъ судомъ, потому что такое состраданіе грѣховно.

9. *Доблесть* чья-либо проявляется въ томъ, чтобы исполнять хорошо свое предназначеніе.

13. Эней, основатель Римской имперіи. Данте припоминаетъ два примѣра того, чтобы человѣкъ до смерти проникалъ въ область безсмертія: первый изъ нихъ онъ беретъ въ языческой миѳологіи, второй—въ священномъ писа-

16. „Врагъ вѣчный зла тамъ былъ ему вожатый,
„Кто онъ, каковъ онъ, прозрѣвая въ немъ,
„Какія въ немъ дѣянія зачаты.

19. „Разумный не найдетъ безумства въ томъ,
„Коль былъ онъ призванъ къ подвигу святому—
„Быть Рима и всѣхъ царствъ его отцомъ.

22. „По правдѣ жъ, цѣль тому, какъ и другому—
„Лишь мѣсто увѣнчать, на коемъ слѣдъ
„Преемниковъ Петра возникнуть дому.

25. „И этотъ путь, что былъ тобой воспѣтъ,

ніи. Какъ Эней, такъ и апостолъ Павелъ, были предназначены Провидѣніемъ къ высокимъ цѣлямъ: первый, какъ основатель Рима, а съ нимъ и „всѣхъ царствъ его", т.-е. Римской имперіи какъ въ древнемъ, такъ и въ средневѣковохристіанскомъ смыслѣ. Поэтическій пріемъ, а можетъ быть и дѣйствительное вѣрованіе Данта представляетъ миѳы классической древности не какъ голый вымыселъ, а какъ нѣчто дѣйствительно и фактически существовавшее, но лишь являвшееся язычникамъ не въ истинномъ освѣщеніи. Такъ, наприм., въ данномъ случаѣ, Дантъ представляетъ, что схожденіе Энея въ адъ дѣйствительно было допущено Богомъ для того, чтобы указать мѣсто для основанія Рима, который былъ отъ вѣка избранъ мѣстопребываніемъ папъ. Кстати упомянуть, что Дантъ, такъ часто нападающій на испорченность и порочность папъ, всегда выказываетъ великое почтеніе къ самому институту папства, какъ къ осуществленію монархическаго принципа въ церкви.

17. *Кто онъ, каковъ онъ* — схоластическіе термины quis, qualis. *Кто* — въ смыслѣ происхожденія, *каковъ*—въ смыслѣ присущей ему власти.

19—21. Эней и Павелъ посѣщали загробный міръ вслѣдствіе того, что были предназначены къ высокимъ цѣлямъ Провидѣніемъ; поэтому всякій разумный человѣкъ не найдетъ ничего безумнаго въ томъ, что они предприняли это странствіе; между тѣмъ какъ Данте, не признавая въ себѣ ни высокаго внутренняго достоинства, подобно Павлу, ни видя великой цѣли, для которой онъ могъ быть предназначенъ, какъ Эней, считаетъ съ своей стороны безумствомъ рѣшиться на это (ст. 35).

22—24. *По правдѣ-жъ цѣль тому* (т.-е. Риму) *какъ и другому* (т.-е. царствамъ Рима,—всемірной Римской имперіи языческой, и священной Римской имперіи христіанской),—скромная поправка, которую христіанскій поэтъ вноситъ въ идеи язычника Виргилія. Дантъ этимъ говоритъ Виргилію: Ты видѣлъ въ Энеѣ только основателя Рима и его имперіи; я тебѣ замѣчаю, что какъ Римъ, такъ и имперія лишь были пріурочены къ возвеличенію того мѣста, на которомъ нѣкогда будетъ долженъ возсіять престолъ намѣстниковъ Петра.

„Привелъ къ тому, что сдѣлалось предлогомъ
„Престола папъ—вѣнца его побѣдъ.

28. „Восхищенъ былъ Сосудъ, избранный Богомъ,
„Чтобъ твердость дать ученiю тому,
„Въ которомъ мать къ спасенью всѣмъ дорогамъ.

31. „Но я, зачѣмъ я это предприму?
„Ни Павлу я не равенъ, ни Энею;
„Ни самъ собой, ни къ внѣшнему чему

34. „Достойнымъ я почесть себя не смѣю,
„Страшась себя безумцемъ показать;
„Но ты мудрецъ и видишь все яснѣе“.

37. И будто тотъ, кто станетъ измѣнять
Предъ новой мыслью замыселъ желанный
До тѣхъ поръ, что бросаетъ все опять, —

40. На темномъ склонѣ такъ мѣнялъ я планы,
Стирая первый замыселъ другимъ
И бросивъ все, желаемое рьяно.

43. — „Какъ мнѣ понятно по словамъ твоимъ“,
На это духъ отвѣтилъ веледушный,—
„Ты трусостью постыдной одержимъ.

46. „А человѣкъ, ея рѣчамъ послушный,
„Теряетъ цѣль достойную изъ глазъ,
„Какъ тѣнью звѣрь испуганный бездушной.

49. „Но пусть твой страхъ прогонитъ мой разсказъ,
„Зачѣмъ я здѣсь и съ коего мгновенья
„Тебя мнѣ жалко стало въ первый разъ.

---

26. Т.-е. къ основанiю Рима.

28. „Вѣмъ человѣка о Христѣ, иже до третiяго небесе восхищенъ бысть въ рай и слыша неизреченны глаголы, ихже не лѣть языкома человѣческима глаголати“.

40. *На темномъ склонѣ* горы, съ которой они спускались; *темный*, потому что *день гаснулъ* (ст. 1).

44. Въ противоположность малодушiю Данта.

52. „Витая межъ духовъ на подозрѣньи,
„Я призванъ былъ столь дивною женой,
„Что я ея возжаждалъ повелѣнья.

55. „Прекрасный взоръ ея горѣлъ звѣздой,
„И нѣжный голосъ, съ ангельскими сходный,
„Чуть слышимый, звучалъ ко мнѣ мольбой:

58. — „О, Мантуи питомецъ благородный,
„Чьей славы откликъ будетъ жить въ вѣкахъ,
„Пока движенье будетъ міру сродно!

61. „Блуждаетъ на пустынныхъ берегахъ
„Другъ, милый мнѣ, но не судьбинѣ грозной;
„Назадъ его вернуться манитъ страхъ...

64. „Мнѣ страшно, что погибъ онъ, что я поздно
„Съ протянутой спасенія рукой
„Спѣшу, призывъ его услыша слёзный.

67. „Иди къ нему; твоихъ рѣчей красой
„И всѣмъ, что для него необходимѣй,
„Спаси его, меня же успокой.

70. „Тебя пославшей Беатриче имя;
„Меня оттоль, куда стремлюсь опять,
„Любовь свела велѣньями святыми;

---

52. Въ Лимбѣ, преддверіи ада, описанномъ въ 4-й пѣсни.

53. Данте вкладываемымъ въ уста Виргилія разсказомъ объясняетъ первоначальную цѣль всего своего произведенія: прославленіе Беатриче, какъ его спасительницы отъ погибели въ темномъ лѣсѣ. Иносказаніе этого разсказа приблизительно сводится къ слѣдующему: послѣ смерти Беатриче Дантъ бросился въ потокъ чувственныхъ наслажденій, откуда его спасло воспоминаніе о его первой идеальной любви. Беатриче посылаетъ изъ прежней привязанности Виргилія къ заблудшему Данту; смыслъ этого тотъ, что разумъ, какъ предвѣстникъ благодати и первый наставникъ въ исканіи Бога, прежде всего наставляетъ насъ въ нашемъ стремленіи къ высшимъ цѣлямъ.

70. Беатриче Портинари изъ Флоренціи, первая и идеальная любовь Данта, которую Данте всего два раза видѣлъ и съ которой ни разу не говорилъ, но культъ которой хранилъ всю жизнь, посвятивъ ея прославленію свое безсмертное произведеніе. Она была годомъ моложе Данта, вышла за-

73. „Коль мнѣ придется Господу предстать,
„Воздамъ тебѣ предъ Нимъ хвалою че́стной“.—
Она умолкла; сталъ я отвѣчать:

76. —„О дѣва добродѣтели небесной!
„Ты насъ одна возводишь къ вышинѣ
Тѣхъ сферъ, гдѣ кругъ, намъ сродный,—самый тѣсный.

79. „Твои велѣнья такъ по сердцу мнѣ,
„Что медленъ я, сверши я ихъ въ минуту!
„Не нужно больше словъ, я твой вполнѣ.

82. „Но молви мнѣ причину, почему ты
„Съ обширныхъ сферъ, куда спѣшишь опять,
„Безъ страха снизошла къ сей глуби лютой?“—

85. —„Коль такъ глубоко хочешь ты узнать“,—
Она въ отвѣтъ:—„тебѣ скажу я ясно,
„Зачѣмъ сюда не страшно мнѣ вступать.

88. „Лишь то одно намъ кажется опасно,
„Что для другихъ доставить можетъ вредъ;
„Все прочее насъ устрашить не властно.

мужъ за кавалера Симоне-де-Барди и умерла въ 1290 году, на 25 году жизни. Въ поэмѣ она является олицетвореніемъ богословія и божественнаго вдохновенія.

77—78. Дантовская система міра помѣщаетъ землю въ центрѣ вселенной, всѣ же остальныя планеты движутся вокругъ земли; ближайшая изъ нихъ луна, поэтому сфера луны есть наименьшая и тѣснѣйшая изъ всѣхъ небесныхъ сферъ. Какъ выше сказано, луна есть символъ земного разума и *кругъ намъ сродный*, кругъ земного разума, олицетвореніемъ котораго служитъ Виргилій, есть кругъ (или сфера) луны. Между тѣмъ Беатриче, какъ олицетвореніе богословія и божественнаго вдохновенія, способна возвысить духъ человѣка превыше всѣхъ небесныхъ сферъ, изъ которыхъ кругъ луны, сродный земному разуму,—„*самый тѣсный*“.

84. Адъ, по Данту, помѣщается въ глубинѣ подъ землею, такимъ образомъ, въ центрѣ вселенной.

85—93. Любовь сама, внутреннимъ своимъ чувствомъ, а не какимъ-нибудь внѣшнимъ опредѣленіемъ, узнаетъ предѣлы своего дѣйствія. Поэтому она, въ добровольномъ усердіи повинуясь повелѣніямъ высшей власти, звучащимъ въ сердцѣ, готова снизойти даже въ бездны ада.

91. „Недостижима я для вашихъ бѣдъ,
„И ваше пламя отъ меня далеко,
„А потому опасности мнѣ нѣтъ.

94. „Есть въ небѣ Дѣва Свѣтлая, чье око
„Узрѣло скорбь, куда тебя я шлю,
„И приговоръ разрушило жестокой.

97. „Она-то обратила рѣчь свою
„Къ Лючіи такъ: Нуждается твой вѣрный
„Въ тебѣ; его тебѣ я отдаю.—

100. „Лючія же, насилья врагъ усердный,
„Гдѣ я съ Рахилью древнею была,
„Туда пришла съ мольбою милосердной:

103. —„О Беатриче, Господа хвала!
„Тому ль ты не спѣшишь на помощь вскорѣ,
„Кого сама изъ черни извлекла?

94—117. Отвѣтъ Беатриче на вопросъ Виргилія, что понудило ее сойти съ небесъ въ глубину ада для спасенія Данта,—опять дѣлаетъ этого послѣдняго типомъ спасаемаго Вышнимъ Промысломъ человѣка вообще. „Свѣтлая Дѣва въ небѣ“, Марія, вѣчная любовь Божія,—есть первая причина человѣческаго спасенія и ниспосланія заблудшему вышней благодати; но доставленіе ему благодати остроумно распредѣлено между двумя личностями. Лючія, (lux—свѣтъ) мученица католической церкви, призываемая тѣми, кто боленъ зрѣніемъ, есть первая носительница небеснаго свѣта ослѣпленному заблужденіемъ Данту; это любовь прощающая. Беатриче—дѣятельная благодатная сила въ собственномъ смыслѣ и высшее богопознаніе. Лючія вновь появляется въ 9-й пѣсни Чистилища. Отъ нея Беатриче принимаетъ Данта, чтобы руководить имъ до самаго лицезрѣнія Божества.

101. Рахиль—олицетвореніе жизни созерцательной, въ противоположность сестрѣ своей Ліи,—олицетворенію жизни дѣятельной. Беатриче, какъ олицетвореніе богословія, родственна созерцательности, и въ раю занимаетъ близкое ей мѣсто.

105. Вѣроятно, намекъ на событіе, о которомъ Данте разсказываетъ въ „Новой жизни“. Когда Данте во второй разъ въ жизни, уже будучи юношею, встрѣтилъ Беатриче на гуляньѣ (въ первый разъ онъ видѣлъ ее девятилѣтнимъ мальчикомъ), то онъ, пораженный ею, убѣжалъ изъ гулявшей толпы. Этому маленькому событію онъ даетъ, какъ это онъ дѣлаетъ часто, глубокое внутреннее толкованіе,—что Беатриче вообще извлекла его изъ толпы, возвысивши его надъ общимъ уровнемъ.

106. „Иль ты его не слышишь слезъ и горя?
„Не видишь смерть, съ которой бьется онъ
„У той рѣки, чей валъ страшнѣе моря?

109. „Опасности страшась или прельщенъ
„Добычей, такъ земли не мчится житель,
„Какъ я изъ тѣхъ сіяющихъ сторонъ

112. „Помчалась въ эту темную обитель,
„Чтобъ ввѣриться красѣ твоихъ рѣчей,—
„Въ нихъ честь тебѣ и тѣмъ, чей ты учитель!—

115. „И обративъ ко мнѣ въ мольбѣ своей
„Отъ слезъ свои сверкающіе взоры,
„Подвигнула меня идти быстрѣй.

118. „Послушный ей, къ тебѣ пришелъ я скоро
„И вотъ тебя отъ пасти звѣря спасъ,
„Что заградилъ твой краткій путь на гору.

121. „Что жъ ты? Зачѣмъ, зачѣмъ ты еще разъ
„Сомнѣній власти поддался презрѣнныхъ
„И трусости? Зачѣмъ твой духъ угасъ?

124. „Съ тобою щитъ трехъ женъ благословенныхъ,
„При вышнемъ ихъ предстательство дворѣ
„И столькихъ благъ надежда вождѣленныхъ!“—

127. И какъ цвѣты, что въ холодѣ и мглѣ
Поникли стебелькомъ окостенѣлымъ,
Предъ солнцемъ станутъ прямо на стеблѣ,—

130. Со мной, съ моимъ рѣшеньемъ оробѣлымъ
То жъ сталося, и вотъ, позывъ къ борьбѣ
Почуявши, вскричалъ я съ духомъ смѣлымъ:

133. —„Какъ та добра, что въ горестной судьбѣ

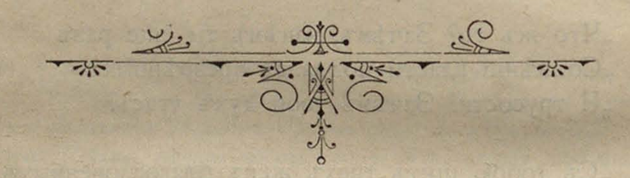
108. Рѣка жизни, треволненія которой страшнѣе бурь океана.

„Мнѣ помощь шлетъ! Какъ ты добръ, внявшій слову
„Той истины, что ввѣрена тебѣ!

136. „Ты сердце мнѣ къ ея направилъ зову
„И рѣчью столько влилъ отваги въ грудь,
„Что къ жаждѣ прежней я вернулся снова.

139. „Веди жъ меня! Одна въ насъ воля будь!
„Ты—мой оплотъ, мой вождь, моя держава“!
Такъ я сказалъ, и двинулся онъ въ путь,

142. И я за нимъ—въ дремучую дубраву.

Пѣснь третья.

Входъ въ адъ. Лимбъ. Бездѣятельные. Целестинъ V. Харонъ.

---

1. „Здѣсь чрезъ меня въ обитель скорби входъ;
„Здѣсь чрезъ меня путь къ области грѣховной;
„Здѣсь чрезъ меня казнится падшій родъ.

4. „Мой зодчій призванъ правдой безусловной;
„Я созданъ Мощью Первою, Святой
„Премудростью, Любовію Верховной.

7. „Возникъ я прежде твари всей земной;
„Что было ранѣй,—все, какъ я, безлѣтно...
„Покинь надежду всякъ входящій мной“!—

10. Такъ надписи узоры темноцвѣтной
Прочтя надъ мрачнымъ входомъ въ вышинѣ,—
— „Вождь! Что за смыслъ“, я молвилъ, „непривѣтный“!

13. Какъ опытный, сказалъ на то онъ мнѣ:
„Здѣсь всякая пугливость неумѣстна;
„Здѣсь пусть умретъ твой всякій страхъ вполнѣ.

16. „Ужъ то тебѣ изъ словъ моихъ извѣстно,
„Что мы идемъ въ мученія мѣста
„Утратившихъ даръ разума небесный“.

1—9. Всемірно извѣстная надпись надъ вратами ада. Смыслъ ея — вѣчность адскихъ мукъ есть актъ справедливости тріединаго Бога (Первая Мощь подразумѣваетъ Бога Отца, Премудрость—Сына, а Верховная Любовь — Святого Духа).

19. И за руку онъ взялъ меня тогда
Мой духъ его улыбкой ободрился,
И въ тайныя вступили мы врата.

22. Тамъ, въ воздухѣ беззвѣздномъ, разносился
И плачъ, и крикъ, и стонъ нестройный мукъ;
И слыша то, слезами я облился.

25. Смѣсь языковъ, нарѣчій разныхъ звукъ,
Проклятья гнѣва, стонъ тоски глубокой,
И вопль угрозы, и ломанье рукъ,—

28. Весь этотъ гулъ, слетаясь издалека,
Кружился, какъ кружится въ вихрѣ прахъ,
И несся вѣчно въ темнотѣ безъ срока.

31. Съ повязкою незнанья на очахъ,
Спросилъ я: „Вождь! Чье вижу я страданье?
„Кого такъ побораетъ казни страхъ?“

34. И онъ отвѣтилъ: „Это—наказанье
„Для жалкихъ душъ тѣхъ, въ чьей слѣпой судьбѣ
„Нѣтъ мѣста ни хваламъ, ни порицанью.

---

21. Поэты вступаютъ въ преддверіе ада. Адъ Данте представляетъ въ видѣ воронки съ постепенно суживающимися кругами; верхніе круги шире, но съ меньшими муками. То преддверіе, куда поэты вошли, есть огромная пещера съ радіусомъ, равнымъ земному.

31. Принимаю чтеніе d'error la testa cinta, а не d'orror.

34. Дантъ представляетъ души въ видѣ тѣней, призрачнаго подобія тѣла; такая тѣнь слѣдуетъ за всѣми движеніями души и выражаетъ каждое ощущеніе соотвѣтствующимъ движеніемъ. Такимъ образомъ въ тѣлесныхъ мукахъ Дантовскихъ тѣней мы должны видѣть ихъ душевныя мученія; а въ будущемъ мы прослѣдимъ, какъ эти мученія соотвѣтствуютъ тѣмъ порокамъ и преступленіямъ, которыя ими наказываются. Такъ наприм., теперь души людей ничтожныхъ и бездѣятельныхъ, которые не сдѣлали въ жизни ни добра ни зла, не заслужили ни похвалъ ни порицанія, вмѣстѣ съ ангелами, не приставшими ни къ Богу ни къ сатанѣ, но оставшимися нейтральными, наказываются тѣмъ презрѣніемъ, съ которымъ къ нимъ относятся равно и небо и адъ. Здѣсь въ Дантѣ сказался человѣкъ партіи, гражданинъ города, полнаго политическихъ смутъ! Изгнанные съ неба, они не приняты и адомъ, потому что даже отверженные находятъ, что имъ нѣтъ чести быть съ ними вмѣстѣ (ст. 40—42). Ихъ состояніе между небомъ и адомъ отвѣтствуетъ ихъ жизни.

37. „И ангелы въ ихъ смѣшаны толпѣ,
„Что не хотѣли вѣрны сохраниться,
„Ни быть съ врагомъ, но сами по себѣ.

40. „Ихъ небо гонитъ, чтобъ не оскверниться,
„Ни адъ не принялъ, такъ какъ для враговъ
„Нѣтъ тоже чести съ ними съединиться“.—

43. Я молвилъ: „Вождь! Чѣмъ жребій ихъ суровъ,
„Что такъ они отъ тяжкой стонутъ боли?“—
Онъ отвѣчалъ: „Скажу, не тратя словъ.

46. „На смерть у нихъ уже надеждъ нѣтъ болѣ,
„И въ нынѣшнемъ ихъ сумрачномъ пути
„Любая кажется завидной доля;

49. „И памяти имъ въ мірѣ не найти,
„Ни каръ, ни оправданья недостойнымъ!
„Но мимо ихъ! взгляни и проходи!“—

52. И видѣлъ я предъ сонмомъ ихъ нестройнымъ
Стягъ, что вертѣлся такъ впередъ и взадъ,
Что не умѣлъ, казалось, быть спокойнымъ.

55. За нимъ бѣжалъ духовъ безбрежный рядъ.
Глядя на нихъ, я, право, былъ въ сомнѣньи,
Что столькихъ смерть могла низвергнуть въ адъ.

58. И кой-кого узналъ я въ томъ смятеньи;

Безъ отдыха и остановки бѣгутъ они за своимъ стягомъ, который по каждому движенію вѣтра поворачивается то въ ту, то въ другую сторону (ст. 52—55). Мелкія страсти мучатъ ихъ тѣмъ неменѣе своими уколами, какъ рой насѣкомыхъ, а самая ихъ кровь, пролить которую они такъ боялись въ жизни, служитъ теперь только пищей червямъ (ст. 67—69).

58—60. Данте хотя и узнаетъ кой-кого въ этой толпѣ, но изъ презрѣнія нехочетъ ихъ назвать и упоминаетъ только объ одномъ комъ-то, кто совершилъ изъ робости великое отреченье. Это, вѣроятно, папа Целестинъ V, отрекшійся отъ папскаго сана въ пользу Бонифація VIII, котораго Данте ненавидѣлъ. Такое отреченіе, какъ актъ трусости, Данте считаетъ подлежащимъ наказанію, какъ подлежитъ наказанію зарываніе своего таланта въ землю.

И между прочихъ робкій духъ былъ тамъ,
Великое свершившій отреченье.

61. И понялъ я, и убѣдился самъ,
Что это — полкъ презрѣнныхъ, силѣ вражьей
Противныхъ такъ же, какъ и небесамъ.

64. Ихъ, жалкихъ, никогда не жившихъ даже,
Нагихъ терзалъ докучный рой мокрицъ
И оводовъ и мухъ, какихъ нѣтъ гаже;

67. И кровь текла съ ихъ изможденныхъ лицъ
И, смѣшиваясь съ горькими слезами,
На снѣдь червямъ лилась къ ногамъ ихъ ницъ.

70. Приблизясь къ берегамъ, куда толпами
Несмѣтными отвсюду шелъ народъ,
Къ вождю я обратился со словами:

73. — „Учитель! Молвь, какой ихъ грѣхъ влечетъ
„И что ихъ принуждаетъ такъ стремиться
„Въ мерцаньи хрипломъ къ брегу мутныхъ водъ?

76. Но онъ въ отвѣтъ: „Тебѣ все объяснится,
„Какъ только къ тѣмъ мѣстамъ мы подойдемъ,
„Гдѣ по пустынѣ Ахеронъ слезится“.—

79. И опустилъ глаза я со стыдомъ
И, покраснѣвъ за скорость, терпѣливо
Я ждалъ, пока на берегъ мы придемъ.

---

73. Данте спрашиваетъ: какой грѣхъ влечетъ въ адъ новую толпу, которую онъ видитъ и которая не принадлежитъ къ числу недѣятельныхъ? Его вопросъ Виргилій оставляетъ безъ отвѣта, потому что это грѣшники всякаго рода и еще потому, что это сейчасъ объяснится само собою. Съ великой художественностью поэтъ даетъ понять это изъ того, что происходитъ. Стыдъ Данта за поспѣшный вопросъ и вообще все дальнѣйшее его нѣжно и глубоко почтительное отношеніе къ Виргилію часто придаетъ драматическую прелесть этому ни къ какому роду не относящемуся, но всѣ роды въ себѣ заключающему произведенію.

82. И вотъ въ челнѣ по во́лнамъ торопливо
Старикъ съ сѣди́ной древней несся къ намъ,
Крича: „О горе вамъ, родъ нечестивый!

85. „Лица небесъ не видѣть больше вамъ!
„Навѣки васъ за этою рѣкою
„На мракъ и зной и холодъ я отдамъ!

88. „Но ты покинь, о существо живое,
„Для мертвыхъ лишь приличныя мѣста!“—
Когда жъ остался я, недвижно стоя,

91. — „Не тѣмъ путемъ, не черезъ тѣ врата,
„Не къ этой“,—молвилъ,—„горестной юдоли
„Тебя перенесетъ ладья не та!“—

94. — „Харонъ, уймись; такъ тамъ хотятъ, гдѣ воля
„Есть ужъ возможность; такъ оставь же насъ“,—
Вождь молвилъ,—„и не спрашивай насъ болѣ“.—

97. Отъ этого запрета улеглась
Багровая трясина щекъ косматыхъ;
Лишь рдѣли огневые круги глазъ.

100. А изможденный, голый рой проклятый
Весь поблѣднѣлъ и скрежетомъ зубовъ
Отвѣтилъ на призывы супостата;

---

93. Данте не легкая тѣнь, какъ другіе, и слишкомъ бы обременилъ собою ладью, перевозящую мертвыхъ черезъ Ахеронъ.

94. Относительно миѳологическихъ лицъ, которыхъ Данте вводитъ въ поэмѣ, нужно замѣтить, что они имъ понимаются не только какъ поэтическія картины и техническія украшенія, не только какъ аллегорическіе символы, но какъ настоящіе демоны. Средніе вѣка смотрѣли на миѳологію не какъ на игру фантазіи, а какъ на искаженное изображеніе дѣйствительной истины.

95. Подобно Харону, Виргилій также укрощаетъ Миноса, Цербера, Минотавра и другихъ демоновъ, встрѣчающихся ему въ пути, что придаетъ ему тотъ характеръ заклинателя и чародѣя, какой ему приписывался въ средніе вѣка.

98. Прекрасная картина движенія щекъ беззубаго старика въ pendant къ обстановкѣ дѣйствія.

103. И полились потоки хульныхъ словъ
И небесамъ и родшимъ и отчизнѣ,
На часъ рожденья и на отчій кровъ;

106. И съ плачемъ всѣ тѣснились на крутизнѣ
Тѣхъ береговъ, на коихъ кара злымъ,
Господень страхъ не сохранявшимъ въ жизни;

109. И бѣсъ Харонъ со взоромъ огневымъ
Ихъ побуждалъ сигналомъ торопиться,
А промедлявшихъ билъ весломъ своимъ.

112. Какъ темной осенью дрожа валится
Листъ за листомъ съ древесныхъ гордыхъ главъ,
Покуда вѣтка вся не обнажится,—

115. Адама сѣмя злобное стремглавъ
Бросалось другъ за другомъ по сигналу,
Какъ кречетъ на сокольничій рукавъ.

118. И бурая волна ладью ихъ мчала;
А между тѣмъ на этой сторонѣ
Толпа опять Харона ожидала.

121. — „Мой сынъ", сказалъ Учитель добрый мнѣ:
„Кто умираетъ въ ярости небесной,
„Всѣ будутъ въ этой мрачной глубинѣ.

124. „Ихъ быстротѣ ль дивишься неумѣстной?
„Ихъ гонитъ справедливость; въ жажду знать
„Возросъ въ нихъ страхъ предъ карою безвѣстной.

---

125. Совѣсть сама гонитъ грѣшниковъ къ наказанію, котораго тѣмъ не менѣе грѣшникъ очень боится. Но самый страхъ наказанія обращается въ желаніе поскорѣе узнать, въ чемъ оно будетъ состоять.

136. Буря и блескъ огня—предвѣстники ада; передъ ними Данте лишается чувствъ. Переходъ въ царство мертвыхъ такимъ образомъ не описанъ и остается облеченнымъ тайной. Данте переправляется черезъ Ахеронъ въ такомъ же мистическомъ снѣ, въ какомъ онъ вступаетъ въ лѣсъ. Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь Данте падаетъ „какъ во снѣ", т. е. лицомъ впередъ, а въ V пѣсни, послѣ разсказа Франчески-ди-Римини, онъ падаетъ, „какъ падаетъ трупъ", т.-е. навзничь.

127. „Путь этотъ злымъ лишь суждено свершать;
„Коль гнѣвался Харонъ, тебя встрѣчая, —
„То почему, тебѣ легко понять“.

130. Тутъ мрачный долъ отъ краю и до краю
Потрясся такъ, что потъ мое чело
Кропитъ, едва о томъ я вспоминаю.

133. Навстрѣчу намъ дыханье бури шло;
Въ долинѣ слезъ блеснулъ огонь багряный;
Тогда на сердце горе мнѣ легло,

136. И какъ во снѣ упалъ я бездыханный.

Пѣснь четвертая.

1-е отдѣленіе ада: 1-й кругъ: некрещеные, праотцы, поэты, герои и философы древности.

1. Съ моихъ очей слѣды дремоты сонной,
Загрохотавъ, согналъ внезапный громъ,
И я вскочилъ, какъ силой пробужденный;

4. И очи отдохнувшія кругомъ,
Вскочивъ, съ просонья я водилъ прилежно,
Чтобы узнать, гдѣ я, въ краю какомъ.

7. Я находился на тропѣ прибрежной,
Надъ бездной горя, гдѣ въ одинъ раскатъ
Слетались звуки скорби безнадежной.

---

2. Этотъ громъ, какъ объясняется въ ст. 8, происходитъ оттого, что здѣсь на краю кратера сливаются въ громовые раскаты вздохи 1-го круга (въ которомъ еще жалобъ нѣтъ) и стоны всѣхъ прочихъ круговъ.

7. Для удобства чтенія разскажемъ читателю устройство Дантова ада, которое постепенно выясняется изъ отдѣльныхъ мѣстъ и словъ поэмы. По представленію поэта внутри земного шара находится воронкообразная пещера, которая своимъ остріемъ доходитъ до центра земли: она идетъ уступами, какъ амфитеатръ, постепенно суживаясь. Каждый изъ такихъ уступовъ или отдѣленій ада, обходя бездну кругомъ, составляетъ кругъ, въ которомъ наказывается тотъ или другой родъ грѣховъ. Нижніе круги дѣлятся еще кромѣ того на отдѣленія второго порядка или рвы, посредствомъ обрамляющихъ ихъ кольцами скалъ, чрезъ которыя путникамъ приходится перебираться. Также внизъ сверху ведетъ тропинка отъ круга къ кругу; но чтобы сойти изъ круга въ кругъ Данту съ Виргиліемъ приходится пройти $^1/_2$ или $^3/_4$ террассы и такимъ образомъ видѣть тамъ казнящихся. Направленіе ихъ пути таково, что они имѣютъ справа стѣну скалъ, а слѣва пропасть. (XIV, 124—129). Низшій пунктъ ада, вершина воронки, приходится какъ разъ подъ Іерусалимомъ. Время отъ времени путникамъ встрѣчаются ниспадающія изъ одного круга въ другой адскія рѣки. Такое внѣшнее устройство ада соотвѣт-

10. Но край тотъ былъ глубокой тьмой объятъ
И, уступая сумраку густому,
Тамъ ничего не различилъ мой взглядъ.

13. —„Теперь мы къ міру спустимся слѣпому“,—
Весь поблѣднѣвъ, промолвилъ мнѣ Поэтъ,—
„Я былъ здѣсь первый; быть тебѣ второму!“

16. Въ его лицѣ увидѣвъ страха цвѣтъ,
„Ты“, я воскликнулъ,—„щитъ мой благодатный,
„Страшишься самъ; такъ мнѣ-ль рѣшаться слѣдъ?“—

19. —„Или тебѣ“,—онъ молвилъ, „непонятна
„Скорбь за собратьевъ? На лицѣ моемъ
„Не страхъ кладетъ, а состраданье пятна.

22. „Но долгій путь насъ ждетъ еще,—идемъ!“—
И въ первый кругъ меня повелъ онъ далѣ,
Который бездну обогнулъ кругомъ.

25. Но звуковъ слезъ и жалобы вначалѣ
Не могъ я различить; тамъ былъ не стонъ;
Лишь вздохи воздухъ вѣчный колебали.

ствуетъ его *нравственному раздѣленію*. Чѣмъ болѣе тяжки грѣхи, тѣмъ болѣе глубокіе круги имъ предназначены. Въ общемъ различаются три рода грѣховъ, сообразно которымъ и адъ дѣлится на три отдѣленія:

I) Безсознательные грѣшники.

1-й кругъ, не принадлежащій собственно къ аду. Добродѣтельные язычники и мужи древности.

II. Грѣхи невоздержанія.

Круги 2—6. Сладострастные, чревоугодники, гнѣвные, скупые, грѣшники разума, т. е. отрицатели Бога и эпикурейцы.

III. Грѣхи злой воли. Они подробнѣе разсматриваются въ 11-й пѣсни Ада. При этомъ всемъ читатель никогда не долженъ упускать изъ виду, что тѣлесныя страданія тѣней обозначаютъ соотвѣтствующія имъ душевныя муки.

25. Въ первомъ кругѣ нѣтъ еще стоновъ, такъ какъ наказаніе безсознательнымъ грѣшникамъ состоитъ лишь въ лишеніи надежды, а не въ какой либо мукѣ (ст. 42). Стоны начинаются лишь со второго круга. Преддверіе ада или Лимбъ, куда поэты вступаютъ, есть то мѣсто, та „новая земля“, о которой говорится во 2-мъ посланіи Петра, III, 13, которое, по ученію католической церкви, предназначено для дѣтей, умершихъ до крещенія. Данте расширилъ назначеніе Лимба, помѣстивъ туда добродѣтельныхъ язычниковъ

28. Тоски былъ полонъ, но не боли онъ;
И женщины и дѣти и мужчины
Стояли тамъ толпой со всѣхъ сторонъ.

31. И Вождь ко мнѣ: „Ты не спросилъ причины
„Мученья тѣхъ, которыхъ видишь вкругъ.
„Хочу, чтобъ зналъ ты, чѣмъ они повинны.

34. „Не грѣшники они; но ихъ заслугъ
„Предъ небомъ недовольно было все же;
„Крещеньемъ не былъ просвѣщенъ ихъ духъ.

37. „Живя до христіанства, промыслъ Божій
„Они не чтили такъ, какъ чтить должно;
„И между нихъ единый самъ я тоже.

40. „Не за вину, за это лишь одно
„Погибли мы; и намъ въ одной печали
„Томиться безъ надежды суждено“.—

43. Его слова тоской меня терзали,
Такъ какъ людей достойныхъ видѣлъ я,
Что тамъ на подозрѣніи витали.

и мужей древности. Любопытна та черта въ Дантѣ, которая рѣзко отдѣляетъ его отъ среднихъ вѣковъ и дѣлаетъ его первымъ вѣстникомъ наступающей эпохи возрожденія; это великое почтеніе къ земной славѣ и къ безсмертію имени. Заставляя Беатриче обѣщать Виргилію упомянуть предъ Господомъ о заслугахъ его, а также изведя Катона изъ Лимба и поставивъ его у входа въ Чистилище, Данте какъ будто даже смягчаетъ и то единственное наказаніе, которое онъ оставилъ добродѣтельнымъ язычникамъ — лишеніе надежды.

40. Тѣмъ, которые хотя и достигли полноты человѣческаго достоинства, но жили внѣ вѣры, закрыты предвкушеніе и надежда высшаго свѣта. А такъ какъ все то, что можетъ дать земля, не можетъ насытить духъ, то ихъ жизнь протекаетъ въ постояномъ, никогда не утихающемъ, неясномъ стремленіи къ неизвѣстной цѣли. Таковыми являются намъ души тѣхъ, которые находятся въ этомъ кругѣ. Имъ доступны наслажденія красотой земли, зеленаго луга, прекраснаго потока; имъ доступны наслажденія искусствами, украшающими жизнь; и свѣтъ у нихъ есть,—хотя и не небесный, и все таки они, даже и среди всего этого, даже и въ сознаніи достойно прожитой жизни, — осужденные, по крайней мѣрѣ, какъ бы находящіеся „на подозрѣніи“ (ст. 45).

46. —„Скажи, мой вождь, скажи, глава моя",—
Такъ началъ я, избавиться душою
Отъ смутъ сомнѣнья замыселъ тая,—

49. „Цѣной своей заслуги иль чужою
„Могъ ли достичь кто-либо райскихъ благъ?"—
Онъ понялъ все, что скрыто было мною,

52. Отвѣтивъ: „Я былъ вновѣ въ сихъ мѣстахъ,
„Когда нисшелъ Вѣнчанный Побѣдитель,
„Неся одержанной побѣды стягъ;

55. „И взятъ былъ имъ отсюда Прародитель,
„Съ нимъ Авель, Ной и давшій намъ законъ
„Пророкъ,—закона онъ же исполнитель;

58. „Былъ Авраамъ, былъ царь Давидъ спасенъ,
„Израиль, и отецъ его, и дѣти;
„Рахиль, для коей столько сдѣлалъ онъ,

61. „И много прочихъ,—и вселилъ ихъ въ свѣтѣ.
„Но знай, что ни единый изъ людей
„Избавленъ не былъ ранѣе, чѣмъ эти".—

64. Такъ говоря, мы шли тропой своей,
И лѣсомъ намъ дорога пролегала,
Иль чащею тѣснившихся тѣней.

67. Отъ входа мы пройти успѣли мало,
Какъ скоро лучъ огня блеснулъ намъ тутъ,
Надъ коимъ полукругомъ тьма лежала;

---

49. Данте темнымъ оборотомъ рѣчи хочетъ спросить о сошествіи Христа во адъ.

52. *Вновѣ*. Виргилій умеръ за 52 г. до смерти Христа.

53. *Нѣкто Мощный*. Имя Христа не разу не упоминается въ „Адѣ".

61. Ветхозавѣтные праведники были спасены вѣрою въ будущаго Спасителя (Рай, XXXII).

65—66. Добродѣтельные, но неизвѣстные язычники представляются Данту подобными лѣсу; намекъ на то, что непросвѣтленная свыше человѣческая жизнь имѣетъ лишь растительное значеніе.

69. Если свѣтъ свѣтитъ среди тьмы, то окружающая его тьма всегда обрамляетъ его полукругомъ сверху. Иносказательно это имѣетъ тотъ смыслъ,

70. И хоть еще мнѣ видѣть было въ трудъ,
Въ подробностяхъ я различилъ однако,
Что тамъ почтенныхъ былъ мужей пріютъ.

73. —„Ты, честь искусства и науки всякой!
„Кто эти, чьи почтенныя дѣла
„Спасли ихъ отъ мученій и отъ мрака?“—

76. А Вождь мнѣ: „Благородная хвала,
„Вознесшая ихъ имя въ мірѣ свѣта,
„Такую милость неба имъ дала“.—

79. —„Воздайте честь великому поэту!
„Идетъ его отъ насъ ушедшій духъ!“
Услышалъ я межъ тѣмъ слова привѣта.

82. И лишь едва замолкнулъ словъ тѣхъ звукъ,
Я четырехъ мужей идущихъ встрѣтилъ,
Безъ радости на лицахъ и безъ мукъ.

что свѣтъ, озаряющій обитель мужей древности, не есть божественный свѣтъ, „котораго тьма не объяла“, но свѣтъ, побѣждаемый тьмою.

79. Слова, написанныя на могилѣ Данта. Ими прочіе великіе поэты привѣтствуютъ приходящаго Виргилія.

84. Души, встрѣчающіяся въ этомъ кругѣ Данту, трехъ родовъ: это или провозвѣстники идеи мірового единодержавія (поэты), или послужившіе образованію этой идеи разумомъ (философы и люди науки) и руками. Первые изъ нихъ поэты, которые насадили среди людей гражданственность и расположили ихъ къ общественной жизни. Ихъ Данте встрѣчаетъ первыхъ, и они вводятъ его черезъ семь вратъ въ освѣщенное пространство. Здѣсь является Гомеръ, какъ пѣвецъ браней, держащій мечъ и какъ глава идущій впереди, —является потому, что паденіе Трои было причиною основанія Рима; Горацій, современникъ и свидѣтель всемірнаго римскаго самодержавія, Овидій, почитаемый особенно въ средніе вѣка какъ поэтъ міротворенія и четырехъ возрастовъ міра, Луканъ, авторъ „Фарсалиды“, поэмы, воспѣвающей побѣду Цезаря надъ Помпеемъ. Къ этому сонму присоединяется Виргилій, понявшій выше и лучше достоинство императорскаго сана, а также пророческимъ провидѣніемъ предсказавшій воплощеніе Христа. Далѣе поэты видятъ тѣхъ, кто содѣйствовали возникновенію Римской имперіи: Электру, дочь Атланта, супругу Аталанта и мать Дардана, основателя Трои, — города, объ отношеніи котораго къ Риму только что сказано; Гектора, защитника Трои, и Энея, основателя Рима; Цезаря, основателя имперіи; Камиллу, сражавшуюся за Лаціумъ, и Пентезилею, сражавшуюся за Трою; царя Латина съ дочерью Лавиніей, третьей супругой Энея; Брута, освободившаго Римъ отъ тиранновъ; благо-

85. И тихо мнѣ Учитель мой замѣтилъ:
—„Смотри, вотъ тотъ, съ мечомъ, кто ближе всѣхъ,
„Какъ нѣкій вождь, идетъ, могучъ и свѣтелъ;

88. „Гомеръ передъ тобой; межъ прочихъ трехъ
„Вонъ тотъ Луканъ, Овидій тамъ направо,
„Горацій, чей такъ славенъ въ мірѣ смѣхъ.

91. „Достоинъ каждый изъ ихъ всѣхъ по праву
„Названья, по которому пришелъ
„Воздать съ другими должную мнѣ славу".—

94. Такъ видѣлъ я главу высокихъ школъ
Поэзіи возвышеннаго строя,
Парившаго межъ братьевъ, какъ орелъ.

97. И подошли, обмолвясь межъ собою,

родныхъ римлянокъ, служившихъ возвеличенію славы Рима. Отдѣльно отъ нихъ султанъ Саладинъ, доблести и великодушію котораго Данте хотѣлъ отдать справедливость. Потомъ Данте видитъ философовъ, собранныхъ вокругъ Аристотеля, котораго онъ считаетъ учителемъ непогрѣшимымъ и недостижимымъ. А такъ какъ философія распадается, по Данту, на науку о природѣ и мораль съ метафизикой, то передъ нами двѣ серіи философовъ; къ первой принадлежатъ метафизики и моралисты въ общемъ смыслѣ и тѣ натуралисты, которые разсматривали міръ въ цѣломъ; эта серія помѣщена ближе къ Аристотелю; здѣсь мы видимъ моралистовъ Сократа и Платона и натуралистовъ Демокрита и Анаксагора, Діогена Аполлоніанскаго (по другимъ Діогена Циника), Ѳалеса, Эмпедокла, Зенона элейскаго и Діоскорида. Вторую серію образуютъ спеціалисты по отдѣльнымъ отраслямъ знаній, а именно моралисты Орфей, Линъ, Цицеронъ и Сенека и натуралисты: математикъ Эвклидъ, астрономъ Птоломей и медики Галіенъ и Аверрой. Обѣ эти серіи составляютъ кругъ, „философскую семью", которой душа и глава Аристотель, соединяющій въ себѣ оба эти направленія, подобно тому, какъ Виргилій сливаетъ въ себѣ различные виды поэзіи, родственные поэтамъ, его сопровождающимъ.

88. Данте зналъ Гомера только по наслышкѣ; первый списокъ „Иліады" былъ присланъ изъ Византіи Петраркѣ Николаемъ Сигеросомъ, преторомъ Романьи, который ѣздилъ въ Византію въ 1353 г. и котораго Петрарка, ревностный собиратель произведеній древности, просилъ поискать въ византійскихъ монастыряхъ, не сохранилось ли въ нихъ чего-либо изъ античныхъ авторовъ, неизвѣстнаго на Западѣ.

91—93. Названія великаго поэта. Великіе люди воздаютъ честь другъ другу, а ничтожные другъ другу завидуютъ.

Они ко мнѣ, и Вождь мой отвѣчалъ
Улыбкой на привѣтствіе такое;

100. И больше честь мнѣ сонмъ ихъ оказалъ,
Такъ какъ шестымъ сопутникомъ пріемнымъ
Меня въ свою бесѣду онъ призвалъ.

103. Мы къ свѣту шли путемъ лѣсистымъ, темнымъ,
Но что мы говорили той порой,
Я умолчу, боясь быть нескромнымъ.

106. И къ зáмку мы приблизились, стѣной
Семь разъ вокругъ обвитому высокой
И свѣтлой окруженному рѣкой.

109. Какъ по суху, прошли мы по потоку;
И въ семь воротъ за ними я проникъ,
Гдѣ свѣжій лугъ раскинулся широко.

112. Тамъ видѣлъ я мужей, чей строгій ликъ
И медленность бесѣды осторожной
Великую являли важность въ нихъ.

115. Мы къ сторонѣ шли противоположной,
Гдѣ на холмѣ открыто и свѣтло,
И видѣть все собранье было можно.

118. Эмали вешней яркое чело
Явило намъ весь этотъ сонмъ высокій,
Что въ восхищенье духъ мой привело.

---

105. Хвалили Данта.

106. Подъ семью стѣнами, которыми окруженъ зáмокъ, можно разумѣть или семь добродѣтелей, доступыхъ язычникамъ, или семь свободныхъ искусствъ: граматику, реторику, діалектику, ариѳметику, музыку, геометрію и астрономію.

109. Почему поэты проходятъ по потоку, какъ по суху? Вѣроятно, для того, чтобы показать, что этотъ потокъ не дѣйствительно освѣжающій и живящій источникъ, а призраченъ, какъ все, что не имѣетъ связи съ цѣлымъ и вѣчнымъ посредствомъ вѣры.

118. Свѣжій лугъ, покрывающій скалы „желѣзнаго цвѣта“ (пѣснь XVIII, 2) является какъ бы эмалью на металлѣ.

121. Электру видѣлъ я, неподалеку
От спутниковъ; и Гекторъ, и Эней,
И Цезарь съ ними былъ кречетоокій.

124. Напротивъ нихъ Пентезилея, съ ней
Камилла тоже, дѣва славы бранной;
Латинскій царь съ Лавиніей своей,

127. И Брутъ, Тарквинія убійца рьяный,
И жены римской доблестной земли;
Тѣнь Саладина вдалекѣ султана.

130. Вверху жъ, какъ поднялъ я глаза свои,
Тамъ мнѣ учитель мудрыхъ всѣхъ явился,
Сидя межъ ученической семьи;

133. Всякъ чтилъ его и всякъ ему дивился;
Сократъ еще былъ съ ними, и Платонъ
Къ нему всѣхъ прочихъ ближе находился.

136. Тамъ былъ Өалесъ, Анаксагоръ и онъ,—
Случайности игрой истолкователь
Міротворенья—Демокритъ, Зенонъ,

139. А также мудрый качествъ собиратель
Діоскоридъ, и Туллій, и Орфей,
Линъ и Сенека съ нимъ нравописатель;

142. И геометръ Эвклидъ, и Птоломей,
И Галліенъ, и тотъ, чей разумъ смѣлый
Истолковалъ намъ мудрыхъ смыслъ рѣчей.

---

130. Данте не называетъ Аристотеля по имени, предполагая это совершенно излишнимъ, такъ какъ того почтенія, которое ему здѣсь воздается, никто другой въ мірѣ не заслуживаетъ. Чтобы взглянуть на него, Данте долженъ поднять глаза: какъ высоко онъ поставленъ надъ всѣми.

137—138. Демокритъ полагалъ, что міръ возникъ изъ случайнаго сочетанія атомовъ.

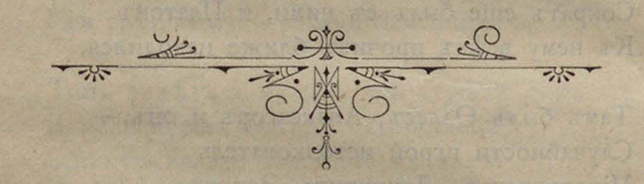
139. Діоскоридъ, греческій врачъ, писалъ о качествахъ травъ и камней, о ядахъ и противоядіяхъ.

143—144. Аверрой, арабскій комментаторъ Аристотеля.

145. Но перечислить порознь рядъ ихъ цѣлый
Препятствовало бъ мнѣ обилье темъ;
И такъ мои слова все сзади дѣла.

148. Изъ шестерыхъ отстало два межъ тѣмъ:
То мы пошли, покинувъ край отрадный,
Гдѣ такъ свѣтло, гдѣ воздухъ тихъ и нѣмъ,—

151. Въ мятежъ и шумъ и сумракъ непроглядный

Пѣснь пятая.

II-е отдѣленіе ада: 2-й кругъ. Плотскіе грѣшники. Миносъ, Семирамида, Парисъ, Франческа ди-Римини.

---

1. Мы въ кругъ второй вошли; не столь велико
Пространство имъ, сколь первымъ, облеглось,
Но больше каръ, мучительныхъ до крика.

4. Тамъ скрежеща ужасный ждетъ Миносъ,
Вины входящихъ въ скорбную обитель
Глядитъ и, вьясь хвостомъ, ведетъ допросъ.

7. Когда земной на зло рожденный житель
Признáется во всемъ его суду,
То онъ, знатокъ пороковъ и цѣнитель,

10. Увидитъ, гдѣ имъ кара есть въ аду,
И столько разъ хвостомъ спѣшитъ обвиться,
Въ который кругъ внизъ шлетъ онъ душу ту.

13. И много передъ нимъ всегда толпится,
И судьбище ведется чередой;
Всякъ признáется, слышитъ и вали́тся.

---

1. По устройству Ада, объясненному въ примѣчаніи къ IV, 7.

3. См. примѣчаніе къ IV, 25.

4. Миносъ, миѳологическій судья мертвыхъ, обращенъ Дантомъ въ демона; онъ олицетворяетъ совѣсть.

6. Прекрасное олицетвореніе гнѣва: разсерженный преступникомъ демонъ обвиваетъ себя хвостомъ, какъ разъяренный левъ, и чѣмъ больше гнѣвъ его, тѣмъ больше круговъ хвостъ его обовьетъ вокругъ тѣла.

16. „—О ты, входящій въ край скорбей живой!“—
Вскричалъ Миносъ, забывъ свой долгъ великій,
Когда меня увидѣлъ предъ собой:

19. „Куда идешь, какъ ввѣришься, взгляни-ка!
„Себя широкимъ входомъ не прельсти!“—
Но Вождь ему: „Здѣсь нѣтъ причинъ для крика,

22. „И роковому не мѣшай пути.
„Такъ тамъ хотятъ, гдѣ будетъ все возможно
„Угодное; вопросы прекрати“.—

25. И здѣсь ужъ началъ скорби шумъ тревожный
Мнѣ слышаться; надъ областію той
Носился стонъ печали безнадёжной.

28. Тамъ свѣтъ молчитъ; тамъ тьма подъемлетъ вой,
Подобный вою яростнаго моря,
Когда надъ нимъ два вѣтра вступятъ въ бой;

31. Тамъ адскій вихрь въ погибельномъ просторѣ
Крутя духовъ казнимыхъ увлекалъ,
Жестокими толчками пляскѣ вторя.

34. По близости жъ къ мѣстамъ, гдѣ былъ обвалъ,
Удвоивался крикъ и стонъ ужасный
И благодать небесъ страшнѣе клялъ.

---

20. Потому что „широкъ путь, ведущій въ погибель“. Матѳ. 6.

21. См. примѣчаніе III, 94.

31. Въ этомъ кругѣ наказываются *плотскіе грѣшники*. Какъ въ жизни необузданная страсть увлекала ихъ и отнимала у нихъ всякій покой, такъ ихъ и здѣсь увлекаетъ адскій вихрь. Какъ голосъ страсти толкалъ ихъ помимо ихъ воли въ пропасти и на камни претк новенія, гдѣ погибала ихъ духовная, а можетъ быть и тѣлесная жизнь, то же и здѣсь, въ мѣстѣ вѣчнаго мученія. И при приближеніи опасности, они не обвиняютъ самихъ себя, покорившихъ дикой страсти свой разумъ и волю, а безумно клянутъ благодать небесъ. Можетъ быть еще эти проклятія при приближеніи къ скаламъ и обваламъ горъ поэтъ вложилъ въ уста грѣшниковъ потому, что эти обвалы, какъ мы узнаемъ послѣ, произошли при сошествіи Христа въ адъ и напоминаютъ теперь грѣшнымъ о спасеніи, въ которомъ они лишены участія.

37. И тутъ я понялъ, и мнѣ стало ясно,
Что здѣсь возмездье вышняго суда
За всякій грѣхъ плотской и сладострастный.

40. Какъ воробьевъ продрогшія стада
Вкругъ мечутся въ холодную погоду,
Такъ здѣсь то внизъ, то вверхъ, туда, сюда

43. Несутся духи; жалкому ихъ роду
Нигдѣ надежда не сулитъ вдали
Ни прекратить ни уменьшить невзгоду.

46. Какъ съ заунывной пѣсней журавли
По воздуху летятъ чертой узорной,
Такъ ихъ, влачащихъ жалобы свои,

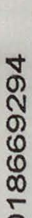
49. Кружитъ и носитъ ураганъ упорный...
И я спросилъ: „Учитель, кто они,
„Которыхъ такъ терзаетъ вихорь черный?"

52. — „Ближайшая изъ всѣхъ отъ насъ,—взгляни,
„Коль хочешь ты о нихъ имѣть извѣстья,—
„Монархиней была въ старинны дни

55. „И упивалась пышностью и лестью;
„И былъ законъ развратный ею данъ
„Народу, чтобы скрыть свое безчестье;

58. „Семирамида то, царица странъ,
„Доставшихся въ наслѣдство ей отъ Нина,
„Средь коихъ нынѣ царствуетъ султанъ.

61. „Съ ней та, кто, истомленная кручиной,
„Себя сожгла, Сихею не вѣрна;
„Елена съ нею, ставшая причиной,

---

58. Семирамида, питая незаконную склонность къ своему сыну, дозволила въ своемъ государствѣ браки между сыномъ и матерью.

61. Дидона.

64. „Что долгая произошла война;
„Тамъ видишь ты Ахилла полубога,
„Чья мощь одной любовью сражена;

67. „А тамъ Парисъ, Тристанъ...“ и много-много
Тѣней Учитель тамъ мнѣ указалъ,
Кого любовь той низвела дорогой;

70. И вотъ, пока онъ мнѣ перечислялъ
Рядъ витязей и древнихъ женъ несчётный, —
Тоской объятъ, я какъ въ безчувствье впалъ.

73. — „Поэтъ!“ я началъ, — „какъ бы я охотно
„Поговорилъ съ двумя, что искони
„По вѣтру такъ несутся быстролётно“.

75. — „Коль такъ, чуть будутъ ближе къ намъ они,
„То подлетѣть“, — мнѣ былъ отвѣтъ Поэта, —
„Любовью, ихъ ведущей, закляни!“ —

79. И лишь чета летѣла мимо эта, —
— „Страдальцы!“ я вскричалъ издалекà, —
„Приблизьтесь къ намъ, когда вамъ нѣтъ запрета“. —

82. Какъ на призывъ любви два голубка
Летятъ въ гнѣздо, пріютъ ихъ страсти милой,
И имъ дорога жаждою легка, —

85. Они, Дидоны кинувъ рой унылый,
Примчались къ звуку зова моего:
Такъ власть любви ихъ сердце покорила!

88. — „Любовное, святое существо,

---

67. *Парисъ*, вѣроятно, не сынъ Пріама, а герой средневѣковаго романа того же имени. *Тристанъ* — герой перваго цикла сказаній о королѣ Артурѣ.

85. Какъ виновные въ грѣхѣ того же рода, какъ и Дидона, они летаютъ вмѣстѣ съ ней.

88. Говорящая тѣнь есть Франческа ди Римини, дочь Гвидо да Полента, друга и покровителя Данта, властителя Равенны и Червіи, который, прими-

„Увидѣвшее въananmракѣ непроглядномъ
„Насъ, кровью осквернившихъ естество!

91. „Не будь столь Царь вселенной безпощаднымъ,
„Могли бъ тебѣ молитвой мы воздать
„За скорбь о нашемъ жребьи безотрадномъ.

94. „Что скажешь намъ? О насъ что хочешь знать?
„Пока замолкла буря, мы готовы
„Все выслушать, про все тебѣ сказать.

97. „Родилась я близъ берега морского,
„Куда спускаясь, къ морю держитъ путь
„По съ братьями для мира вѣкового.

100. „Любовь внѣдрилась въ доблестную грудь,
„Плѣнивъ его моей красой, отнятой
„Такъ страшно, что мнѣ больно вспомянуть.

103. „Любовь, любимыхъ не щадя отплатой,
„Меня его желаньемъ такъ зажгла,
„Что ей и здѣсь, какъ видишь, нѣтъ утраты;

рившись послѣ долгой вражды съ фамиліей Малатеста ди Римини, принудилъ обманомъ свою дочь выйти замужъ за Джанчіотто Малатеста, хромого и свирѣпаго урода; а чтобы Франческа не воспротивилась этому браку, то представителемъ Джанчіотто при вѣнчаніи былъ прекрасный и молодой братъ его Паоло. Между Паоло и Франческой возгорѣлась любовь. Джанчіотто, заставъ ихъ однажды вдвоемъ, убилъ ихъ обоихъ. Такъ какъ, по ученію церкви, всякій умирающій въ грѣхѣ безъ покаянія осужденъ, то Данте и Франческу, которую онъ зналъ и ласкалъ еще дитятей, помѣстилъ въ адъ; но строгій духъ поэта все-таки чувствуетъ участіе къ дочери своего друга, которое тѣмъ трогательнѣе, что оно очень рѣдко появляется у него, по крайней мѣрѣ, въ первой части поэмы. Обращаемъ вниманіе читателя на поэтическую красоту этого эпизода, считающагося перломъ всей поэмы. Характерно для нравовъ времени и личности самого поэта, что онъ не задумывается говорить и обнародовать свою встрѣчу съ Франческою въ аду даже при жизни своего благодѣтеля.

90. Грѣхомъ кровосмѣшенія.

95. Пока разсказываетъ Франческа, даже адская буря замолкаетъ.

97. Въ Равеннѣ.

100—108. Мужчину привлекаетъ красота женщины, а женщину—желаніе мужчины.

106. „Любовь къ одной насъ смерти привела,
„И ждутъ убійцу нашего въ Каи́нѣ...“
Такой отвѣтъ мнѣ эта тѣнь дала.

109. Обиженную слушая въ кручинѣ,
Задумался я, скрывъ лицо въ рукахъ,
Такъ что спросилъ Учитель о причинѣ.

112. И я въ отвѣтъ ему воскликнулъ: „Ахъ!
„Вѣдь не мечты ль, не сладкія ль томленья
„Подвигли ихъ на тотъ печальный шагъ?“—

115. И къ тѣни обратясь: „Твои мученья,
„Франческа, изъ моихъ влекутъ очей
„Слезу печали и благоговѣнья.

118. „Но молви мнѣ: въ завѣтный мигъ страстей
„Въ какомъ намекѣ чуткою душою
„Вы поняли языкъ неясный сей?“—

121. Она жъ въ отвѣтъ: „Нѣтъ муки, равной съ тою,
„Какъ въ горести о счастьѣ вспоминать;
„Учитель твой согласенъ въ томъ со мною.

124. „Но если ты упорно хочешь знать
„Любви несчастной нашей зарожденье,—
„И говорить я буду, и рыдать.

127. „Читали мы въ завѣтное мгновенье
„О страсти Ланчелотовой разсказъ;
„Не знали насъ вражда и подозрѣнье.

---

107. Каина—отдѣленіе послѣдняго круга ада, названное по имени Каина, гдѣ будетъ помѣщенъ Джанчіотто Малатеста,—во время дѣйствія еще живой,—за убійство брата.

123. Не Виргилій, а вѣроятно Боэцій, который въ своей книгѣ „De Consolatione“ говоритъ: In omni adversitate fortunae infelicissimum genus infortunii est, fuisse felicam.

124. Подражаніе Энеидѣ II пѣсни: Sed sitantus amor casus cognoscere nostros.

128. Ланчелотъ, герой знаменитаго средневѣковаго романа о Кругломъ Столѣ и любовникъ королевы Джинервы.

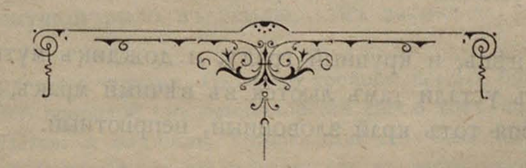
130. „Смущенные, блѣднѣли мы не разъ;
„Не разъ румянцемъ снова мы пылали;
„Но мигъ одинъ вдохнулъ рѣшимость въ насъ.

133. „Чуть мы о поцѣлуѣ прочитали,
„Улыбкой страстной призванномъ впервой,—
„Уста у насъ лобзаньемъ задрожали,

136. „Ко мнѣ на грудь палъ спутникъ вѣчный мой...
„Какъ Галеотъ, насъ книга погубила!
„Забыли мы читать съ минуты той...“

139. Такъ тѣнь одна печально говорила,
Ея сопутникъ, вторя ей, рыдалъ...
Мой замеръ духъ, мнѣ измѣнили силы,—

142. И будто трупъ на землю я упалъ.

---

137. Галеотто — посредникъ между Ланчелотомъ и Джинервой въ томъ же романѣ; имя Галеотто стало нарицательнымъ въ Дантовское время.

142. См. примѣчаніе III къ послѣднему стиху.

Пѣснь шестая.

3-й кругъ. Чревоугодники. Церберъ. Чьякко.

---

1. Какъ память вновь открыла мнѣ врата,
Которыя предъ горестнымъ разсказомъ
Замкнула состраданья тягота,—

4. Тьмы новыхъ мукъ, казнимыхъ новыхъ разомъ
Вокругъ вездѣ и всюду видѣлъ я,
Куда бъ ни шелъ, гдѣ бъ ни глядѣлъ я глазомъ.

7. Мы въ третій кругъ вступили, въ кругъ дождя.
Проклятый, ледяной, ежеминутный,
Не уменьшаясь и не проходя, —

10. И снѣгъ, и крупный градъ, и дождикъ мутный
Безъ устали тамъ льются въ вѣчный мракъ,
Кропя тотъ край зловонный, непріютный.

1—3. Данте не описываетъ, какъ онъ перешелъ изъ второго круга въ третій, вѣроятно, для того, чтобы показать, что онъ, очнувшись отъ обморока, былъ такъ глубоко потрясенъ, что не обращалъ ни на что вниманія по дорогѣ. Лишь новыя муки привлекаютъ его наблюдательность.

7. Здѣсь въ третьемъ кругѣ наказываются чревоугодники подъ вѣчнымъ дождемъ, благодатнымъ даромъ неба на землѣ, который однако здѣсь ничего не производитъ, кромѣ отвратительной грязи; въ ней и плаваютъ тѣ, которые въ жизни погружались въ грязь. Если когда они и очнутся на минуту, то тотчасъ падаютъ опять, впередъ головою, вмѣстилищемъ духовныхъ силъ, которая у нихъ настолько отягчена празднымъ чревоугодіемъ, что сама собою клонится внизъ. Такова неприглядная обстановка для внѣшнихъ чувствъ тѣхъ, которые всю жизнь заботились лишь объ услажденіи этихъ чувствъ.

13. Съ тремя пастями, будто у собакъ
Ждетъ Церберъ тѣхъ, кто у него во власти
Пріемлетъ казнь въ грязнѣйшей изъ клоакъ.

16. Шерсть сальная, кровь и въ глазахъ и въ пасти,
На лапахъ когти и животъ большой,—
Хватая грѣшныхъ, рветъ онъ всѣхъ на части

19. И раздаются будто псовый вой,
Страдальцевъ, вѣчно борющихся, крики,
Однимъ бокòмъ спасающихъ другой.

22. Предъ нами Церберъ, этотъ гадъ великій,
Оскалилъ пасть, метнулся къ намъ впередъ
И каждымъ членомъ радъ былъ въ дрожи дикой.

25. Но руки тутъ простеръ мой Вождь и вотъ,
Съ земли поднявши пыли полной дланью,
Онъ гадинѣ той жадной бросилъ въ ротъ.

28. Какъ песъ, который лаетъ въ ожиданьи,
Кормленья, чуть получитъ кормъ, въ тотъ мигъ
Лишь на него направитъ всѣ старанья,—

31. Уткнувши рыло въ землю, такъ затихъ

---

13. Церберъ также демонъ. Съ своею тройною пастью, большимъ животомъ и собачьей природой онъ олицетворяетъ собою тотъ порокъ, который здѣсь наказывается, и жадность, которая сама себя наказываетъ въ жизни. Прахъ, который Виргилій (ст. 25) бросаетъ ему въ пасть, указываетъ на ничтожество того, чѣмъ удовлетворяются чревоугодники въ жизни.

22. *Этотъ гадъ великій* (il gran vermo—собственно червь, пресмыкающееся). Такимъ образомъ Церберъ наполовину песъ, наполовину пресмыкающееся. Съ древнѣйшихъ временъ люди питаютъ мистическій ужасъ къ змѣямъ и всякому ихъ подобію, воображая демоновъ и злыхъ духовъ не иначе какъ или въ формѣ змѣй или драконовъ или по крайней мѣрѣ съ змѣиными атрибутами. А такъ какъ въ средніе вѣка было распространено вѣрованіе, что язычники подъ именемъ своихъ боговъ чтили дьяволовъ, то и Данте, превративъ Цербера въ демона, представляетъ его не въ той формѣ, въ какой Церберъ является у Виргилія—только трехглавымъ псомъ; иначе бы названіе червя,—vermo,—было къ нему неприложимо. Кстати замѣтить, что червю уподобляется и Люциферъ въ XXXIV, 108 „Ада“.

31. Контрастъ Церберу, низкому псу, составляетъ благородный Песъ первой пѣсни, которому „пища не земля и не булатъ“.

Бѣсъ Церберъ, столь гремящій то и дѣло,
Что здѣсь вольготнѣй было бъ для глухихъ.

34. Мы шли по тѣмъ, на коихъ тяготѣло
Проклятіе дождя; мы шли, при чемъ
На призраки ступали, какъ на тѣло.

37. Они жъ лежали въ смѣси той ничкомъ.
Одинъ лишь поднялся, насъ окликая
И сѣвши въ жижѣ пополамъ съ грѣхомъ.

40. — „Ты, проходящій въ этомъ горькомъ краѣ!
„Я не былъ мертвъ, когда рожденъ ты въ свѣтъ;
„Признай меня“, — сказалъ онъ, — „умоляю!“

43. — „Твои страданья“, — молвилъ я въ отвѣтъ, —
„Изъ памяти твой обликъ извлекли мнѣ;
„Тебя узнать возможности мнѣ нѣтъ.

46. „Но молви самъ, кто ты, дрожащій въ ливнѣ?
„Коль твоего въ аду есть горше рокъ,
„То не найдется, вѣрно, ужъ противнѣй!“ —

49. А онъ ко мнѣ: „Твой милый городокъ,
„Чьимъ урожденцемъ тоже я считаюсь,
„Полнъ зависти, какъ черезъ край мѣшокъ.

---

36. Поэты идутъ по осужденнымъ, не отличая ихъ отъ грязи, въ которую они погружены. *На призраки ступали, какъ на тѣло.* Выше въ прим. III, 34 мы говорили, какъ Данте представляетъ тѣни умершихъ. Этому представленію соотвѣтствуетъ и приводимый стихъ. Хотя въ Аду мы часто встрѣчаемся со многимъ, что противорѣчитъ такому объясненію и, повидимому, указываетъ на матеріальность тѣней. Такъ, Виргилій беретъ Данта на руки, закрываетъ ему глаза; Данте вырываетъ у грѣшника волосы. Это объясняется тѣмъ, что въ Аду духи не окончательно освободились отъ своей матеріальной оболочки и связаны грубостью своихъ формъ. Въ Чистилищѣ тѣни уже гораздо безплотнѣе. Данте, пытаясь обнять Казеллу, только три раза прижимаетъ руки къ груди. (Чист. II, 80). Въ Раю уже едва возможно говорить о какомъ-нибудь образѣ, до того души проникнуты свѣтомъ блаженства. Хотя поэтъ не всегда остается вѣренъ самъ себѣ, и мы въ будущемъ укажемъ нѣкоторыя противорѣчія.

41. Tu fosti primo ch'io disfatto, fatto — непереводимая игра словъ.

52. „Я межъ сограждань Чьякко прозываюсь
„И за обжорства гибельный недугъ,
„Какъ видишь, здѣсь я подъ дождемъ валяюсь.

55. „И не одинъ я тутъ, печальный духъ.
„Всѣ, кто здѣсь есть, въ краю дождя и мрака
„За ту жъ вину...“ и замолчалъ онъ вдругъ.

58. И я въ отвѣтъ: „Твои страданья, Чьякко,
„Слезой печали мой туманятъ взоръ.
„Но буде знаешь, молви мнѣ однако,

61. „Сограждань нашихъ кончится ль раздоръ?
„Кто сердцемъ чистъ межъ нихъ и гдѣ причины,
„Что такъ вражда ихъ мучитъ до сихъ поръ?“

64. Онъ мнѣ отвѣтилъ: „За борьбою длинной
„Польется кровь и торжество возьметъ
„Лѣсная надъ противной половина.

---

52. Чьякко, по однимъ, богатый флорентинецъ, любившій пожить, о которомъ упоминаетъ Бокачіо въ восьмой новеллѣ. По другимъ Ciacco—значитъ просто свинья; обычное въ то время прозвище людей этого рода.

61. Данте въ своей поэмѣ то и дѣло обращается къ политическимъ дѣламъ своего отечества, въ особенности Флоренціи, съ жалобами, угрозами или пророчествами.

64. Присущая тѣнямъ способность видѣть будущее, объясняется въ пѣсни X, 100. Событія, о которыхъ пророчествуетъ Чьякко, слѣдующія: въ 1300 году, къ которому Данте относитъ свое странствіе, Гибеллины были изгнаны изъ Флоренціи, но и среди Гвельфовъ имѣлись двѣ партіи Черныхъ и Бѣлыхъ, изъ которыхъ послѣдняя была наиболѣе гвельфскою. Главою Бѣлыхъ былъ Вьери-де-Черки, человѣкъ очень богатый, но не изъ стараго дворянства и малодушный по характеру. Его семейство незадолго передъ тѣмъ переселилось изъ города Val di Sieve, почему поэтъ и даетъ его партіи названіе *Лѣсныхъ*. Главою Черныхъ былъ Корсо Донати, человѣкъ съ небольшимъ состояніемъ, но стариннаго рода. Вражда этихъ двухъ семей раздѣлила весь городъ на двѣ половины. *За борьбою длинной* послѣдовало наконецъ кровопролитіе, и пріоры города,—въ числѣ нихъ и Данте,—рѣшили для безопасности изгнать вожаковъ обѣихъ партій, Корсо Донати и Гвидо Кавальканти, друга Данте. Кардиналъ Акваспарта былъ посланъ папою въ качествѣ безпристрастнаго миротворца, но онъ не могъ сладить съ Бѣлыми, и Черные подверглись изгнанію. Между тѣмъ изгнанный Корсо Донати уговорилъ папу Бонифація VIII, лавировавшаго между двумя партіями, направить во Флоренцію Карла Валуа, брата французскаго короля Филиппа Красиваго. Карлъ,

67. „Потомъ и ей упасть придетъ чередъ,
„Иная сила чрезъ три солнца встанетъ
„Могуществомъ того, кто нынѣ ждетъ;

70. „И краткій, хоть прекрасный блескъ ихъ грянетъ
„Тяжелой тучей всякимъ ихъ врагамъ, —
„Вотъ чѣмъ стыжусь я, вотъ чѣмъ духъ мой вянетъ.

73. „Два чистыхъ есть межъ нихъ, но ихъ словамъ
„Никто не хочетъ внять; царятъ всецѣло
„Три слова—зависть, гордость, скупость,—тамъ.

76. И снова тѣнь, казалось, онѣмѣла
Но я сказалъ: „Еще мнѣ объясни,
„И даръ еще немногихъ словъ мнѣ сдѣлай.

79. „Арриго, Рустикуччи, гдѣ они?
„Гдѣ Фарината, Моска, гдѣ Тегьяйо
„Къ добру свой разумъ ведшій искони?

82. „Гдѣ ихъ найду и доля ихъ какая?
„Я жажду знать, что стало жребьемъ ихъ —
„Геенны смрадъ иль благовонье рая?“

85. Онъ мнѣ: „Они—межъ самыхъ проклятыхъ;
„Въ кругахъ еще темнѣйшихъ и унылыхъ
„Ихъ ты увидишь въ странствіяхъ твоихъ.

вступивъ во Флоренцію какъ бы для водворенія мира, ввелъ туда войско; въ этотъ моментъ Черные ворвались въ городъ и свирѣпствовали, опустошая его, пять дней, при чемъ Карлъ находился въ совершенномъ бездѣйствіи. Бѣлые должны были теперь въ свою очередь отправиться въ изгнаніе и въ числѣ нихъ самъ Данте.

68. *Черезъ три солнца,* т.-е. чрезъ три года. Окончательное изгнаніе Бѣлыхъ относится въ 1302 году.

73. Неизвѣстно, кто эти двое; вѣроятно самъ Данте и Гвидо Кавальканти, котораго Бенвенуто да Имола называетъ alter oculus Florentiae tempore Dantis.

85. Доблестные граждане Флоренціи, къ которымъ Данте относился съ такимъ уваженіемъ, оказываются всѣ въ аду: Фарината среди эресіарховъ (X пѣснь), Тегьяйо и Рустикуччи среди содомитовъ (XIV пѣснь), а Моска между сѣятелей раздора (XXVII пѣснь).

88. „Еще прошу, въ воспоминаньи милыхъ
„Меня возставь въ краю прекрасномъ дня.
„Но я молчу, я говорить не въ силахъ!..“

91. Недвижный взоръ, уставясь на меня,
Померкъ спустя мгновеніе, и словно
Другіе, онъ ослѣпъ, главу склоня.

94. И Вождь сказалъ: „Онъ будетъ спать безмолвно
„До тѣхъ поръ, какъ архангела труба
„Ихъ власти всѣхъ вполнѣ отдастъ грѣховной.

97. „Войдя въ свои печальныя гроба,
„Всякъ приметъ видъ плотской, ему присущій,
„И грянетъ имъ ихъ вѣчная судьба“.

100. Пока мы проходили грязной гущей
Изъ ливня и духовъ, нашъ разговоръ
Межъ прочимъ и о жизни шелъ грядущей.

103. „Когда великій грянетъ приговоръ“,
Вождя спросилъ я: „будутъ муки менѣй,
„Или еще усилятся съ тѣхъ поръ?“ —

---

88. Поэтъ заставляетъ почти всѣхъ грѣшниковъ, съ которыми говоритъ, жаждать извѣстности въ земномъ мірѣ; аллегорически это обозначаетъ то, что и на землѣ эти грѣшники, чѣмъ порочнѣе и гаже они были, тѣмъ болѣе жаждали земной славы.

91. Данте ни слова не говоритъ объ интеллектуальномъ состояніи грѣшниковъ этого круга, но легко понять, что они въ этомъ отношеніи принижены почти до скотства, почти лишены сознанія, и только Чьякко, увидя живого, принужденъ къ нѣсколько бо́льшей дѣятельности ума; но и это пробужденіе скоро кончается, его глаза дѣлаются неподвижными и тускнѣютъ, какъ у эпилептика, и въ такомъ состояніи, по словамъ Виргилія, онъ будетъ находиться до страшнаго суда. Хотя Данте зналъ Гомера только по наслышкѣ, но все таки любопытно сравнить Чьякко съ XI пѣснью Одиссеи, гдѣ тѣни сначала являются также безжизненными и безсознательными и начинаютъ говорить, лишь вкусивъ мертвенной крови. Присутствіе Данта на Чьякко дѣйствуетъ какъ мертвенная кровь на тѣней Гомера.

98. Послѣ страшнаго суда мученіямъ ада будутъ подвергнуты не только души, но и тѣла грѣшниковъ.

102. Данте глубокомысленно заводитъ разговоръ о будущей жизни послѣ разговора съ грѣшникомъ, который заботился лишь о настоящей.

106. —„Ищи въ своей наукѣ разрѣшеній“,—
Онъ мнѣ: „къ добру и злу не чутче ль тотъ
„Кто тѣломъ иль душою совершеннѣй?

109. „И хоть навѣки проклятъ этотъ родъ,
„И совершенство имъ недостижимо,—
„Но все жъ къ нему онъ ближе подойдетъ“.

112. Мы шли, толкуя, вдоль обрыва мимо,
Но умолчу о прочихъ я рѣчахъ;
И въ разговорахъ къ склону подошли мы,

115. И тамъ ждалъ Плутусъ насъ, великій врагъ.

---

106. Въ Этикѣ Аристотеля.

108. Душа, соединенная съ тѣломъ, несомнѣнно совершеннѣе одной души безъ тѣла, а поэтому чувствительнѣе къ радостямъ и мукамъ; значитъ тогда муки увеличатся.

115. Плутусъ—миѳологическій богъ богатства.

Пѣснь седьмая.

4-й кругъ. Плутусъ. Скупые и расточители. Фортуна. 5-й кругъ. Стиксъ.

---

1. „Papè Satan aleppe!“ увидавши
Приходъ нашъ, хрипло Плутусъ закричалъ:
„Papè Satan!“—Но мой все понимавшій

4. Мудрецъ, меня покоя, мнѣ сказалъ:
— „Смири свой страхъ! Вредить намъ демонъ лютый
„Не можетъ, какъ бы онъ не бушевалъ“.

---

1. *Pape Satan, pape Satan aleppe!* Дантъ и Виргилій вступаютъ въ четвертый кругъ и, какъ Харонъ, Миносъ и Церберъ въ предыдущихъ кругахъ встрѣчали входящаго Данта предостереженіями и угрозами, такъ же, вѣроятно, и Плутусъ говоритъ ему что-нибудь въ томъ же родѣ; это заставляютъ, по крайней мѣрѣ, думать успокоительныя слова Виргилія, обращенныя къ Данту. Древнѣйшіе толкователи Данта основательно видѣли въ этомъ восклицаніи крикъ удивленія при видѣ входящаго въ адъ живого, удивленія, при которомъ Плутусу такъ естественно призвать своего повелителя Сатану. Относительно же слова aleppe существуютъ самыя разнообразныя толкованія. Ему приписываютъ значеніе *повелителя* или другого почетнаго титула въ этомъ родѣ, сближая его съ названіемъ первой еврейской буквы aleph; ибо въ тѣ времена еврейскій языкъ считался первоначальнымъ языкомъ человѣчества, языкомъ, которымъ Богъ говорилъ съ Адамомъ и который остался языкомъ ангеловъ, какъ оставшихся вѣрными, такъ и падшихъ. Джузеппе Вентури, первый принявшій эти слова за еврейскія, переводитъ ихъ такъ: Qui, qui Satanasso é imperadore! Микель Анджело Ланчи читаетъ ихъ такъ: Splendi, aspetto di Satana, splendi, aspetto di Satana primaio! Римскій профессоръ Оливьери принимаетъ эти слова за греческія: Παπαι Σαταν, παπαι Σαταν λήπτε. Бенвенутто Челлини сопоставляетъ съ ними восклицаніе, употреблявшееся въ парижскомъ судѣ: Paix, paix, Satan! Paix, paix, Satan! allez! Во всякомъ случаѣ значеніе этихъ словъ—загадка, которая еще ищетъ своего Эдипа.

3. *Все понимавшій*, даже то, что говоритъ Плутусъ.

7. И обратившись къ гадинѣ надутой
— „Молчи“,—сказалъ,—„проклятый волкъ! Ярись,
„Но мукъ прибавь себѣ лишь самому ты.

10. „Не безъ причинъ мы нынѣ сходимъ внизъ;
„Такъ тамъ хотятъ, гдѣ ангельскія кары
„Для гордости съ насиліемъ нашлись!“

13. И какъ надувшись парусъ отъ удара
Грозы валится съ мачтою своей,
Такъ точно звѣрь упалъ на землю ярый.

16. Вошли мы въ щель четвертую, тѣснѣй
Примкнувшую къ пучинѣ той проклятой,
Гдѣ собрано все зло вселенной всей.

19. О правда вышняя! Какъ собрала ты
Такъ много скорби, тамъ представшей мнѣ?
Зачѣмъ такъ дорога за грѣхъ расплата?

22. Какъ надъ Харибдой льнетъ волна къ волнѣ,

---

8. Какъ въ первой пѣсни Волчица является олицетвореніемъ жадности, такъ и здѣсь Виргилій Плутуса, демона богатства, называетъ „проклятымъ волкомъ“.

13. Превосходное сравненіе для надутой спѣси, падающей, едва только упадетъ ея опора.

16. Въ этомъ кругѣ наказываются тѣ, которые не знали мѣры въ своихъ отношеніяхъ къ земнымъ благамъ и или цѣнили ихъ слишкомъ высоко, дѣлая изъ нихъ цѣль своей жизни, какъ скупые, или слишкомъ низко, употребляя ихъ на безполезныя жизненныя потребности, какъ расточители. Казнь тѣмъ и другимъ задумана чрезвычайно остроумно. Прежде всего они наказываются вмѣстѣ, такъ какъ они и въ жизни необходимы другъ другу: скупому необходимъ расточитель, чтобы получить отъ него болѣе пріобрѣтенія, чѣмъ это возможно отъ обыкновенныхъ людей; расточителю же необходимъ скупой, чтобы найти средства своей потребности бросать деньги въ ту и другую сторону. А такъ какъ оба эти рода расчитываютъ пользоваться другъ другомъ, то слѣдствіемъ ихъ столкновенія и можетъ быть только враждебность, при томъ враждебность, непохожая на злобу сильныхъ натуръ, а проявляющаяся лишь въ праздной брани и взаимныхъ упрекахъ. Такимъ образомъ, тѣ и другіе катятъ тяжести грудью съ противоположныхъ сторонъ, сталкиваются вслѣдствіе противоположности своихъ стремленій и должны снова начинать свою безполезную работу.

Толкаясь,—такъ здѣсь жертвы правосудья
Какъ будто пляшутъ въ вѣчной толкотнѣ.

25. Толпа,—громаднѣй всѣхъ по многолюдью,
Мной видѣнныхъ,—вверхъ тяжкій грузъ поднять
Старалась съ двухъ сторонъ, напрягшись грудью.

28. Но встрѣтившись, катились грузы вспять;
И всякій, зло срывая другъ на другѣ,
Кричалъ: „Что тратить?“—„А зачѣмъ держать?“—

31. Такъ, сталкиваясь въ этомъ черномъ кругѣ,
Безъ устали позорный свой припѣвъ
Они поютъ и воютъ отъ натуги.

34. По свалкѣ жъ, всякъ, покоя не имѣвъ,
Для травли новой жаждалъ столкновенья,—
И я, въ душѣ, почти ихъ пожалѣвъ,

37. Сказалъ: „Мой Вождь, разсѣй недоумѣнье:
„Кто этотъ людъ, столь горькій искони?
„То не попы ль съ печатью постриженья?“

40. И онъ: „Такъ духомъ косы всѣ они,
„Что не умѣли съ мѣрою обычной
„Ни тратить ни хранить въ былые дни.

43. „Про то же говоритъ и лай ихъ зычный,
„Когда сойдутся къ свалкѣ два ряда,
„Виною раздѣленные различной.

46. „Изъ духовенства съ постриженьемъ, да.
„Идутъ въ ярмѣ стяжанія жестокомъ
„И папы и епископы сюда“.

---

30. Два противоположныхъ рода грѣха сказываются въ восклицаніяхъ, противорѣчащихъ одно другому.

36. Сожалѣніе къ грѣшникамъ есть преступленіе, какъ непочтеніе къ праведности Божьяго суда (ада XX).

39. Тонзура—отличительный признакъ католическаго духовенства.

49. — „Мой Вождь, зачѣмъ же я не въ силахъ окомъ“,—
Я вопросилъ,—„знакомыхъ различать
„Средь лицъ, обезображенныхъ порокомъ?“

52. Онъ отвѣчалъ: „Усилія не трать!
„Столь безобразной страстію униженъ
„Ихъ образъ, что теперь ихъ не узнать.

55. „Ихъ дикій рой всегдашней распрей сближенъ;
„Воскреснетъ даже всякъ—иль съ кулакомъ
„Зажатымъ, или до нага остриженъ.

58. „За траты и храненье недобромъ
„Краса небесъ отвергла ихъ и клянетъ
„Въ проклятьи,—нужно ль говорить, въ какомъ?

61. „Пойми, мой сынъ, какъ скоро сладость вянетъ
„Всѣхъ благъ, Фортуны сыплемыхъ рукой,
„Чей блескъ людей чаруетъ такъ и ма̀нитъ.

64. „Все злато, что найдется подъ луной,
„Иль было тамъ,—покоя ни минуты
„Изъ этихъ душъ не да̀ло бъ ни одной!“—

67. —„Открой“,—сказалъ я,—„смыслу моему ты:
„Кто та, о коей молвилъ ты сейчасъ,—
„Фортуна, чьи блескъ міра держатъ путы?“

70. — „Слѣпцы“,—онъ молвилъ,—„жалкіе! Какъ васъ
„Невѣжества терзаетъ помраченье!
„Но пусть тебя наставитъ мой разсказъ.

---

49. Низкія стремленія грѣшниковъ стерли въ нихъ самый отпечатокъ личности.

56—57. По-итальянски промотаться до послѣдней нитки называется dissipare in sino ai peli—до самыхъ волосъ. Поэтому расточители характеризуются остриженными волосами. Зажатый кулакъ скупыхъ понятенъ самъ собою.

70. Данте принимаетъ Фортуну за злого генія, и въ его словахъ о ней звучитъ неуваженіе къ ней. Виргилій разсказомъ исправляетъ его воззрѣнія.

73. „Тотъ, чье превыше міра разумѣнье,
„Создавши небеса, далъ имъ вождей,
„Да блещетъ въ равномъ свѣта раздѣленьи

76. „Часть каждая красою всѣхъ частей.
„Равно и блескомъ міра руководитъ
„Одна изъ тѣхъ властительницъ-вождей.

79. „Она земныя блага переводитъ
„Изъ крови въ кровь или изъ рода въ родъ;
„Къ ея путямъ познанье не восходитъ.

82 „Вотъ почему тотъ палъ, а тотъ встаетъ;
„Творится все, какъ той угодно будетъ,
„Чей, какъ змѣи въ травѣ, не виденъ ходъ.

85. „Ее мѣняться смертный не принудитъ.
„Какъ царство каждый богъ блюдетъ свое,—
„Она свой міръ провидитъ, правитъ, судитъ.

88. „И скоръ и непрерывенъ ходъ ея,
„Закономъ непреложности направленъ,
„И этотъ ходъ мѣняетъ часто все.

91. „Такъ со всѣмъ въ мірѣ накрестъ онъ поставленъ,
„Что свѣтлая хулой награждена
„Отъ тѣхъ, кто ей взнесенъ и ей прославленъ.

---

73. Въ третьей части поэмы (Рай, II, 112—129) изображается, какъ звѣзды различныхъ круговъ неба получаютъ свыше силы для всесторонняго воздѣйствія на подчиненныя имъ области и какъ это дѣйствіе направляется „блаженными двигателями“ (beati motori). По Аристотелю, каждое небо имѣетъ такихъ двигателей, называемыхъ „небесными интеллигенціями“. Это существа абстрактныя, лишенныя всякой матеріальности, первенцы мірозданія, совершеннѣйшіе ангелы, „боги“, какъ ихъ называли язычники, а иногда и св. писаніе. (Въ „Раю“ есть іерархическая степень ангеловъ, называемая „богами“, XXVIII, 129), „идеи“ Платона. Каждая такая интеллигенція или „богъ“ вѣдаетъ и движетъ свою сферу (ст. 86). Фортуна одна изъ нихъ и вѣдаетъ мірскія блага.

75—76. Матеріальному блеску каждой сферы долженъ соотвѣтствовать ея духовный блескъ, и первоначальный свѣтъ долженъ всюду распредѣляться въ гармонической пропорціи.

89. Закономъ непреложности мірового порядка.

94. „Но ей хула безумцевъ не слышна.
„Общаясь лишь средь первенцевъ творенья,
„Свой движетъ міръ и счастлива она!

97. „Но дальше, въ область большаго мученья!
„Рой вставшихъ передъ нашимъ спускомъ звѣздъ
„Уже нисходитъ,— ускоримъ стремленье“.

100. Мы пересѣкли кругъ вблизи тѣхъ мѣстъ,
Гдѣ клокоталъ источникъ въ щели горной,
Въ ручей расширясь, лившійся окрестъ.

103. Цвѣтъ волнъ скорѣй въ немъ мутный былъ, чѣмъ черный.
Въ вожатые его избралъ нашъ взоръ,
И вслѣдъ за нимъ мы внизъ сошли проворно,

106. Гдѣ той ручей, когда спустился съ горъ
Болотомъ сталъ, излившись въ бездны чрево
И Стиксомъ прозывается съ тѣхъ поръ.

109. И я, вперивши взоры въ сумракъ зѣва
Трясины той, людей увидѣлъ въ немъ
Съ чертами, искаженными отъ гнѣва,

---

96. *Свой движетъ міръ*, т.-е. свою сферу. По Данту, сферы такихъ небесныхъ интеллигенцій концентрически, постепенно расширяясь, объемлютъ землю и двигаются въ различныхъ направленіяхъ, приводимыя въ движеніе Божественной Любовью, которая всѣ ихъ объемлетъ.

98. Когда поэты вступили въ адъ, былъ часъ наступленія ночи, а такъ какъ это было въ періодъ весенняго равноденствія, то слѣдовательно 6 часовъ вечера. Теперь Виргилій говоритъ, что звѣзды, вставшія во время ихъ отбытія, начинаютъ нисходить, перейдя высшую точку своего теченія; значитъ, теперь полночь, и странствіе поэтовъ пока продолжалось шесть часовъ.

100—103. Дантъ вступаетъ въ пятый кругъ, гдѣ наказывается гнѣвъ, символомъ котораго является этотъ клокочущій источникъ съ водою болѣе мутной, чѣмъ черной (намекъ на то, что грѣхъ гнѣва есть нестолько слѣдствіе злой воли, сколько распущенности). Зависть и недоброжелательство, которые мучили ихъ при жизни, помрачая имъ свѣтъ жизненной правды, какъ „мертвящій дымъ въ сердцѣ“, теперь настолько давятъ ихъ своей грязью, что не даютъ имъ произнести ни одного слова, и всѣ ихъ волненія производятъ лишь пузыри въ этой мутной водѣ.

112. Что билися не только кулакомъ,
Но головою, грудью и ногами,
Зубами рвясь кусокъ вслѣдъ за кускомъ.

115. — „Порабощенныхъ гнѣвомъ передъ нами
„Страданія!“ мнѣ молвилъ Вождь: „смотри!
„Еще тебѣ скажу, что въ этой ямѣ,

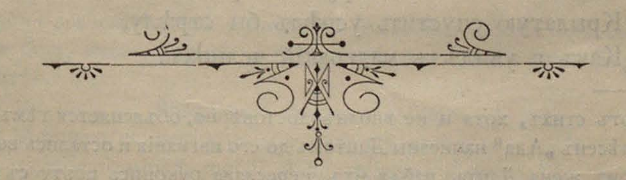
118. „Гдѣ вверхъ идутъ отъ вздоховъ пузыри,
„Есть кара грѣшнымъ, подъ водой незримымъ;
„То взоры подтвердятъ тебѣ твои.

121. „Они кричатъ въ страданьи нестерпимомъ:
— „Мы въ мірѣ свѣта, цѣлый вѣкъ томясь,
„Печалилисъ съ мертвящимъ въ сердцѣ дымомъ;

124. „И вотъ теперь насъ тоже душитъ грязь! —
„Но жалобу свою излить наружу
„Не могутъ, на полсловѣ подавясь“. —

127. И двинулись мы, вдоль болота кружа
Между водой и берегомъ земли,
Лицомъ къ томящимся въ той грязной лужѣ,

130. Пока къ подножью башни не пришли.

Пѣснь восьмая.

Флегіасъ. Гнѣвные въ Стиксъ. Филиппъ Ардженти. Дисъ.

---

1. Я далѣе разсказъ веду подрядъ.
Едва мы къ башнѣ подошли высокой
И до ея зубцовъ достигъ мой взглядъ,—

4. На два ея огня вмигъ издалёка
Другая тожъ огнемъ отозвалась,
Такъ что едва ихъ различало око.

7. И къ морю всѣхъ познаній обратясь,
— „Что значитъ“,—я спросилъ,—„огонь двоякій?
„Кто на него въ другой отвѣтилъ разъ?

10. И онъ ко мнѣ: „Что значатъ эти знаки,
„На грязи волнъ ты увидать бы могъ,
„Коль видѣть можешь ты въ дыму имракѣ“.

13. Едва ли съ тетивы крутой стрѣлокъ
Крылатую спустить успѣлъ бы стрѣлу,
Какъ я увидѣлъ маленькій челнокъ.

---

1. Этотъ стихъ, хотя и не вполнѣ достовѣрно, объясняется тѣмъ, что первыя семь пѣсенъ „Ада“ написаны Дантомъ до его изгнанія и остались во Флоренціи. Потомъ жена Данта, найдя ихъ, переслала рукопись поэту съ просьбою продолжать поэму. Этотъ стихъ является какъ бы отвѣтомъ на ея просьбу.

2. Такъ какъ здѣсь путники приближаются къ адскому городу Дису, укрѣпленному по образцу средневѣковыхъ замковъ, то имъ попадается сторожевая башня, находящаяся на внѣшней сторонѣ окружающаго крѣпость рва съ водою. Стражи этой башни двумя огнями даютъ понять, что приблизились два путника, которыхъ нужно перевезти, а отвѣтный огонь—сигналъ, что ихъ знаки поняты. Такіе огневые сигналы указываютъ на отдаленность разстоянія между сторожевой башней и крѣпостью.

16. То быстро насъ встрѣчать ладья летѣла,
И крикнулъ, насъ встрѣчая, проводникъ:
— „Что грѣшная душа? Прибыть успѣла?“ —

19. — „Флегьясъ, Флегьясъ, напрасенъ этотъ крикъ“, —
Вождь отвѣчалъ, — „твою ладью намъ надо
„Для переѣзда только лишь на мигъ“. —

22. И какъ, обманъ открывъ отъ недогляду,
Стыдится кто и дѣлается золъ, —
Такъ смолкъ Флегьясъ, въ себѣ сдержавъ досаду.

25. Въ его ладью Учитель мой вошелъ,
Меня идти принудивъ за собою,
Но оказался слишкомъ я тяжелъ

28. И глубже, чуть въ него вошли мы двое,
Кормою старой погрузился весь
Челнокъ въ водѣ, чѣмъ съ ношею другою.

31. Какъ мертвую мы проѣзжали смѣсь,
Явился духъ въ грязи: „Какимъ же родомъ“, —
Спросилъ онъ, — „ты идешь до срока здѣсь?“

34. И я въ отвѣтъ; „Я здѣсь, но мимоходомъ,
„Но ты кто, оскотившійся какъ песъ?“ —
Онъ: „Видишь, я межъ страждущимъ народомъ“.

---

19. Флегіасъ—греческій царь, у котораго Аполлонъ обольстилъ дочь и который, мстя богу, взялъ Дельфы и разрушилъ храмъ Аполлона. Виргилій о немъ говоритъ:

Phlegiasque miserrimus omnes
Admonet et magna testatur voce per umbras:
Discite, iustitiam moniti et non temnere divos.

Глубокомысленно онъ сдѣланъ перевозчикомъ чрезъ болото, въ которомъ наказываются гнѣвные, сквозь чадъ, нависшій надъ этимъ болотомъ, въ городъ, защищаемый возмутившимися демонами и населенный еретиками. Флегіасъ отъ гнѣва не видитъ, сколько путниковъ прибыло.

27. Не надо забывать, что челнокъ приспособленъ къ перевозкѣ легкихъ тѣней, а не живыхъ людей. Въ этомъ Дантъ подражаетъ Виргилію VI, 413.

29. Корма стара, такъ какъ возникла одновременно съ адомъ, который „созданъ прежде твари всей земной“.

37. А я ему: „Межъ грязи и межъ слезъ
„Пребудь, проклятый духъ! Тебя я знаю,
„Хоть здѣсь и загрязнилъ твой ликъ навозъ!“

40. Онъ взялся за ладью рукой по краю,
Но оттолкнулъ его мой Вождь опять,
Сказавъ: „Ты песъ, ступай же къ псиной стаѣ!“—

43. Потомъ, обнявъ, онъ сталъ меня лобзать.
— „Презрѣнья духъ!“ онъ молвилъ мнѣ, утѣшенъ,
„Зачавшая тебя блаженна мать!

46. „Сей духъ мятежный гордостью былъ грѣшенъ
„И не украсилъ память добротой;
„Вотъ потому-то онъ и здѣсь такъ бѣшенъ.

49. „Царей великихъ здѣсь великій рой
„Томится, погруженъ, какъ свиньи въ тину,
„Презрѣнье лишь оставя за собой“.

52. А я: „Учитель! Я бъ желалъ въ пучину
„Низвергнутымъ узрѣть сего скота,
„Пока еще ладью я не покину.

55. И Вождь ко мнѣ: „Мы не сойдемъ, когда
„Ты утоленъ въ той жаждѣ будешь страстной,
„И въ благо тебѣ будетъ жажда та“.

58. И видѣлъ я,—терзалъ его ужасно
Весь этотъ грязный людъ, и небо я
Хвалю за то и славлю ежечасно.

61. —„Филиппъ Арджента!“ всякій, теребя

---

40. Чтобы опрокинуть ее и стащить Данта въ болото. Это мѣсто послужило сюжетомъ для извѣстной картины Деляроша.

44. „Презрѣнья духъ!“—молчаливое, полное достоинства презрѣніе ставится въ противоположность безсмысленному гнѣву грѣшника. Ласкою Виргилія Данте хочетъ показать, что такой благородный и справедливый гнѣвъ не есть преступленіе, а напротивъ доблесть.

61. Филиппъ Арджента, по Бокачіо, богатый флорентинецъ, извѣстный своею

Его, кричалъ, и онъ, отъ гнѣва пьяный,
Зубами самого терзалъ себя.

64. О немъ я болѣ говорить не стану,
Но стоны вслѣдъ такіе донеслись,
Что я впередъ взоръ устремилъ, въ туманы.

67. Учитель добрый молвилъ мнѣ: „Взглядись,
„Въ туманахъ темныхъ очертанья эти—
„Свирѣпыхъ гражданъ городъ, городъ Дисъ“. —

70. — „Я различаю не его ль мечети?—
Я отвѣчалъ,—„мнѣ кажутся онѣ
„Румяными, какъ бы въ багровомъ свѣтѣ“.

73. А Вождь: „Въ неугасающемъ огнѣ
„Калясь всегда, они такими стали
„Какъ ты ихъ видишь въ этой глубинѣ“.

76. Мы остановку сдѣлали при валѣ,
Что вкругъ земли отчаянья идетъ;
Его стѣна казалась мнѣ изъ стали.

79. Подъѣхали мы, сдѣлавъ поворотъ

вспыльчивостью. Онъ былъ изъ фамиліи Кауччіули, Черныхъ и личныхъ враговъ Данте. Свое прозвище Ардженти онъ получилъ за то, что подковалъ свою лошадь серебряными подковами.

69. Подъ „свирѣпыми гражданами“ нужно разумѣть какъ первоначальныхъ обитателей этого города демоновъ, такъ и души грѣшниковъ злой воли, помѣщенныхъ внутри этого города, тогда какъ вверху, внѣ стѣнъ его, наказываются грѣхи невоздержанія. Дисъ—одно изъ именъ Люцифера, въ честь котораго и названъ самый городъ.

70. *Мечети* придаютъ Дису видъ нехристіанскаго города, какъ и подобаетъ городу, населенному демонами и еретиками.

73. Стѣны этого города раскалены огнемъ, который у Данта вездѣ служитъ символомъ божественной любви, освѣщающей и согрѣвающей души въ Чистилищѣ и Раѣ и терзающей въ Аду грѣшныхъ, которые хотя и отреклись отъ этой любви, но не были однако въ силахъ отрѣшиться отъ нея окончательно.

75. Глубина ада отличается отъ первыхъ верхнихъ его круговъ тѣмъ, что по пѣсни XI въ послѣднихъ наказываются грѣхи невоздержанія, а въ глубинѣ ада, въ городѣ Дисѣ,—грѣхи злой воли.

До мѣста, гдѣ намъ кормчій водъ сихъ сонныхъ,
— „Ступайте!“ — молвилъ, — „передъ вами входъ!“

82. Я тьмы увидѣлъ съ неба одожденныхъ,
Что гнѣвно входъ хотѣли заградить,
Крича на насъ: „Кто въ царство умерщвленныхъ,

85. „Еще не видѣвъ смерти, могъ вступить?“
Но знáкомъ Вождь смирилъ враговъ тревогу,
Какъ бы желая съ ними говорить.

88. Они, свое презрѣнье скрывъ немного,
Промолвили къ нему: „Одинъ ступай,
„А дерзкій пусть идетъ своей дорогой.

91. „Безумецъ вспять воротится пускай;
„Лишась руки, что имъ руководила,
„Найдетъ ли путь одинъ чрезъ этотъ край?“

94. Представь, читатель, что со мною было,
Какъ я услышалъ звукъ проклятыхъ словъ!
Не думалъ я, что мнѣ вернуться въ силу!

---

81. Здѣсь поэты вступаютъ въ *шестой* кругъ, въ которомъ наказываются еретики и въ особенности основатели сектъ — ересіархи. Подъ еретиками Дантъ разумѣетъ не только тѣхъ, которые отступили отъ ученія церкви, но и тѣхъ, которые въ дѣлахъ вѣры были излишне односторонни въ какомъ-нибудь отношеніи. Это видно изъ того, что по X, 13 въ этомъ кругѣ казнится Эпикуръ съ своими послѣдователями. См. также примѣчаніе IX, 118. Возмутившіеся противъ Бога демоны яростно и предусмотрительно загораживаютъ входъ въ эту область путнику, ведомому разумомъ. Еще самый разумъ они готовы впустить (ст. 89) къ себѣ, быть можетъ, затѣмъ, чтобы взять его въ плѣнъ и лишить путника его руководства; но человѣка, руководимаго разумомъ, — никогда. Пусть разумъ его покинетъ, тогда путникъ сдѣлается добычей заблужденія! Напрасно представитель разума вступаетъ съ ними въ переговоры; что значатъ его увѣщанія для этихъ яростныхъ безумцевъ? Но Виргилій предчувствуетъ, что нѣкоторая высшая сила, вездѣ являющаяся въ міровой исторіи гонительницей лжи и покровительницей истины, придетъ къ нему на помощь; и предчувствія его не обманываютъ, какъ мы увидимъ въ слѣдующей пѣсни.

94. Не слѣдуетъ забывать, что лишь подъ руководствомъ Виргилія возможно сошествіе во адъ; лишь при содѣйствіи разума и совѣсти возможно самопознаніе и раскаяніе.

97. — „Мой добрый Вождь, чей дружескій покровъ
„Изъ бѣдъ меня избавилъ седмикратно
„И спасъ меня, тѣ бѣды поборовъ,—

100. „Не оставляй, защитникъ благодатный,
„Меня и, коль нельзя идти впередъ,
„То обернемъ свои стопы обратно!“

103. И охранитель мой средь всѣхъ невзгодъ:
„Не бойся“, молвилъ, „помѣшать нимало
„Не могутъ намъ. Могучъ, Кто насъ ведетъ!

106. „Но обожди меня; твой духъ усталый
„Пусть подкрѣпитъ къ тому жъ надежда та,
„Что я съ тобой пока, чтобъ тамъ ни стало!“

109. Мой сладостный отецъ ушелъ тогда,
Оставивъ одного меня; въ ту пору
Въ моемъ умѣ боролись *нѣтъ* и *да*.

112. Я услыхать не могъ ихъ разговора;
И говорилъ съ нимъ мало супостатъ.
Но всякъ изъ нихъ бѣжать пустился скоро,

115. Захлопнувши предъ нимъ затворы вратъ,
И Вождь одинъ остался при оврагѣ,
И рѣдкимъ шагомъ онъ пришелъ назадъ.

118. Съ глазами внизъ, съ бровями безъ отваги,
Онъ вымолвилъ, тая невольный вздохъ:
„Вамъ ли бороться въ столь рѣшенномъ шагѣ?“

121. „Но не пугайся лишь моихъ тревогъ,—
Мнѣ онъ сказалъ,—„сломлю я искушенья,
„Кто бъ тамъ еще противиться ни могъ.

---

98. Седмикратно: въ I пѣсни, отъ звѣрей, во II отъ собственнаго Дантова страха, въ III отъ Харона, въ V отъ Миноса, въ VI отъ Цербера, въ VII отъ Плутуса, въ VIII отъ Флегіаса.

110. Возвратится онъ или нѣтъ.

124 „Не ново ихъ такое поведенье
„У вратъ не столь таинственныхъ иныхъ,
„Что безъ запоровъ по сіе мгновенье.

127. „Читалъ ты надпись мертвую на нихъ;
„И въ тѣ врата, идя одинъ безъ свиты,
„Еще вступаетъ Нѣкто въ этотъ мигъ,

130. „Кѣмъ будетъ намъ и эта дверь открыта!"

---

125. Врата, описанныя въ III пѣсни, гдѣ демоны старались воспрепятствовать сошествію Христа во Адъ.

129. Ангелъ, являющійся въ слѣдующей пѣсни.

Пѣснь девятая.

Горгоны. Медуза. Явленіе ангела. Входъ въ Дисъ. 6-й кругъ. Ересіархи.

---

1. Цвѣтъ страха, кровь съ моихъ согнавшій щекъ
Объ отходящемъ прочь Вождѣ заботой,
Вождю-ликъ новой краскою зажегъ.

4. Онъ во вниманьи крѣпъ, какъ ждущій что-то,
Прислушиваясь, такъ какъ взглядъ вперять
Мѣшала мгла пустыннаго болота.

7. „Вѣдь мы жъ возьмемъ!“—такъ началъ онъ опять,
„Но если... вотъ какой конецъ печальный!
„Какъ медлитъ тотъ, кого должны мы ждать!“—

10. Я видѣлъ хорошо, какъ смыслъ начальный
Пришедшей мысли покрывалъ потокъ
И не былъ онъ подобенъ рѣчи дальней.

13. Отъ страха я придти въ себя не могъ
И худшій смыслъ, чѣмъ рѣчи заключали
Въ дѣйствительности,—я изъ нихъ извлекъ.

---

3. Вступая въ Адъ, Виргилій сдѣлался блѣденъ (IV, 14). Теперь, видя блѣдность Данта и частію чтобъ его ободрить, частію отъ гнѣва, онъ краснѣетъ. Можетъ быть здѣсь Дантъ подражаетъ тому мѣсту Энеиды (I), гдѣ Эней

Spem vultu simulat, premit altum corde dolorem.

7. Разумъ можетъ быть озабоченнымъ и сомнѣваться. Если онъ встрѣчаетъ что-либо, чего побѣдить онъ не можетъ, то хотя онъ и знаетъ, что это препятствіе распадется передъ ясно выраженной въ откровеніи и міровой исторіи волей Божества, но когда наступленіе успѣха замедляется, онъ теряетъ на нѣкоторое время надежду. Это сомнѣніе естественно раздѣляетъ съ нимъ и Данте (ст. 13).

16. —„Мой Вождь, на днѣ печальной сей спирали
„Изъ страждущихъ въ томленіи безъ слезъ
„Случается ль, чтобъ кто-либо бывали?“

19. Такъ я спросилъ, и онъ на мой вопросъ:
—„И трудно“,—молвилъ,—„и немногократно
„Кому путь, должный намъ, свершать пришлось.

22. „Но я тамъ былъ, заклятый святотатно
„Эрихто той, что силой волшебства
„Духъ въ тѣло призывать могла обратно.

25. „Отъ тѣла я былъ обнаженъ едва,
„Какъ душу взять изъ области Іуды
„Волшебныя свели меня слова.

28. „То—изъ круговъ нижайшій, и оттуда
„До неба дальше всѣхъ;—не бойся, я
„Тамъ опытнымъ тебѣ вожатымъ буду.

31. „Та лужа, вонью вкругъ все заразя,

---

16. Видя колебаніе Виргилія, Данте начинаетъ сомнѣваться, знаетъ ли онъ самъ дорогу, а потому и спрашиваетъ его объ этомъ, но спрашиваетъ съ той нѣжной деликатностью, которую онъ всегда выказываетъ въ отношеніи своего учителя. — *Въ глубину печальной сей спирали* — la trista tronca — собственно, раковина, такъ какъ адъ съ его постепенно съуживающимися кругами очень напоминаетъ раковину по формѣ.

22. Луканъ въ своей Фарсалидѣ (IV пѣснь) разсказываетъ о волшебницѣ Эрихто, которая по просьбѣ Помпея Младшаго вызываетъ душу одного умершаго воина, чтобы узнать отъ него окончательный исходъ гражданской войны. Данте пріурочилъ это къ Виргилію, заставивъ его быть посредникомъ между волшебницей и вызываемой тѣнью. Въ этомъ, конечно, какъ и вездѣ у Данта, заключается иносказательный смыслъ. Волшебница олицетворяетъ поэзію, которая заставила Виргилія спуститься въ адъ, т.-е. описать схожденіе въ адъ Энея, и такимъ образомъ послужить спутникомъ, т.-е. образцомъ для Данта. Путешествіе Виргилія въ Джудекку,—одна изъ областей послѣдняго и низшаго круга ада, названная такъ по имени Іуды предателя; въ ней казнятся души измѣнниковъ,—есть намекъ на то, что изображеніе ада у Виргилія кончается описаніемъ казни измѣнниковъ. Очень вѣроятно, что во всемъ этомъ заключается намекъ на какое-нибудь средневѣковое сказаніе о Виргиліи, теперь утраченное.

25. Это случилось чрезъ 30 лѣтъ послѣ смерти Виргилія.

„Внутри себя содержитъ городъ тёмный,
„Куда безъ гнѣва намъ вступить нельзя“.—

34. Онъ дальше говорилъ, но я не помню,
Такъ какъ мой взглядъ въ то время былъ призванъ
Огненноверхой башнею огромной,

37. Гдѣ въ этотъ мигъ,—жилицы адскихъ странъ,—
Три фуріи взвились окровавленныхъ;
Подобны женскимъ обликъ ихъ и станъ;

40. Одеждой ихъ былъ поясъ гидръ зеленыхъ,
А вмѣсто косъ вилися стаи змѣй
И змѣекъ, вкругъ висковъ ихъ заплетенныхъ.

43. И тотъ, кому владычицы скорбей
Знакомы были страшныя рабыни,
Эринній назвалъ мнѣ“: Смотри, лѣвѣй

46. „Мегера, Тизифону посрединѣ
„Узнаешь ты, на правомъ же краю
„Алекто плачетъ въ горѣ и кручинѣ“.

49. И каждая терзала грудь свою,
И такъ кричала громко, свирѣпѣя,
Что головою я приникъ къ Вождю.

52. —„Медуза гдѣ? Сюда ее скорѣе!
„Окаменимъ его“, гласилъ ихъ вой,—
„Отомщены мы плохо за Тезея!“

---

33. Безъ негодованія, пробужденнаго въ сердцѣ казнящимся тамъ преступленіями.

37. См. примѣчаніе къ 61—63.

43. *Владычицы скорбей*—Гекаты.

54. Тезей сопровождалъ въ адъ своего друга Пириѳоя, задумавшаго похитить Прозерпину; Плутонъ заковалъ его алмазными оковами, отъ которыхъ его освободилъ опять Геркулесъ, уводя Цербера. Фуріи боятся, чтобы живой Данте не ушелъ изъ ада невредимымъ, подобно Тезею, и спѣшатъ окаменить его головою Медузы, имѣвшей свойство превращать въ камень всякаго, кто ее видѣлъ.

55. Вождь мнѣ сказалъ: „Скорѣй лицо закрой;
„Когда Горгону зрѣть тебѣ случится,
„Тебѣ не видѣть больше свѣтъ дневной!“—

58. И суетливо сталъ онъ торопиться
И самъ закрылъ, отъ фуріи храня,
Мнѣ очи и лицо своей десницей.

61. Вы, кто живете въ ясномъ свѣтѣ дня,
Поймите смыслъ, столь заключенный тайно
Въ разсказахъ этихъ странныхъ у меня!

64. Межъ тѣмъ внезапно шумъ необычайный,
Которымъ выражается испугъ,
Потрясъ всю воду вплоть по берегъ крайній.

67. Такъ налетаетъ вѣтра мощный духъ,
Своимъ врагомъ разсерженъ,—лѣтнимъ зноемъ,—
На древній лѣсъ, деревья ломитъ вкругъ,

70. Цвѣты съ вѣтвями бьетъ смертельнымъ боемъ,
И гордо пыль поднятую несетъ,
И пастуховъ и стадо гонитъ роемъ....

73. Открывъ мой ликъ, Учитель молвилъ: „Вотъ!

61—63. Въ первый разъ Данте указываетъ на глубокій скрытый смыслъ своего иносказанія. Что же онъ хотѣлъ сказать этимъ иносказаніемъ? Нѣтъ сомнѣнія, что фуріи обозначаютъ угрызенія преступной совѣсти,—тѣмъ болѣе, что и помѣщены онѣ передъ входомъ въ городъ, гдѣ наказываются грѣшники злой воли. Медуза же, ликъ которой окаменяетъ человѣка и предъ которой Виргилій закрываетъ Данту глаза, является олицетвореніемъ чувственнаго наслажденія. (Медуза была обольщена Нептуномъ въ храмѣ Аѳины Паллады, которая, мстя за оскорбленіе своего святилища, превратила ее въ чудовище). Чувственное наслажденіе ожесточаетъ сердце, помрачаетъ умъ и оскверняетъ Божьи дары человѣку. Имъ то Фуріи хотятъ помѣшать Данту въ его пути къ самосознанію и исправленію.—По другимъ, подъ головою Медузы слѣдуетъ разумѣть сомнѣніе, которое однимъ своимъ появленіемъ уже навсегда лишаетъ человѣка свѣта божественной истины.

64—66. Et factus est repente de coelo sonus, tanquam advientis Spiritus vehementis. По средневѣковымъ понятіямъ, при схожденіи ангела всѣ злобныя силы приходятъ въ движеніе, чтобы помѣшать его ходу.

„Смотри, въ чаду, гдѣ всѣхъ труднѣе видно,
„На древней пѣнѣ этихъ темныхъ водъ“.—

76 И какъ бѣгутъ лягушки предъ ехидной,
Своимъ врагомъ, и порознь къ берегамъ
Спѣшатъ изъ влаги въ трусости постыдной,—

79. Я тысячи проклятыхъ видѣлъ тамъ
Бѣжащихъ передъ Нѣкимъ, кто стопою
Немокренною шелъ по Стиксу къ намъ.

82. Онъ сумракъ гналъ прочь отъ себя рукою,
Простря ее впередъ, гдѣ гуще мгла,
И былъ на видъ измученъ битвой съ мглою.

85. Я въ немъ узналъ небеснаго посла,
И мнѣ Учитель подалъ знакъ—почтенье
Воздать ему склоненіемъ чела.

88. О, какъ онъ мнѣ казался полнъ презрѣнья!
Дошелъ онъ мѣрнымъ шагомъ до воротъ,
Жезломъ открывъ ихъ безъ сопротивленья.

91. —„О изгнанные съ неба, падшій родъ“,—
Такъ началъ онъ у страшнаго порога,—
„Чѣмъ ваше самомнѣніе живетъ?

94. „Зачѣмъ противитесь той волѣ строгой,
„Чью вы мѣнять никакъ не въ силахъ цѣль,
„Чья власть вамъ мукъ прибавила столь много?

97. „Давать толчки вы можете судьбѣ ль?

---

81. Различный и многосторонній смыслъ Дантовскихъ иносказаній даетъ возможность видѣть въ этомъ явленіи ангела политическіе намеки. Явленіе ангела и его рѣчи слишкомъ двухсмысленны и человѣчны, а колебанія Виргилія, который въ другихъ, даже въ низшихъ кругахъ побѣждаетъ демоновъ однимъ словеснымъ противопоставленіемъ божественнаго повелѣнія, слишкомъ слабо мотивированы, чтобы не предполагать въ этомъ явленіи ангела побѣдоноснаго шествія императора Генриха VII въ Италію въ 1312 году.

„Вы помните, вашъ Церберъ носитъ все-то
„Еще вкругъ шеи слѣдъ ярма досель“.

100. Онъ повернулся къ грязному болоту,
Не подаривъ насъ взглядомъ ни однимъ,
Какъ будто тотъ, кого гнететъ забота

103. Иная, кромѣ тѣхъ, кто передъ нимъ.
И мы подвигли къ берегу стремленье,
Глаголомъ ободренные святымъ.

106. Внутрь мы вступили безъ сопротивленья;
И я,—чей жаждой знать томился духъ
Въ сей крѣпости замкнутыхъ положенье,—

109. Прилежно взгляды обводилъ вокругъ
И видѣлъ поле вкругъ себя большое,
Что было полно горести и мукъ.

112. Какъ въ Арлѣ передъ Роною въ застоѣ,
Иль въ Полѣ, гдѣ Италію за̀мкнуть
Идетъ Квартано гранью водяною,

115. Гдѣ отъ могилъ холмистымъ станетъ путь,—
И здѣсь и тамъ вздымалися могилы
Такъ точно, но страшнѣй чѣмъ гдѣ-нибудь.

118. Разсѣяно межъ ними пламя было,
Которымъ былъ гробъ каждый раскаленъ,
Какъ ремесло металлы не калило.

98—99. Геркулесъ овладѣлъ Церберомъ, наложивъ на него цѣпь и выведя его изъ ада; здѣсь онъ служитъ символомъ безполезности сопро̀тивленія адскихъ демоновъ высшей волѣ.

100—101. Ангелы начинаютъ говорить съ Дантомъ только въ Чистилищѣ, потому что въ Аду онъ еще во грѣхахъ или, вѣрнѣе, представитель грѣха вообще, а потому и недостоинъ ангельской бесѣды.

112—114. Арль—городъ въ Провансѣ, Пола—городъ въ Истріи при заливѣ Кварнаро. Въ окрестностяхъ того и другого множество могильныхъ холмиковъ.

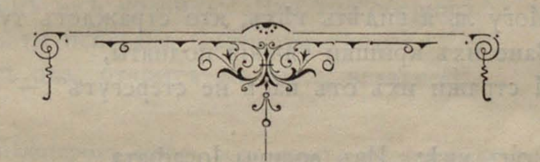
121. Отъ крышекъ каждый гробъ былъ обнаженъ,
И изъ его отверстій ежечасно
Терзаемыхъ къ намъ доносился стонъ.

124. И я: „Учитель, кто тотъ людъ несчастный,
„Кого въ себѣ похоронилъ сей сводъ“
„И чей до насъ доходитъ стонъ ужасный?“ —

127. Онъ отвѣчалъ: „Ересіарховъ родъ
„И тѣ, кто ихъ послѣдовалъ ученью.
„Ты не повѣришь, какъ великъ ихъ счетъ!

130. „Подобнымъ здѣсь подобное мученье,
„Тѣмъ гробы жарче, этимъ холоднѣй“.
И онъ направо принялъ направленье

133. Между стѣной и областью тѣней.

---

127. Данте понимаетъ ересь какъ отрицаніе божества, какъ наглое поруганіе надъ вѣрой вообще. Поэтому въ числѣ еретиковъ находятся и язычники наприм. Эпикуръ. Только живая вѣра въ Бога, въ примиреніе и соединеніе съ нимъ, даетъ жизнь человѣку. Кто отступаетъ отъ этой вѣры и покидаетъ ее или по крайней мѣрѣ теряетъ ее изъ глазъ изъ-за чего-либо менѣе существеннаго, — будь то христіанинъ или язычникъ, — тотъ мертвъ и лежитъ въ гробѣ, недающемъ ему однако покоя. Потому что душа находитъ покой только въ этой вѣрѣ, а безъ нея терзается безцѣльнымъ стремленіемъ къ земнымъ благамъ, которыя, едва будучи достигнуты, тотчасъ теряютъ свою цѣну. Эти безцѣльныя стремленія—то пламя, которое раскаляетъ могилы казнящихся здѣсь еретиковъ. Когда же все земное исчезнетъ, а съ нимъ исчезнетъ и предметъ этихъ стремленій, тогда гробы закроются (X, 12) и несчастный погибаетъ въ ужасающей тьмѣ собственнаго самосознанія.

129. Т.-е. ты и не предполагаешь, сколько ихъ встрѣчается въ жизни.

Пѣснь десятая.

Эпикурейцы. Фарината и Кавалькантe де-Кавальканти.

---

1. Между могилами и межъ стѣной
По узенькой тропинкѣ мы ступали,
Вождь впереди, я за его спиной.

4. —„О доблесть вышняя, что въ градъ печали
„Ведешь меня“, я молвилъ, „коль не въ трудъ,
„Простри еще мои познанья далѣ.

7. „Могу ль я видѣть тѣхъ, кто страждетъ тутъ?
„Зане ихъ крышки тяжкія подняты,
„И стражи ихъ отъ насъ не стерегутъ“.—

10. И онъ мнѣ: „Изъ долины Іосафата
„Когда они воротятся въ тѣлахъ,
„Навѣкъ тѣ крышки скроютъ родъ проклятый.

13. „Свое кладбище въ сихъ нашли мѣстахъ
„Эпикурейцы, по чьему сказанью
„Смерть уничтожитъ душу, какъ и прахъ.

16. „Я тѣмъ отвѣтилъ и тому желанью,

---

10. Въ долинѣ Іосафата, по пророчеству Іоиля (III, 2), будетъ происходить страшный судъ. Причина, почему тогда закроются крышки гробовъ, въ томъ, что до дня страшнаго суда появляются еще новые еретики, которыхъ гробы въ себя поглощаютъ, а съ того времени появленіе новыхъ еретиковъ прекратится, слѣдовательно и крышкамъ не надо будетъ уже болѣе оставаться открытыми.

16. Высказанное желаніе состояло въ томъ, чтобы посмотрѣть на обитателей этого города; скрытое въ молчаніи желаніе—въ томъ, чтобы освѣдомить-

„Которое ты высказалъ сейчасъ,
„Такъ и тому, что ты сокрылъ въ молчаньи.“—

19. —„Вождь! мою душу сквозь твой видитъ глазъ,
„И лишь чтобъ меньше говорить,—чему ты
„Училъ меня,—смолчалъ я этотъ разъ!“—

22. —„Тосканецъ, ты, кто въ городъ скорби лютой
„Идешь живой, такъ звучно говоря,
„Остановись хотя бы на минуту!

25. „Твое нарѣчье выдаетъ тебя
„За урожденца сладостнаго края,
„Которому былъ, вѣрно, въ тягость я!“—

28. Вдругъ изъ одной могилы рѣчь такая
Послышалась;—рукою опершись,
Испуганный приникъ къ груди Вождя я.

31. Но онъ мнѣ молвилъ: „Что ты? обернись!
„Иль ты испуганъ Фаринаты тѣнью?
„Вотъ онъ, открытъ до пояса, вглядись!“

ся объ участи нѣкоторыхъ своихъ согражданъ, державшихся эпикурейскаго образа мыслей. Виргилій читаетъ мысли Данта.

19. Въ пѣсни III, 76 Данте получилъ урокъ—не слишкомъ много и не слишкомъ поспѣшно спрашивать.

23. Тѣни говорятъ хрипло, а Данте, какъ живой, звучно.

32. Фарината-дельи-Уберти былъ изъ гибеллинскаго рода, а Дантъ изъ гвельфскаго, хотя самъ и былъ ярымъ гибеллиномъ. Поэтому ихъ отцы были противниками, а они сами нѣтъ. Подъ предводительствомъ Фаринаты происходила въ 1260 г. знаменитая битва изгнанныхъ прежде изъ Флоренціи гибеллиновъ съ флорентинцами при Арбіи; флорентинцы проиграли бой благодаря хитрости ихъ противниковъ, которые уговорили Сіенцевъ обѣщать флорентинцамъ союзъ, но въ день битвы вмѣсто помощи изъ Сьены выступилъ отрядъ рыцарей, напавшихъ на флорентинское войско. Этимъ объясняется упрекъ Данта въ ст. 85. Послѣ того, какъ флорентинцы были разбиты, побѣдители рѣшили срыть до основанія Флоренцію; но Фарината одинъ возсталъ противъ общаго рѣшенія и объявилъ, что онъ „обнажилъ мечъ только затѣмъ, чтобы снова быть гражданиномъ Флоренціи и готовъ защищать ее до послѣдней капли крови“, и этимъ рѣшеніемъ спасъ Флоренцію (ст. 91). Тѣмъ не менѣе справедливый Дантъ помѣстилъ его сюда за эпикуреизмъ.

34. Я обернулся, вижу, въ отдаленьи
Стоитъ онъ, прямъ и гордъ, передо мной,
Какъ бы имѣя адъ въ большомъ презрѣньи,

37. Одушевленной быстрою рукой
Вождь велъ меня межъ страждущимъ народомъ
И молвилъ: „Нынѣ думъ своихъ не скрой“!

40. Но гордый духъ, почтенъ моимъ приходомъ,
Чуть удостоилъ на меня взглянуть,
Меня спросивъ брезгливо: „Кто ты родомъ“?

43. И повинуясь, я ему всю суть,
Нескрывши ничего, сказалъ пространно.
Тогда онъ брови поднялъ вверхъ чуть-чуть.

46. „Твои врагами были постоянно
„Мнѣ и отцамъ и прочимъ всѣмъ изъ насъ
„И были дважды въ ссылку мной изгнаны“.—

49. —„Пусть такъ“, отвѣтилъ я,—„но каждый разъ
„Нашъ родъ изъ ссылки скоро возвращался:
„А вашимъ та наука не далась“.

52. Въ тотъ мигъ до подбородка показался
Въ отверстьи ближней ямы новый духъ;
Я думаю, что онъ съ колѣнъ поднялся;

---

48. Дважды. Послѣ битвы при Арбіи и ранѣе при Фридрихѣ II.

51. Вскорѣ послѣ этого сторонники Фаринаты были опять изгнаны и уже не возвращались болѣе. Фамилія Уберти, къ которой принадлежалъ Фарината, всегда исключалась изъ списка изгнанниковъ, которымъ дозволялось вернуться.

53. Появляющаяся теперь тѣнь—Кавальканте-де-Кавальканти, сынъ котораго Гвидо принадлежалъ къ числу самыхъ близкихъ друзей Данта. Узнавъ изъ отвѣтовъ Данта Фаринатѣ, кто это передъ нимъ, Кавальканте предполагаетъ, что если другъ его сына высотою своего генія ведомъ въ адъ, то и его сынъ долженъ быть недалеко. Какъ глаза отца ищутъ сына изображено въ ст. 55—56 очень пластично. Фарината въ могилѣ стоитъ до пояса, Кавальканти до колѣнъ; этимъ характеризуется меньшая дерзость и упорство послѣдняго.

55. Обвелъ глаза внимательно онъ вкругъ,
Какъ бы ища еще кого со мною,
Но истощивши ожиданье, вдругъ

58. Прервалъ меня въ слезахъ: „Коль высотою
„Таланта въ эту ты сведенъ тюрьму,
„То гдѣ жъ мой сынъ, зачѣмъ онъ не съ тобою?“—

61. А я: „Я не таланту одному
„Обязанъ; вотъ мой Вождь въ краю загробномъ,
„А Гвидо твой не слѣдовалъ ему“.

64. Мученій родъ и рѣчь его—способнымъ
Узнать, кто былъ онъ, сдѣлали меня;
Затѣмъ то мой отвѣтъ былъ столь подробнымъ.

67. Вставъ въ весь ростъ „Какъ!“ вскрикнулъ онъ стеня:
„Не слѣдовалъ? Онъ умеръ, значитъ, что ли?
„Его очамъ невнятны ласки дня?“—

70. И то, что я отвѣтомъ медлилъ долѣ
Чѣмъ слѣдуетъ, замѣтивши едва,—
Палъ въ гробъ ничкомъ и не являлся болѣ.

58—60. Въ Одиссеѣ, подобно этому, Агамемнонъ спрашиваетъ Одиссея объ участи своего сына Ореста.

61—62. Не высота таланта ведетъ сюда Данте, а разумъ, который не всегда руководитъ и высокоодаренными натурами. Можетъ быть, Гвидо не всегда оказывалъ ему достаточно вниманія. Кромѣ того, Гвидо, какъ показываютъ оставшіяся послѣ него его произведенія, былъ болѣе философъ, чѣмъ поэтъ; въ этомъ отношеніи стихъ 63 можетъ быть истолкованъ въ томъ смыслѣ, что онъ недостаточно изучалъ произведенія Виргилія.

67—72. Прошедшее время *не слѣдовалъ* заставляетъ отца предположить, что его сына нѣтъ болѣе въ живыхъ. Сперва показавшійся только до подбородка, здѣсь онъ въ трепетномъ ожиданіи встаетъ во весь ростъ и, не слыша отвѣта, падаетъ въ отчаяніи опять въ могилу. Какъ прекрасна эта отеческая любовь и заботливость, выраженная столь опредѣленно и полно въ столь немногихъ словахъ и дѣйствіяхъ! Эта фигура любящаго, сломленнаго горемъ отца еще болѣе выигрываетъ отъ противоположности съ мощнымъ обликомъ гордаго Фаринаты, который, совсѣмъ не обращая вниманія на происходящее рядомъ, продолжаетъ начатый разговоръ.

73. Но прежній веледушный, кѣмъ сперва
Я призванъ былъ,—не дрогнулъ онъ нимало,
Не гнулся, не поникла голова.

76. „Такъ не далась“,—онъ рѣчь повелъ сначала,—
„Моимъ наука эта? Никогда
„Меня такъ это ложе не терзало,

79. „Какъ вѣсть твоя! Но разъ до полуста
„Не смѣнитъ ликъ свой этихъ мѣстъ царица,—
„Ты вкусишь самъ, легка ль наука та!

82. „Но,—тѣмъ, что въ жизнь ты долженъ возвратиться,
„Молю,—скажи, за что такой враждой
„Къ моимъ потомкамъ вашъ народъ ярится.—

85. А я ему на то: „Великій бой,
„Что въ Арбіо окрасилъ валъ потока,
„Въ церквахъ у насъ рождаетъ судъ такой“.—

88. Онъ головой потрясъ, вздохнувъ глубоко,—
—„Тамъ былъ не я одинъ“,—сказавъ въ отвѣтъ,—
„Не безъ причины мы дрались жестоко!

91. „Но я одинъ былъ тамъ, гдѣ былъ совѣтъ
„Флоренцію разрушить,—я лишь громко
„Сказать тамъ смѣлъ, что дѣлать то не слѣдъ!“—

96. —„Такъ пусть же миръ найдутъ твои потомки!“
Отвѣтилъ я,—„еще мнѣ разгони
„Мой бѣдный умъ гнетущіе потемки.

97. „Что значитъ, что впередъ вы искони

---

79. *Царица здѣшнихъ мѣстъ* есть тріобразная Прозерпина, которая почитается также какъ Діана и Луна. Смыслъ выраженія тотъ, что не пройдетъ пятидесяти мѣсяцевъ, какъ Данте самъ подвергнется изгнанію и испытаетъ самъ, *легка ль наука та*, т.-е. умѣнье возвратиться на родину.

87. Во времена Данта народныя собранія обыкновенно происходили въ церквахъ.

„Провидите, что время за собою
„Приводитъ, а не нынѣшніе дни?“ —

100. —„Какъ тѣ, у коихъ зрѣніе плохое.
„Мы видимъ“, онъ сказалъ, — „издалека
„Намъ только знать даровано судьбою.

103. „Но лишь оно приблизится слегка,
„Нашъ бѣдный разумъ слѣпнетъ скоротечно,
„Мы ждемъ вѣстѐй съ чужого языка.

106. „Изъ этого же ты поймешь, конечно,
„Что нашъ угаснетъ взоръ съ минуты той,
„Какъ будущаго дверь запрется вѣчно.

109. Тогда я, тяготясь моей виной,
Сказалъ: „Скажи страдальцу въ ямѣ этой,
„Скажи, что сынъ его еще живой.

112. „А если я тотча̀съ не далъ отвѣта,
„Такъ думалъ я, что онъ про это зналъ,
„И заблужденье то разсѣялъ мнѣ ты“.

115. Уже меня Учитель отзывалъ,
И духа я спросилъ, чтобъ тѣхъ, кто схожей
Съ нимъ карой страждетъ, онъ скорѣй назвалъ.

118. Онъ мнѣ въ отвѣтъ: „Мое межъ тысячъ ложе.

---

101. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, грѣшники предсказываютъ Данту будущее; вотъ почему его занимаетъ вопросъ, какимъ образомъ они знаютъ это будущее, не зная настоящаго. Прекрасное сравненіе этой духовной способности грѣшныхъ съ плохимъ зрѣніемъ объясняется ученіемъ св. Ѳомы Аквината о томъ, что преступные духи могутъ видѣть только общее, абстрактное, а не конкретное, единичное, каково настоящее.

108. Послѣ страшнаго суда не будетъ болѣе будущаго, потому что не будетъ совсѣмъ времени.

109. Поэтъ не далъ Кавальканте отвѣта о его сынѣ, ошибочно думая, что грѣшники, зная будущее, знаютъ и настоящее. Теперь онъ проситъ Фаринату объяснить сосѣду его молчаніе этой ошибкой.

„Здѣсь кесарь Фредерикъ второй, потомъ
„Здѣсь Кардиналъ, о прочихъ знать не гоже“.

121. Онъ скрылся; я за древнимъ шелъ Пѣвцомъ,
Обдумывая то, что рѣчь такая
Сулила мнѣ въ пророчествѣ дурномъ.

124. Онъ двинулся впередъ и, ожидая
Меня, спросилъ: „Зачѣмъ ты такъ смущенъ?“
Когда жъ отвѣтилъ на его слова я,—

127. —„Скрой въ памяти все, что со всѣхъ сторонъ
„Ты слышишь о себѣ; потомъ вспомянешь,
„Но жди пока“, —и перстъ свой поднялъ онъ,—

130. „Какъ предъ очами сладкими предстанешь
„Той, чей все въ мірѣ видитъ ясный взоръ,
„Весь жизни путь своей ты видѣть станешь“.

133. Налѣво шагъ онъ повернулъ съ тѣхъ поръ;
Покинувъ стѣну, шли мы посрединѣ
Дорожкой, что спускается въ упоръ

136. Къ курящейся зловоньями долинѣ.

---

119. Кардиналъ Октавіанъ-дельи-Убальдини, называвшійся просто кардиналомъ. Императоръ Фридрихъ II, глубоко почитаемый самимъ Дантомъ, въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, справедливо или нѣтъ, почитался атеистомъ и эпикурейцемъ; потому-то здѣсь и наказывается.

130. Данту, смущенному предсказаніемъ его изгнанія, Виргилій напоминаетъ о Беатриче, которая укажетъ высшую цѣль и смыслъ всѣхъ жизненныхъ тревогъ и страданій Данта, и сознаніе этого смысла и цѣли сдѣлаетъ эти страданія не такими тяжкими, какими они кажутся Данту теперь.

Пѣснь одиннадцатая.

Раздѣленіе ада.

---

1. Вдоль по каймѣ крутого склона скалъ,
Который вдругъ усыпали каменья,
Къ тягчайшимъ мукамъ путь намъ въ глубь лежалъ.

4. Изъ пропасти курились испаренья,
И запахъ кверху столь зловонный шелъ,
Что я за крышкой гроба ждалъ спасенья.

7. На этой крышкѣ надпись я прочелъ,
Что папа Анастасій здѣсь томится,
Кого сюда Фотинъ діаконъ свелъ.

10. Вождь молвилъ: „Намъ не должно торопиться,
„Чтобъ къ мерзкимъ и зловоннымъ тѣмъ парамъ
„Ты постепенно могъ бы пріучиться“.—

13. И я спросилъ: „Что жъ должно дѣлать намъ,
Чтобъ не терялось время въ ожиданьи“?—
А Вождь: „О томъ сейчасъ я думалъ самъ“.—

---

4. Эти зловонныя испаренія исходятъ отъ кровавой рѣки въ первомъ отдѣленіи слѣдующаго круга, гдѣ наказываются тѣ, которые вредили ближнему насиліемъ.

8. Нѣкоторые критики и комментаторы обвиняютъ Данта въ томъ, что онъ смѣшиваетъ папу Анастасія съ императоромъ того же имени. Но всего вѣроятнѣе, Дантъ лучше зналъ, кого онъ разумѣлъ здѣсь папа Анастасій II (вступилъ на престолъ въ 496 году), первый изъ многихъ папъ, которыхъ Дантъ помѣстилъ въ адъ. Упоминаніемъ его Дантъ хочетъ показать, что и папа можетъ быть еретикомъ, а заблужденія столь могущественнаго лица близко граничатъ съ насиліемъ; поэтому онъ его и помѣщаетъ на границѣ еретиковъ

16. И началъ онъ: „Такъ напряги жъ вниманье:
„Три круга мукъ, хоть меньшей ширины
„Еще ты узришь въ краѣ наказанья.

19. „Всѣ три духовъ казнящихся полны.

и насильниковъ. Такимъ образомъ для Данта несуществуетъ личной непогрѣшимости. Какая зрѣлость мысли у человѣка XIII столѣтія и добраго католика, какимъ является Дантъ! Фотинъ, упоминаемый въ слѣдующемъ стихѣ, былъ діакономъ въ Ѳессалоникахъ, обвиненъ своими противниками въ ереси, и его внезапная смерть была сочтена за Божеское наказаніе. Это одинъ изъ примѣровъ того, какой энциклопедіей всякаго тогдашняго знанія является Божественная Комедія.

16. Здѣсь Виргилій начинаетъ объяснять Данту внутреннія основанія раздѣленія ада. Къ прим. IV—7 добавимъ слѣдующее:

Менѣе всѣхъ наказываются грѣхи, которые происходятъ отъ невоздержанія (ст. 82), потому что причиной ихъ является не злая воля, а недостатокъ сознанія и власти надъ собой; поэтому во 2, 3, 4 и 5 кругахъ менѣе тяжело наказываются сладострастники, чревоугодники, скупые, расточители и гнѣвные. За ними въ 6 кругу слѣдуютъ еретики, преступленія которыхъ точно также исключаютъ злую волю. А уже за ними идутъ дѣйствительно злые; они раздѣляются на *насильниковъ* и *обманщиковъ*. Первые, повидимому, наказываются менѣе строго чѣмъ послѣдніе, потому что грубыя страсти, приводящія ихъ къ насилію, могутъ быть разсматриваемы какъ природные недостатки. Между тѣмъ какъ обманщики хладнокровно употребляютъ данный людямъ, предпочтительно передъ всѣми другими существами, даръ разума, чтобы вредить ближнимъ. Поэтому, въ стихѣ 25, обманъ называется преступленіемъ „возможнымъ только для людей". Насильники наказываются въ 7 кругѣ и распадаются на три подраздѣленія: за насиліе противъ ближняго, противъ самого себя и противъ Бога. Насиліе противъ самого себя наказывается въ болѣе глубокомъ маломъ кругѣ, чѣмъ насиліе противъ ближняго; причина этому, что стремленіе къ самосохраненію есть первый и могущественнѣйшій инстинктъ во всякой твари, инстинктъ, который поддерживаетъ все живущее въ цѣломъ, заставляя каждую отдѣльную его часть заботиться о собственномъ благосостояніи. Идти противъ этого влеченія значитъ нарушать первую и важнѣйшую, инстинктивно намъ внушенную Божію заповѣдь. Обманъ раздѣляется на два рода смотря потому, совершенъ ли онъ въ отношеніи къ тѣмъ, къ кому мы должны блюсти лишь общечеловѣческія обязанности, или къ тѣмъ, съ кѣмъ мы связаны узами особаго довѣрія; первый родъ есть обманъ въ собственномъ смыслѣ, десять подраздѣленій котораго наказываются въ 10 рвахъ 8-го круга; второй родъ обнимаетъ измѣнниковъ, наказываемыхъ въ четырехъ отдѣленіяхъ 9-го круга смотря потому, измѣнили ли они ближнему, друзьямъ, отечеству или благодѣтелямъ. Такое раздѣленіе заимствовано Дантомъ у Ѳомы Аквинскаго и Аристотеля; классификація же обмана есть собственное оригинальное изобрѣтеніе самого Данта.

„Да будетъ же теперь тебѣ извѣстно,
„Какъ и за что они заключены.

22. „Неправдѣ всякой гнѣвъ грозитъ небесный,
„Коль жажда злого служитъ цѣлью ей,—
„Будь то насилье иль обманъ безчестный.

25. „Обманъ, возможный только для людей,
„Тѣмъ Божеству противнѣй и презрѣннѣй,
„И казнь ему тѣмъ ниже и страшнѣй.

28. „А какъ три вида есть у преступленій
„Насилія,—то наказанье имъ
„Раздѣлено затѣмъ межъ трехъ ступеней.

31. „Творцу, себѣ ли, ближнимъ ли своимъ
„Творится зло, ихъ тѣлу иль стяжанью,—
„И въ соотвѣтствьи съ этимъ адъ дѣлимъ.

34. Въ убійствѣ или въ тяжкомъ истязаньѣ
Насилье ближнимъ можетъ состоять;
А благамъ ихъ—въ дѣлахъ любостяжанья;

37. А потому убійца или тать
Ниспосланъ Вышней Правдою святою
Въ ближайшемъ маломъ кругѣ казнь пріять.

40. Себѣ насилье собственной рукою
Творящій, иль стяжанью своему,—
Нисходитъ въ отдѣленіе второе,

43. И тамъ самоубійца потому
И съ нимъ игрокъ расканьемъ сгораетъ,
На горесть и позоръ низвергнутъ въ тьму.

46. Насильнымъ смертный Божеству бываетъ,

---

23. *Жажда злого* (malizia) — особенность человѣка, погрязшаго въ порокахъ. Терминъ заимствованъ средневѣковой этикою у Апулея. (De dogmat. Platon.)

Коль естеству идетъ наперекоръ,
Иль Божій промыслъ дерзко отрицаетъ.

49. И третій малый кругъ—ихъ приговоръ;
Тамъ всѣ терзаются въ тоскѣ и срамѣ,
Кого Содомъ питали и Кагоръ.

52. Обманъ же, совѣсти нечистой пламя,
Двояко тоже можетъ быть свершенъ,—
Иль вообще съ людьми или съ друзьями.

55. Въ обманѣ первомъ дерзко оскорбленъ
Союзъ любви природный, непреложный;
Въ кругу второмъ большомъ казнится онъ,—

58. Льстецы, лгуны и люди мѣры ложной,
Ростовщики и симонисты тамъ,
И всякій видъ грѣха того возможный.

61. Въ тѣхъ всѣхъ грѣхахъ всеобщая къ людямъ
Любовь убита дѣломъ непріязни;
Невѣрность же въ любви къ своимъ друзьямъ

64. Стократъ чернѣй, страшнѣй и безобразнѣй.
Въ послѣднемъ, самомъ меньшемъ изъ круговъ
Невѣрности такой таятся казни".—

67. И молвилъ я: „Мой Вождь, изъ этихъ словъ
„Постигнулъ я геенны раздѣленье
„И раздѣленье казней и грѣховъ.

70. „Но молви: тѣ, кто въ Стиксовомъ теченьи
„Погружены, кого дожди кропятъ,
„Чье въ бурѣ иль среди мѣшковъ мученье,—

73. „Зачѣмъ съ другими въ раскаленный градъ

---

51. Содомъ извѣстенъ отвратительнымъ плотскимъ порокомъ, получившимъ свое названіе отъ этого города, Кагоръ—городъ на югѣ Франціи былъ извѣстенъ какъ гнѣздо ростовщиковъ.

„Не посланы, коль Богъ ихъ ненавидитъ?
„Коль нѣтъ, за что ихъ муки тяготятъ?“ —

76. Онъ мнѣ въ отвѣтъ: „Зачѣмъ твой духъ не видитъ
„Столь вѣрнаго пути средь темноты
„И почвы, самъ колеблясь, мимо и́детъ?

79. „О трехъ расположеньяхъ въ людяхъ ты
„Не просвѣтленъ ли этики язы́комъ,
„Небесной удостоенныхъ вражды,—

82 „Невоздержаньи, злобѣ или дикомъ
„Неистовствѣ? Такъ первое изъ нихъ
„Мученьямъ подлежитъ не столь великимъ.

85. „Размысли въ точномъ смыслѣ словъ моихъ,
„Кто въ этомъ жаркомъ городѣ томится
„И кто вверху; и первыхъ и вторыхъ

88. „Разсудкомъ сопоставь,—и объяснится
„Тебѣ тогда немедля, почему
„Ихъ менѣй мучитъ Божія десница!“—

91. —„О солнце знанья! Слабому уму
„Ты свѣтишь такъ, что больше мнѣ пріятно
„Въ сомнѣньи быть, чѣмъ вѣдать самому!

94. „Но возвратимся къ прежнему обратно;
„Разсѣй недоумѣніе мое:
„Въ чемъ грѣхъ ростовщиковъ, мнѣ непонятно“. —

---

79. Аристотель (Этика, VII). „Слѣдуетъ замѣтить, что существуютъ три расположенія, которыя мы должны подавлять въ себѣ: невоздержность, злоба и неистовстство“. По Бланку, въ 7 кругѣ наказывается неистовство (la bestialità), а въ слѣдующемъ—злоба (malizia), потому что Артистотель считаетъ неистовство меньшимъ зломъ, нежели сознательную злобу; а такъ какъ неистовство возбуждаетъ въ человѣкѣ противуестественныя страсти, то Дантъ и помѣстилъ въ 7 кругу Минотавра, Кентавровъ и Гарпій,—представителей озвѣрѣлаго вырожденія человѣческой природы подъ вліяніемъ неистовства противуестественныхъ страстей.

96. Дантъ спрашиваетъ: какимъ образомъ ростовщики насилуютъ Божьи дары? Виргилій отвѣчаетъ: Книга Бытія, въ которой содержится Откровеніе,

97. —„Изъ философіи, кто чтитъ ее,
„Неоднократно можетъ убѣдиться,
„Что все природы внѣшней бытіе

100. „Изъ разума Господняго родится
„И Божьяго искусства; было бъ слѣдъ
„По физикѣ тебѣ въ томъ научиться.

103. „Искусство ваше шло природѣ вслѣдъ,
„Какъ за учителемъ питомецъ малый,—
„И вашему искусству Божье—дѣдъ.

106. И по Писанью эти два начала
Семью людей ведутъ, чтобъ та въ одномъ
Жизнь, а въ другомъ развитье почерпала.

109. А ростовщикъ идетъ инымъ путемъ,
Презрѣвъ природы и искусства силу,
И видитъ цѣль своихъ надеждъ въ иномъ.

112. Но устремимся въ путь, о сынъ мой милый!
На небосклонѣ Рыбы поднялись,
А Колесница на Овнѣ почила,

115. И путь скалистый нашъ нисходитъ внизъ.

заповѣдуетъ въ потѣ лица есть свой хлѣбъ. Тому же учитъ природа, которая также есть дитя Божественнаго Духа. Человѣческое знаніе и человѣческое искусство, рождаемыя природой и такимъ образомъ какъ бы внуки Божественнаго Духа,—учатъ тому же самому. Ростовщики же вмѣсто того, чтобы, согласно этому правилу, зарабатывать свой хлѣбъ въ потѣ лица, дѣлаютъ пріобрѣтенія безъ работы и не для того, чтобы поддерживать свою жизнь, а чтобы скоплять богатство; такимъ образомъ, они возмущаются противъ Господней заповѣди, возвѣщаемой какъ природой, такъ и человѣческимъ знаніемъ. Потому же самому и другой упоминаемый въ ст. 50 порокъ является насиліемъ противъ Божества; и мы можемъ быть только благодарны поэту, что онъ не осквернилъ свои прекрасныя терцины, касаясь ближе этого предмета; въ общемъ, эта пѣснь, не отличаясь поэтическими красотами, удивительна своею ясностью, проницательностью и вѣрнымъ тактомъ въ развитіи абстрактнаго.

112. Это положеніе звѣздъ указываетъ на приближеніе утра. Колесница—созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

Пѣснь двѣнадцатая.

3-й отдѣлъ ада. 1-е отдѣленіе VII круга. Насиліе противъ ближняго. Кентавры. Хиронъ. Тираны въ кровавомъ потокѣ.

---

1. Суровъ былъ край, куда мы по крутымъ
Тропинкамъ двигались; а тѣмъ, который
Внутри его сокрытъ,—невыносимъ.

4. На Эчѣ такъ обвалъ обрушилъ горы;
Онъ пасть отъ сотрясенья почвы могъ
Или отъ недостаточной опоры.

7. И съ вышины, откуда сползъ отрогъ,
Зіяетъ такъ глубо́ко тамъ вдали дно,
Что сверху вовсе нѣтъ оттоль дорогъ.

10. Обвалъ такой и здѣсь намъ было видно,
Гдѣ тотъ лежалъ, его закрывши скатъ,
Кто Криту славой сдѣлался постыдной

---

1. Съ этой пѣснью начинается 7 кругъ, гдѣ наказывается насиліе; въ первомъ его отдѣленіи (или первомъ маломъ кругѣ) наказывается насиліе въ отношеніи ближнихъ.

2—3. Намекъ на Минотавра.

4. Между Ровередо и Ала, недалеко отъ желѣзнодорожной станціи Мори, находится происшедшій въ IX столѣтіи обвалъ Санъ-Марко. Эчъ оттуда поворачиваетъ на западъ. Данте, вѣроятно, видалъ это мѣсто, такъ какъ, по преданію, онъ жилъ нѣкоторое время въ Тиролѣ.

12. Минотавръ—плодъ преступнаго соитія Пасифаи съ быкомъ (чтобы возбудить сладострастіе котораго Пасифая надѣвала телячью шкуру), миѳическое чудовище, получеловѣкъ—полубыкъ; ему въ жертву Аѳиняне ежегодно отправляли въ дань 7 юношей и 7 дѣвушекъ; его убилъ Тезей при помощи Аріадны, дочери Миноса, давшей Тезею клубокъ нитокъ, чтобы выбраться изъ лабиринта, мѣстопребыванія Минотавра. Въ этомъ фантастическомъ образѣ

13. И кто поддѣльной телкой былъ зачатъ.
Себя кусалъ онъ въ ярости безмѣрной,
Какъ тотъ, кто гнѣвомъ внутреннимъ объятъ.

16. И Вождь ему вскричалъ тогда: „Навѣрно
„Ты думаешь, что это князь Аѳинъ,
„Кто былъ тебѣ столь страшенъ въ жизни скверной?

19. „Ты видишь не его, порока сынъ!
„Въ путь не твоей сестрою сей направленъ,
„Но казнь вамъ зрѣть идетъ онъ въ глубь пучинъ!“

22. Какъ волъ, въ чью глотку смертный ножъ направленъ,
Принявъ ударъ, замечется, но все-жъ
Не сброситъ путы, силою оставленъ,—

25. Такъ Минотавръ метаться началъ тожъ.
А Вождь: „Къ проходу ускори стремленье;
„Покуда онъ такъ бѣшенъ, ты уйдешь“.

28. Мы шли по склону горъ, и въ нисхожденьи
Подъ тяжестью, столь новою для нихъ,
Катились изъ-подъ ногъ моихъ каменья.

31. Я, въ размышленье погрузясь, затихъ;
А Вождь: „Про бѣса думалъ ты, я знаю,
„И про обвалъ, что мы прошли сей мигъ.

34. „Когда я былъ впервые въ этомъ краѣ,
„Въ пути мной встрѣченъ не былъ сей обвалъ,
„И какъ стѣна была гора крутая.

мы узнаемъ символъ трехъ видовъ насилія: противъ Бога—самымъ его происхожденіемъ, противъ ближнихъ—данью Аѳинянъ, и противъ самого себя тѣмъ, что относительно его говорится въ 14 стихѣ.

20. Аріадной.

22—24 Сравненіе, заимствованное изъ обрядовъ жертвоприношенія.

29. Потому что Дантъ былъ единственный человѣкъ, спускавшійся сюда тѣлесно; кромѣ него проходили здѣсь только легкія тѣни.

34—36 См. прим. IX, 22—27.

37. „Когда жъ, спустя немного, въ адъ вступалъ
„Нисшедшій свыше, кто десницей сильной
„Отъ Диса лучшую добычу взялъ,—

40. „Такъ задрожалъ, смутясь, весь мракъ могильный,
„Что думалъ я, что первая любовь,
„Разлившись въ мірѣ всемъ рѣкой обильной.

43. „Міръ въ хаосъ обратить готова вновь.
„И этихъ горъ основы сокрушила
„Она тогда. Но погляди: вотъ кровь

46. „Рѣкой ложбину дола затопила!
„Здѣсь страждутъ всѣ, кипя въ пучинѣ злой,
„Кто ближнему вредилъ при жизни силой“.

49 О страсть безумная, о гнѣвъ слѣпой!
Твой пламень въ краткой жизни—воздаяній
Тяжелыхъ стóитъ людямъ въ безднѣ той!

52. На лукомъ изогнувшейся полянѣ
Широко кровь разли́лась здѣсь и тамъ,
Какъ мнѣ о томъ сказалъ Учитель ранѣй.

55. Кентавры бѣгали по берегамъ,

---

37. Рѣчь идетъ о сошествіи Христа во адъ и о землетрясеніи, происшедшемъ отъ этого. Это случилось лѣтъ черезъ 50 послѣ смерти Виргилія (имя Христа ни разу не упоминается во всемъ Адѣ).

39. *Лучшую добычу*—души ветхозавѣтныхъ праведниковъ.

41. Эмпедоклъ училъ, что міръ состоитъ изъ четырехъ стихій, приводимыхъ въ движеніе двумя первоначальными силами: любовью и враждой. Любовь соединяетъ сходное, вражда разъединяетъ разнородное, и такимъ образомъ даетъ міру теперешній видъ путемъ раздѣленія его цѣлаго на отдѣльныя явленія. Безъ вражды вселенная потеряла бы свой видъ и обратилась бы въ хаосъ.

46. Рѣка крови, въ которой наказывается насиліе ближнему. Отношеніе этого наказанія къ винѣ не требуетъ объясненія.

49. Гнѣвные, какъ мы видѣли, наказываются между невоздержными въ 5 кругѣ. Здѣсь рѣчь идетъ о такихъ, которые свою страсть доводили до насилія.

55. Кентавры—символъ жизни звѣроподобной безъ законовъ, дикой силы и несдерживаемыхъ желаній, поэтому они и приставлены наказывать тирановъ и убійцъ.

Спуская стрѣлы съ лука то и дѣло,
Какъ будто бы охотясь по звѣрямъ.

58. Едва лишь насъ ихъ стая усмотрѣла,—
Замолкли всѣ, и вышло три впередъ,
Уставя наготовѣ лукъ и стрѣлы.

61. Вскричалъ одинъ: „Какой васъ судъ ведетъ?
„Въ которомъ кругѣ ваше наказанье?
„Отвѣтьте, или васъ стрѣла убьетъ!“

64. —„Хирону дамъ о томъ я указанье;
„Къ бѣдѣ твоей“,—такъ Вождь ему сказалъ,
„Всегда излишне пылокъ ты въ желаньи“.

67. —„Предъ нами Нессъ“,—кентавра онъ назвалъ,—
„Что былъ сраженъ Геракловой стрѣлою
„И хитростью за смерть ему воздалъ.

70. „А посреди съ поникшей головою
„Хиронъ, которымъ вскормленъ Ахиллесъ,
„А сзади Фолъ; но ихъ не только трое,

73. „Ихъ тысячи съ оружьемъ ѣздитъ здѣсь,
„Разя всѣхъ тѣхъ, кто, вынырнувъ, покинулъ
„Потокъ, куда повергъ ихъ гнѣвъ небесъ“.

76. Мы приближались; изъ колчана вынулъ
Хиронъ стрѣлу и уса отворотъ
Назадъ отъ губъ стрѣлою онъ откинулъ.

---

67. Нессъ соблазнилъ Деяниру, перевозя ее, по просьбѣ Геркулеса, черезъ рѣку; но Геркулесъ убилъ его стрѣлою, обмакнутою въ кровь лернейской гидры. Нессъ умирая отомстилъ за себя, увѣривъ Деяниру, что платье, окрашенное его отравленною кровью, гарантируетъ ей вѣрность Геркулеса. Надѣвъ это платье, Геркулесъ почувствовалъ такія мученія, что сжогъ себя на кострѣ.

71. Хиронъ, сынъ Сатурна, воспитатель Ахилла, извѣстный своей мудростью; поникшая его голова указываетъ на склонность къ задумчивости.

72. Фолъ—одинъ изъ участниковъ похищенія Гипподаміи.

79. —„Что это?“ онъ раскрылъ широкій ротъ
Къ товарищамъ,—„вы видѣли? Отъ ходу
„Ногами движетъ камни задній тотъ!

82. „Не свойственно ходить такъ мертвыхъ роду,
„Не движутъ камней тѣни никогда!“
Къ его груди, гдѣ слились двѣ природы,

85. Приникъ тутъ Вождь, сказавъ: „Живой онъ, да,
„Ведомый вышней волей неизмѣнной,
„Не добровольнымъ выборомъ сюда.

88. „Душа изъ тѣхъ, кто гимнъ поетъ блаженный,
„Долгъ возложила новый на меня;
„Онъ не разбойникъ, я не духъ геенны.

91. „Но добродѣтелью, которой я
„Ведомъ во тьмѣ, сквозь бѣдствій рой несчётный,
„Тебя заклясть дерзаю я, моля,

94. „Да спутника намъ дашь ты доброхотно,
„Чтобъ перенесть сего черезъ потокъ;
„Не можетъ онъ летать, какъ духъ безплотный“.

97. И отогнувъ усы на правый бокъ,
Сказалъ кентавръ: „Ты, Нессъ, будь имъ охраной,
„Чтобъ полкъ другой обидѣть ихъ не могъ!“

100. Съ проводникомъ надежнымъ невозбранно
Со мной тогда Учитель въ путь потекъ
По побережью пѣны той багряной.

103. И тѣни тамъ погружены до вѣкъ.

---

80. По движенію камней, на которые наступаетъ Дантъ, Хиронъ заключаетъ, что онъ живой, потому что легкія тѣни переносясь никогда камней не задѣваютъ.

90 *Онъ не разбойникъ,* потому что въ 8 кругѣ наказываются разбойники, *я не духъ геенны*—не демонъ.

91. *Добродѣтелью,* а не именемъ Божіимъ, потому что духи ада недостойны слышать Божіе имя.

—„Вотъ здѣсь тирановъ жребій безотрадный
„Съ грабителями“,—намъ кентавръ изрекъ:

106. „Здѣсь Александръ казнится кровожадный;
„Сициліи прекрасной властелинъ,
„Здѣсь Діонисій страждетъ безпощадный.

109. „Тѣнь черная вонъ тамъ,—то Аццолинъ;

---

106. Александръ, вѣроятно, не сынъ Филиппа, котораго Дантъ очень восхваляетъ въ Convito, а Александръ Ферей, тиранъ Өессалоникскій.

Діонисій—тиранъ Сиракузскій.

109. Аццолино или Эццолино ди Романо, тиранъ Падуанскій, по прозвищу Сынъ Дьявола, о которомъ упоминаетъ Аріостъ въ Orlando Furioso, III, 33. его исторія у Сисмонди Histoire des Republiques Italiennes XIX. Онъ настолько оскорблялъ религіозное чувство народа своими жестокостями, что противъ него былъ проповѣданъ крестовый походъ, и онъ умеръ плѣнникомъ въ 1259 году, сорвавши повязки со своихъ ранъ. Эццолино, говоритъ Сисмонди: «былъ маленькаго роста, но весь его видъ и всѣ его движенія обличали въ немъ солдата, его языкъ былъ язвителенъ, его лицо высокомѣрно, однимъ своимъ взглядомъ онъ заставлялъ трепетать самыхъ храбрыхъ. Его душа настолько очерствѣла, что онъ не находилъ удовольствія въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Онъ удалялся даже отъ женщинъ, и можетъ быть по той же причинѣ онъ ихъ наказывалъ такъ же безжалостно, какъ и мужчинъ. Онъ умеръ на 66 году, послѣ 34 лѣтъ кроваваго правленія».

Нѣкоторые анекдоты о немъ, находящіеся въ „Cento Novelle Antiche“, показываютъ, какъ его память запечатлѣлась въ народныхъ умахъ; вотъ два изъ нихъ:

„Однажды Мессеръ Аццолино ди Романо объявилъ по всѣмъ своимъ владѣніямъ и по чужимъ, что онъ хочетъ раздать великую милостыню, и чтобы всѣ нищіе, мужчины и женщины, собрались къ нему въ извѣстный день, а онъ каждому дастъ новое платье и запасъ пищи. Въ назначенный день, когда, нищіе собрались, его слуги велѣли имъ раздѣться и надѣть новыя платья потомъ накормили ихъ. Когда нищіе попросили обратно свои старыя лохмотья, имъ отвѣтили, что они всѣ сожжены, между тѣмъ они были цѣлы, и Аццолино нашелъ въ нихъ зашитымъ столько золота и серебра, что окупилъ всѣ свои издержки“.

Насколько онъ былъ страшенъ, показываетъ слѣдующій разсказъ: „Разъ въ присутствіи императора, зашла рѣчь о томъ, чья сабля лучше. Императоръ вынулъ свою, которая была украшена золотомъ и драгоцѣнными камнями; тогда мессеръ Аццолино сказалъ: „Она хороша, но моя, хотя и безъ всякаго украшенія, а лучше“. И онъ вынулъ свою; тогда 600 рыцарей, которые были съ нимъ, всѣ вынули свои сабли. Императоръ, увидя этотъ лѣсъ сабель, сказалъ: „Да, ваша лучше“.

„Обиццо д'Эсте—русая другая,
„Кого убилъ его же сводный-сынъ“.

112. Тутъ я къ Вождю приникъ; но онъ, кивая
На Несса, молвилъ: „Первый будетъ онъ;
„Здѣсь лишь вторымъ могу быть для тебя я“.

115. А далѣе нашъ взоръ былъ привлеченъ
Тѣня́ми, кто въ кровавой той пучинѣ
Ужъ только былъ по шею погруженъ.

118. Нессъ указалъ: „Вотъ тотъ, кто предъ святыней
„Господня храма сердце то пронзилъ,
„Которое на Темзѣ чтутъ донынѣ“.

121. А далѣе кентавръ насъ проводилъ
Мимо большой толпы, потокъ которой
Не лица лишь,—а станъ весь обнажилъ;

124. Потомъ такіе тамъ явились взору,

---

110. Обиццо (или Обеццо) д'Эсте, маркизъ Феррарскій. Его убилъ Аццо, „котораго онъ считалъ своимъ сыномъ“, говоритъ Боккачіо, „но который былъ ему не сынъ“.

113—114. Т.-е. Нессъ разскажетъ тебѣ лучше, чѣмъ я.

119. Гвидо ди Монфорте, который убилъ принца Генриха Анжуйскаго въ 1271 году въ церкви Витербо, гдѣ собирались кардиналы для избранія преемника Клименту IV. Они долго спорили; тутъ были Карлъ Анжуйскій и Филиппъ Французскій съ Эдуардомъ и Генрихомъ, дѣтьми Ричарда, Герцога Корнвалійскаго. Во время богослуженія Гвидо ударилъ Генриха въ самое сердце, мстя ему за смерть графа Лейчестера, хотя Генрихъ старался выхлопотать ему прощенье; такое оскорбленіе святыни смутило всѣхъ, но Гвидо вскричалъ: „Я только отплатилъ ему той же монетой“. Когда ему напомнили, что трупъ его отца волочили по улицамъ, то Гвидо взялъ Генриха за волосы, вытащилъ его изъ церкви и оставилъ его на улицѣ, а самъ безнаказанно вернулся въ замокъ своего тестя, графа Россо ди Маремма. Тѣло принца было перевезено въ Англію и погребено въ Гейльсѣ, въ графствѣ Глостерскомъ, а сердце его заключено въ золотую вазу и поставлено на гробѣ Эдуарда Исповѣдника въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

121. По величинѣ преступленія грѣшники погружены болѣе или менѣе глубоко въ кровавой рѣкѣ, такъ что тирановъ кровь закрываетъ по вѣки глазъ, а меньшимъ преступникамъ едва закрываетъ ступни.

Которымъ валъ лишь скрылъ ступни у ногъ;
И въ бродъ потокъ тутъ перешли мы скоро.

127. Кентавръ сказалъ: „Ты видишь, здѣсь потокъ
„Мелѣетъ такъ, что дно едва кровавитъ;
„Но я хочу, чтобы узнать ты могъ,

130. „Что тѣмъ сильнѣй на томъ краю онъ давитъ,
„Къ той глубинѣ катя валы свои,
„Гдѣ вышній судъ тиранамъ кару ставитъ.

133. „Тамъ погруженъ Атилла, бичъ земли,
„И Пирръ и Секстъ съ нимъ вмѣстѣ тамъ томятся
„И проливаютъ вѣчно слезъ струи,

136. „Что отъ кипѣнья тотчасъ испарятся;
„Тамъ на дорогахъ ведшіе разбой
„Риньеръ Корнето и Риньеръ де Пацци!“

139. И быстрой онъ назадъ пошелъ стопой

133—134. Атилла—царь Гунновъ, бичъ Божій. Какой Пирръ и какой Секстъ—неизвѣстно; вѣроятно, Пирръ, царь Эпирскій и Секстъ Помпей,—пиратъ.

138. Риньеръ Корнето и Риньеръ де Пацци—итальянскіе разбойники.

Пѣснь тринадцатая.

VII кругъ, 2-е отдѣленіе. Самоубійцы. Пьетро да Винеа. Игроки.

---

1. Еще назадъ не возвратился Нессъ,
Какъ вслѣдъ за этимъ путь тропинки торной
Исчезнулъ, заведя насъ въ темный лѣсъ.

4. Не зеленъ былъ въ немъ листъ, но буро-черный;
Не гладки вѣтви,—въ иглахъ и узлахъ,
Не плодъ на нихъ, но въ капляхъ сокъ тлетворный.

7. И никогда въ такую глушь въ лѣсахъ
Цвѣтущихъ мѣстъ Корнето и Чечины
Не загонялъ звѣрей пугливыхъ страхъ.

10. Тамъ Гарпіи гнѣздятся, чей дружины
Троянскія съ Строфадскихъ высей крикъ
Запугивалъ предвѣстіемъ кручины.

13. Крыла у нихъ, но человѣчій ликъ,
На лапахъ когти и животъ пернатый;
Они кричатъ, ихъ голосъ странно дикъ.

16. — „Здѣсь малый кругъ второй!“ Такъ мнѣ Вожатый

---

7. Корнето—маленькій городъ въ Церковной области, Чечина—рѣка, впадающая въ море къ югу отъ Ливорно; около обоихъ лѣса, населенные оленями и другими звѣрями.

10. Гарпіи, по Виргилію, напророчили Троянамъ, что послѣдніе должны вынести много голода и горя, прежде чѣмъ заложатъ стѣны своего города. Здѣсь они являются символами той неосновательной мнительности, которая побуждаетъ человѣка къ самоубійству,

16. Во второмъ отдѣленіи 7 круга наказывается насиліе противъ самого себя, т.-е. самоубійство.

Мой благостный, уча меня, изрёкъ:
„И въ немъ ты будешь до тѣхъ поръ, пока ты

19. „Сыпучій не увидишь вкругъ песокъ.
„Здѣсь я хочу, чтобъ въ томъ ты убѣдился,
„Чему въ моихъ рѣчахъ не вѣрить могъ“.

22. Вокругъ вездѣ звукъ жалобъ разносился;
Не видя, изъ чего неслись онѣ,
Въ смущеньи молча я остановился.

25. Вождь, думаю, подумалъ, будто мнѣ
Придумалось, что это стонутъ люди,
Которые сокрыты въ глубинѣ;

28. И онъ промолвилъ: „Ты постигнешь,—буде
„Ты вѣтку съ одного отломишь пня,—
„Ложь мыслей, что въ твоей таятся груди“.—

31. Впередъ немного руку отклоня,
Сорвалъ я вѣтвь съ древеснаго верховья.
Вдругъ стволъ вскричалъ: „Зачѣмъ казнишь меня?“—

34. И весь изломъ покрылся темной кровью.
— „Знать, никогда,“ —послышались слова,—
„Въ тебѣ душа не трогалась любовью!“

37. „Мы были люди, нынѣ жъ дерева.
„Но будь змѣей я даже смертноносной,
„То ты жесточе могъ бы быть едва“.—

40. Какъ, если въ пламя стволъ мы вложимъ росный,
То завизжитъ, сгибаясь какъ языкъ,
Другой конецъ отъ тяги перекрёстной,—

43. Такъ изъ ствола шелъ горькихъ жалобъ крикъ

20—21. См. прим. къ 46.

25. Io credo ch'ei credette ch'io credesse,—сохраняю въ переводѣ этотъ оригинальный оборотъ.

И кровь; и въ страхѣ уронилъ я бремя
И устрашенный головой поникъ.

46. — „Когда бъ онъ извѣщенъ о томъ былъ всѣми
„Событьями, о коихъ мой разсказъ“, -
Вождь молвилъ,—„онъ встрѣчалъ въ моей поэмѣ,--

49. „Его рука на то бъ не поднялась;
„Чтобъ показать, что все въ ней вѣроятно,
„Совѣтъ я далъ, столь горькій мнѣ сейчасъ.

52. „Но мздою онъ воздастъ тебѣ пріятной,—
„Лишь разскажи ему, кто ты таковъ,—
„Зане пойдетъ онъ въ свѣтлый міръ обратно“.—

55. И бѣдный стволъ отвѣтилъ: „Этихъ словъ
„Ласкательныхъ приманка такъ велика,
„Что я прильнуть къ нимъ всей душой готовъ.

---

46. Виргилій разсказываетъ въ 3 пѣсни Энеиды, что Эней, сломивши вѣтку дерева, услышалъ голосъ заключеннаго въ этомъ деревѣ Полидора. Заставивъ Данта сломить вѣтку съ этого дерева, онъ имѣлъ эгоистическое намѣреніе внушить Данту вѣру во все то, что разсказано въ его поэмѣ; теперь онъ чувствуетъ, какъ несправедливо доставлять страданія другому изъ своекорыстныхъ цѣлей, а потому благородно сознается въ своемъ проступкѣ и хочетъ возмѣстить причиненную бѣдному грѣшнику боль, возобновивши памятъ его въ мірѣ.

55. Говорящій духъ есть Піетро да Винеа (иначе de Veneis, Pierre de Vigne) канцлеръ Фридриха II, долгое время пользовавшійся его неограниченнымъ довѣріемъ. Вмѣстѣ съ Таддео ди Сесса онъ былъ посланъ Фридрихомъ въ качествѣ представителя своего государя на Ліонскій соборъ, собранный Иннокентіемъ IV подъ предлогомъ реформъ въ церкви, а въ сущности для того, чтобы придать больше важности и силы приговору, отлучавшему Фридриха отъ церкви. Таддео горячо и смѣло выступилъ адвокатомъ своего государя, а Пьетро молчалъ. Благодаря его молчанію, его обвинили въ томъ, что онъ подкупленъ папой не только содѣйствовать отлученію Фридриха, но даже и покуситься на его жизнь. Былъ ли онъ дѣйствительно виновенъ, или сталъ только жертвой интриги, неизвѣстно. Фридрихъ велѣлъ его ослѣпить, и этотъ приговоръ былъ исполненъ въ San Miniato al Tedesco. Потомъ онъ былъ отправленъ въ Пизу, гдѣ съ отчаянія покончилъ съ собой. Народная легенда разсказываетъ, что когда Фридрихъ былъ боленъ, а приставленный къ нему его канцлеромъ врачъ подносилъ ему лекарственное снадобье, императоръ спросилъ у Винеа: „Другъ мой! Я тебѣ вѣрю вполнѣ, дѣйствительно ли это лекарство, а не ядъ?“—„Конечно“, отвѣчалъ Винеа. Императоръ велѣлъ врачу выпить лекарство; врачъ

58. „Я обладалъ отъ сердца Фредерика
„Обоими ключами: отпирать
„И запирать его я былъ владыка,

61. „Съумѣвъ оттуда прочихъ всѣхъ изгнать.
„И этотъ славный долгъ я несъ такъ вѣрно,
„Что плоть и кровь былъ радъ ему отдать.

64. „Блудница та, что взоръ свой лицемѣрный
„Не въ силахъ отъ царей вовѣкъ отвесть,—
„Всеобщая дворовъ чума и скверна,—

67. „Всѣхъ противу меня зажгла на месть.
„Зажженные, зажгли они лукаво
„И Августа; и въ скорбь мнѣ стала честь.

70. „Но смертiю спасти желая славу,
„Не въ силахъ снесть презрѣнiя порывъ,—
„Передъ собой неправымъ сталъ я, правый.

73. „И,—корня проростающiй извивъ
„Да будетъ клятвой мнѣ,—столь святотатно
„Предъ Цезаремъ моимъ я не былъ лживъ!

76. „Но если ты вернешься въ свѣтъ обратно,
„То съ памяти моей, молю, отмой
„Наложенныя завистiю пятна!“—

79. Помедливъ мигъ, сказалъ Учитель мой:
— „Такъ какъ онъ смолкъ, то не теряй мгновенья,
„И то, о чемъ спросить хотѣлъ, не скрой“.—

82. — „По твоему самъ спросишь усмотрѣнью“;—
Я молвилъ: „говорить уста мои
„Не въ силахъ отъ избытка сожалѣнья!“—

бросился къ его ногамъ и сознался, что это ядъ; Фридрихъ велѣлъ бросить Винеа въ темницу, гдѣ тотъ разбилъ себѣ голову о стѣну. Рѣчь Винеа у Данта отличается той изысканностью, которая была въ модѣ въ придворномъ языкѣ того времени.

61. Зависть.

85. И Вождь стволу: „Когда слова твои
„И что ты просишь, онъ исполнитъ честно,
„То, плѣнный духъ, еще благоволи

88. „Сказать, какъ человѣку видъ древесный
„Дается, и кто можетъ ли изъ васъ
„Отъ оболочки той избѣгнуть тѣсной?“—

91. И стволъ задулъ сильнѣе, и тотчасъ
Такое слово въ вѣтрѣ загудѣло:
„Про то коротокъ будетъ мой разсказъ.

94. „Чуть кровожадный духъ разстался съ тѣломъ,
„Что добровольно съ нимъ разлучено,—
„Сей кругъ Миносъ даетъ ему удѣломъ.

97. „Не вѣдаетъ душа, гдѣ суждено
„Пустить ей корни при своемъ паденьи;
„И здѣсь она, проросши какъ зерно,

100. „Даетъ ростокъ, подобная растенью,
„А эти листья, страшныхъ Гарпій снѣдь,—
„И мука наша, и окно мученью!

103. „Свои останки сладко намъ имѣть,
„Не съ тѣмъ, чтобъ въ нихъ облечься вновь,—не гоже
„Тѣмъ, чего самъ себя лишишь владѣть,—

---

93. Въ далѣе слѣдующихъ стихахъ излагается наказаніе самоубійцъ; укажемъ соотношеніе между этимъ наказаніемъ и преступленіемъ. Какъ только самоубійца, не ожидая естественнаго развитія судьбы, бросается въ тьму неизвѣстности, то онъ не долженъ знать, куда попадетъ при своемъ паденіи (ст. 97—98). И какъ противуестественно освободилъ себя грѣшный духъ отъ тѣла, такъ же противуестественно онъ будетъ заключенъ въ дерево. Для него жизнь потеряла духовный смыслъ, онъ видѣлъ только ея растительную сторону, и вотъ онъ теперь обращенъ въ растеніе. Его терзаютъ Гарпіи, какъ угрызенія совѣсти; постоянно ужасаясь передъ своею собственною смертью, онъ, въ своемъ воображеніи, постоянно видитъ передъ собою свой трупъ. Вотъ потому то трупы самоубійцъ будутъ повѣшены на тѣ дерева, въ которыхъ заключены ихъ души, терзая ихъ вѣчно своимъ видомъ.

102. *Мука* боли, а *окно мученью*—возможность найти облегченье, высказавши эту боль.

106. „Потомъ сюда мы привлечемъ ихъ тоже;
„Всякъ на своемъ стволѣ, на насъ тѣла
„Повѣсятся, собою насъ тревожа“...

109. Еще свободно рѣчь его текла,
И слушать мы хотѣли,—какъ въ мгновенье
Возня бесѣду нашу прервала̀.

112. Какъ тотъ, кто чуетъ вепря приближенье,
Отъ страха безъ оглядки мчится вдругъ,
Звѣрей и листьевъ слыша шевеленье,—

115. Такъ слѣва видѣлъ я бѣгущихъ двухъ,
Что въ бѣгѣ были наги и раздра̀ны
И вѣтки лѣса всѣ ломали вкругъ.

118. — „Смерть, помоги!“ передній постоянно
Кричалъ; другой ему замѣтилъ: „Тутъ
„Не такъ какъ въ битвѣ Топпіанской, Лано!

121. „Твои ступни здѣсь медленнѣй бѣгутъ!“—
А тотъ, дыханія лишенный, скоро
Нашелъ внизу кустарника пріютъ.

124. Кругомъ же въ лѣсѣ засверкали взоры

---

109. Здѣсь наказывается также насиліе и противъ *своего имѣнія*,—ярые расточители своего имущества, въ особенности игроки. Они наказываются строже, чѣмъ веселые расточители, которыхъ мы видѣли въ 7 пѣсни, потому что расточительность тѣхъ была безцѣльна, а эти преслѣдуемы яростными страстями, какъ собаками. Въ своемъ безысходнымъ положеніи у нихъ достаетъ еще духу смѣяться другъ надъ другомъ, что соотвѣтствуетъ ихъ характеру. Нѣкоторые коментаторы видятъ въ собакахъ бѣдность и отчаяніе, преслѣдующія людей этого рода.

120. Лано, по словамъ Боккачіо, былъ одинъ молодой сьенскій дворянинъ, очень богатый, основавшій знаменитый клубъ, о которомъ Данте упоминаетъ въ XXIX, 130, и скоро промотавшійся. Собравши отрядъ флорентинцевъ, онъ отправился противъ Аретинцевъ, но былъ разбитъ при Топпо и вмѣсто того, чтобы спасаться бѣгствомъ, бросился въ ряды непріятелей и былъ убитъ. Здѣсь въ аду онъ напрасно призываетъ на помощь смерть, надъ чѣмъ и смѣется его сотоварищъ по несчастію Джакопо ди Сант'Андреа, тоже извѣстный игрокъ.

Собакъ, что мчались быстры и легки,
Какъ мчится цѣпь порвавшихъ гончихъ свора.

127. Они вонзили въ грѣшника клыки,
И разорвали трупъ его кровавый
Со скрежетомъ зубовъ въ куски, въ куски!

130. Коснулся Вождь меня рукою правой,
Ведя къ кусту, который тѣмъ сильнѣй
Рыдалъ надъ горестной своей потравой,

133. Крича: „Зачѣмъ, Джакопо Сантъ-Андрей,
„Меня въ свое избралъ ты изголовье?
„Я ль въ казни гнусной виноватъ твоей?"

136. Тогда Учитель, ставъ предъ нимъ съ любовью,
Спросилъ его: „Кто ты, изъ стольких мѣстъ
„Точащій рѣчи горя вмѣстѣ съ кровью?"

139. Тотъ молвилъ: „Вы, кто видите мой крестъ
„И видите поступокъ сей нахальный,
„Мои листы разсыпавшій окрестъ!

142. „Обсыпьте ими вкругъ мой кустъ печальный!
„Я самъ изъ города, гдѣ замѣненъ
„Крестителемъ патронъ первоначальный.

---

133. Кто тотъ самоубійца, который здѣсь говоритъ, неизвѣстно, но, вѣроятно, для современниковъ онъ былъ обозначенъ достаточно ясно тѣмъ, что Джакопо скрывается въ его кустарникѣ; а это, вѣроятно, означаетъ, что говорящій содѣйствовалъ его расточительности, а тѣмъ самымъ и его самоубійству. Недаромъ онъ говоритъ, что онъ не виновенъ въ порочности Джакопо!

143 Флоренція, до принятія христіанства, была подъ покровительствомъ бога Марса, статуя котораго во времена Данта находилась на мосту черезъ Арно; позже она выбрала своимъ патрономъ Іоанна Крестителя и чеканила его изображеніе на монетѣ; стихи 144 и 159 обозначаютъ: Флоренція вѣритъ теперь больше золоту, чѣмъ храбрости, поэтому ей въ войнѣ не будетъ удачи; не останься въ городѣ немного храбрости, не выстроиться бы ему вновь, послѣ разрушенія его Атиллою.

(Историческая ошибка: Атилла никогда не разрушалъ Флоренцію; ее разрушилъ готъ Тотилла въ 450 году; въ Дантовскія времена эти два имени смѣ-

145. „За то граждaнъ всегда печалитъ онъ,
„Хоть на мосту чрезъ Арно, какъ въ началѣ,
„Доселѣ ликъ его не поврежденъ;

148. „И кто его изъ праха возставляли,
„Въ какой все обратилъ Атилла тамъ,
„Успѣшно это сдѣлали едва ли!

151. „Повѣсился въ своемъ я домѣ самъ!“ —

шивались. Ottimo Commento говоритъ: „Нѣкоторые говорятъ что Атилла одно лицо, а Тотилла другое, а нѣкоторые говорятъ, что это одинъ и тотъ же человѣкъ“).

Пѣснь четырнадцатая.

VII кругъ, 3-е отдѣленіе. Богохулители, ростовщики и содомиты подъ огненнымъ дождемъ Капаней. Статуя Времени. Флегетонъ.

---

1. Весь потрясенный памятью отчизны,
Собрàлъ я вокругъ листы, какъ жаждалъ тотъ,
Который хриплымъ сталъ отъ укоризны;

4. И подошли мы къ грани, что идетъ
Межъ третьимъ кругомъ и вторымъ, гдѣ глазу
Предсталъ другой возмездья страшный родъ.

7. Представлю я, для лучшаго разсказу,
Степь, что, калясь до цвѣта багреца,
Въ себѣ бы всякій злакъ сгубила сразу;

10. Лѣсъ шелъ вокругъ подобіемъ вѣнца,
Какъ самъ обвитъ онъ рвомъ и вала склономъ,—
И стали мы въ концѣ его конца.

---

6. Въ этомъ *третьемъ маломъ кругѣ* наказывается насиліе въ отношеніи Божества, т.-е. богохуленіе, ростовщичество и противоестественные плотскіе грѣхи. (XI, ст. 46 и 94.) Мѣсто наказанія—песчаная равнина, надъ которой идетъ огненный дождь, воспламеняя песокъ, такъ что жаръ его палитъ грѣшниковъ и непосредственно,—самыми падающими хлопьями, и посредствомъ зажигающагося отъ хлопьевъ песка. Богохулители лежатъ на пескѣ, ростовщики сидятъ, а содомиты безъ устали бѣгаютъ. Пламя божественной любви и истины, которое они презирали, терзаетъ ихъ теперь въ видѣ раздѣленныхъ хлопьевъ огненнаго дождя; такимъ образомъ, здѣсь, какъ и всюду, сохраняется тѣсная связь между преступленіемъ и карою за него, являясь въ сильной и прекрасной поэтической картинѣ.

10. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, надо имѣть въ виду устройство ада въ видѣ постепенно съуживающихся и понижающихся круговъ (см. прим. IV, 7).

13. Вся почва вкругъ казалась раскаленнымъ
Пескомъ; его такимъ могу я счесть,
Какой пройдёнъ былъ нѣкогда Катономъ.

16. Какъ ты страшна должна быть, Божья месть,
Для всѣхъ, кому пришлось мои глаголы
И мой разсказъ о видѣнномъ прочесть!

19. Я многихъ душъ тамъ видѣлъ въ стаѣ голой,
И, кажется, грѣховъ различный родъ
Низвергъ ихъ для различныхъ казней долу.

22. Ничкомъ упавъ, одна часть казни ждетъ;
Другіе, сѣвъ на мѣстѣ, возсѣдали;
Ходили третьи взадъ или впередъ.

25. Ходившіе всѣхъ счетомъ превышали;
Лежавшихъ было меньше, но стеня
Они страданья болѣе являли.

28. И надо всею степью, видѣлъ я,
Какъ снѣгъ на Альпахъ медленно и мѣрно
Дождились хлопья крупныя огня.

31. Зрѣлъ Александръ подобное, навѣрно,
Какъ въ Индію свою водилъ онъ рать,
Гдѣ спаивался съ почвой пламень сѣрный;

34. Затѣмъ то войску онъ велѣлъ топтать

---

14. Катонъ Младшій проводилъ остатокъ Помпеева войска черезъ пустыни Ливіи.

16. *Месть* въ смыслѣ справедливости, возмездія, потому что месть, какъ слѣдствіе гнѣва, несвойственна Божеству.

31—36. Объ этомъ не разсказываетъ ни одинъ историкъ; это взято изъ апокрифическаго письма Александра Великаго къ Аристотелю. Но все-таки тамъ говорится не о томъ, чтобы Александръ велѣлъ воинамъ топтать пламя, а закрываться одеждами съ головою. Повидимому, Дантъ не имѣлъ въ рукахъ самаго письма, а дѣлалъ изъ него выдержки на память. Въ древнемъ англійскомъ „Романѣ объ Александрѣ“ (Romance of Alexander) есть и разсказъ объ огненномъ дождѣ.

Огонь, чтобы, пока не слиты паромъ,
По одному тѣ хлопья погашать.

37. Воспламенялся подъ дождящимъ жаромъ
Песокъ и здѣсь, для удвоенья мукъ,—
Какъ трутъ воспламенился бъ подъ ударомъ.

40. Нѣтъ отдыха здѣсь пляскѣ бѣдныхъ рукъ!
Страдальцы выбиваются изъ силы,
Огни съ себя отряхивая вкругъ.

43. — „Учитель, ты, чья мудрость побѣдила
„Все, кромѣ тьмы бѣсовъ, что намъ юдоль
„Печали у воротъ загородила,—

46. „Кто онъ, скажи, безпечный съ виду столь,
„Что дождь его какъ будто бъ не касался,—
„Онъ, презирающій столь дерзко боль?"—

49. А тотъ межъ тѣмъ, какъ будто догадался,
Что я о немъ спросилъ у Мудреца,
Вскричалъ: „И мертвый тѣмъ же я остался!

52. „Пусть утомитъ Юпитеръ кузнеца,
„У коего Перунъ свой раскаленный
„Онъ отточилъ въ день моего конца;

55. „Пусть утомитъ, смѣня за смѣной смѣну,
„Подъ черной Этной кузницу свою,
„*Вулканъ ко мнѣ!* крича ежемгновенно,—

58. „Какъ дѣлалъ то при Флегрѣ онъ въ бою,—

43—44. Человѣческій разумъ побѣждаетъ все, кромѣ демоновъ Диса, представителей той „malizia", чтобы побѣдить которую нужна божественная помощь.

52. Кара вызывается дерзкимъ осмѣяніемъ и хулой на Юпитера, сообразно миѳологическимъ пріемамъ Данта часто соосуществляемаго съ истиннымъ Богомъ въ томъ его видѣ, въ какомъ Онъ былъ извѣстенъ язычникамъ.

56. Подъ Этною находилась кузница Вулкана, въ которой онъ со своими циклопами ковалъ молніи Юпитеру.

58. Бой при Флегрѣ—между Зевсомъ и гигантами.

„И пусть въ меня стрѣляетъ ежечасно,—
„Я торжества ему не подарю!"

61. Но тутъ Учитель мой такъ громогласно,
Какъ никогда я не слыхалъ, изрекъ:
— „За то ты и наказанъ такъ ужасно!

64. „И самъ собою твой казнится грѣхъ;
„Твоя гордыня, попранная въ срамѣ
„Тебѣ приличнѣй прочихъ казней всѣхъ!"

67. И обращаясь лучшими устами
Ко мнѣ, сказалъ: „Ты видишь одного
„Межъ Ѳивы осаждавшими царями.

70. „Въ презрѣньи онъ имѣетъ Божество,
„Но тѣмъ себя лишь можетъ онъ безславить,
„Чему свидѣтель—въ ранахъ грудь его!

73. „Возьми направо путь; хоть ноги ставить
„Остерегайся на песокъ, но шагъ
„Старайся ближе къ лѣсу ты направить".

76. Пришли мы молча къ мѣсту, гдѣ въ пескахъ
Ручей бѣжалъ съ столь красными волнами,
Что цвѣтъ ихъ будитъ до сихъ поръ мой страхъ.

79. Подобный есть источникъ въ Буликаме;
Прибѣжищемъ для грѣшницъ онъ слыветъ;
Тотъ также по песку струится въ ямѣ.

82. Изъ камня было дно и склоновъ гнетъ

---

63. Капаней былъ одинъ изъ семи царей, осаждавшихъ Ѳивы въ междуусобной войнѣ между братьями Этеокломъ и Полиникомъ. Онъ былъ убитъ молніей, едва взобрался на стѣну города. Здѣсь онъ является представителемъ закоренѣлаго порока высокомѣрія. Его замѣчательный образъ въ Эсхиловой трагедіи „Семь противъ Ѳивъ" не былъ извѣстенъ Данту. Дантъ его заимствовалъ изъ Стаціевой „Ѳиваиды".

79. Буликаме—минеральный источникъ въ Витербо, очень извѣстный курортъ во времена Данта.

И береговъ спускающихся бремя;
Я понялъ изъ того, что здѣсь проходъ.

85. — „Изо всего, что ты за это время
„Увидѣлъ, начиная съ двери той,
„Въ которую входъ былъ открытъ предъ всѣми,

88. „Нѣтъ вещи любопытнѣе другой
„Съ источникомъ въ сравненьи красноводнымъ,
„Всѣ пламенники гасящимъ собой".—

91. — „Да будетъ же тебѣ благоугоднымъ
„Меня насытить пищей словъ твоихъ,
Меня къ познанью сдѣлавши голоднымъ!"—

---

91. Глубокомысленный образъ въ слѣдующихъ стихахъ заимствованъ Дантомъ въ общихъ чертахъ изъ пророка Даніила, II, 32, но Дантъ трактуетъ его иначе, чѣмъ Даніилъ. Этотъ образъ обозначаетъ, безъ сомнѣнія, *время* съ его различными періодами - вѣками и съ его постепеннымъ и умножающимся нравственнымъ ухудшеніемъ. Мѣстонахожденіе его—островъ Критъ, миѳическая колыбель человѣчества и золотого вѣка въ царствованіе Сатурна, лежащій въ срединѣ между тремя извѣстными въ то время частями свѣта. Здѣсь Рея укрывала своего сына Юпитера, послѣ того какъ Сатурнъ (Хроносъ, время) пожралъ своихъ другихъ дѣтей; она спрятала его въ пещерѣ Иды и заглушала стукомъ и шумомъ его крики, чтобы ихъ не могъ слышать Сатурнъ и пожрать дитя. Изъ этого объясняется, почему поэтъ, придерживаясь миѳа, поставилъ свою статую Времени на Критѣ. Время, величайшая земная мощь, есть тѣмъ не менѣе мощь тайная, сокрытая отъ насъ, которую мы всегда чувствуемъ, но никогда не видимъ. Поэтому-то и статуя Времени скрыта въ пещерѣ. У нея только голова изъ золота, члены же изъ не столь цѣнныхъ металловъ, которые становятся все менѣе и менѣе цѣнны сообразно тому, чѣмъ ближе они подходятъ къ землѣ. Такая порча металловъ обозначаетъ порчу человѣчества. Статуя обращена спиною къ Даміеттѣ, къ Египту, а лицомъ къ Риму; такое ея направленіе обозначаетъ общее направленіе хода культуры человѣческой съ востока на западъ, отъ грубаго египетскаго идолопоклонства къ центру христіанства—Риму. Одна изъ его ногъ—желѣзная, другая—глиняная; первая, по объясненію старинныхъ комментаторовъ, обозначаетъ имперію, вторая—церковь. Только золото цѣльно и неизборождено; только золотой вѣкъ человѣческаго дѣтства былъ невиненъ и миренъ. Всѣ остальные металлы изборождены морщинами, источающими слезы—это пороки, омрачающіе всѣ прочіе возрасты человѣчества. Эти слезы соединяясь находятъ себѣ путь въ адъ, гдѣ служатъ частію для наказанія грѣшниковъ, частію замыкаютъ и раздѣляютъ собою адскіе круги.

94. — „Есть островъ Критъ, среди зыбей морскихъ“,—
Онъ началъ,—„гдѣ жилъ царь, подъ чьей эгидой
„Былъ счастливъ человѣкъ и міръ былъ тихъ.

97. „Хребетъ есть горный тамъ, прозваньемъ Ида,
„Цвѣтущій прежде, нынѣ дикъ, суровъ
„И дряхлъ, какъ вещь изношеннаго вида.

100. „Нашла тамъ Рея—матерь вѣрный кровъ
„Дитяти, и младенческаго крика
„Звукъ заглушался пѣніемъ жрецовъ.

103. „Внутри горы тамъ старецъ есть великій,
„Что къ Даміеттѣ обращенъ спиной,
„А Римъ его зерцаломъ служитъ лику;

106. „И тотъ кумиръ—по шею золотой,
„Серебряныя руки съ грудью; чрево
„И остовъ весь утробы—мѣдяной.

109. „Желѣзо внизъ до самыхъ чреселъ зѣва,
„Лишь кромѣ правой глиняной ступни;
„На ней стоитъ онъ больше чѣмъ на лѣвой.

112. „И исключая золота, прошли
„По немъ морщины, слезы истощая,
„Что въ этотъ гротъ несутъ свои струи.

115. „Въ пучину эту бѣгъ свой направляя,
„Здѣсь Ахеронъ и Стиксъ и Флегетонъ
„Они родятъ и сходятъ въ адскомъ краѣ

118. „Дотоль, гдѣ всякій спускъ имъ прекращенъ,
„Рождая тамъ Коцитъ съ трясиной блатной.
„Туда намъ путь; разсказъ мой прекращенъ“.—

121. —„Коль тутъ ручей съ земли, мнѣ непонятно“,—
Отвѣтилъ я:—„какъ онъ явился вдругъ
„И не попался намъ неоднократно?“—

124. А Вождь: „Ты знаешь, это мѣсто—кругъ;
„И гдѣ ты шелъ,—имѣетъ наклоненье
„Все въ лѣвомъ направленьи къ безднѣ мукъ.

127. „Ты полнаго не сдѣлалъ округленья
„И если что впервые для тебя
„Появится,—гляди безъ удивленья".—

130. —„Гдѣ жъ Флегетонъ и Лета?" молвилъ я;
„Ты о послѣдней не сказалъ ни слова,
„О первомъ—лишь что тожъ онъ изъ ручья".—

133. —„Вопросомъ ты мнѣ сдѣлалъ радость снова",—
Онъ мнѣ сказалъ;—„и красный тотъ потокъ
„Уже отвѣтомъ служитъ для второго.

136. „Но Лету бъ ты здѣсь отыскать не могъ,
„А тамъ она, гдѣ смертный омываетъ
„Очищенный разскаяньемъ порокъ.

139. „Но кинуть лѣсъ намъ время наступаетъ
„И перейти къ плотинѣ, тамъ гдѣ жаръ
„Не очень жгучъ, и влага погашаетъ

142. „Отъ хлопьевъ возгорающійся паръ.

---

134. Флегетонъ обозначаетъ кипящую рѣку. Такимъ образомъ кипѣніе протекающей во рву воды служитъ для Данта признакомъ, что это и есть Флегетонъ.

136. Лета, рѣка забвенія, находится не въ аду, въ которомъ всегдашнее воспоминаніе преступленія составляетъ существеннѣйшую часть наказаній. Мы находимъ ее на вершинѣ горы чистилища, гдѣ забвеніе прошлаго получаютъ души, очистившіяся въ чистилищѣ отъ своихъ грѣховъ, передъ своимъ вступленіемъ въ рай.

Пѣснь пятнадцатая.

VII кругъ, 3-е отдѣленіе. Содомиты. Брунетто Латини.

---

1. По внѣшнему пошли мы рубежу,
Гдѣ дымъ потока стелется туманомъ,
Храня отъ жара воду и межу.

4. Такъ взводятъ высь плотинъ предъ океаномъ,
Боясь, чтобъ къ нимъ не подошла волна,
Фламандцы между Брюгге и Кадсаномъ;

7. И такъ же Падуя ограждена
Вдоль Бренты, чтобъ не разлилися рѣки,
Какъ съ Кьярентаны сгонитъ ледъ весна.

10. Подобный валъ, какъ строятъ человѣки,
Но лишь не такъ высокъ, не такъ широкъ,
Воздвигъ и въ этомъ краѣ Зодчій нѣкій.

13. Уже насъ путь отъ лѣса столь отвлекъ,
Что если бъ на него взглянуть оттуда,
То я его едва ль бы видѣть могъ.

16. Тамъ встрѣтилась намъ душъ преступныхъ груда

---

4. Островъ, гдѣ большой Брюггскій каналъ впадаетъ въ море.

9. Кьярентана—та часть Альпъ, гдѣ находятся истоки Бренты; зимою она бываетъ покрыта глубокимъ снѣгомъ, который, стаявши, производитъ внезапное и сильное переполненіе Бренты водою, отчего по теченію Бренты такъ часты бываютъ наводненія.

12. *Зодчій нѣкій*—разумѣется Божество, которое и есть единый зодчій ада, какъ о томъ говорится въ III пѣснѣ, въ надписи надъ вратами Ада.

13. Отъ лѣса, гдѣ наказываются самоубійцы.

Близъ вала, и вглядѣться въ насъ любой
Спѣшилъ,—какъ межъ гуляющаго люда

19. Случается глядѣть во тьмѣ ночной,—
Зрачокъ свой обостривъ нетерпѣливо,
Какъ чтобы вдѣть въ иглу старикъ портной.

22. Пока толпа глядѣла насъ пытливо,
Одинъ изъ нихъ, меня схвативши вдругъ
За полу платья, закричалъ: „Вотъ диво!"

25. И онъ ко мнѣ простеръ ладони рукъ.
Я на него взглянулъ; не говорили
Мнѣ ничего подъ опечаткомъ мукъ

28. Черты, испекшіяся въ адскомъ пылѣ,
И лишь къ его лицу лицо склоня,
Воскликнулъ я: „Ахъ, серъ Брунетто, вы ли?"...

---

21. Замѣчательное сравненіе.

30. Брунетто Латини, одинъ изъ ученѣйшихъ флорентинцевъ своего времени, родился въ 1220 г., былъ диктаторомъ коммуны и посланникомъ ко двору Альфонса Кастильскаго для того, чтобы просить у него помощи гвельфамъ противъ Манфреда, о чемъ самъ и разсказываетъ такъ:

Esse Comune sagio
Mi fece suo messagio
All'alto re di Spagna (*Tesoretto*)

Подобно другимъ гвельфамъ послѣ битвы при Арбіи изгнанъ изъ Флоренціи въ 1260 г. и жилъ долго во Франціи. Когда онъ возвратился на родину послѣ смерти Манфреда Гогенштауфена, онъ былъ учителемъ Данта и его друга Гвидо Кавальканти. Онъ комментировалъ Цицеронову Риторику и написалъ поэму Favoletto (иначе Pataffio)—сатиру на флорентійскомъ діалектѣ,— „жаргонѣ непонятномъ даже съ комментаріями", говоритъ Нардини. Но наибольшую его славу составляютъ его поэмы Tesoretto и Tesoro, а всего болѣе онъ извѣстенъ тѣмъ, что былъ учителемъ Данта. Онъ умеръ во Флоренціи и погребенъ въ церкви Santa Maria Novella.

Поэма Tesoretto написана короткими стихами и представляетъ тоже аллегорическое видѣніе, вродѣ Дантовой Комедіи, съ аллегорическими персонажами добродѣтелей и пороковъ. Содержаніе ея такое: Серъ Брунетто, возвращаясь изъ посольства въ Испанію, въ Ронсенвальской долинѣ встрѣчаетъ болонскаго студента, который говоритъ ему, что гвельфы изгнаны изъ Флоренціи. Серъ Брунетто, погрузясь въ печаль и думы объ этомъ событіи, теряетъ дорогу и блуждаетъ по лѣсу. Здѣсь онъ встрѣчаетъ гигантскій и величественный образъ Природы, которая разсказываетъ ему про твореніе міра

31. А онъ: „Мой сынъ, допустишь ли меня
„Чтобъ старый свой Брунетъ прошелъ съ тобою,
„Пока толпа вновь встрѣтится моя?“—

34. —„Я самъ о томъ прошу васъ всей душою,
„Мы сядемъ вмѣстѣ,“—я ему въ отвѣтъ,—
„Коль тотъ позволитъ, кто идетъ со мною“.—

37. —„Нѣтъ, сынъ мой“,—онъ на то воскликнулъ,—„нѣтъ!

и даетъ ему путеводный жезлъ, который долженъ ему помочь выбраться изъ лѣса. Брунетто покидаетъ лѣсъ безъ всякой опасности, но встрѣчаетъ въ немъ олицетворенія добродѣтелей и пороковъ, философіи, Овидія и бога любви. Выбравшись изъ лѣса, онъ исповѣдуется въ монастырѣ Монпелье и снова попадаетъ въ лѣсъ; очутившись внезапно на вершинѣ Олимпа, онъ ведетъ бесѣду о стихіяхъ съ Птоломеемъ,

Mastro di storlomia
E di filosofia.

На этомъ поэма внезапно прерывается.

Вѣроятно, первую идею своей Комедіи Дантъ почерпнулъ изъ Tesoretto. Что касается Tesoro, то оно уже гораздо болѣе претенціозно и написано по-французски. Это—произведеніе крайне оригинальное и любопытное, хотя конечно любопытное болѣе потому, что написано Дантовымъ учителемъ и показываетъ то, что онъ зналъ и чему научилъ своего великаго ученика. Вотъ характеристика этого произведенія, сдѣланная самимъ его авторомъ:

„Меньшая часть Tesoro подобна расходной монетѣ, которая пригодна на „ежедневныя траты. Она трактуетъ о началѣ вѣковъ, о древностяхъ въ исторіи, „о сотвореніи міра и наконецъ о природѣ всѣхъ вещей.

„Вторая часть, которая говоритъ о порокахъ и добродѣтеляхъ, подобна „драгоцѣннымъ камнямъ, которые доставляютъ намъ отраду и почетъ. Она го„воритъ о томъ, что должно дѣлать и чего не должно дѣлать и почему такъ.

„Третья часть Tesoro—изъ чистаго золота; то-есть она учитъ, какъ должно „говорить по правиламъ риторики и какъ должно руководиться этими правилами.

„И я не говорю, что эта книга—продуктъ моего собственнаго бѣднаго „ума и моего скуднаго наблюденія; наоборотъ, она подобна соту меда, набран„наго изъ разныхъ цвѣтовъ. Ибо вся эта книга сполна составлена изъ дивныхъ „изреченій авторовъ, которые задолго до нашего времени трактовали о фило„софіи, каждый по степени своего разумѣнія.

„А если кто спроситъ почему эта книга написана стихами на французскомъ „языкѣ, тогда какъ мы итальянцы, я приведу двѣ причины: во-первыхъ, пото„му что мы живемъ во Франціи, во-вторыхъ, потому что этотъ языкъ пріят„нѣе и на немъ говорятъ болѣе народу“. Этотъ Tesoro Латини и рекомендуетъ Данту въ концѣ пѣсни.

37. Почему именно остановка для бѣгущихъ наказывается лежаніемъ подъ огненнымъ дождемъ, подобно богохулителямъ,—трудно найти соотношеніе

„Кто станетъ хоть на мигъ изъ насъ,—подъ градомъ
„Изъ пламени тотъ пролежитъ сто лѣтъ.

40. „Иди впередъ, идти я буду рядомъ,
„А догоню потомъ, что я отсталъ,
„Разставшись со стенящимъ вѣчно стадомъ“.—

43. Чтобъ съ нимъ идти не смѣлъ я кинуть валъ,
Но шелъ шагъ въ шагъ, какъ старый мой учитель,
И голову почтительно склонялъ.

46. Онъ началъ: „Въ эту скорбную обитель
„Какой тебя такъ рано сводитъ рокъ
„Иль счастіе? Кто твой путеводитель“?—

49. —„Тамъ, въ свѣтлой жизни“,—молвилъ я,—„увлекъ
„Меня путь ложный къ тягостной долинѣ,
„Пока еще не полонъ былъ мой срокъ.

52. „Въ опасности вчера, полнъ благостыни,
„Сей мнѣ предсталъ и, повернувъ назадъ,
„Повелъ меня туда, гдѣ есмь я нынѣ“.—

55. И онъ ко мнѣ: „Созвѣздья такъ сулятъ:
„Вѣнецъ тебя не минетъ ожиданій,
„Когда не лжетъ въ провидѣньи мой взглядъ.

58. „И если бы еще до смерти ранѣй

между проступкомъ и карой, потому что прекращеніе всякаго порока есть уже шагъ къ добродѣтели. Вѣроятно, этимъ поэтъ хотѣлъ показать особенность здѣсь наказываемаго порока,—что тѣ, кто разъ ему предался, не могутъ уже никогда съ нимъ разстаться.

48. Виргилій не отвѣчаетъ на вопросъ Брунетта къ Данту, кто его ведетъ. Сопоставляя это съ другими мѣстами поэмы, мы увидимъ, что онъ говоритъ свое имя или побуждаетъ его сказать другихъ только тогда, когда это необходимо; наприм., говоря съ Улиссомъ или Стаціемъ. Въ остальныхъ случаяхъ онъ или совсѣмъ не называетъ себя, или говоритъ перифразой, нелегко понимаемой для собесѣдника.

58—59. Въ день рожденія Данта 14 мая 1265 г. солнце вступило въ созвѣздіе Близнецовъ, которое по астрологіи благопріятствовало литературѣ,

„Не видѣлъ я твой жребій въ оны дни,
„Я бъ духъ твой поднялъ блескомъ обѣщаній.

61. „Но родъ, неблагодарный искони,—
„Сошедшій нѣкогда съ Фьезоле горной
„И камнямъ горъ до сей поры сродни, --

64. „Тебя тѣснить онъ будетъ злобой черной.
„По истинѣ, не жди судьбы другой;
„Вѣдь не созрѣютъ смоквы между тёрна!

67. „Они слѣпыми прозваны молвой;
„Алчбой съ высокомѣріемъ ихъ нравы
„Исполнены,—отъ нихъ себя омой!

70. „Тебѣ судьба готовитъ столько славы,
„Что тѣмъ и этимъ будешь нуженъ ты,
„Но далекò отъ клювовъ будутъ трàвы!

наукѣ и научной славѣ. Брунетто Латини, занимавшійся астрологіей, дѣлалъ гороскопъ Данта и поэтому предвидѣлъ его будущую славу.

62. „Когда Римляне завоевали Фьезоле, они построили на равнинѣ, находящейся у подножія той горы, на которой находился этотъ городъ, другой городъ, который теперь называется Флоренціею И да будетъ извѣстно, что то мѣсто, гдѣ стоитъ Флоренція, прежде называлось домомъ Марса, т.-е. домомъ войны; ибо Марсъ, который есть одна изъ семи планетъ, считался богомъ войны и въ древности, какъ таковой, и пользовался поклоненіемъ. Поэтому неудивительно, если флорентинцы всегда въ войнѣ и несогласіи, ибо сія планета правитъ ими. Обо всемъ этомъ Master Brunez Latins долженъ знать правду, ибо онъ тамъ родился и находился въ изгнаніи по причинѣ войны съ флорентинцами, когда сочинялъ сію книгу. „Brunetto Latini *Tesoro*, книга I, Pt. 1. 37.

66. Данте хвалился своею принадлежностью къ старинному дворянству и съ негодованіемъ относился къ „новымъ людямъ“, которыми изобиловала противоположная партія.

67. Комментаторы разсказываютъ, что флорентинцы охраняли городъ Пизу во время похода пизанцевъ на Маіорку. Побѣдоносные пизанцы возвратившись предложили флорентинцамъ въ знакъ признательности на выборъ или бронзовыя двери, которыя украшаютъ пизанскій соборъ, или двѣ порфировыя колонны, треснувшія отъ пожара, которыя пизанцы искусно подмалевали. Флорентинцы выбрали послѣднее, не замѣтивъ изъяна, и съ тѣхъ поръ за ними утвердилось прозвище *слѣпыхъ*.

70—72. Данте говоритъ это не въ предчувствіи будущей славы, а въ сознаніи уже пріобрѣтенной въ то время.

„Пускай ѣдятъ Фьезольскіе скоты
„Самихъ себя и пропускаютъ мимо
„На ихъ навозѣ взросшіе цвѣты,

„Въ которыхъ возродится сѣмя Рима,
„Чьи нѣкогда сыны сюда пришли,
„Въ сіе гнѣздо вражды неукротимой!“—

—„Когда бы исполнялися мои
„Желанья“,—я сказалъ,—„вы бъ не страдали
„Здѣсь отъ людскаго естества вдали.

„Мнѣ не забыть предметъ моей печали,—
„Вашъ отчій, вашъ добрѣйшій, милый ликъ
„И все то, въ чемъ меня вы наставляли,

„Уча меня, чѣмъ человѣкъ великъ;
„И какъ велико къ вамъ мое почтенье,
„Пусть вамъ объявитъ нынѣ мой языкъ!

„Рѣчь вашу о моемъ предназначеньи
„Запомню, чтобъ сравнить,—коль буду тамъ,—
„Жены небесной съ нею изреченье.

„Но я хочу еще повѣдать вамъ:
„Лишь совѣсть пусть меня не упрекаетъ,—
„На все, что хочетъ рокъ, готовъ я самъ.

„Не въ первый разъ судьба меня пугаетъ.
„Но пусть мужикъ свою мотыку вьетъ
„И пусть Фортуна колесо вращаетъ!“—

Тогда мой Вождь промолвилъ въ свой чередъ
Какъ въ подтвержденье: „Съ пользой назиданья
„Тотъ слышитъ, кто ихъ къ свѣдѣнью беретъ!“—

---

76. Данте велъ свой родъ отъ римской фамиліи Франджипани.

94. Т.-е. предсказанія Чьяко и Фаринаты.

99. Здѣсь разумѣются и слова самого Виргилія: Superanda omnis fortuna ferenda est.

100. Я жъ серъ-Брунетта вопросилъ,—прозванье
И санъ у знаменитѣйшихъ назвать
Товарищей по карѣ и страданью.

103. Онъ мнѣ: „О многихъ хорошо узнать,
„А многихъ,—лучше перейти безмолвно;
„Вѣдь кратокъ срокъ, а ихъ не сосчитать.

106. „Знай, вообще здѣсь больше санъ духовный,
„Писатели со славою большой,
„Запятнанные мерзостью грѣховной.

109. „Тамъ Прешіанъ идетъ между толпой,
„Францискъ д'Аккорсо встрѣтился бъ навѣрно,
„Когда бъ хотѣлъ ты видѣть срамъ такой;

112. „Межъ нихъ епископъ, мерзостью безмѣрной
„До ссылки досадившій слугъ слугѣ
„Въ Бергамо, гдѣ почилъ онъ плотью скверной.

115. „Еще бъ сказалъ, но вижу: на пескѣ
„Клубится дымъ; ни слушать я не смѣю,
„Ни говорить, затѣмъ что вдалекѣ

118. „Толпа идетъ, а я не встрѣчусь съ нею.
„*Tesoro* мой вручаю я тебѣ;
„Еще сказать ни слова не имѣю"...—

121. Онъ быстро побѣжалъ къ своей толпѣ
Какъ тѣ, кто за кусокъ сукна зеленый
Бѣгутъ въ Веронѣ. Взявшій верхъ въ борьбѣ

124. Сравнялся бъ только съ нимъ,—не побѣжденный!

---

109. Францискъ д'Аккорсо, знаменитый флорентинскій юристъ.

110. Прешіанъ или Присціанъ, знаменитый грамматикъ того времени. Почему Дантъ приписалъ ему наказываемый здѣсь порокъ,—неизвѣстно.

112. Андреа Моцци, епископъ Флоренціи, сосланный папою въ Виченцу. *Слуга слугъ*,—servus servorum Domini,—одинъ изъ папскихъ титуловъ.

122. Веронскія игры съ призомъ изъ куска зеленаго сукна.

Пѣснь шестнадцатая.

Продолженіе 3-го отдѣленія VII круга. Гвидо Гвера, Теггьяйо и Рустикуччи. Поэты приближаются къ 8-му кругу.

---

1. Я былъ въ мѣстахъ, гдѣ слышалось журчанье
Воды, что въ кругѣ падала другомъ,—
Похожее на пчелъ въ ульѣ жужжанье,

4. Какъ тѣни появились вдругъ втроемъ
Изъ той толпы, которая бѣжала,
Спѣша подъ вѣчнымъ огненнымъ дождемъ.

7. И къ намъ приблизясь, каждая вскричала:
„Постой! Ты уроженецъ нашихъ странъ,
„Тебя твое намъ платье указало!"

10. Увы! на нихъ я столько видѣлъ ранъ,
Такія язвы, струпья и нарывы,
Что, вспомня ихъ, тоской я обуянъ.

13. Учитель мой, услыша ихъ призывы,
Промолвилъ, обратясь ко мнѣ лицомъ:
„Ихъ подожди и обойдись учтиво.

16. „Не будь огня, что сыплется кругомъ

---

1. Журчаніе происходитъ отъ водопада, которымъ, какъ это объясняется въ стихѣ 92, Флегетонъ низвергается въ слѣдующій 8 кругъ.

9. Въ Дантовскія времена каждый городъ имѣлъ свое отличіе въ костюмѣ.

16—18. Если бы они не были наказываемы за содомскій грѣхъ,—а что они въ немъ виновны, доказываетъ то, что они подъ дождемъ,—то въ нихъ ты долженъ былъ бы почтить знаменитѣйшихъ людей своего города и выйти къ нимъ навстрѣчу. Этимъ объясняется призывъ къ учтивости въ ст. 15.

„И намъ грозитъ,—мнѣ было бы пристойно
„Сказать къ тебѣ: навстрѣчу къ нимъ пойдемъ“.

19. Они намъ повторили зовъ нестройный
И другъ за другомъ начали, догнавъ,
Какъ мельница, вращаться безпокойно.

22. Есть у борцовъ обычай—платье снявъ,
Развѣдывать передъ началомъ боя
Въ ухваткахъ и борьбѣ другъ друга нравъ.

25. Вертясь, ликъ подставляли мнѣ всѣ трое,
Поэтому съ движеньемъ шеи шло
Всегда на крестъ движеніе ногою.

28. —„Когда постыдной казни нашей зло
„Мою мольбу не сдѣлало ужасной
„И въ стыдъ тебя за насъ не привело,

31. „Склонись предъ нашей славой громогласной
„И молви намъ, какой счастливый рокъ
„Тебя въ аду проводитъ безопасно?

34. „Узнай, тотъ, за движеньями чьихъ ногъ
„Я слѣдую, израненъ безъ пощады,
„Знатнѣе былъ, чѣмъ ты бъ подумать могъ.

22—27. Описаніе ихъ движенія, содержащееся въ этихъ 6 стихахъ, кажется на первый взглядъ неяснымъ; но тѣмъ понятнѣе и пластичнѣе оно при ближайшемъ разсмотрѣніи. Изъ 37 ст. предыдущей пѣсни мы узнаемъ, что ни одинъ изъ тѣхъ, которые бѣгаютъ подъ огненнымъ дождемъ, не смѣетъ остановиться ни на минуту. Этимъ троимъ, которые подходятъ теперь къ поэту, стоящему на насыпи, ничего болѣе не остается, если они желаютъ съ нимъ говорить, какъ только бѣгать одинъ за другимъ колесомъ; именно колесомъ имъ бѣгать всего удобнѣе, потому что при этомъ движеніи они меньше всего поворачиваются къ Данту спиною, а имъ такъ хочется во время разговора всегда глядѣть на него; если бы они бѣгали взадъ и впередъ вдоль насыпи, имъ было бы чрезвычайно неудобно повертываться къ нему лицомъ. А въ то время, когда ихъ ноги описываютъ кругъ, лица ихъ всегда повернуты къ Данту, съ которымъ они говорятъ, поэтому движеніе ихъ шеи идетъ всегда на крестъ съ движеніемъ ногъ; подобное движеніе очень похоже на движеніе борцовъ, дѣлающихъ примѣрную схватку передъ началомъ борьбы.

37. „Его праматерь—славная Гвальдрада;
„Онъ звался Гвидо-Гвера; и умомъ
„И шпагой выдѣлялся онъ изъ ряду.

40. „О топчущемъ песокъ со мной другомъ
„Скажу, что онъ Тегъяйо, о которомъ,
„Знать, не погибла молвь въ краю твоемъ.

43. „Я, жъ нáкрестъ съ ихъ бѣгущій плѣннымъ хоромъ,
„Джакопо Рустикуччи звáлся я;
„Сюда сведенъ семейнымъ я раздоромъ!"—

46. И сохранись я только отъ огня,—
Къ нимъ съ насыпи я бросился бъ, навѣрно,
И Вождь за то бъ не осудилъ меня.

49. Но тамъ меня сожегъ бы пламень сѣрный,

---

37. Гвальдрада была дочь Беллинчіона Берти, флорентинскаго гражданина. О ней Боккачіо разсказываетъ слѣдующее: Императоръ Оттонъ VI присутствовалъ однажды на праздникѣ св. Іоанна во Флоренціи. Случилось такъ, что въ церковь между другими флорентинками пришла и супруга мессера Берто съ его дочерью по имени Гвальдрадой, которая была еще не замужемъ; когда онѣ сѣли въ церкви съ другими, то красота дѣвушки привлекла всеобщее вниманіе, всѣ стали смотрѣть на нее, въ томъ числѣ и императоръ. Послѣдній спросилъ мессера Берто, кто она. На это мессеръ Берто улыбаясь отвѣтилъ: „Она дочь одного человѣка, который, если вы пожелаете, можетъ велѣть ей поцѣловать васъ".—Дѣвушка услышала эти слова и, обидѣвшись за нихъ на своего отца, поднялась съ мѣста и, красная отъ стыда, сказала: „Отецъ, не дѣлай такихъ обѣщаній, которыхъ моя скромность не позволяетъ мнѣ исполнить, потому что меня никто не поцѣлуетъ, кромѣ того, кто долженъ сдѣлаться моимъ мужемъ".—Императору такъ понравились слова молодой дѣвушки, что онъ тотчасъ подозвалъ одного благороднаго юношу, по имени Гвидо Гвера, который не былъ еще женатъ, и велѣлъ ему жениться на ней, давши ей въ приданое большія земли въ Кассентино и въ Альпахъ и сдѣлавши его графомъ этихъ земель.

41. Тегьяйо Альдобранди былъ знатный флорентинскій гражданинъ, который совѣтовалъ гвельфамъ не начинать битвы при Арбіи и предсказалъ ея несчастный исходъ.

44. Джакопо Рустикуччи былъ богатый флорентинецъ, имѣвшій очень сварливую жену и вслѣдствіе несчастнаго супружества впавшій въ тотъ порокъ, за который онъ наказывается. О немъ, какъ о Тегъяйо, Данте спрашиваетъ въ 6 пѣсни у Чьякко.

И только имъ была побѣждена
Любовь, меня къ нимъ влекшая усердно.

52. Я началъ: „Не презрѣнье, скорбь одна
„Томитъ меня раскаяньемъ глубокимъ,--
„Не поздно ль обнаружилась она.

55. „Когда бъ мнѣ Вождь промолвилъ хоть намекомъ
„Неясныхъ словъ и понялъ я бъ изъ нихъ,
„Что рѣчь идетъ о сонмѣ столь высокомъ!

58. „Изъ вашей я земли, и по сей мигъ
„Молва о васъ въ разсказахъ неустанныхъ
„Живетъ, и я съ любовью слушалъ ихъ.

61. „Я кинулъ желчь, ищу плодовъ медвяныхъ,
„Но долженъ я спуститься къ центру бѣдъ
„Для благъ, моимъ Вождемъ обѣтованныхъ!“—

64. — „Пусть духъ твой спутникомъ на много лѣтъ“,—
Онъ молвилъ,—„твоему пребудетъ тѣлу
„И слава пусть твоя объемлетъ свѣтъ!

67. „Что городъ нашъ? И духъ отваги смѣлый
„И доблесть прежняя живутъ ли въ немъ,
„Или погибнулъ блескъ его всецѣло?

70. „Гильомъ Борсьеръ, бѣгущій въ сонмѣ томъ,
„Недавній нашъ товарищъ въ скорби лютой,
„Пугаетъ насъ разсказами о немъ!“—

---

61. *Желчь* грѣха, *медвяные плоды* вѣры и мира.

62. Глубочайшій пунктъ ада есть центръ земли и всей вселенной; для достиженія медвяныхъ плодовъ мира Дантъ долженъ спуститься въ низшія глубины ада.

67—68. *Доблесть и отвага* въ смыслѣ добродѣтелей гражданскихъ и военныхъ.

70. Борсьеръ былъ очень знатный и свѣтскій флорентинецъ. Слѣдуетъ замѣтить, сколько выдающихся современниковъ Дантъ обвиняетъ въ томъ порокѣ, который здѣсь наказывается.

73. — „Высокомѣрье, выгоды минуты
„И новый людъ тебя втоптали въ грязь,
„Флоренція, гнѣздо вражды и смуты!“ —

76. Такъ, взоръ поднявъ, воскликнулъ я. Тотчасъ
Всѣ трое другъ на друга взглядомъ боли
Взглянули, какъ бы въ правдѣ убѣдясь.

79. — „Коль ты такъ мало цѣнишь смѣну доли“, —
Они мнѣ, — „въ отношеніяхъ къ людя́мъ, —
„Блаженъ ты, говоря по доброй волѣ!

82. „Когда жъ, сказавъ прости симъ глубинамъ,
„Вернешься ты къ сіянью звѣздъ прекрасныхъ
„И съ радостью промолвишь: *я былъ тамъ!* —

85. „Напомни міру и о насъ несчастныхъ!“ —
Они сломали колесо, и въ мигъ
Крылами стала пара ногъ согласныхъ.

88. „Аминь!“ не сорвало́ся съ устъ моихъ,
Какъ ужъ они умчались въ путь свой далѣ;
Въ путь и меня Учитель мой подвигъ.

91. Но много мы еще прошли едва ли,

---

73. Замѣчательно художественна та подробность, что Дантъ отвѣчаетъ тѣнямъ не обращаясь къ нимъ, а изливается въ восклицаніи. Въ этомъ восклицаніи съ поднятымъ къ верху лицомъ выразилась вся глубина чувствъ изгнанника, въ которомъ любовь къ отечеству, и печаль о его теперешнемъ состояніи борются съ негодованіемъ за оказанную ему несправедливость. На столько же художественно и то, какъ тѣни, переглянувшись между собою, даютъ понять поэту, что подобная смѣлость слова не пройдетъ ему даромъ. Самое его восклицаніе объясняется негодованіемъ Данта на наплывъ демократическихъ элементовъ и на паденіе рыцарскаго духа въ тогдашней Флоренціи.

79. Т.-е. подобную откровенность передъ живыми людьми ты можешь позволять себѣ лишь въ томъ случаѣ, если не боишься рѣзкихъ перемѣнъ въ своей судьбѣ.

84. Этому мѣсту подражалъ Торквато Тассо:

Quando mi giovera̍ narrare altrui
Le novita̍ vedute e dire: Jo ſui.

Какъ шумъ воды уже столь громкимъ сталъ,
Что мы едва другъ друга понимали.

94. Подобно той рѣкѣ, что гонитъ валъ
Отъ Монте Везо къ сторонѣ разсвѣта
На лѣвомъ склонѣ Аппенинскихъ скалъ

97. И носитъ прежде имя Аквакета,
Пока до Форли не дойдетъ; съ тѣхъ поръ
Она уже теряетъ имя это

100. Вплоть до Святаго Бенедикта горъ,
Гдѣ сверглась внизъ такъ сильно, что подобный
Для тысячъ рѣкъ достаточенъ напоръ.

103. Такъ внизъ съ горы, для спуска неудобной,
И здѣсь столь шумно падала вода,
Что уши вынесть были неспособны.

106. Вокругъ меня какъ поясъ обвита
Была веревка; мной взята̀ когда то
Пантеру изловить веревка та.

109. И этотъ поясъ-вервь, отъ чреселъ снятый,
Я свилъ и завязалъ его въ мотокъ,
Какъ то велѣлъ мнѣ сдѣлать мой Вожатый.

---

95. Монте Везо находится между Піемонтомъ и Савойей, гдѣ По беретъ свое начало. Съ этого пункта къ востоку до Адріатическаго моря, всѣ рѣчки и ручьи лѣваго, т.-е. сѣвернаго склона Аппенинъ впадаютъ въ По, кромѣ Монтоны, которая около Форли называется Аквакета (тихая вода). Это первая рѣка, которая течетъ прямо въ Адріатическое море, а не въ его.

103. Съ 7 въ 8 кругъ. Смыслъ иносказанія: рѣка падаетъ бурно изъ области насилія въ область обмана, тамъ она уже течетъ тихо.

106. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Данте собирался поступить въ монахи францисканскаго ордена; въ знакъ этого онъ носилъ, какъ поясъ, веревку, которой обыкновенно опоясывается братія этого ордена. Онъ надѣялся нѣкогда поймать этой веревкой пеструю Пантеру (юношескую чувственность), но напрасно. По повелѣнію разума, онъ снимаетъ съ себя эту веревку и бросаетъ ее въ бездну. Что же возникаетъ изъ этой бездны? Призракъ обмана! Намекъ на тогдашнее вырожденіе этого ордена.

112. И повернулся Вождь на правый бокъ
Недалеко отъ пропасти и разомъ,
Взявъ вервь мою, онъ въ глубь ее совлёкъ.

115. — „Что жъ новое“,—соображалъ мой разумъ,—
„Намъ принесетъ еще сей новый знакъ,
„Которому Учитель вторитъ глазомъ?“—

118. Ахъ! Осторожны быть должны мы какъ
Предъ тѣмъ, чей взоръ не только видитъ дѣло,
Но проникаетъ въ самой мысли мракъ!

121. Учитель молвилъ мнѣ: „На что несмѣло
„Надѣешься, чего ты робко ждешь,
„Предстанетъ то воочію всецѣло!“—

124. Предъ истиной, похожею на ложь,
Закрыть уста велитъ мнѣ разумъ здравый,
Чтобъ безъ вины не покраснѣть мнѣ тожъ;

127. Но я молчать теперь не въ силахъ, право!
И я своей Комедіей клянусь,—
Пусть добрая ея погибнетъ слава,—

130. Сквозь воздуха мглу тяжкую и грузъ
Видѣнье моему предстало глазу,
Чудное тѣмъ, кто даже и не трусъ.

133. Оно подобно было водолазу,
Что, въ бездну волнъ за якоремъ нырнувъ,
Является надъ гладью водной сразу,

136. Раскинувъ руки, ноги подогнувъ.

---

118. Это значитъ, что Дантъ позналъ все ничтожество внѣшняго святошества, наученный глубокимъ взглядомъ Виргилія. (Сравни ст. 106).

131. Геріонъ, увидя веревку, поднимается, ожидая найти нечестиваго монаха, чтобы снести его внизъ.

133. Призракъ двигался какъ человѣкъ, который нырялъ, чтобы вытащить со дна якорь, и который выплываетъ поджавъ ноги и растопыривъ руки.

Пѣснь семнадцатая.

Геріонъ. Ростовщики. Перелетъ къ VIII кругу.

---

1. —„Гляди, вотъ чудище съ хвостомъ колючимъ,
„Что страшно и оружью и стѣнамъ
„И губитъ міръ дыханіемъ вонючимъ!“—

4. Такъ началъ Вождь мнѣ говорить, а самъ
Межъ тѣмъ далъ знакъ, чтобы изъ мглы заразной
На мраморъ борта выплылъ звѣрь тотъ къ намъ.

7. И вотъ тотчасъ обмана образъ грязный
Главу и перси показалъ свои,
Но хвостъ оставилъ скрытымъ безобразный.

10. Печать благоволенія несли

---

1. Олицетвореніе обмана, которое поднимается изъ глубины къ 8 кругу,—намекъ на то, что обманъ часто восходитъ до насилія, а насиліе часто спускается до обмана,—названо въ 97 ст. Геріономъ. Въ миѳологіи Геріонъ былъ трехголовый великанъ, возникшій изъ крови Медузы. Его сестра эхидна, которая была полунимфа—полудраконъ, повидимому болѣе похожа на описанный здѣсь образъ. Она родилась вмѣстѣ съ другими чудовищами, какъ-то: сфинксомъ и лернейской гидрой. Но вотъ причины почему поэтъ для олицетворенія обмана выбралъ именно Геріона. Всѣ подробности этого образа, равно какъ и всѣ подробности того, какъ онъ подплываетъ къ берегу, вмѣстѣ глубоко пластичны и аллегорически глубокомысленны; именно. нельзя не замѣтить, что, по стиху 9, обманъ не показываетъ своего оружія.—остроконечнаго хвоста съ ядомъ,—наружу, но оставляетъ его на свободѣ такъ, чтобы ничто ни на мигъ не помѣшало ему двигать имъ во всѣ стороны; лапы покрыты шерстью, чтобы незамѣтны были когти и чтобы они могли ступать тихо и неслышно. Узлы и яркіе цвѣта на всѣхъ членахъ обозначаютъ свойственную обману путаницу и стремленіе ослѣпить внѣшностью.

Черты лица у звѣря-супостата,
Но остальной хребетъ—какъ у змѣи;

13. До мышекъ были лапы волосаты,
А грудь и оба бока и спина
Расписаны пестро и узловаты.

16. Узоры у турецкаго сукна
Не ярче по цвѣтамъ, и ткань такая,
Ручаюся, Арахной не ткана!

19. Какъ на прибрежьи барки, отдыхая,
Едва изъ влаги поднимаютъ бокъ,
Или какъ бобръ въ обжоръ нѣмецкихъ краѣ

22. Врага встрѣчаетъ, погрузясь въ потокъ,
Чудовище такъ точно покрывало
Кайму камней, сжимавшую песокъ.

25. Віясь, концомъ хвоста оно махало,
Губительный въ себѣ таящимъ ядъ
И острымъ, какъ у скорпіона жало.

28. Учитель молвилъ: „Нужно, чтобъ назадъ
„Путь уклонился нашъ теперь немного
„До мѣста, гдѣ лежитъ тотъ злобный гадъ.

31. По берегу направо мы дорогу
Поэтому направили съ тѣхъ поръ,
Чтобъ на огни песка не ставить ногу.

---

18. Арахна, по Овидію, соперничала съ Минервой въ искусствѣ ткать, за что и обращена богинею въ паука.

25. Такой нелестный эпитетъ Дантъ даетъ нѣмцамъ потому, что итальянцы имѣли большею частію случай сталкиваться съ нѣмцами во время походовъ императора въ Италію, когда по всей дорогѣ итальянскіе поселяне должны были кормить всѣхъ сопровождавшихъ императора солдатъ. Отсюда общее представленіе о прожорливости нѣмцевъ.

31. Дантъ находится все еще въ кругѣ насилія, въ его отдѣленіи, гдѣ наказывается насиліе противъ Бога; къ этому, какъ мы видѣли выше, принадлежатъ и ростовщики, которые здѣсь сидятъ подъ огненнымъ дождемъ; мѣ-

34. И близъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ змѣй крыла простеръ,
На самомъ краѣ пропасти, въ собраньѣ
Сидѣлъ проклятыхъ тѣней голый хоръ.

37. Учитель мнѣ: „Для полноты познанья,—
„Что въ этомъ кругѣ есть,—спѣши потечь
„Къ тѣмъ тѣнямъ и узнай ихъ наказанье.

40. „Но пусть кратка твоя къ нимъ будетъ рѣчь.
„Я жъ попрошу пока у змѣя-чуда,—
„Чтобъ внизъ сойти,—его могучихъ плечъ“.

43. Такъ онъ сказалъ мнѣ, и одинъ покуда
Въ седьмого круга я вступилъ предѣлъ,
Гдѣ мучилась тѣней тѣхъ мрачныхъ груда.

46. Ихъ горькій жребій въ ихъ глазахъ горѣлъ;
То здѣсь, то тамъ всякъ отстранялъ рукою
Песокъ и паръ, который пламенѣлъ.

49. Такъ лапами и мордой въ пору зноя
Псы машутъ, выбиваяся изъ силъ,
Какъ ихъ слѣпни терзаютъ, безпокоя.

52. На лица ихъ я очи обратилъ,
Но только чертъ знакомыхъ ни въ которомъ
Не отыскалъ; хоть все же я открылъ,—

55. Мѣшкомъ съ различнымъ цвѣтомъ и узоромъ
Обвязана у всѣхъ ихъ голова,
И въ тѣ мѣшки они впивались взоромъ.

шокъ на шеѣ у каждаго изъ нихъ указываетъ на ихъ жадность и даетъ поэту предлогъ помѣстить на немъ ихъ гербы, по которымъ можно угадывать фамиліи, къ какимъ грѣшники принадлежали при жизни. (Левъ—гербъ Джанфильяцци, гусь—Убріакки, а свинья—Скровиньи; все знатные флорентинскіе и падуанскіе роды, какъ гвельфской, такъ и гибеллинской партіи). Въ томъ, что гербы помѣщены на мѣшкахъ, заключается ядовитая насмѣшка надъ тѣмъ, какъ старинное флорентинское дворянство предалось этому нечистоплотному занятію. Болѣе точнаго обозначенія личности каждаго ростовщика нѣтъ можетъ быть потому, что поэтъ, какъ ничтожныхъ въ 3 пѣсни и скупыхъ въ 7, изъ презрѣнія лишаетъ ихъ имени.

58. Замѣтилъ я, приблизясь къ нимъ едва,—
Мѣшокъ держалъ ближайшій духъ порочный
Съ подобіемъ лазореваго льва.

61. Мѣшокъ пурпуровый такой же точно
На шеѣ тѣни видѣлъ я другой,
И гусь на немъ изображенъ молочный.

64. И духъ одинъ, мѣшокъ качая свой,—
Лазурная виднѣлася свинья тамъ,—
Вскричалъ: „Кто ты? Прочь! Но коль ты живой,—

67. „То моему сосѣду по палатамъ
„Виталіану молви: мѣсто ждетъ
„Его налѣво здѣсь въ краю проклятомъ!

70. „Здѣсь флорентинскій собранъ все народъ;
„Одинъ я разнюсь въ рѣчи и обличьи
„Какъ сьенецъ; рой ихъ кавалера ждетъ,

73. „Что принесетъ свои три клюва птичьи“.
Онъ высунулъ языкъ, скрививши зѣвъ,
И ноздри облизалъ свои по бычьи.

76. Учителевъ навлечь боясь гнѣвъ,
Я съ ними дольше не хотѣлъ остаться
И прочь ушелъ, бесѣду ихъ презрѣвъ.

79. Учитель мой межъ тѣмъ успѣлъ взобраться
Къ чудовищу на высь его хребта
И молвилъ: „Нынѣ долженъ ты мужаться!

82. „Другихъ нѣтъ лѣстницъ, чтобъ сойти сюда!
„Садись, тебя я скрою, коль украдкой
„Тебя кольнетъ онъ остріемъ хвоста“.—

68—75. Виталіанъ—богатый падуанецъ. Кавалеръ съ тремя птичьими клювами—мессеръ Боямонти-де-Биччи, флорентинскій дворянинъ и отчаянный ростовщикъ, находившійся еще въ живыхъ въ 1300 г.; описанныя въ стихахъ 74 и 75 движенія употребляются у итальянскаго простонародія въ знакъ того, что сказанное нужно понимать въ обратномъ смыслѣ.

85. Какъ тотъ, кто испыталъ разъ лихорадку,
Ужъ чувствуетъ смертельную тоску,
Едва синѣютъ ногти отъ припадку,—

88. Съ тѣмъ нынѣ я сравнить себя могу,
Когда бъ не стыдъ, какимъ средь колебаній
Примѣръ вождя бодритъ къ тому жъ слугу.

91. Садиться сталъ я.—„О простри мнѣ длани,
„Мой Вождь!“ хотѣлъ я закричать, но ахъ!
Не вылетѣли звуки изъ гортани.

94. А тотъ, кто спасъ меня не разъ въ бѣдахъ,
Едва я сѣлъ на спину звѣря злого,
Обня́лъ меня, держа меня въ рукахъ.

97. —„Ну, Геріонъ“,—Учитель молвилъ слово,—
„Въ кругахъ широкихъ свой направь полетъ,
„Но медленнѣй: пекись о ношѣ новой!“—

100. Какъ барка, что отъ берега плыветъ,
Онъ отступалъ и отступалъ, доколѣ
Свободнымъ не почувствовалъ свой ходъ.

103. Хвостъ повернувъ къ груди́, его на волѣ,
Какъ угорь, выпрямилъ въ минуту онъ
И лапами гребъ воздухъ... О не болѣ

106. Испуганъ былъ навѣрно Фаэтонъ

85—87. Сравненія съ повторяющейся итальянской четырехдневной лихорадкой *квартаной*, при наступленіи которой синѣютъ ногти.

89—90. Храбрость Виргилія ободряетъ Данта подобно тому, какъ примѣръ полководца ободряетъ подчиненнаго,

98. Виргилій напоминаетъ Геріону, что Дантъ не тѣнь, а человѣкъ, не освобожденный отъ тѣла, и поэтому для того, чтобы бережнѣе снести его, нужно не прямо опускаться внизъ, а широкими кругами и медленно.

100 и 102. Геріонъ двигается какъ корабль, который, будучи обращенъ носомъ къ землѣ, выходитъ изъ гавани не иначе, какъ кормой, потому кажется отступающимъ назадъ.

106 и 108. Фаэтонъ, сынъ Феба, просилъ своего отца дозволить ему

Въ тотъ часъ, какъ бросилъ возжи отъ обжогу
Тамъ, гдѣ по небу путь его прожженъ!

109. Не больше испыталъ Икаръ тревогу,
Когда вскричалъ отецъ ему: „Умѣрь
„Полетъ, мой сынъ! Ты потерялъ дорогу!"

112. Не меньше былъ мой страхъ, какъ я теперь
На воздухѣ остался, и изъ зрѣнья
Исчезло все,—одинъ проклятый звѣрь!

115. Онъ медленно и медленно въ движенье
Пришелъ, спустился внизъ, поплѣлъ назадъ,—
Что зналъ я лишь по вѣтра направленью.

118. Шумѣлъ направо грозный водопадъ,
Который рядомъ въ бездну низвергался,
Но не дерзнулъ туда я бросить взглядъ.

121. Потомъ еще я пуще испугался,
Услышавъ стонъ и зарево огня
Увидѣвъ,—и чуть съ духомъ я собрался!

124. Я послѣ понялъ: пытки вопль, стеня
Изъ бездны темной вылеталъ наружу;
Мукъ новый край зіялъ вокругъ меня.

127. Какъ соколъ, безъ добычи долго кружа,
Ни птицы ни прикорма не видавъ,
Зовъ слышитъ ловчаго: „Иди, да ну же!"

проѣхаться на колесницѣ солнца, но потерялъ дорогу, прожегъ часть неба, отчего образовался млечный путь, и погибъ самъ.

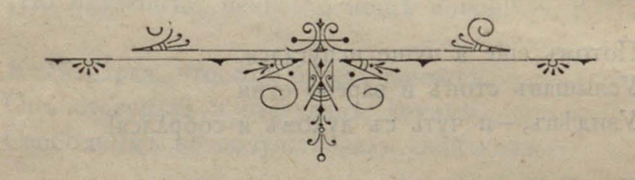
109 и 111. Дедалъ съ своимъ сыномъ Икаромъ улетѣли изъ Крита на восковыхъ крыльяхъ, но Икаръ поднялся слишкомъ высоко къ солнцу, крылья его растаяли, и онъ упалъ въ море.

117. Когда Геріонъ кружился, вѣтеръ дулъ Данту въ лицо, когда опускался, вѣтеръ дулъ снизу.

130. И сто круговъ въ пространствѣ описавъ,
Стремительно, сердитый и усталый,
Къ сокольничему сядетъ на рукавъ,—

133. Такъ въ бездну, къ водопаду, близъ обвала
Съ хребта насъ сбросилъ то́тчасъ Геріонъ
И быстро,—такъ что вѣрно бъ не догна́ла

136. Стрѣла изъ лука,—вверхъ поднялся онъ.

136. Геріонъ досадуетъ на то, что не могъ повредить своей добычѣ.

Пѣснь восемнадцатая.

8-й кругъ. Злые-мѣшки. 1-й ровъ. Сводники и соблазнители. 2-й ровъ. Льстецы.

---

1. Въ аду есть край съ прозваньемъ *Злыхъ-мѣшковъ*,
Весь изъ камнéй съ окраскою желѣзной,
Какъ и его объявшій валъ и ровъ.

4. Какъ разъ средь злого поля темной бездной
Зіяетъ кладязь; но говорено
Объ этомъ ниже въ повѣсти сей слезной.

7. Кругло̀ пространство, что заключено

---

1. Здѣсь начинается третье отдѣленіе ада, заключающее въ себѣ 8-й и 9-й круги, гдѣ наказывается обманъ. См. пѣснь XI:

Обманъ, возможный только для людей,
Тѣмъ Божеству противнѣй и презрѣннѣй.

Восьмой кругъ называется Злые-мѣшки (Malebolge) и состоитъ изъ десяти концентрическихъ рвовъ, раздѣленныхъ каменными плотинами: черезъ эти рвы переброшены мосты, соединяющіе одну плотину съ другою. Слово bolgia значитъ башлыкъ плаща, а также ровъ съ наклонными стѣнками; приблизительно соотвѣтствуетъ русскому слову допетровскаго времени «мѣшокъ» въ тюремно-пыточномъ его смыслѣ. Устройство этого круга очень запутано и сложно, какъ запутаны и сложны ухищренія обмана, который въ немъ наказывается. Этотъ кругъ подобенъ крѣпости,—достойная тюрьма для укрощенія грѣха. Скалы и камни имѣютъ желѣзнаго цвѣта окраску, какъ бы являясь оковами въ громадныхъ размѣрахъ. Общая картина этого круга,—какъ бы съ птичьяго полета: вѣдь Данте же ее видѣлъ, сидя на спинѣ летящаго Геріона,—даетъ въ первыхъ 18 стихахъ пѣсни о его устройствѣ такое полное понятіе, что объясненія излишни.

5. Девятый кругъ съ замерзшимъ Коцитомъ представляется Данту колодцемъ по узости своего діаметра и глубинѣ мѣстонахожденія.

Межъ кладяземъ и цѣпью горныхъ кряжей,
И дѣлятъ десять рвовъ той бездны дно.

10. Какъ для защиты стѣнъ отъ силы вражей
Въ умѣло укрѣпленномъ замкѣ ждетъ
За рвомъ однимъ такой же ровъ на стражѣ,—

13. По виду съ этимъ схожъ и край былъ тотъ
И,—такъ какъ въ этихъ за́мкахъ мостъ подъёмный
На внѣшній валъ кидаютъ отъ воротъ,—

16. Такъ основанія той бездны тёмной
Рвовъ и валовъ чредой пресѣчены,
И въ стволъ одинъ ихъ кладязь слилъ огромный.

19. На этомъ мѣстѣ сбросилъ со спины
Насъ Геріонъ; пошелъ Поэтъ ошую,
А я—съ нимъ рядомъ съ правой стороны.

22. И вправо видѣлъ новую тоску я,
И новыхъ палачей, и новый страхъ,
И лишь о томъ я вспомню, я горюю.

25. Рой грѣшныхъ въ глубинѣ былъ голъ и нагъ;
Одинъ рядъ шелъ, навстрѣчу насъ имѣя,
Другой какъ мы; но былъ быстрѣй ихъ шагъ;

28. Какъ въ Римѣ въ годъ священный Юбилея

---

20. Поэты всегда идутъ влѣво; вслѣдствіе этого у нихъ вправо всегда стѣна предыдущаго, только что пройденнаго круга, а влѣво—мученія того, въ который они только что вошли. Здѣсь, такъ какъ они идутъ по плотинѣ, то мученія перваго рва являются имъ сверху. Можно только удивляться поразительной точности и послѣдовательности Данта даже въ такихъ мелочахъ.

22. Въ первомъ отдѣленіи этого круга наказываются обманъ женщинъ,—сводники и соблазнители. Эти два рода обманщиковъ раздѣлены на два ряда, идущіе другъ противъ друга въ противоположномъ направленіи. Это ихъ хожденіе навстрѣчу,—подобно взаимному столкновенію скупыхъ и расточителей въ VII пѣсни,—указываетъ на взаимную связь ихъ преступленій.

25. Въ другихъ мѣстахъ нѣтъ указаній, должно ли воображать встрѣчающихся Данту тѣней нагими или одѣтыми.

Устроено съ паломниковъ толпой,
Чтобъ въ улицахъ не дѣлалось тѣснѣе,—

31. Одни стоятъ, имѣя предъ собой
И крѣпость и Петрову базилику;
Къ горѣ лицомъ рядъ движется другой;

34. Такъ за толпою грѣшниковъ великой,
Вдоль черныхъ скалъ, свой бичъ громадный влёкъ
И билъ рогатый демонъ въ злобѣ дикой.

37. Ахъ! Какъ они съ ударомъ первымъ вскокъ
Пускались! Не нашлось средь ихъ толпами,
Кто бъ ожидать еще удара могъ!

40. Я въ одного уставился глазами

---

29. Празднованіе Юбилея въ 1300 году, которое установлено папой Бонифаціемъ VIII и должно было повторяться каждые сто лѣтъ. Папа объявилъ полное прощеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, кто придетъ въ Римъ на поклоненіе римскимъ святынямъ въ юбилейный годъ, начиная съ Рождества 1299 года. Слухъ о такомъ обѣщаніи прошелъ по всей Европѣ, и пилигримы потянулись со всѣхъ сторонъ къ Риму. Крестовые походы пріучили къ странствіямъ, а Римъ конечно былъ гораздо ближе, чѣмъ святыни Палестины и Константинополя. Джіованни Виллани, ходившій также въ годъ Юбилея въ Римъ изъ Флоренціи, разсказываетъ, что въ Римѣ одновременно никогда не было менѣе 200000 паломниковъ, а Вентура, хроникеръ Асти, полагаетъ, что общее число паломниковъ въ продолженіе года было около двухъ милліоновъ. Онъ даетъ любопытную картину Рима въ этотъ юбилейный годъ: „Подобно многимъ мужчинамъ и женщинамъ, ушедшимъ въ этотъ годъ въ Римъ, я отправился тоже туда и пробылъ тамъ 15 дней. Хлѣбъ, вино, мясо и вообще жизненные припасы тамъ были страшно дороги; дорогъ былъ и ночлегъ. Выходя изъ Рима наканунѣ Рождества, я увидалъ громадную толпу паломниковъ, которую никто бы не могъ сосчитать и которая, говорятъ, достигала двухъ милліоновъ. Папа получилъ безчисленное количество денегъ. У алтаря св. Павла день и ночь стояли двое считавшихъ жертвуемыя деньги“. Чтобы урегулировать теченіе этой толпы былъ устроенъ барьеръ, раздѣлявшій вдоль мостъ передъ крѣпостью св. Ангела, такъ что шедшіе въ одномъ направленіи не могли смѣшиваться съ тѣми, которые шли въ противоположномъ. Повидимому самъ Дантъ, находясь въ тотъ годъ въ Римѣ, былъ очевидцемъ этой картины.

32. Крѣпость св. Ангела и храмъ св. Петра (не теперешній, но бывшій на мѣстѣ его).

33. *Гора*—вѣроятно Janiculus, а по другимъ Monte Giordano.

И молвилъ: „Вотъ какъ! Да тебя я, братъ,
„Видалъ и ранѣе, чѣмъ въ этой ямѣ!“ —

43. Я пристально вперилъ въ него свой взглядъ;
Со мной остановился Вождь мой сладкій,
Дозволивъ мнѣ, чтобъ я пошелъ назадъ.

46. Бичуемый же наклонялся шатко,
Но моего вниманья не отвлёкъ;
Я молвилъ: „Ты, что прячешься украдкой!

49. „Не лжетъ твой ликъ, тебя бъ узнать я могъ:
„Ты Венедико Каччіанимико.
„Какъ ты попалъ въ столь острый кипятокъ“? —

52. — „Промолвлю съ неохотою великой“, —
Онъ мнѣ въ отвѣтъ, — „но устоять нѣтъ силъ,
„Предъ звучностью родимаго язы̀ка.

55. „Я чистую Гизолу обольстилъ,
„Отдавъ ее страстямъ маркиза д'Эсте,
„И вѣсть про то повсюду разгласилъ.

58. „Не я одинъ Болонецъ въ этомъ мѣстѣ
„Терзаюся, о нѣтъ, оно полно
„Твердящихъ sipa! больше, чѣмъ всѣхъ вмѣстѣ

61. „Живущихъ межъ Савенной и Рено.

---

50. Венедико Каччіанимико изъ Болоньи былъ очень свѣтскій, благородный и образованный человѣкъ, что однако не помѣшало ему продать свою сестру Гизолу, обрученную съ Николо дельи Алигьери маркизу Абиццо д'Эсте.

51. Въ подлинникѣ *a si pungenti salse*. Salse — собственно щелокъ; но кромѣ буквальнаго значенія, оно имѣетъ еще другое. Бенвенуто да Имола говоритъ: „Въ Болоньѣ названіемъ Salse называется ровъ около города недалеко отъ Santa Maria in Monte, куда бросаютъ труппы сымоубійцъ и другихъ умершихъ, неудостоенныхъ погребенія. Я слыхалъ, какъ уличные мальчишки въ Болоньѣ, желая унизить одинъ другого, говорили: твой отецъ брошенъ въ Salse“.

61. Двѣ рѣки, между которыми расположена Болонья. На болонскомъ нарѣчии утвержденіе *да* вмѣсто слова *si* выражается словомъ *sipa* (да-съ).

„Ты этому повѣришь, если даже
„Про наше чрево вспомнишь ты одно.“—

64. Но бичъ его огрѣлъ въ то время вражій,
И демонъ закричалъ ему: „Пошелъ,
„Негодный! Здѣсь нѣтъ женщинъ для продажи!“—

67. А спутникъ мой съ собой меня повелъ,
И такъ до цѣли мы дошли конечной,
Гдѣ мостъ торчалъ, пересѣкая долъ.

70. Мы на него взобрались скоротечно,
Направо лица наши обративъ,
И этотъ кругъ покинули мы вѣчный.

73. Взошли мы вверхъ, на каменный извивъ,
Что для бичуемыхъ служилъ проходомъ,
Внизу собою арку имъ открывъ.

76. —„Стой и любуйся страждущимъ народомъ!—“
Вождь мнѣ,—„вѣдь ты не видѣлъ лицъ тогда,
„Какъ рядъ ихъ съ нами шелъ попутнымъ ходомъ!“

79. На шествіе со стараго моста
Смотрѣли мы; и подставляла лики
Моимъ глазамъ теперь толпа вся та.

82. Безъ просьбъ моихъ, Вождь молвилъ: „Тотъ великій,
„Спокойный въ счастьи и въ бѣдѣ равно,
„Боль не являя ни въ слезахъ ни въ крикѣ,

---

63. Т. е. жадность.

75. Пока поэты идутъ по плотинѣ, они видятъ лица только одного ряда наказываемыхъ, который идетъ имъ навстрѣчу, другой же рядъ идетъ имъ попутно. Теперь, стоя на мосту, пересѣкающемъ ровъ, они видятъ лица и другого ряда, идущаго въ противоположную сторону.

82. Теперь идутъ поэтамъ навстрѣчу *соблазнители. Язонъ* пріѣхалъ на Лемносъ вмѣстѣ съ другими аргонавтами. Незадолго передъ этимъ Венера, разсердившись на лемносскихъ женщинъ, внушила въ мужчинахъ отвращеніе къ нимъ; поэтому всѣ мужчины, бросивши своихъ женъ, сочетались съ ѳракій-

85. „Въ которомъ все величія полно̀,—
„Язонъ, кому похитить удалося
„Колхиды драгоцѣнное руно.

88. „Когда жъ обратно плыть ему пришлося,—
„То онъ всѣхъ женъ убить мужей подвигъ
„Безъ жалости на островѣ Лемносѣ.

91. „И доблестью и лаской словъ своихъ
„Увлекъ онъ Изифилу, а она-то
„Ужъ послѣ обольстила всѣхъ другихъ.

94. „Потомъ покинулъ онъ ее чреватой,
„За то и къ казни здѣсь приговоренъ;
„И за Медею здѣсь ему отплата.

97. „Съ нимъ схожъ виной весь людъ со всѣхъ сторонъ,—
„Вотъ что о первомъ рвѣ тебѣ знать надо
„И о всѣхъ тѣхъ, кого оклы̀калъ онъ“.—

100. Вдоль по тропинкѣ ближней шли мы кряду,
Что съ слѣдующимъ валомъ шла накрѣстъ,
Мосту служа зубчатою оградой.

103. Намъ причитанья слышались съ тѣхъ мѣстъ,

скими рабынями. Женщины за это истребили въ одну ночь все мужское населеніе острова; только одна Изифила хитростью спасла своего отца, царя Тоаса. Аргонавты, прибывши на Лемносъ, два года замѣняли убитыхъ мужей, при чемъ Изифила досталась Язону. Но цѣль похода отозвала ихъ дальше и разрушила ихъ связь. Въ Колхидѣ Язонъ вступилъ въ связь съ Медеей, при помощи которой и похитилъ золотое руно. Но онъ измѣнилъ и этой, покинувъ ее для дочери Креона.

99. Передаю буквально выраженіе подлинника *e di color che in se assanna*. Глаголъ assannare происходитъ отъ слова sanne клыки и живописно рисуетъ форму этого рва, скалы котораго торчатъ какъ клыки какого-нибудь чудовища.

103. Второе отдѣленіе восьмого круга содержитъ въ себѣ наказаніе для льстецовъ. Насколько Дантъ презиралъ этотъ родъ грѣха, видно по наказанію, которое онъ предназначилъ льстецамъ.

И отдуванье ртомъ къ намъ долетало,
И плескъ руками тамъ гремѣлъ окрестъ.

106. Тамъ плѣсенью покрыты были скалы,
Которой испареніе, сгустясь,
Съ глазами, какъ и съ носомъ воевало.

109. Дно было такъ глубо̀ко тамъ, что грязь
Я видѣлъ лишь взобравшись на вершину
Воротъ, что надо рвомъ висятъ, віясь.

112. Внизу я различалъ то грудь, то спину
Погрязнувшихъ вездѣ, куда ни глядь,
Въ истекшую изъ мѣстъ отхожихъ тину.

115. И вотъ одинъ успѣлъ я увидать
Столь грязный ликъ, что подъ корой помёта,
Монахъ онъ иль мірской не разобрать.

118. Онъ мнѣ вскричалъ: „Кто ты? Что за охота
„Такъ на меня глядѣть?“—„Не утаю“,—
Ему я молвилъ,—„что я помню все-то

121. „Еще сухою голову твою;
„Алексъ Интерминеи ты изъ Лукки.
„Вотъ почему я на тебя смотрю“.—

124. Ударилъ въ тыкву онъ: „На эти муки
„За лесть безъ всякой мѣры я попалъ;
„Въ ней никогда не зналъ языкъ мой скуки“.

127. Потомъ еще Учитель мнѣ сказалъ:
—„Простри свой взглядъ надъ этой мглой заразной
„И разсмотри межъ погруженныхъ въ калъ

---

122. Алессо Интерминеи изъ Лукки, по словамъ Бенвенуто да Имола omnes unguebat, omnes linguebat, etiam vellissimos et mercenarios.

124. Голова грѣшника названа тыквой; намекъ на водяную сладкорѣчивость льстецовъ.

130. „Тотъ безпокойный обликъ бабы грязной,
„Что то привстанетъ, то сидитъ на днѣ
„И чешется рукою безобразной.

133. „Таиду сводню въ той узнай женѣ,
„Что на вопросъ: довольна ли ты мной?
„Любовнику сказала: ахъ, вполнѣ!

136. „Но взоръ нашъ сытъ ужъ мерзостью такою!“

133. Таида—дѣйствующее лицо въ комедіи Теренція „Эвнухъ“. Замѣчательно, что здѣсь Данте помѣщаетъ въ адъ не дѣйствительно существовавшее лицо, а вымышленное.

Пѣснь девятнадцатая.

3-й ровъ. Симонисты. Папа Николай III.

---

1. О Симонъ волхвъ, о вы, его сыны,
Кто въ благахъ тѣхъ, съ которыми вы свято
Супружествомъ честнымъ обручены,

4. Блудотворите за сребро и злато!

---

1. Грѣхъ симоніи или святокупства, наказываемый въ третьемъ рву, получилъ свое названіе отъ Симона волхва, который, по разсказу «Дѣяній Апостоловъ», принесъ апостолу Петру деньги, прося его свести на него св. Духа. Подъ этимъ названіемъ разумѣется продажа и покупка духовнаго сана за деньги. Тѣхъ, которые виновны въ этомъ грѣхѣ, мы видимъ поставленными вверхъ ногами и зажатыми въ узкой дырѣ, при чемъ пятки ихъ горятъ. Для папъ, виновныхъ въ этомъ, имѣется особая дыра, и тотъ, кто въ ней находится, испытываетъ муки ужаснѣе другихъ вслѣдствіе своего высокаго сана. Въ этой дырѣ всегда находится только одинъ (ст. 73—78); когда его смѣнитъ другой вновь пришедшій папа, прежній падаетъ внизъ: въ чемъ далѣе состоятъ его мученія, не говорится, но вѣроятно эти мученія увеличиваются, потому что чѣмъ ниже круги ада, тѣмъ муки сильнѣе.—Кто продаетъ или покупаетъ за деньги духовный санъ, сообщающій дары св. Духа, тотъ *извращаетъ порядокъ церкви*, на которой зиждется все ея благодатное вліяніе на жизнь христіанъ. За это и самъ перевернутый вверхъ ногами и заключенный въ узкой дырѣ, въ которой онъ не можетъ шевельнуться, онъ наказывается еще воспламененіемъ ногъ, которыми онъ попиралъ свѣтъ евангельской истины, обратившійся теперь въ мучительный пламень. А тотъ, кто осквернилъ этимъ высокій санъ папы,—того непрекращающіяся въ будущемъ послѣдствія этого преступленія увлекаютъ все ниже и ниже на новую таинственную, но страшную по своей неизвѣстности кару.

3. По понятіямъ Дантовскаго времени, папа есть супругъ церкви; поэтому симонія является какъ бы прелюбодѣяніемъ, оскверненіемъ супружества съ „честною женой“ (ст. 58). Со смертію союзъ супружества распадается, и поэтому виновный папа уже не защищенъ святостью своего сана, какъ это объясняетъ Данту папа Адріанъ V въ Чистилищѣ.

Да прозвучитъ для васъ моя труба,
Суля вамъ кару въ третьемъ рву проклятомъ.

7. По лѣстницѣ насъ вверхъ ввела тропа
Къ срединѣ рва, вдали чернѣвшей, словно
Зіяющіе темные гроба.

10. Вездѣ и всюду Судія верховный,
Дивлюсь твоей я мощи и путямъ
Творящимъ судъ Твой, правый безусловно!

13. Изъ темныхъ ка́мней,—я увидѣлъ тамъ,—
И по землѣ и по бокамъ чернѣли
Ряды зіявшихъ, черныхъ, круглыхъ ямъ.

16. По ширинѣ и по длинѣ ихъ щели
Не больше и не меньше были тутъ,
Чѣмъ въ храмѣ Іоанновомъ купели.

19. Я спасъ дитя, разбивъ такой сосудъ,
И былъ въ нечестьи обвиненъ врагами,
Но ложно, въ чемъ сошлюсь на общій судъ.

22. И я увидѣлъ въ нихъ, что вверхъ ногами
Терзался въ каждой грѣшникъ, головой
И тѣломъ весь сокрытый въ узкой ямѣ.

25. Казалось, въ тѣхъ ногахъ былъ жаръ такой
И такъ брыкался грѣшникъ то и дѣло,
Что не сдержалъ бы ихъ канатъ любой.

---

16. Въ древнѣйшія времена крещеніе совершалось исключительно чрезъ погруженіе и пріурочивалось къ праздничнымъ днямъ; поэтому оно сопровождалось всегда большимъ стеченіемъ народа. Въ баптистеріи (крестильнѣ) св. Іоанна во Флоренціи устроенъ каменный барьеръ, вкругъ центральнаго водоема, а для помѣщенія крещаемыхъ въ полу были сдѣланы отверстія, вродѣ описываемыхъ. Бенвенуто да Имола разсказываетъ, что однажды ребенокъ упалъ играя въ одно изъ этихъ отверстій и едва не утонулъ; для того, чтобы его спасти оттуда, Данте, въ то время пріоръ Флоренціи, разбилъ топоромъ мраморную загородку. Его обивиняли въ оскорбленіи святыни, въ чемъ онъ здѣсь и оправдывается.

28. Какъ по свѣтильнѣ въ свѣточѣ, такъ тѣло
Взводило жаръ по всей длинѣ своей,
Межъ тѣмъ какъ только пятка пламенѣла.

31. —„Мой Вождь", спросилъ я, „молви мнѣ, кто сей,
„Чьи пятки столь краснѣе предъ другими
„И кто въ мученьяхъ корчится сильнѣй!"—

34. —„Коль сходно то съ желаньями твоими",
Онъ молвилъ: „такъ я внизъ снесу тебя;
„Тамъ скажетъ онъ и казнь свою и имя.—

37. —„Твои желанья всѣ", отвѣтилъ я,
„То жъ и мои; ты мой властитель выну;
„Тебѣ ясна́ безъ слова мысль моя".—

40. И намъ черезъ четвертую плотину
Перебираться снова тутъ пришлось
Къ мученьямъ новымъ, въ новую пучину.

43. И въ тѣ мѣста мой Вождь меня понесъ
По бедра на рукахъ меня подъемля,
Гдѣ даже ноги лили токи слезъ.

46. —„Кто бъ ни былъ ты, что головою въ землю
„Ногами вверхъ, терзаемый, зарытъ,
„Скажи, кто ты? Тебѣ живой я внемлю!"—

49. Какъ іерей предъ тѣмъ, кому грозитъ
Казнь черезъ мигъ, пріемлетъ покаянье,
Такъ я стоялъ предъ тѣмъ, кто въ ямѣ скрытъ.

52. —„Ты, Бонифацій?" было восклицанье

---

33. Намекъ на красные чулки, носимые папами.

40. Съ моста, на которомъ они стали въ ст. 8, въ третій ровъ.

49. Въ Дантовское время убійцъ закапывали внизъ головою въ землю, оставляя наружи торчащія ноги. Чтобы продлить жизнь, несчастные по нѣскольку разъ призывали духовника для исповѣди; это наказаніе называлось propagginare.

52. Говорящій духъ есть папа Николай III. Такъ какъ онъ не видитъ, кто подошелъ къ нему, то онъ принимаетъ подходящаго Данта за своего

Отвѣтомъ мнѣ: „меня смѣнить пора?
„Такъ рано? Или лгало предсказанье?

55. „Пресытился ль ты жаждой серебра,
„Изъ коей ты жены честной позоромъ
„Свой сдѣлалъ бракъ, срамя престолъ Петра?"—

58. Услышавъ то, я ницъ склонился взоромъ

замѣстителя папу Бонифація VIII. Поэтъ совершаетъ свое путешествіе въ 1300 году, когда Бонифацій VIII былъ еще живъ; потому то Николай III, знающій будущее по указанной въ пѣсни X, 100, причинѣ, такъ удивленъ несвоевременнымъ приходомъ того, кто долженъ замѣстить его въ этой ямѣ. Замѣчательна смѣлость, съ какой Данте всенародно и открыто помѣщаетъ въ адъ Бонифація, котораго онъ ненавидѣлъ за враждебность къ Бѣлымъ и за преданіе Флоренціи Карлу Валуа.—Папа Николай III (1277—1280) былъ, по словамъ Виллани, первый папа, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ первыхъ, при которомъ симонія стала производиться открыто. Онъ былъ изъ фамиліи Орсини (Orsa—медвѣдица) и усиленно обогащалъ своихъ родственниковъ. Папа Бонифацій VIII, за котораго Николай III принимаетъ Данта, наслѣдовалъ Целестину V, котораго хитростью заставилъ отказаться отъ престола. Целестинъ V до своего избранія былъ отшельникомъ, совсѣмъ не ожидавшимъ и не добивавшимся такого величія; поэтому это величіе его пугало, и онъ боялся, достоинъ ли онъ такого высокаго сана. Кардиналъ Бенедетто Гаэтани (впослѣдствіи Бонифацій VIII), провелъ въ комнату, куда Целестинъ уединялся молиться, потайныя трубы,—и во время молитвы Целестина раздавался голосъ, который ему казался голосомъ съ неба и который повелѣвалъ ему отказаться отъ папскаго престола. Целестинъ отказался, и Гаэтани былъ избранъ папою (Данте помѣстилъ Целестина въ преддверіи ада среди трусовъ, пѣснь III, 59). Это былъ человѣкъ высокомѣрный и любившій пышность; онъ требовалъ къ себѣ великаго почтенія и съ достоинствомъ велъ дѣла церкви. Его коронація была самою пышною, какую только видѣлъ Римъ. Отъ базилики св. Петра до латеранскаго дворца онъ ѣхалъ не на ослѣ, какъ прежніе папы, а на великолѣпномъ бѣломъ конѣ, котораго вели подъ уздцы король Неаполитанскій и его сынъ, король Венгріи. Знатнѣйшія фамиліи Рима,— Орсини, Колонна, Савелли, Стефанески, Аннибалди,—слѣдовали сзади. Процессія проходила среди колѣнопреклоннаго народа. Вдругъ поднялся вихрь, погасившій всѣ свѣчи въ храмѣ. Это произвело такое смятеніе, что сорокъ человѣкъ погибло въ свалкѣ. На слѣдующій день папа торжественно обѣдалъ въ Латеранѣ; короли стояли за его стуломъ... (Milman).

Данте ненавидѣлъ Бонифація VIII какъ истый гибеллинъ и уже при его жизни предназначилъ ему мѣсто въ аду; въ XVII пѣснѣ Ада онъ зоветъ его „вождемъ новыхъ фарисеевъ", а въ XXVII пѣсни Рая влагаетъ въ уста апостола Петра громовую рѣчь противъ его намѣстника, заставляющаго все небо краснѣть отъ стыда. Бонифацій VIII умеръ въ 1303 году.

И какъ не понимающій стоялъ,
Но поспѣшилъ мой Вождь отвѣтомъ скорымъ:

61. —„Что жъ ты стоишь?“ тогда онъ мнѣ сказалъ,—
„Скажи ему: не тотъ я, съ кѣмъ удѣломъ
„Мучительнымъ ты помѣняться ждалъ“.—

64. Я молвилъ то; ногами и всѣмъ тѣломъ
Быстрѣе грѣшникъ завертѣлся весь.
—„Тогда тебѣ я за какимъ же дѣломъ?

67. „Но если ты въ краю страданья здѣсь
„Идешь живой,—знай, что въ подлунномъ краѣ
„Тіары папской воспріялъ я честь.

70. „Медвѣдица меня родила злая;
„Сгребая золото для медвѣжатъ
„Въ мѣшки, самъ удостоился мѣшка я.

73. „Внизу жъ, подъ головой моей, лежатъ
„Не мало папъ, кто златомъ брали цѣну
„За благодать, низверженные въ адъ.

76. „Туда жъ, едва мнѣ явится на смѣну
„Тотъ, за кого тебя я не узнавъ
„Сперва принялъ, паду и я мгновенно.

79. „Но менѣй срокъ его,— стоять стремглавъ,
„Болтая вверхъ поднятыми ногами,
„И новый пастырь, всѣхъ насъ гаже ставъ,

82. „Запятнанный чернѣйшими дѣлами,
„Низринувшій и вѣру и законъ,
„Покроетъ насъ и станетъ здѣсь надъ нами.

---

82. Еще смѣлѣе предыдущаго, потому что подразумѣваемый здѣсь Климентъ V (1305—1314) былъ живъ во время обнародованія поэмы. Папа Климентъ V, французъ по происхожденію, былъ избранъ на папскій престолъ благодаря содѣйствію Филиппа Красиваго, короля французскаго, и въ угоду послѣднему перенесъ свою резиденцію изъ Рима въ Авиньонъ; періодъ извѣстный въ исторіи подъ именемъ „семидесятилѣтняго вавилонскаго плѣненія папъ“

85. „Тотъ пастырь будетъ новый Іасонъ,
„О комъ писанье въ книгѣ Маккавея,
„Въ свой санъ Царемъ безбожнымъ возведенъ“. —

88. Быть можетъ, были, гнѣвомъ пламенѣя,
Мои слова излишне горячи,
Но я сказалъ: „Когда стезей своею

91. „Господь призвалъ Петра, отдавъ ключи
„Небесъ ему, съ него Онъ взялъ ли злато?
„Онъ лишь велѣлъ Себѣ во слѣдъ тещи.

94. „Или Матѳій апостоламъ далъ плату,
„Когда по жребью мѣсто замѣстилъ,
„Отколь предатель былъ изъятъ проклятый?

97. „Вполнѣ свою ты кару заслужилъ!
„Корыстныя копи тутъ сбереженья,
„Возжегшія на Карла тамъ твой пылъ!

100. „Пусть свяжетъ мой языкъ благоговѣнье
„Къ ключамъ, что ты держалъ такъ много лѣтъ,
„Чтобъ гнѣвныя смягчались выраженья!

103. „За васъ не чтитъ и санъ вашъ болѣ свѣтъ.
„Въ корыстолюбьи вашемъ постоянномъ
„Дурнымъ узды и добрымъ правды нѣтъ!

106. „Провидѣны вы были Іоанномъ
„Въ блудницѣ, съ коей любодѣялъ всякъ,
„Что продавала плоть царямъ и странамъ!

---

85. Іасонъ за деньги купилъ у царя Антіоха первосвященническій санъ (2-я кн. Маккавеевъ IV, 7—10) и, заведя игорные дома, пріучилъ евреевъ къ языческимъ забавамъ.

94. Мѣсто Іуды Искаріотскаго изъ двухъ избранныхъ занялъ по жребію Матѳій (см. Дѣянія I).

99. Николай III, гордясь своими богатствами, хотѣлъ выдать свою племянницу за племянника короля сицилійскаго Карла I и враждовалъ съ нимъ за то, что тотъ на это не соглашался.

106. Смотри Апокалипсисъ XVII 1—3.

109. „Семь главъ—ея могучей власти знакъ,
„И въ десяти рогахъ—престолъ надъ міромъ,
„Пока ея съ Предвѣчнымъ крѣпокъ бракъ.

112. „Вы жъ кланяетесь злату и порфирамъ.
„Язычники благочестивѣй васъ,
„Ибо у васъ и счету нѣтъ кумирамъ!

115. „Какое зло ты, Константинъ, для насъ
„Впервые сдѣлалъ—не принявши вѣру,
„А папѣ землю давши въ первый разъ!"

118. Такъ говорилъ я смѣло изувѣру,
И—совѣсть ли была то, гнѣвъ ли былъ,—
Ногами онъ вертѣлъ быстрѣй чрезъ мѣру.

121. Понравился Вождю мой правый пылъ;
Онъ слушалъ все отъ слова и до слова,
Кивая, что я правду говорилъ;

124. И на руки меня онъ поднялъ снова,
Чтобы понесть опять, къ груди прижалъ
И двинулся вдоль всхода онъ крутого.

127. Онъ несъ меня дотоль, пока онъ сталъ
На мостъ, взвивавшійся надъ бездной чорной,
Что пятый ровъ съ четвертымъ съединялъ;

130. И тамъ, добравшись до тропинки торной,
Меня поставилъ на горѣ такой,
Что и козѣ едва ль взобраться бъ горной.

133. Тамъ я увидѣлъ ямы дно другой.

---

109. Апокалипсисъ XVII, 12, 13. Вѣроятно разумѣются семь таинствъ и десять заповѣдей, дающихъ церкви могущество, пока она не покинетъ пути добродѣтели.

115—117. Подразумѣвается легенда о томъ, что императоръ Константинъ, исцѣленный папою Сильвестромъ отъ проказы, подарилъ ему участокъ земли, положивъ такимъ образомъ основаніе свѣтской власти папъ.

131. Виргилій медленно и бережно опускаетъ Данта, вынесеннаго имъ изъ глубины, на гору. Это имѣетъ глубокое внутреннее значеніе: хотя католику и трудно, видя пороки папъ, дойти до признанія необходимости папства какъ церковнаго учрежденія, но разумъ учитъ отличать личность отъ сана и, вынося его изъ глубины, въ какую опустилось папство пороками отдѣльныхъ папъ, ставитъ его на той высотѣ, съ какой нужно смотрѣть на предметъ.

Пѣснь двадцатая.

4-й ровъ. Гадатели. Разсказъ Виргилія объ основаніи Мантуи.

---

1. Иныя казни просятся на слово
И въ книгу первую,—про Адъ,—даютъ
Предметъ мнѣ для двадцатой пѣсни новой.

4. Я внизъ глядѣлъ, и открывался тутъ
Зіяющій, открытой пастью словно,—
Омытый моремъ слезъ скорбей пріютъ.

7. И сонмъ людей, походкой тихой, ровной,
Поникнувъ молча скорбной головой,
Ходили вкругъ, какъ въ литіи церковной.

10. Но ниже взоръ на нихъ склонивши свой,
Увидѣлъ я,—то не пустыя бредни,—
Что всякъ назадъ повернутъ головой

13. И тѣни всѣ отъ первой до послѣдней
Лицомъ къ спинѣ, съ затылкомъ вровень грудь,
И видъ для нихъ совсѣмъ сокрытъ передній.

16. Такъ можетъ шею параличъ свернуть,

---

1. Поэты съ моста видятъ четвертое отдѣленіе восьмого круга, гдѣ наказываются волшебники и предсказатели. Грѣшники идутъ съ повернутыми вздадъ лицами, такъ какъ они слишкомъ хотѣли провидѣть всегда впередъ. Это значитъ: провидѣніе есть противоестественное преступленіе.

10. Поэтъ сначала обозрѣлъ только мѣсто наказанія и видѣлъ только рядъ идущихъ грѣшниковъ; теперь онъ разсмотрѣлъ, въ чемъ состоитъ самое наказаніе, увидѣвъ перевернутыя лица.

Молва гласитъ; но трудно безъ примѣра
Въ подобное повѣрить что-нибудь.

19. Коль Богъ въ тебя, читатель, вложитъ вѣру
И чтенье плодъ свой дастъ,—поймешь вполнѣ
Какъ видѣть было тяжко свыше мѣры

22. Такъ изувѣченнымъ столь милый мнѣ
Ликъ человѣка, ропотъ ока слезный
Ліющій по ложбинѣ на спинѣ!

25. Ошеломленъ, склонясь надъ темной бездной,
Стоялъ и плакалъ я; но Вождь мой тутъ
—„Къ чему“,—сказалъ мнѣ,—„плачъ твой безполезный?

28. „Жалѣть преступниковъ—напрасный трудъ;
„И кто, безумецъ, дерзкою слезою
„Дерзнетъ роптать на вышній правый судъ?

31. „Встань, сынъ мой, встань! Ты узришь предъ собою
„Того, кто въ Ѳивахъ поглощенъ землей
„При всенародныхъ крикахъ: Что съ тобою,

34. „Амфіарай? Зачѣмъ покинулъ бой?—
„Онъ погрязалъ все болѣе въ пучину,
„Гдѣ былъ Миносомъ усмиренъ судьей.

37. „Смотри, какъ грудь ему смѣнила спину,
„Смотри, какъ ходитъ онъ и видитъ въ тылъ,
„Онъ, жаждавшій впередъ провидѣть вину!

40. „Тирезій вотъ; онъ чарой тайныхъ силъ

19—24. Эту картину находятъ слишкомъ низменною; но за то она ясна и реальна.

28—30. Въ оригиналѣ непереводимая игра словъ: qui vive la pietà quand'e ben morta. Сожалѣніе о грѣшникахъ оскорбляетъ божественное правосудіе.

31. Амфіарай, одинъ изъ семи царей, осаждавшихъ Ѳивы; предвидя свою смерть во время этой войны, онъ долго не хотѣлъ принимать въ ней участія. Во время битвы онъ былъ поглощенъ землею.

40. Терезій, ѳиванскій предсказатель, превращавшійся изъ мужчины въ женщину и обратно.

„Двухъ свитыхъ змѣй жезломъ разрознивъ вчужѣ,
„Себя въ жену изъ мужа превратилъ;

43. „Чрезъ семь же лѣтъ, чету нашедши ту же,
„Онъ разогналъ ихъ вновь и изъ жены
„Онъ принялъ снова прежній образъ мужа.

46. „За нимъ колдунъ тосканской стороны
„Аронтъ; въ пещерѣ мраморной Каррары
„Онъ долго жилъ одинъ въ горахъ луны.

49. „Скрываясь отъ людей, волшебникъ старый
„Тамъ море наблюдалъ и звѣздъ пути
„И волхвовалъ таинственныя чары.

52. „А эта, съ волосами позади
„Віющимися, этимъ полъ отъемля
„Нивѣсть мужской ли, женской ли груди, —

55. „То Манто, что прошла моря и земли,
„Вселясь въ моей отчизнѣ наконецъ.
„О ней-то моему разсказу внемли:

58. „Въ тѣ дни, когда почилъ ея отецъ
„И Вакха градъ къ Креону впалъ въ неволю,
„Она блуждала изъ конца въ конецъ.

61. „Въ Италіи, въ одномъ прекрасномъ долѣ,
„Близъ Альпъ, что къ намъ отъ нѣмцевъ ставятъ грань,
„Есть озеро Бенако близъ Тироли.

64. „Пространство все отъ горъ, куда ни взглянь,—
„Въ потокахъ, коихъ быстрое теченье
„Лазурныхъ водъ въ него приноситъ дань.

---

47. Аронтъ или Арунсъ, тосканскій волшебникъ, о которомъ разсказывается въ Лукановой „Фарсалидѣ“; онъ жилъ около Каррары.

55. Манто, дочь Тирезія и также прорицательница, послѣ смерти своего отца покинула Ѳивы и, долго странствуя, основала Мантую, гдѣ и умерла.

63. Бенако, нынѣ Гардское озеро.

67. „А средь него есть островъ межъ владѣнья
„Трехъ городовъ; могли бъ на островъ тотъ
„Три пастыря послать благословенье.

70. „Внизу Пескьеры высится оплотъ;
„Бергамо съ Брешьей край хранятъ свободный,
„А вкругъ его счастливый долъ цвѣтетъ.

73. „Не въ силахъ удержать избытокъ водный,
„Который съ горъ несутъ ему ручьи,
„Потокъ оно пролйло; плодородной

76. „Равниною онъ волны мчитъ свои
„И, ставъ рѣкою, Минчіо прозванной,
„Въ Говерно онъ сливаетъ съ По струи.

79. „Невдалекѣ есть низменныя страны;
„Въ болото тамъ земля превращена,
„И вреденъ воздухъ сыростью туманной.

82. „Пришлась по сердцу дикая страна
„Суровой дѣвѣ,—можетъ, тѣмъ, что съ цѣлой
„Землей она была разлучена;

85. „И здѣсь она съ рабами станомъ сѣла,
„Палатки здѣсь поставила свои,—
„И здѣсь ея похоронили тѣло.

88. „Туземцы вскорѣ къ ней туда пришли,
„Что въ сторонѣ окрестной обитали;
„На безопасномъ островкѣ земли,

91. „Въ кольцѣ болотъ они селиться стали.
„Въ честь той, кѣмъ былъ впервые онъ избрȧнъ,
„Они свой городъ Мантуей назвали.

94. „Въ народѣ о началѣ этихъ странъ

---

69. *Три пастыря*—разумѣются епископы Тріента, Брешіи и Вероны, владѣнія которыхъ соприкасаются на этомъ пунктѣ.

„Про Пинамонте молвь еще таится,
„Про Кассалоди и его обманъ.

97. „Запомни то и, коль тебѣ случится
„Иное что услышать, то сперва
„Смотри, да правда ложью не затмится!“ —

100. А я: „Учитель, всѣ твои слова
„Всегда мнѣ драгоцѣнны, какъ святыня.
„Иная вѣсть ушамъ моимъ мертва.

103. „Но указать не откажися нынѣ
„Достойныхъ примѣчанія мужей
„Еще изъ тѣхъ, кто страждетъ здѣсь въ кручинѣ“.

106. И Вождь ко мнѣ: „Длиннобородый сей
„Къ такому край родной привелъ безлюдью,
„Что не осталось въ Греціи мужей,

109. „А дѣти лишь, питаемыя грудью.
„Въ Авлидѣ онъ и съ нимъ еще Калхасъ
„Для времени отъѣзда были судьи.

112. „Въ Трагедіи моей о немъ разсказъ;
„Навѣрно помнишь ты объ Эврипилѣ;
„Вѣдь каждый стихъ ты въ ней прочелъ не разъ.

115. „Вотъ Микель Скоттъ; ужасный въ вѣщей силѣ,
„Онъ былъ всѣмъ тайнымъ чарамъ наученъ,
„И всѣ ему знакомы духи были.

---

95. Пинамонте-де-Буонакосси уговорилъ графа Кассалоди, властителя Мантуи, для успокоенія народа изгнать изъ города знатнѣйшихъ и храбрѣйшихъ гражданъ. Когда графъ послѣдовалъ его совѣту, Пинамонте съ помощью изгнанныхъ, взялъ городъ, захватилъ въ свои руки власть и въ свою очередь изгналъ и умертвилъ тѣхъ, кого самъ боялся.

106. Эврипилъ, назначившій время отъѣзда для грековъ, когда послѣдніе собирались противъ Трои.

112. Почему Виргилій называетъ свою „Энеиду“ трагедіей, въ противоположность Комедіи Данта, объяснено въ прим. I, 1.

116. „Микель Скотто“, по словамъ Бенвенуто да Имола, „былъ гадатель при дворѣ Фридриха II и посвятилъ послѣднему свою книгу по естественной

118. „Бонатти здѣсь, Асдентъ, что такъ сраженъ
„Раскаяньемъ, но позднимъ въ томъ, что даже
„Для чаръ забылъ свои колодки онъ.

121. „Вотъ женщины, что промѣняли пряжу
„И ткацкій челнъ, приличный для жены,
„На травы и на кругъ гаданья вражій.

124. „Но въ путь теперь! Ужъ Каинъ до волны
„Въ обѣихъ полушарьяхъ связкой сразу
„Коснулся, на границѣ ихъ, съ луны.

127. „Вчера ты полнолунья видѣлъ фазу,
„Свѣтившую тебѣ въ глуши лѣсной,
„Путь твоему указывая глазу“.—

130. И онъ безъ устали пошелъ со мной.

исторіи, гдѣ между прочимъ трактуется и объ астрологіи. Говорятъ, онъ провидѣлъ свою собственную смерть, но не могъ ея предотвратить. Онъ узналъ, что онъ будетъ убитъ маленькимъ камешкомъ, который упадетъ на его голову; поэтому, чтобы предохранить себя, носилъ желѣзную шапку. Однажды въ церкви, въ праздникъ Тѣла Господня, онъ снялъ ее,—не изъ почтенія къ Христу, въ котораго не вѣрилъ, а мороча народъ,—и былъ убитъ упавшимъ сверху камнемъ“.

118. Гвидо Бонатти, астрологъ изъ Форли, сопровождалъ Гвидо-де-Монтефельтро въ его походѣ противъ французовъ. Виллани разсказываетъ: „Говорятъ, графъ Монтефельтро руководился гаданіями и совѣтами Бонатти; тотъ передъ началомъ похода далъ ему хоругвь, сказавши: Пока отъ этого останется хоть тряпка, которую ты будешь носить, побѣда тебя не покинетъ. Хотя я думаю, что Монтефельтро побѣждалъ болѣе своею изобрѣтательностью и опытностью въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ совѣтами астролога“. Асденте, пармскій сапожникъ, извѣстный своимъ умомъ, хотя и неграмотный; ему приписывали даръ пророчества. Данте въ Convito IV, 16, говоритъ, что если слава состоитъ въ извѣстности, то пармскій сапожникъ Асденте славнѣе всѣхъ своихъ согражданъ.

124. Итальянское простонародье воображаетъ на лунѣ изображеніе Каина со связкой дровъ, предназначенной для его неугодной Богу жертвы. Луна, которая вчера была въ фазѣ полнолунія, находится теперь на границѣ восточнаго и западнаго полушарія. Значитъ наступаетъ утро второго дня пути.

Пѣснь двадцать первая.

5-й ровъ. Лихоимцы. Старѣйшина изъ Лукки. Злые-Когти.

---

1. Съ моста на мостъ, мѣняясь парой словъ,
Которыхъ здѣсь я проводить не стану,
Мы далѣ шли, покуда пятый ровъ

2. Средь горъ намъ не открылъ свою поляну,
Въ которой тщетныхъ жалобъ крикъ леталъ
И стлалась дымка страннаго туману.

---

1. Теперь съ моста виденъ пятый ровъ. Здѣсь наказывается лихоимство. Виновные въ немъ погружены въ озеро расплавленной смолы, изъ которой они время отъ времени пытаются выплывать, чтобы хоть немного освѣжиться, но черти сторожатъ, не позволяя имъ этого. Еслиже кто-нибудь осмѣлится выплыть, они его баграми вытаскиваютъ и сдираютъ съ него кожу; потомъ вновь бросаютъ въ смолу для большаго мученія. Соотношеніе между преступленіемъ и казнью довольно понятно: смола липка, какъ тѣ яко бы законныя придирки, которыми грѣшники при жизни терзали своихъ жертвъ, обдирая ихъ, какъ ихъ теперь самихъ обдираютъ черти. Роль самихъ чертей, поставленныхъ какъ бы начальниками надъ ними, очень похожа на ихъ собственную роль въ отношеніи своихъ подчиненныхъ; изъ всякой попытки грѣшниковъ освободиться отъ смолы черти стараются извлечь себѣ выгоду; и все ихъ стараніе сводится къ тому, чтобы грѣшники выплывали какъ можно рѣже. Что во времена общественныхъ безпорядковъ классъ чиновниковъ изобилуетъ злоупотребленіями, — неизбѣжно; но во времена Данта онъ былъ, вѣроятно, очень плохъ, такъ какъ обличенію его Дантъ посвящаетъ цѣлыхъ двѣ пѣсни. Въ болѣе спокойное время ихъ злоупотребленія скрытнѣе; во времена безпорядка, эти злоупотребленія, не стѣсняясь ничѣмъ, нахально появляются наружу. Эта пѣснь, равно какъ и слѣдующая, написаны въ полукомическомъ тонѣ, напоминающемъ басни или животный эпосъ. Если сравнивать поэму Данта съ готическимъ соборомъ, какъ это многими дѣлается, то XXI и XXII пѣсни напоминаютъ тѣ готическіе карнизы, на которыхъ обезьяны и другія животныя въ монашескихъ одеждахъ разныхъ орденовъ представлены въ какомъ-нибудь смѣхотворномъ положеніи.

7. Войдя въ Венеціанскій арсеналъ,
Такъ мореходцы растопляютъ смо̀лу,
Чтобъ починить корабль, что пострадалъ

10. Отъ ярости морского произвола.
Надъ новой тамъ ладьей трудится тотъ,
У старой тотъ бокъ конопатитъ полый;

13. Тотъ молотомъ то носъ то ко́рму бьетъ,
Тотъ паклю треплетъ, вьетъ канатъ проворно,
Тотъ исправляетъ парусъ, вёселъ ходъ.

16. Здѣсь былъ просторъ смолы, но чудотворной
Растопленъ высшей мощью, не въ огнѣ,—
И вкругъ облитъ завѣсой чада черной.

19. Я внизъ смотрѣлъ, но видѣлася мнѣ
Лишь пѣна, что то высилася въ горы,
То осѣдала въ темной глубинѣ.

22. Пока окрестъ распространялъ я взоры,
Вождь мнѣ воскликнулъ: „Прочь! скорѣе прочь!“
И къ сторонѣ отвлекъ меня онъ скоро.

25. Отпрянувъ, обернулся я,—точь-въ-точь
Испуганный, но зрѣть причину страха
Желанья не могущій превозмочь.

28. За мною бѣсъ зловѣщей, черной птахой
Перелетая съ горъ на горы, вмигъ
Какъ изъ засады выпорхнулъ съ размаху.

---

7. Венеціанскій арсеналъ, одинъ изъ памятниковъ былого величія царицы морей, построенъ на нѣсколькихъ маленькихъ островкахъ, соединенныхъ между собою валомъ длиною мили въ двѣ. Это величавое сооруженіе охраняется четырьмя мраморными львами, изъ которыхъ два вывезены Морозини изъ Пелопонеса въ 1685 году и относятся къ эпохѣ очень древней, никакъ не позже начала персидскихъ войнъ. Даже въ теперешнемъ его запустѣніи и упадкѣ, онъ посѣщается туристами—почитателями Данта, какъ иллюстрація къ одному изъ наиболѣе живописныхъ мѣстъ „Божественной Комедіи“.

31. Какой огонь въ очахъ виднѣлся злыхъ!
Злорадствуя, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ
И билъ онъ воздухъ ширью крылъ своихъ.

34. Онъ грѣшника, болтавшагося шатко,
Тащилъ, прижавъ къ костлявому плечу,
Когтями же ему вцѣпясь за пятки.

37. И съ нашего моста вскричалъ онъ: „Чу!
„Вы, Злыя-Когти! Взгляньте, —одного вамъ
„Старѣйшину отъ Зиты я тащу!

40. „Въ смолу его! А я пойду за новымъ.
„Кромѣ Бонтуры, тамъ вѣдь всякій плутъ,
„И *да* на *нѣтъ* однимъ смѣняютъ словомъ!“—

43. И грѣшника онъ съ моста сбросилъ тутъ
Къ чертямъ, примчавшимся, какъ, слыша вора,
Сорвавшіеся съ цѣпи псы бѣгутъ.

46. Бѣднякъ нырнулъ въ смолу, но выплылъ скоро
—„Ага! Къ Убрусу тщетно здѣсь взывать!“
Злорадствуя, чертей кричала свора:

---

34. Демонъ, несущій на плечахъ грѣшника, на картинѣ Микель Анджело „Страшный судъ“, безъ сомнѣнія, навѣянъ этими стихами Данта.

38. *Злыя Когти* (Malebranche)—общее названіе всѣхъ здѣсь находящихся чертей. Отдѣльныя имена каждаго изъ нихъ объяснены ниже.

39. *Старѣйшина* (anziano) въ Луккѣ соотвѣтствовалъ пріору во Флоренціи. Ихъ выбиралось десять, по два на каждыя ворота города. *Св. Зита*— патронесса города Лукки. Повидимому, администрація Лукки отличалась особымъ взяточничествомъ.

41. Конечно, иронія. Бенвенуто да Имола разсказываетъ, что Бонтура былъ величайшій взяточникъ изъ всѣхъ; онъ руководилъ всею комуною, раздавалъ и отнималъ общественныя должности, какъ и кому хотѣлъ.

47. Переводя Santo Volto словомъ *Убрусъ*, переводчикъ долженъ оговориться, что рѣчь идетъ не объ едесскомъ нерукотворенномъ Убрусѣ и не о полотнѣ Вероники, а о статуѣ Христа, хранимой въ соборѣ города Лукки, относительно которой существуетъ паралельная легенда: Никодимъ задумалъ изваять статую распятаго Христа, сдѣлалъ крестъ и станъ, но не могъ сладить съ лицомъ. Отъ огорченія онъ однажды заснулъ и проснувшись нашелъ лицо изваяннымъ невидимою рукою. Черти этимъ крикомъ намекаютъ на то, что худшіе взяточники обыкновенно бываютъ величайшими святошами.

„Не въ Серкіо купаешься ты, знать!
„Коль наши когти для тебя не милы,
„Такъ изъ смолы не смѣй на верхъ всплывать!“

И подняли несчастнаго на вилы.
—„Пускайся-ка подъ нашу дудку въ плясъ
„И насъ надуй, чтобъ незамѣтно было!“—

Такъ повара искусные подчасъ,
На вертелъ насадивши тукъ говяды,
Его вращаютъ, жарить изловчась.

Вождь молвилъ мнѣ: „Тебѣ укрыться надо
„Сначала отъ налета ихъ; въ скалахъ
„Ты безопаснѣй будешь за оградой.

„Я жъ къ нимъ пойду; но усмири свой страхъ—
„Мнѣ путь знакомъ; такъ жди меня ты смѣло:
„Я ль не видалъ подобныхъ передрягъ?“

И по скалѣ, что будто мостъ висѣла,
Онъ къ тѣмъ чертямъ спустился въ ровъ шестой.
Его чело по нуждѣ просвѣтлѣло.

И какъ подобно вихрю песъ цѣпной
Бросается на нищаго, коль скоро
Подъ окна притекаетъ онъ съ мольбой,—

Къ нему чертей такъ бросилася свора,
Багры уставя; но сказалъ Поэтъ:
„Меня да не коснется никоторый!

„Но выславъ одного ко мнѣ, совѣтъ
„Вы сдѣлайте, чтобъ былъ вопросъ обсуженъ,
„Дѣйствительно ль меня хватать вамъ слѣдъ“.—

---

49. Серкіо – рѣка около Лукки.

58. Виргилій совѣтуетъ Данту укрыться, пока онъ не укротитъ чертей и не приведетъ ихъ въ повиновеніе, иначе черти напали бы на Данта.

63. Намекъ на первое схожденіе въ адъ Виргилія Сравн. IX, 22, а также XXIII, 124.

76. Въ избраньи вопль ихъ былъ согласно друженъ:
—„Ты, Малакода!“—Выступивъ впередъ,
Вождя бѣсъ вопросилъ: „Зачѣмъ я нуженъ?“—

79. —„Ты, Малакода, думаешь, что ходъ
„До сихъ круговъ простерть мнѣ было бъ можно,
„Средь нападеній всѣхъ и всѣхъ невзгодъ,

82. „Когда бъ не судъ всевышній непреложный?
„Живого далъ вести мнѣ онъ, чтобъ могъ
„Ему я быть оградою надёжной.

85. И бѣсъ, какъ бы захваченный врасплохъ,
Вскричалъ: „Его не трогай не единый!“
И уронилъ багоръ свой между ногъ.

88. Учитель мнѣ вскричалъ: „Ты, кто, за спину
„Скалы укрывшись, здѣсь проходу ждешь!
„Иди теперь, бояться нѣтъ причины“.

91. Къ нему я тотчасъ подбѣжалъ, но все жъ,
Хоть былъ спокоенъ рой ихъ устрашенный,
Пугался страшно я ихъ злобныхъ рожъ!

94. Дрожали такъ защитники Капроны
При сдачѣ города, когда: „Месть, месть!“
Кричалъ имъ непріятель раздраженный.

97. И въ чаяньи, что ложь чертей и лесть

---

85. Первое впечатлѣніе, какое Виргилій своимъ появленіемъ производитъ на чертей, подобно появленію ревизора среди проворовавшейся шайки взяточниковъ. Потомъ, когда первоначальный страхъ минулъ, они надѣются отдѣлаться отъ него силой или провести его хитростью.

94. Капрона—пизанская крѣпость, взятая войсками Лукки съ помощью тосканскихъ гвельфовъ. Пизанцы обложили послѣ этого ее осадою и вынудили сдаться, обѣщавъ ея защитникамъ пощадить жизнь. Но когда гарнизонъ выходилъ изъ города, окружавшіе пизанцы кричали: „На висѣлицу ихъ!“ Среди этой пизанской толпы находился и двадцатипятилѣтній Данте, по словамъ Бенвенуто да Имола.

Въ движеніяхъ лица ихъ я замѣчу,
Отъ нихъ я былъ не въ силахъ глазъ отвесть

100. И шопотомъ такія слышалъ рѣчи:
—„Ударить чтоль его?“—„Постой, срокъ дай,
„Его мы хватимъ вилами за плечи!“—

103. Но повернулся къ нимъ тутъ невзначай
Бѣсъ, что съ Вождемъ бесѣдовалъ въ началѣ:
—„Стой, Скармильоне! Тише, негодяй!“—

106. И къ намъ потомъ: „Когда пойдете далѣ,
„То здѣсь вамъ внизъ дороги не найти—
„Обрушился тотъ мостъ, что вы искали.

109. „Но коль свернете вправо вы съ пути,
„То тамъ есть мостъ, который не покинутъ
„И на которомъ можно вамъ пройти!

112. „Вчера пятью часами позже минутъ
„Ужъ тысяча и двѣсти шестьдесятъ
„Шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ первый мостъ низринутъ.

115. „Идите; съ вами я пошлю отрядъ
„Взглянуть, не всплылъ ли кто изъ нашей дичи,
„Но вамъ они вреда не причинятъ.

---

112. Мѣсто, опредѣляющее время Дантова путешествія. Христосъ умеръ на 34 году жизни, значитъ, если Данте совершилъ свое путешествіе въ 1300 году отъ Р. Х., то со смерти и землетрясенія происходившаго въ то время, прошло 1266 лѣтъ (Сравн. XII, 34). Въ концѣ предыдущей пѣсни указывалось, что тогда былъ первый часъ послѣ солнечнаго восхода. Черезъ пять часовъ будетъ полдень, т.-е. „третій часъ“ по евангелію, часъ распятія. Годовщина распятія, другими словами, страстная пятница была вчера, т.-е. тотъ день, когда Данте началъ свое странствіе. (Сравн. примѣч. къ I, 1). Относительно существованія моста черезъ ровъ, который не разрушенъ, демонъ лжетъ, какъ мы увидимъ дальше; мосты чрезъ 6-й ровъ, какъ оказывается въ слѣдующей пѣсни, ст. 136, разрушены всѣ. Какая цѣль этой лжи, неизвѣстно. Вѣроятно, черти хотѣли заставить поэтовъ проблуждать понапрасну и потерять время въ поискахъ моста. Характеристична эта черта тѣмъ, что тотъ, кто разъ отдался лжи, лжетъ даже и тамъ, гдѣ ему правда не принесетъ никакого вреда, единственно по склонности ко лжи.

118. „Маршъ, Аликино, съ Калькабриной, прытче!
„И Драгиньяццо; будешь мной избра́нъ
„Десятникомъ для нихъ ты, Барбариче.

121. „Ты, Либикокко, ты, Графіаканъ,
„Каньяццо и Чирьято, вы идите,
„Ты Фарфарелло, Рубикантъ буянъ!

124. „Вдоль по смолѣ вы зорче посмотрите,
„Не всплылъ ли кто отвѣдать вашихъ пикъ,
„А этихъ двухъ до мо́ста проводите!“—

127. —„Что слышу?“ я къ Вождю съ мольбой приникъ:
„Зачѣмъ они? Ты знаешь путь; коль можно,
„Будь мнѣ опять единый проводникъ.

130. „О поступай какъ прежде осторожно!
„Смотри, въ глазахъ ихъ блещетъ непріязнь.
„Проводники такіе ненадёжны“.—

133. Но мнѣ Учитель мой: „Умѣрь боязнь.
„Пускай ихъ! Вѣдь ихъ злоба не страшна намъ;
„Не грѣшникъ ты, имъ отданный на казнь!“

136. Пошли налѣво всѣ; движеньемъ страннымъ
Языкъ между зубами всякій сжалъ,
Какъ бы условясь въ чемъ то съ атаманомъ,

139. Что задницей къ отходу далъ сигналъ.

118—123. Оставляю имена чертей безъ перевода. Приблизительное ихъ значеніе: Малакода—рвущій волосы, Аликино—qui alios inclinat, смущающій другихъ, Каньяццо—злобный песъ, Барбаричча—щетинистая борода. Либикокко - сладострастное желаніе, Драгиньяццо—ядъ дракона, Чиріатто Санутто—кабаній клыкъ, Калькабрина—топчущій росу, т.-е. благодать, Графіакане—кусающаяся собака, Фарфарелло—плутище и Рубиканте — горячечный. Десять демоновъ съ предводителемъ во главѣ представляютъ какъ бы пародію на городской совѣтъ того времени, хотя бы въ той же Луккѣ, или вообще на какое-либо общественное учрежденіе.

137. Черти дѣлаютъ знакъ, что они поняли хитрость своего атамана.

Пѣснь двадцать вторая.

Продолженіе 5-го рва. Чьямполо. Микель Цанке и братъ Гомито.

---

1. Случалося мнѣ полкъ увидѣть конный
И въ встрѣчѣ съ супостатомъ глазъ на глазъ,
И въ бѣгство предъ врагами обращенный.

4. Видалъ я скачки и бои межъ васъ,
О Аретинцы; игръ потѣхи бранной,
Турнировъ я свидѣтель былъ не разъ;

7. И звукомъ трубъ, иль дробью барабанной
Слыхалъ я тожъ, какъ войско подаетъ
Сигналъ на свой манеръ, на иностранный,—

10. Но ни одинъ былъ не похожъ на тотъ,
Какимъ свирѣль та странная звучала,
Подъ звуки коей мы пошли въ походъ.

13. Изъ демоновъ насъ десять провожало,
О свита страшная!—но со святыми въ храмъ
Мы ходимъ, а съ пьянчужками въ кружало.

16. Вдоль по смолѣ я далъ просторъ глазамъ,

XXII. Эта пѣснь даже по признанію самыхъ рьяныхъ поклонниковъ Данта выходитъ изъ границъ чистой красоты.

5. Данте въ юности принималъ участіе въ битвѣ при Кампальдино между Аретинцами и Флорентинцами въ 1228 году.

14—15. Пословица, соотвѣтствующая русской: съ волками жить—по волчьи выть.

Чтобъ рва всего увидѣть протяженье
И муки тѣхъ, кто жарилися тамъ.

19. Дельфинъ, заслышавъ бури приближенье,
Пловцамъ, согнувши спину, возвѣстить
Спѣшитъ, что кораблю грозитъ крушенье,—

22. Такъ грѣшники, чтобъ муку облегчить,
Показывали спины то и дѣло
И тòтчасъ же скрывались во всю прыть.

25. Точь-въ-точь по берегу лягушки,—тѣло
Въ водѣ сокрывши съ лапами и грудь,—
Лишь рыльце выставляютъ вверхъ не смѣло, —

28. Выглядываютъ души тамъ; но чуть
Заслышатъ демоновъ,—минутой тою
Стремятся въ кипятокъ они спрыгнуть.

31. Я зрѣлъ и трепещу досель душою:
Одинъ изъ тѣхъ амфибій опоздалъ,
Оставшись, какъ лягушка надъ водою.

34. Граффіаканъ, что ближе всѣхъ стоялъ,
Его за чубъ схвативши осмоленный,
Какъ будто выдру вверхъ его поднялъ.

37. (Я зналъ уже бѣсовъ всѣхъ поименно,
Прозванья ихъ замѣтивши съ тѣхъ поръ,
Какъ насъ вести велѣлъ имъ вождь ихъ оный).

40. —„А Рубикантъ! возьми-ка свой багоръ
„И въ когти захвати его надёжно!"
Со всѣхъ сторонъ кричалъ проклятый хоръ.

43. И молвилъ я: „Учитель, если можно,

19—21. Дельфины своимъ появленіемъ на поверхности моря предвѣщаютъ бурю.

38. Малакода ихъ назвалъ по имени, посылая ихъ проводить поэтовъ.

„Пойдемъ узнать, кто сей питомецъ бѣдъ,
„Попавшій столь къ врагамъ неосторожно“.

46. И ближе подошелъ къ нему Поэтъ,
И началъ грѣшникъ съ нимъ переговоры:
„Въ Наваррѣ я узрѣлъ впервые свѣтъ;

49. „Мать въ службу отдала меня синьору,
„Зачавъ отъ изверга, что своему добру
„И самому себѣ былъ врагъ; но скоро

52. „Я къ Теобальдову попалъ двору;
„И это привело меня къ обману,
„Въ чемъ я отчетъ даю въ такомъ жару“.

55. Чирьято, у кого, какъ у кабана,
Клыки изъ рта торчали здѣсь и тамъ,
Нанесъ ему въ тотъ мигъ клыками рану.

58. Мышенокъ, знать, попался къ злымъ котамъ!
Но Барбаричча, въ чьей онъ былъ власти,
Сказалъ: „Постой, съ нимъ я расправлюсь самъ!“—

61. И обратилъ къ Вождю зѣвъ страшной пасти:
—„Спроси еще, пока въ когтяхъ моихъ
„Еще не разорвался онъ на части“.

64. Учитель о Латинянахъ другихъ
Спросилъ, кто вмѣстѣ съ нимъ въ смолѣ терзался.
И молвилъ грѣшникъ тутъ: „Я въ этотъ мигъ

67. „Съ однимъ изъ сотоварищей разстался.

---

48. Говорящій здѣсь грѣшникъ, по словамъ древнихъ комментаторовъ, Чьямполо или Джіамполо; о немъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что онъ здѣсь самъ про себя разсказываетъ.

52. Неизвѣстно, какой Теобальдъ здѣсь разумѣется; вѣроятно Теобальдъ или Тибо IV, крестоносецъ и поэтъ (род. въ 1201, умеръ въ 1253 г.) по прозвищу le bon roi Thiebaut.

65. Латиняне въ смыслѣ итальянцевъ вообще.

„О, если бы я съ нимъ успѣлъ убѣчь,
„То ни багровъ ни лапъ я бъ не боялся!“—

70. А Либикокъ: „Длинна не въ мѣру рѣчь!“
Сказалъ и поднялъ на него рогатку,
Такъ что ему отрѣзалъ мышцы съ плечъ.

73. И Драгиньянцъ хотѣлъ ему дать схватку
Вдоль по ногамъ; но тутъ ихъ атаманъ
Недобрую къ нимъ обратилъ оглядку.

76. Когда же успокоился буянъ,
То Вождь спросилъ того, кто весь избитый
Глазъ не сводилъ съ своихъ кровавыхъ ранъ.

79. — „Кто жъ тотъ, съ кѣмъ разлучившись, изъ смолы ты
„Такъ не къ добру покинулъ свой пріютъ?“—
И грѣшникъ отвѣчалъ: „То братъ Гомито,

82. „Галлурецъ онъ и всякой лжи сосудъ;
„Враговъ синьора захвативъ случайно,
„Хвалу ихъ заслужить сумѣлъ онъ, плутъ!

85. „Взявъ деньги съ нихъ, освободилъ ихъ тайно;
„И въ прочемъ всемъ, какъ мнѣ сказалъ онъ самъ,
„Не меньшимъ плутомъ былъ по мѣрѣ крайной.

88. „Еще бываетъ Микель Цанке тамъ;

---

73. Начальникъ Барбаричія не можетъ никакъ добиться повиновенія у своихъ подчиненныхъ,—участь всѣхъ незаконныхъ начальниковъ.

81. Сардинія, находившаяся въ то время въ зависимости отъ пизанцевъ, раздѣлялась на четыре области: Логодоро, Каллари, Галлура и Альборея. Галлурою управлялъ Нино де Висконти, у котораго въ милости былъ монахъ Гомито; этотъ монахъ злоупотреблялъ милостью своего повелителя до самой послѣдней степени: возвышалъ своихъ любимцевъ, продавалъ мѣста и должности, тратилъ его казну и даже, захвативъ враговъ своего господина въ плѣнъ, отпустилъ ихъ за деньги на свободу, прежде чѣмъ Висконти узналъ о томъ.

88. Микель Цанке былъ сенешаль короля Сардинскаго Энціо, побочнаго сына императора Фридриха II. Послѣ смерти Энціо въ плѣну въ Болоньѣ въ 1271 г., Микель Цанке, соблазнивъ вдову его Иделазію, женился на ней и самъ сдѣлался владѣтелемъ Логодоры, прибавивъ къ ней еще потомъ и Галлуру.

„Они, коль про Сардинію забрешутъ,
„Давать умѣютъ волю языкамъ!

91. „Увы мнѣ! вонъ того я слышу скрежетъ;
»Еще сказалъ бы я, но страшно: мнѣ
„Какъ разъ вотъ этотъ голову расчешетъ!“—

94. Тутъ атаманъ, узрѣвъ глаза въ огнѣ
И ихъ вращенье, молвилъ Фарфареллѣ:
— „Отдайся, злой пернатый, къ сторонѣ!“—

97. — „Но если бъ вы ихъ видѣть захотѣли“,—
Духъ молвилъ,—„то товарищи мои
„Придутъ, я ихъ сзову для этой цѣли.

100. „Но чтобы ихъ не напугать, вели
„Подальше отойти бѣсамъ когтистымъ
„Такъ, чтобъ я могъ, усѣвшись здѣсь вдали,

103. „Ихъ семерыхъ созвать условнымъ свистомъ,
„Какимъ свистать обычай есть у насъ,
„Коль кто наружу выйдетъ въ мѣстѣ чистомъ!“—

106. Тутъ у Каньяццо морда поднялась:
— „Ага“, онъ молвилъ, „что за хитрость, право!
„Онъ думаетъ, что убѣжитъ какъ разъ!“—

109. Лазейку грѣшникъ отыскалъ лукаво,
Сказавъ ему: „Велика хитрость, Злымъ
Когтямъ предать своихъ же на расправу!“

112. Но Аликино не въ примѣръ другимъ
Сказалъ: „Одно твое бѣжать усилье—
„И всѣ мы вслѣдъ галопомъ полетимъ.

115. „Но надъ смолою разобью я крылья
„И дамъ тебѣ щитомъ я цѣлый брегъ,
„Коль хочешь ты пустить въ глаза намъ пылью.“—

118. Читатель! Тутъ случился новый грѣхъ.

Пока всякъ изловчался передъ всѣми
И прыть старался показать межъ всѣхъ,

121. Наваррецъ плутъ отлично выбралъ время,
Поставилъ ноги на̀ землю и вдругъ
Онъ снялъ съ бѣсовъ предположенiй бремя.

124. Исходомъ тѣмъ смутились всѣ, но духъ,
Его державшiй, больше всего круга;
И онъ помчался съ крикомъ: „Мой ты, другъ!"

127. Но все напрасно было: крылъ испуга
Не могъ онъ перегнать, свои жъ смолой
Запачкалъ, и они ходили туго.

130. Такъ сокола почуя, подъ водой
Исчезнетъ куропатка въ мигъ единый,
И онъ летитъ назадъ, въ досадѣ злой.

133. Разсерженный обманомъ Калькабрина,
Летя вслѣдъ за другимъ, на драку лѣзъ,
Ища къ враждѣ съ кѣмъ ни было причину.

136. И вотъ когда наварецъ-плутъ исчезъ,
То, злобою безсильною горящiй,
Съ товарищемъ во рву схватился бѣсъ.

139. Но этотъ былъ стервятникъ настоящiй,
И вотъ обоихъ ихъ задоръ сцѣпилъ;
Они упали средь смолы кипящей.

142. Жаръ скоро ихъ опять разъединилъ;
Но вверхъ подняться въ нихъ не стало силы:
Склеилися у нихъ суставы крылъ.

---

139. Особый родъ соколовъ, которые берутся не изъ гнѣзда, а прiучаются къ охотѣ взрослыми. Они смѣлѣе прочихъ.

142. Ибо смола растоплена божественною силою — per la divina arte (см. XXI, 17—18).

145. А Барбаричьо, знать, на зло то было:
Подравшихся ругая и кляня,
Скорѣй поднять онъ ихъ велѣлъ на вилы.

148. И черти всѣ, рогатки протяня,
Оттуда извлекли заведшихъ ссору,
Хоть полуиспеченныхъ отъ огня.

151. Но борющихся кинули мы скоро.

Пѣснь двадцать третья.

6-й ровъ. Лицемѣры. Каталано и Лодеринго. Каіафа.

---

1. Въ молчаньи шли мы дальше—Вождь впередъ,
Я сзади—такъ, какъ слѣдомъ другъ за дружкой
За старшимъ братомъ миноритъ идетъ.

4. Предъ видѣнною дьявольской ловушкой
Эзоповъ мнѣ припомнился разсказъ,
Про то какъ мышь обманута лягушкой.

7. И разнился, въ сравненьи съ тѣмъ, у насъ
Весь дѣла ходъ такъ незамѣтно мало,—
Не болѣе чѣмъ *тотчасъ* и *сейчасъ!*

10. Что-жъ, коль конецъ такъ сходенъ, какъ начало?—
Мнѣ въ голову нечаянно пришло,
И страшно вмигъ и трепетно мнѣ стало

13. И мыслилъ я: Коль такъ коварно зло,—
То бѣсы будутъ мстить обидѣ кровной,
Что наше любопытство нанесло.

---

1. Послѣ суматохи предыдущей пѣсни, тишина настоящей является поэтическимъ контрастомъ.

3. Минориты -францисканскіе монахи.

6. Въ этой баснѣ Эзопа разсказывается про злой умыселъ лягушки, привязавшей ногу мыши, съ которой она была въ дружбѣ, къ своей, чтобы утопить ее. Мышь утонула; но когда ея трупъ всплылъ на поверхность воды, птица, вытащившая мертвую мышь, вытащила съ нею и привязанную къ ней лягушку.

9. Въ оригиналѣ *mo* ed *issa*,—два слова съ одинаковымъ значеніемъ.

16. За нами вслѣдъ они помчатся, словно
За зайцемъ мчится въ злобной гонкѣ песъ,
И сгинуть должно намъ въ борьбѣ неровной.

19. И дыбомъ стала до корней волосъ
Вся голова моя: „Мой Вождь! Сокроемъ
„Скорѣй нашъ путь хотя бъ за тотъ утесъ!

22. „За нами бѣсы мчатся цѣлымъ роемъ,
„Я слышу ихъ; чу, местію горя,
„Они несутся съ гиканьемъ и воемъ.“—

25. И онъ: „Когда бы зеркаломъ былъ я,
„То ликъ твой ясно бъ такъ не отразился
„Во мнѣ, какъ нынѣ внутренность твоя.

28. „Но если такъ съ моимъ твой разумъ слился,
„То ты теперь ко мнѣ промолвилъ самъ,
„Съ чѣмъ я къ тебѣ сейчасъ бы обратился.

31. „Ты правъ стократъ: укрыться нужно намъ;
„И если вала склонъ другой—покатый,
„Отъ нихъ мы безопасны будемъ тамъ.“—

34. Едва онъ молвилъ это, супостаты
Ужъ появились, мчась за нами вслѣдъ,
Чтобъ окружить насъ стаею крылатой.

37. И на руки тогда меня Поэтъ
Заботливо поднялъ, подобно мати,
Что, увидавъ пожара красный свѣтъ,

40. Спѣшитъ скорѣй къ ребяческой кровати,
Чтобъ, въ чемъ спала, ночной покинуть кровъ,
Заботясь лишь о дорогомъ дитяти.

43. Такъ, о себѣ забыть совсѣмъ готовъ,

---

43. Поэты поднялись на плотину, отдѣляющую пятый ровъ отъ шестого, чтобы найти тотъ мостъ, о которомъ говорили черти. Какъ только они пе-

Со мной взбирался Вождь мой вслѣдъ тропинѣ
На валъ, кругомъ нашъ огибавшій ровъ.

46. Едва ль ручей, стѣсняемый плотиной
На жерновъ сверху падаетъ быстрѣй,
Чѣмъ мчался внизъ Учитель мой съ вершины,

49. Испуганный охотою чертей,
Къ груди меня съ любовью прижимая,
Не спутника, а какъ дитя скорѣй.

52. Едва онъ сталъ ногой на этомъ краѣ,
Какъ къ намъ оттоль домчался криковъ звукъ;
Но мы безъ страха имъ внимали, зная,

55. Что Вѣчный Промыслъ не допуститъ слугъ
И палачей верховной мести грозной
Въ назначенный къ иному ровъ иль кругъ

58. И что бѣсовъ преслѣдованье поздно.
Здѣсь мы узрѣли: тѣни строемъ шли
Всѣ тихимъ, тихимъ шагомъ, въ скорби слёзной,

61. Всѣ въ капишонахъ, головы свои
Скрывая каждый башлыкомъ поднятымъ,
Какъ братія монастыря Клюньи.

64. Блестѣли ихъ плащи, сіяя златомъ,
Всѣ изъ свинца, точь-въ-точь какъ Фридерикъ
Своимъ готовилъ въ кару супостатамъ

решли вершину плотины, они уже покинули территорію пятаго рва, поэтому недоступны злобѣ чертей.

58. Соотношеніе между лицемѣріемъ и казнью за него понятно само собою: раскаленные плащи, снаружи золотые, внутри жгучіе и тяжестью мѣщающіе каждому свободному движенію, а также башлыки и капишоны, скрывающіе лица, ясны безъ объясненій.

63. Клюньи, знаменитое аббатство бенедиктинцевъ въ Бургундіи. Другое чтеніе замѣняетъ имя Клюньи названіемъ Кельна.

66. Императоръ Фридрихъ II виновныхъ въ оскорбленіи величества велѣлъ одѣвать въ свинцовые плащи, а потомъ помѣщать надъ огнемъ, такъ

67. Богъ вѣсть одинъ, какъ вѣсъ ихъ былъ великъ!
И слѣва мы пошли тропой суровой,
И провожалъ насъ тяжкой муки крикъ.

70. Сгибаяся подъ тяжестью свинцовой,
Толпа такъ тихо узкимъ шла путемъ,
Что каждый мигъ у насъ былъ спутникъ новый.

73. И я сказалъ: „Кто бъ тутъ мнѣ былъ знакомъ,
„И разговоромъ обмѣняться мнѣ чьимъ?
„Найду ли собесѣдника я въ комъ?"—

76. И духъ одинъ, призва̀нъ роднымъ нарѣчьемъ,
Промолвилъ мнѣ: „О не бѣги, постой,
„Ты, здѣсь ходящій шагомъ человѣчьимъ!

79. „Я въ силахъ дать просимое тобой!"
И Вождь промолвилъ мнѣ: „Ему въ услугу
„И ты умѣрить шагъ потщися свой!"

82. Я сталъ, и вотъ тѣнѐй чета, другъ друга
По узенькой тропѣ тѣсня, спѣшатъ
И плащъ тяжелый свой влачатъ съ натугой.

85. Пришли, въ меня вперили острый взглядъ,
Мнѣ не сказавъ и не спросивъ ни слова,
И межъ собою тихо говорятъ:

88. —„Онъ живъ! Его гортань какъ у живого
„Колеблется; а еслибъ мертвъ онъ былъ,
„Зачѣмъ на немъ нѣтъ мантіи свинцовой?"

91. —„Тосканецъ," громко онъ меня спросилъ,—
„Ты, здѣсь идущій въ области невзгоды,
„Межъ лицемѣровъ,—молви, гдѣ ты жилъ".

чтобы расплавляющійся свинецъ сожигалъ имъ постепенно тѣло. Разсказъ, впрочемъ, довольно невѣроятный.

88. Тѣни не дышатъ, а потому ихъ гортань неподвижна.

94. Я молвилъ: „Въ градѣ славы и свободы,
„Гдѣ Арно волны голубыя льетъ,
„Родился я; а плоть ношу я съ роду.

97. „Но вы скажите: что вы за народъ?
„Зачѣмъ вашъ блескъ вамъ не даетъ отрады,
„И что за скорбь такъ тяжко васъ гнететъ?

100. А онъ мнѣ: „Тѣ блестящіе наряды—
„Всѣ изъ свинца; подъ тяжестью такой
„Идти намъ, какъ возамъ, со скрипомъ надо.

103. „Веселыхъ братьевъ зришь ты предъ собой,
„Онъ Лодеринго, я же Каталано.
„Онъ въ городѣ твоемъ родномъ, судьей

106. „И мира охранителемъ избранный,
„Прославился, и о его дѣлахъ
„Досель гласитъ Гардинго неустанно“. —

109. И я сказалъ: „Вашъ видъ внушилъ мнѣ страхъ“...
Но вдругъ замолкъ, увидя въ отдаленьи
Прибитаго къ землѣ о трехъ гвоздяхъ.

112. Тотъ, видя насъ, рванулся прочь въ смятеньи;
И застоналъ заглохшимъ стономъ онъ;
А Каталано далъ мнѣ объясненье:

---

102. Скрипъ, подобный скрипу тяжело нагруженныхъ возовъ, и есть стонъ грѣшниковъ, изнывающихъ подъ тяжестью.

103. Орденъ монашествующихъ рыцарей, учрежденный папой Урбаномъ IV подъ именемъ ордена св. Маріи; онъ имѣлъ цѣлью сражаться противъ невѣрныхъ. Но вмѣсто этого рыцари этого ордена остались дома и вели такую разгульную жизнь, что ихъ прозвали *веселыми братьями* (frati godenti). Двое здѣсь говорящихъ были призваны Флорентинцами для совмѣстнаго отправленія обязанностей подесты, сосредоточенныхъ прежде въ рукахъ одного лица. Но несмотря на то, что ихъ призвали какъ людей безпристрастныхъ, несмотря на то, что одинъ изъ нихъ былъ болѣе склоненъ къ гвельфамъ, а другой къ гибеллинамъ, такъ что ихъ вліяніе взаимно уравновѣшивалось, тѣмъ не менѣе они оба продались гвельфамъ и содѣйствовали изгнанію гибеллиновъ. При этомъ дома гибеллиновъ, находившіеся въ Гардинго, въ томъ числѣ и домъ Фаринаты (пѣснь X), были разрушены или сожжены.

115. „Распятый тотъ, чей ты услышалъ стонъ,
„О Человѣческомъ совѣтъ далъ Сынѣ,
„Чтобъ за народъ одинъ былъ умерщвленъ.

118. „Здѣсь онъ на нашей распростертъ тропинѣ.
„Вся тяжесть наша, какъ ни тяжела,
„Чрезъ грудь его должна пройти отнынѣ

121. „Тамъ тесть его, чьи злобныя дѣла
„На зломъ совѣтѣ сѣмя положили,
„Отколь Евреямъ гибель возросла“.

124. И подивился много самъ Виргилій,
Свой устремивъ на страждущаго взоръ,
Верховной мощи правотѣ и силѣ.

127. Потомъ вступилъ съ монахомъ въ разговоръ:
—„Не знаешь ли, какою намъ тропою
„Спуститься ниже? Есть ли между горъ

130. „Проходъ еще, гдѣ мы прошли бы двое,
„Чтобы бѣсовъ избѣгнуть злобныхъ намъ,
„Гонящихся за нами въ грозномъ роѣ?“

133. А тотъ въ отвѣтъ: „Скала большая тамъ,
„Съ большого круга павши, мостомъ стала
„И поперечиной легла по рвамъ.

136. „Надъ нашимъ только рвомъ она упала;
„Но вамъ легко ходить по кручамъ горъ,
„И вверхъ подняться можно по обвалу“.—

116—121. Каіафа и Анна.

124. Виргилій удивляется потому, что въ свое первое путешествіе по аду (до Христа) онъ не видѣлъ Каіафы.

136. См. пѣснь XII, 36 и 45. Слѣды землятресенія, происшедшаго въ день смерти Христа, такимъ образомъ остались въ кругу *насилія* и во рвѣ *лицемѣровъ*,—потому что въ этотъ день былъ совершенъ верхъ насилія при помощи лицемѣрія.

137. Развалины обрушившагося моста образуютъ обвалъ, чрезъ который хотя и трудно перебраться лицемѣрамъ въ ихъ свинцовыхъ плащахъ, но че-

139. —„О, какъ солгалъ онъ!“ опустивъ свой взоръ,
Тогда воскликнулъ добрый мой Учитель,—
„Тотъ бѣсъ, что ловитъ грѣшныхъ на багоръ!“—

142. А грѣшникъ: „Правды отъ него хотите ль?
„Въ Болоньѣ я слыхалъ про то не разъ,
„Что дьяволъ—всевозможной лжи родитель“.

145. Тутъ дальше Вождь направилъ шагъ тотча́съ,
И гнѣвъ въ чертахъ виднѣлся раздраженныхъ;
И я покинулъ ровъ тотъ, торопясь

148. По слѣду стопъ Учителя безцѣнныхъ.

ловѣку, котораго руководитъ и которому помогаетъ разумъ, легко найти выходъ изъ глубины лицемѣрія.

142—144. Каталано, вѣроятно, учился въ болонскомъ университетѣ, гдѣ и слышалъ слова Евангелія о томъ, что „діаволъ есть отецъ лжи“ (Іоанна VIII, 44).

Пѣснь двадцать четвертая.

7-й ровъ. Воры. Ванни Фуччи.

---

1. Въ тѣ дни, когда полночнымъ мракомъ съ неба
Полсутокъ годъ скрываетъ молодой
И въ Водолеѣ блещутъ кудри Феба,

4. И какъ внезапно иней ледяной,—
Непрочный образъ родственнаго снѣга,—
Запорошитъ поля передъ зарей;

7. Тогда пастухъ несчастный, вставъ съ ночлега
И поглядѣвъ и снѣжной шири гладь
Увидѣвъ безъ границы и безъ брега,

10. По бедрамъ бьетъ, не зная, что начать,
Спѣшитъ домой въ тоскѣ и безъ отрады;
Но, оживленъ надеждою опять,

---

1. Солнце въ послѣднихъ числахъ января вступаетъ въ знакъ Водолея, въ которомъ оно остается до половины февраля. Слѣдовательно, время о которомъ идетъ рѣчь,—половина февраля, когда ночь, включая разсвѣтъ и вечернія сумерки, приблизительно равняется 12 часамъ. Въ Италіи солнце грѣетъ въ это время уже такъ сильно, что снѣгъ представляетъ рѣдкость. Поэтому пастухъ можетъ удивиться, увидѣвъ въ эту пору утромъ на поляхъ иней, скоро, впрочемъ, исчезающій подъ лучами восшедшаго солнца. Нечего говорить о красотѣ сравненія; но необходимо пояснить, въ чемъ состоитъ сходство. Дантъ, привыкшій всегда видѣть учителя спокойнымъ и доброжелательнымъ, былъ пораженъ, въ концѣ предыдущей пѣсни, тѣмъ гнѣвомъ, въ какой привелъ Виргилія обманъ демона; а такъ какъ наставленія Виргилія были ему нужны, какъ трава пастуху, то и случившееся привело его въ такое же огорченіе, въ какое иней приводитъ пастуха. Но гнѣвъ Виргилія былъ и также недолговѣченъ, какъ иней, и скоро вернувшаяся къ нему веселость разсѣяла заботы Данта.

13. Лишь только блескомъ вешняго наряда
Одѣнетъ землю яркій солнца свѣтъ,—
Онъ посохъ свой беретъ и гонитъ стадо.

16. Такъ необычнымъ гнѣвомъ былъ Поэтъ
Подавленъ; но почти что также скоро
Лекарствомъ онъ согналъ болѣзни слѣдъ;

19. И ласка, съ коей велъ меня онъ въ гору,
Едва къ обвалу моста мы пришли,
Вернулась вновь, и просвѣтлѣли взоры.

22. Сперва, не поднимая глазъ съ земли,
Онъ думалъ; а потомъ простеръ онъ длани
И на руки меня поднялъ свои.

25. Какъ человѣкъ, что въ осторожномъ планѣ
Предусмотрѣлъ все въ будущемъ, что могъ,—
На выступъ онъ меня возвелъ, заранѣ

28. Предвидѣвъ, чтобъ другой былъ недалекъ.
—„Вздымайся“, молвилъ, „кверху понемногу
„И восходи съ отрога на отрогъ!“

31. Не для людей въ плащахъ была дорога,
Гдѣ шли мы шагъ за шагомъ по камня́мъ,—
Онъ такъ легко, а я чуть движа ногу!

34. Я бъ никогда, едва ль бы Вождь мой самъ
Теперь подняться въ силахъ былъ къ вершинѣ,
Когда бъ подъемъ былъ равенъ спуску тамъ.

37. Но такъ какъ рвы къ колодцу по срединѣ
Становятся все ниже, то для насъ,—
По ихъ строенья самаго причинѣ,—

40. Подъемъ былъ ниже спуска этотъ разъ;

---

31. Не для лицемѣровъ.
37. Внутренній склонъ каждой плотины глубже внѣшняго.

Но наконецъ и цѣль близка́ намъ стала;
Уступъ послѣдній мой увидѣлъ глазъ.

43. Въ щекахъ румянцемъ кровь моя пылала,
И въ трудной запыхавшійся ходьбѣ,
На камень отдохнуть я сѣлъ усталый.

46. Но Вождь: „Покой приличенъ ли тебѣ?
„Кто въ славѣ силъ не обновитъ побѣдной,—
„Не вкуситъ плодъ, добытый имъ въ борьбѣ!

49. „Кто прожилъ жизнь свою темно и блѣдно,—
„Какъ въ небѣ дымъ или какъ пѣна водъ,
„Тотъ для грядущаго пройдетъ безслѣдно.

52. „Встань! Не постыдно ль, если верхъ возьметъ
„Плоть надъ тобой, и склонится предъ нею
„Духъ, побѣдитель всѣхъ земныхъ невзгодъ?

55. „Насъ ждетъ подъемъ и круче и длиннѣе.
„Не здѣсь ли ужъ ты хочешь отдохнуть?
„Пойми меня, и въ путь пустись скорѣе!"

58. Я всталъ, и больше, чѣмъ на дѣлѣ, грудь
Моя дышала вольно и свободно;
И я вскричалъ: „Я бодръ, скорѣе въ путь!"—

61. Пошли мы по тропинкѣ, съ прежней сходной,
Наполненной каменьями вокругъ,
Чѣмъ дальше вверхъ, тѣмъ больше непроходной.

---

43. Рескинъ замѣчаетъ, что Дантъ вообще чрезвычайно плохо лазитъ по горамъ.

55. Гора Чистилища, восхожденіе на которую тѣмъ труднѣе, что тамъ приходится отрѣшиться отъ привычки къ грѣху, между тѣмъ какъ здѣсь достаточно увидѣть и сознать грѣхъ.

58. Увѣщанія Виргилія подѣйствовали. Хотя Данте все еще усталъ, но онъ *хочетъ* быть бодрымъ и поэтому кажется бодрѣе, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ.

61. Поэты опять поднимаются на ту скалу, которая образуетъ мостъ надъ рвами и которая обрушилась надъ шестымъ рвомъ.

64. Чтобъ быть бодрѣе, говорилъ я вслухъ,
Покуда чьи-то крики въ отдаленьѣ
Отчаянные не поймалъ мой слухъ.

67. Мнѣ непонятно было ихъ значенье,
Хоть я стоялъ на самой вышинѣ;
Но слышались въ нихъ боль и раздраженье.

70. Склонилъ я очи къ темной глубинѣ,
Но замеръ взоръ во мглѣ, зіявшей ниже.
— „Вождь“,—молвилъ я,—„дозволь спуститься мнѣ

73. „Внизъ по плотинѣ къ мукамъ этимъ ближе.
„Что слышу я, – постигнуть мочи нѣтъ;
„Пойму, быть можетъ, если что увижу“.—

76. Вождь мнѣ сказалъ: „Я дѣломъ дамъ отвѣтъ;
„Безъ лишнихъ словъ“,— добавилъ онъ съ улыбкой, –
„Разумной просьбѣ дать согласье слѣдъ.“

79. И мы пошли внизъ по дорожкѣ гибкой,
Во мракъ восьмого рва сходя за ней,
Откуда стонъ и плачъ неслися шибко.

---

72. Такъ какъ Данте съ высоты моста не можетъ разглядѣть всю глубину рва, то онъ проситъ, чтобы Виргилій спустился съ нимъ хотя бы на плотину отдѣляющую седьмой ровъ отъ восьмого. Почему Виргилій не спускается съ нимъ въ самую глубь, а только слегка приближается къ терзаемымъ, мы увидимъ дальше.

80. *Седьмой ровъ.* Здѣсь намъ являются воры то въ змѣиномъ, то въ человѣческомъ видѣ, превращаясь при взаимномъ соприкосновеніи изъ человѣка въ змѣю и обратно, передавая одинъ другому свой видъ, образуя новыя существа необыкновеннаго вида и взаимно другъ друга связывая, казня, уничтожая и ненавидя. Удивляясь въ этой и слѣдующей пѣсняхъ рѣдкой по своей чрезвычайной ясности игрѣ фантазіи, мы при ближайшемъ разсмотрѣніи находимъ, что это не пустая игра, и что въ ней чрезвычайно остроумно характеризуется и наказываемый здѣсь порокъ и тѣ, кто ему предаются. Какъ извѣстно, воры, соединяясь въ шайки для своихъ злобныхъ цѣлей, воздѣйствуютъ другъ на друга, мѣняются жаргономъ, уловками, пріемами; а разъ преступленіе совершилось, презираютъ, ненавидятъ и даже выдаютъ другъ друга. Эти змѣиные подходы воровъ, ихъ внезапное исчезновеніе, ихъ появленіе вновь, страхъ, чтобы ихъ не открыли, короче все, что свойственно ихъ гнусному ремеслу,— все это образно представлено здѣсь. Точно также очень жизненно и то, что осужденные являются палачами другъ друга.

Тамъ, видѣлъ я, вилися стаи змѣй,
Рои чудовищъ, страшныхъ столь, что право,
Чуть вспомню,—леденитъ въ крови моей!

И Ливіи бы пошатнулась слава
Въ сравненьи съ тѣмъ! Виперъ и язвицъ смѣсь,
Гремучія, гадюки и удавы.

И не вмѣститъ край Ефіопскій весь
Иль степь Аравіи предъ моремъ Краснымъ
Чумы такой и столькихъ змѣй, какъ здѣсь.

Нагіе грѣшники толпой несчастной
Отъ нихъ въ горахъ скрывались безъ конца,
Геліотроповъ въ нихъ ища напрасно.

Связавши имъ извивами кольца
Взадъ руки, гадина на нихъ свивалась
Большимъ узломъ со стороны лица.

На тѣнь одну, что мнѣ въ глаза попалась,
Змѣя упала, и въ ея кругахъ
Какъ въ петлѣ шея бѣдной обмоталась.

И прежде чѣмъ успѣлъ я вскрикнуть: ахъ!
Зажегся бѣдный духъ, воспламененный
Нивѣсть откуда и распался въ прахъ.

И чуть лишь пылью стать успѣли члены,—
Какъ вновь они собрались, и вотъ
Возникъ онъ въ прежнемъ образѣ мгновенно.

По древнимъ, Фениксъ лѣтъ черезъ пятьсотъ

---

88. Повидимому, Дантъ собственными глазами видѣлъ пустыни сѣверной Африки,—ливійскую, эфіопскую, а также аравійскую у Чермнаго моря.

93. Геліотропъ —драгоцѣнный камень изъ породыясписовъ; по тогдашнему вѣрованію, онъ спасалъ своего обладателя отъ отравленія и имѣлъ свойство дѣлать человѣка невидимымъ. Какъ то, такъ и другое очень нужно грѣшникамъ, спасающимся отъ змѣй.

Сгораетъ такъ и, ветхость уничтожа,
Вновь юностью и свѣжестью цвѣтетъ.

109. Не тра̀вами и не корня̀ми тоже
Онъ кормится, но амвровой слезой,
Изъ нарда съ миррой сдѣлавъ смерти ложе.

112. Сперва былъ грѣшникъ словно не живой,
Потомъ привсталъ, какъ будто съ кѣмъ въ бореньи,
(Быть можетъ, съ оживлявшей силой злой),

115. Взоръ по̀днялъ, оглядѣлся въ удивленьи,
При видѣ мукъ отъ страха обомлѣвъ, —
И разразился криками томленья.

118. Такъ снова онъ возникъ, до тла сгорѣвъ.
Избави всѣхъ Господь отъ мукъ, какими
Караетъ здѣсь преступныхъ вышній гнѣвъ!

121. Когда я вопросилъ его про имя, —
— „Увы! недавно“, — мнѣ онъ возразилъ, —
„Съ долинами простился я родными.

124. „Я Ванни Фуччи, мулъ, по-скотски жилъ
„И въ цѣломъ краѣ прозванъ я скотиной,
„А стойломъ мнѣ оплотъ Пистойи былъ.

---

111. У Овидія, Metamorph. XV, 392, разсказывается о Фениксѣ, что онъ питается лишь благовонной смолой („слезой“) мирры и сокомъ нарда, а черезъ пять столѣтій дѣлаетъ себѣ гнѣздо изъ колосьевъ аммона (эфіопскій тминъ) съ миррою и на немъ сгораетъ среди благоуханій, чтобы возродиться снова.

112—115. Падучая болѣзнь всегда считала̀сь дѣйствіемъ бѣсовской силы.

118. Божественная любовь, которая у Данта всегда символизируется въ огнѣ, появляясь предъ сознаніемъ похитителя святыни, совершенно уничтожаетъ его, отнимаетъ у него его послѣднее достояніе—его образъ. Но грѣшникъ вновь возрождается, какъ Фениксъ, для того, чтобы богохульствовать — естественное слѣдствіе его преступленія.

125. Ванни Фуччи былъ незаконный сынъ Фуччіо де Ладзари (поэтому онъ и называетъ себя „муломъ“). Всѣ комментаторы Данта обрисовываютъ этого „мула“ самыми черными красками. Данте зналъ его за „человѣка крови и насилія“ и удивляется тому, что находитъ его въ этомъ рвѣ, а не среди

127. Я молвилъ: „Вождь! Пусть скажетъ онъ причину, —
„Не уходя, — за что попалъ сюда;
„Вѣдь онъ убійствъ при жизни жаждалъ вину“. —

130. И выпрямился грѣшникъ мой тогда,
И духомъ обратился къ намъ и ликомъ,
Весь помраченный багрецомъ стыда.

133. — „Тебѣ явиться въ этомъ видѣ дикомъ —
„Больнѣе для меня, чѣмъ жизнь скончать
„На гноищѣ грѣховъ моихъ великомъ.

136. „Но ты спросилъ, — я долженъ отвѣчать:
„Святыню кралъ я для корыстной цѣли
„И осужденъ за это казнь пріять.

139. „Невинные за грѣхъ мой потерпѣли.
„Но не на радость для тебя мой срамъ;
„И коль ты въ свѣтъ вернешься въ самомъ дѣлѣ, —

142. „То съ горестью меня ты вспомнишь тамъ.
„Сперва прогонитъ Черныхъ всѣхъ Пистойя,
„И новый строй съ правленьемъ новымъ къ вамъ

гнѣвныхъ или насильниковъ. Но величайшее преступленіе этого человѣка, какъ оказывается, было не насиліе, а святотатство. Бенвенуто да Имола разсказываетъ его исторію въ подробностяхъ. Онъ отзывается о Ванни Фуччи, какъ о самомъ кровожадномъ человѣкѣ, преступленія котораго сходили ему съ рукъ, потому что онъ былъ знатнаго рода. Будучи изгнанъ изъ Пистойи, онъ вернулся въ нее однажды ночью во время карнавала и пировалъ въ компаніи, у нотаріуса Ванни делла Нона; послѣ многихъ выходокъ, онъ обокралъ ризницу церкви св. Іакова и спряталъ украденное у Нона, подозрѣніе на котораго не могло пасть, такъ какъ онъ слылъ за честнаго человѣка. Въ кражѣ былъ заподозрѣнъ нѣкій Рампино, который и былъ подвергнутъ пыткѣ. Тогда Ванни Фуччи, убѣжавъ въ Монте Карелли, послалъ къ отцу этого Рампино извѣстіе, гдѣ находится украденное. Ванни дель Нона былъ схваченъ и повѣшенъ за воровство, а Рампино выпущенъ на свободу.

133—135. Ванни Фуччи нисколько не стыдится своихъ убійствъ, но ему стыдно своего святотатства.

143. Фуччи доставляетъ большую радость предсказать Данту „Бѣлому“, пораженіе его партіи. Читатели знаютъ уже, какъ это случилось. Въ 1301 году приблизительно одновременно съ побѣдою Бѣлыхъ во Флоренціи, Черные

145. „Въ Флоренцію придетъ; но черной мглою
„Нагонитъ тучу Марсъ на Магрскій долъ
„И у Пичено бурей и грозою

148. Стихій нагрянетъ дикій произволъ,
„Прогнавъ весь чадъ и все смятенье ночи,—
„И Бѣлые падутъ подъ градомъ золъ.

151. „Все это я тебѣ на зло пророчу!“—

были прогнаны и изъ Пистойи. Когда же полгода спустя Карлъ Валуа вступилъ во Флоренцію и вмѣстѣ съ этимъ Лукка попала въ руки Черныхъ, жители Лукки подъ начальствомъ Маласпины выступили противъ пистойцевъ и разбили ихъ у Campo Piceno. „Черная мгла“ въ долинѣ Магры—это изгнанные изъ Пистойи Черные, разразившаяся буря — пиченская битва. Пророчество о пораженіи Бѣлыхъ, конечно, могло только огорчить Данта. „Чадъ и сумракъ“, по словамъ Виллани, сопровождали появленіе кометы, явившейся передъ этимъ событіемъ и казавшейся народу злымъ предзнаменованіемъ.

Пѣснь двадцатъ пятая.

Продолженіе 7-10 рва. Превращеніе человѣка въ змѣю.

---

1. Окончивъ рѣчь, два пальца онъ раздвинулъ
И, всунувъ третій, сдѣлалъ ими шишъ:
—„На, Богъ, возьми!“ онъ въ небо слово кинулъ.

4. Тогда змѣя,—и съ той минуты лишь
Я змѣй люблю,—тотчасъ его схватила,
Какъ бы сказавъ: „Потомъ поговоришь!“

7. Другая руки сзади прикрутила
И сжала такъ его въ своихъ кругахъ,
Что шевельнуться не имѣлъ онъ силы.

10. Пистойя! О Пистойя! Еслибъ въ прахъ
Распалась иль сгорѣла вся ты ранѣй,
Чѣмъ возросла такъ высоко̀ въ грѣхахъ!

13. Средь всѣхъ круговъ, средь всякихъ наказаній
Коль кто и равенъ дерзости твоей,
Такъ тотъ, чью кару видѣли Ѳивяне.

16. Но предъ Кентавромъ бѣшенымъ скорѣй
Онъ убѣжать спѣшилъ безъ словъ и нѣмо,
Кричавшимъ въ гнѣвѣ: „Гдѣ онъ? Гдѣ злодѣй?“

19. Нѣтъ столькихъ змѣй навѣрно средь Мареммы,

---

2. Жестъ, который въ Итали имѣетъ то же значеніе, какъ и въ Россіи.
14. Капаней (пѣснь XIV, 51).

Какъ тамъ, гдѣ слился человѣкъ и конь,
Узрѣли у Кентавра на спинѣ мы.

22. Дракона, изрыгавшаго огонь,
Онъ несъ, который жалилъ безъ разбора
Кто ни пройди и кто бъ его ни тронь.

25. Учитель молвилъ: „Какусъ то, который
„Близъ Авентинскихъ обиталъ высотъ,
„Производя изъ крови тамъ озёра.

28. „Не тамъ онъ, гдѣ Кентавровъ прочій родъ;
„Но какъ коварный хищникъ онъ, украдкой
„Уведшій стадо, кару здѣсь несетъ.

31. „За то онъ принялъ плату въ жизни гадкой.
„Изъ ста ударовъ, что Гераклъ нанесъ
„Онъ чувствовалъ не болѣе десятка“.

34. Пока онъ говорилъ, Кентавръ исчезъ.
Тогда три новыхъ тѣни шагомъ скорымъ
Пришли и стали къ мосту подъ навѣсъ.

37. —„Кто вы?“ они насъ вопросили хоромъ,
И, чуть лишь я вопросъ ихъ услыхалъ,
Конецъ мы положили разговорамъ.

40. Въ лицо я никого изъ нихъ не зналъ,
Но,—какъ случается,—я ихъ прозванья
Изъ разговора тотчасъ угадалъ.

---

25. Геркулесъ, пригнавши быковъ Геріона къ Авентинскому холму, заснулъ. Пока онъ спалъ, Какусъ перетащилъ быковъ по одному въ свою пещеру за хвостъ, чтобы слѣды ихъ повели Геркулеса въ противоположную сторону. Но его выдало мычаніе быковъ, и Геркулесъ убилъ его. Какъ разбойникъ, Какусъ долженъ бы быть въ кругу насилія; какъ воръ,—онъ помѣщенъ ниже.

32. Потому что онъ уже умеръ отъ первыхъ десяти ударовъ. Геркулесъ, не видя этого, продолжаетъ бить по мертвому,—прекрасная картина чисто геркулесовской ярости.

43. —„Гдѣ Чьянфа?“ молвилъ первый. Въ ожиданьи
Тогда я палецъ приложилъ къ устамъ,
Чтобъ спутника къ нимъ возбудить вниманье.

46. Ты не повѣришь здѣсь моимъ словамъ,
Читатель! Но хоть самъ считаю страннымъ,—
Клянусь тебѣ, я это видѣлъ самъ!

49. Явилась,—видно было то съ моста́ намъ, —
Змѣя съ тройною парой лапъ, и вотъ
Тотъ страшный гадъ приникъ къ нему всѣмъ станомъ;

52. Средней парой обняла́ животъ,
А жаломъ вмигъ къ его щекамъ прильнула,
Связала длани верхними впередъ,

55. Межъ лядвей пару нижнихъ протянула,
Хвостъ между ногъ пустила и, поднявъ,
Какъ поясомъ, имъ чресла обогнула.

58. Не обвиваетъ плющъ древесныхъ главъ
Такъ крѣпко, какъ сей гадъ! На грѣшномъ тѣлѣ
Змѣиный каждый корчился суставъ.

61. Два существа слились и цвѣтъ имѣли
Столь смѣшанный, что, обликъ свой смѣня,
Являлися не тѣмъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ.

64. Такъ бурый цвѣтъ рождаетъ жаръ огня,

---

43. Чьянфа, о которомъ идетъ рѣчь, появляется въ видѣ шестиногаго змѣя. Это былъ флорентинецъ изъ благородной фамиліи Донати. Неизвѣстно, виновенъ ли онъ въ похищеніи частной или общественной собственности. Что касается другихъ, упоминаемыхъ въ этой пѣсни: Аньело, Брунелески, Буозо, Донати и Пуччіо Галигаи, то о нихъ ничего неизвѣстно, кромѣ того что это были флорентинцы и изъ знатныхъ фамилій.

49—78. Объясненіе въ примѣчаніи къ предшествующей пѣсни, ст. 80. Два вора сливаются другъ съ другомъ такъ тѣсно, что образуютъ одно существо, не похожее ни на того ни на другого, такъ что даже нельзя различить, двое это или одинъ.

Взявъ бѣлизну у хартіи горящей,
Но и совсѣмъ ея не зачерня.

67. —„Аньело, ты не змѣй“,—въ боязни вящей
Кричали, глядя на него, тѣ два,—
„Хоть и не человѣкъ ты настоящій!“—

70. Изъ двухъ одна срослася голова;
Казалося, что, въ обликъ тотъ совмѣстный
Сліясь, изчезли оба существа.

73. Четыре руки въ двѣ слилися тѣсно;
По формѣ жъ были ноги и животъ
Глазамъ людскимъ нимало неизвѣстны.

76. Исчезло все въ немъ прежнее, и вотъ
Слились въ едино два необычайно;
И медленно пришло то диво въ ходъ.

79. Какъ ящерица, пробѣгая тайно
Дорогу отъ куста и до куста,
Намъ молніей покажется случайно,—

82. Къ двумъ прочимъ грѣшникамъ въ центръ живота
Впилася змѣйка тутъ въ одно мгновенье,
Подобна зернамъ перца. Змѣйка та,

85. Ужаливъ въ мѣсто то, что до рожденья
Есть нашей пищи первый проводникъ,
И павши, растянулась безъ движенья.

88. Ужаленный смотрѣлъ. Его языкъ
Не произнесъ ни слова; но зѣвота
Въ немъ началась; ознобъ его проникъ.

---

79. Послѣ того какъ воръ въ змѣиномъ видѣ ужалилъ вора въ человѣческомъ видѣ, членъ за членомъ постепенно человѣкъ превращается въ змѣю, а змѣя въ человѣка. Эта поразительная картина принадлежитъ къ тѣмъ, въ которыхъ особенно проявляется, по выраженію Гете, „отвратительное величіе“ Данта.

91. На друга другъ глядѣлъ онъ съ змѣйкой все-то;
Изъ раны и изъ жала лился дымъ;
Въ одно его сливались обороты.

94. Молчи, Луканъ съ разсказомъ,—какъ томимъ
Сабеллъ былъ и какъ мучился Назидій,—
Передъ повѣствованіемъ моимъ!

97. О Кадмѣ съ Аретузою, Овидій,
Твои неудивительны слова
Про возрожденье ихъ ихъ змѣиномъ видѣ;

100. Зане въ едино существо ты два
Не превращалъ такъ, чтобъ въ пресуществленьѣ
Они мѣнялись сутью вещества!

103. Съ змѣею грѣшникъ точно въ соглашенье
Вступили: раздвоила хвостъ змѣя,
А раненый сжалъ вмѣстѣ сочлененья.

106. Суставы ногъ и лядвіи, скользя,
Другъ съ другомъ скоро сблизилися тоже,
И разницы межъ нихъ найти нельзя.

109. Хвостъ расчлененный дѣлался похожѣй
На члены тѣла, и,—какъ у змѣи,
У человѣка чешуилась кожа.

112. Подъ мышки руки у него ушли;
Чета же лапъ у змѣйки стала длинной,
И будто руки вширь и вдоль росли.

---

94. Въ „Фарсалидѣ“ Лукана воины Катона Сабеллъ и Назидій были укушены змѣями при переходѣ черезъ Ливійскую пустыню; отъ этого Сабеллъ тотчасъ распадается въ прахъ, а Назидій распухаетъ такъ, что на немъ лопнули латы и въ немъ совершенно уже невозможно было узнать человѣческаго образа.

97—99. У Овидія (Metamorph. VI) Кадмъ превращается въ дракона, а Аретуза въ ручей (ib. V).

115. Изъ заднихъ лапъ змѣя двѣ половины
Частей, всегда скрываемыхъ, свила;
Изъ человѣчьихъ ногъ сталъ хвостъ змѣиный.

118. А между тѣмъ поднявшаяся мгла
Ту и другого крыла новымъ цвѣтомъ,
И волосы уже змѣѣ дала.

121. И всталъ одинъ; другой упалъ при этомъ,
Мѣняясь взглядами; мѣна́ же та
Другимъ обоихъ дѣлала предметомъ.

124. У вставшаго къ вискамъ ланитъ чета
Приподнялась, и тотъ излишекъ мяса
Образовалъ чету ушей тогда.

127. Мясистость же, что взадъ не разошлася,
Сгустилася излишкомъ напередъ,
Губами вмѣстѣ съ носомъ ликъ украся.

130. Кто ползалъ,—длинно вытянулъ свой ротъ;
И, какъ рога спѣшитъ вобрать улитка,
Такъ точно уши спряталъ въ черепъ тотъ.

133. Языкъ тутъ раздвоился столь же прытко,
Который рѣчь вести раздѣльно могъ,
И сталъ какъ жало; мгла же стала жидкой.

136. И этотъ въ гада превратясь, повлёкъ
Свой хвостъ со свистомъ яростнымъ далече,
Другой, пославъ товарищу плевокъ

139. И новыя свои вращая плечи,—
„Какъ ползалъ я, пусть ползаетъ Буозъ!“
Къ оставшемуся велъ такія рѣчи.

142. Вотъ что въ той ямѣ видѣть мнѣ пришлось;
Коль плохо разсказалъ я, то разсказа
Въ томъ новизна виной; и хоть отъ слезъ

145. Въ трудъ моему ужъ видѣть было глазу,
Но, несмотря на ихъ ухода спѣхъ,
Кто это были, разсмотрѣлъ я сразу.

148. Пуччо Шанкатъ—единственный изъ всѣхъ
Троихъ сперва пришедшихъ, съ коимъ было
Не свершено пресуществленій тѣхъ.

151. Другой,—о комъ рыдаешь ты, Гавилла!

151. Франческо Гверчіо Кавальканте былъ убитъ въ мѣстечкѣ Гавилла; родственники его, мстя за его смерть, убили многихъ жителей этого мѣстечка. Кавальканте и Буозо смѣнялись видомъ, при чемъ первый былъ уже змѣей, а второй теперь только получилъ змѣиный видъ. Чьянфа и Брунелески—тѣ, которые слились другъ съ другомъ вмѣстѣ (ст. 52). Пятый, единственный съ кѣмъ не произошло перемѣны—Пуччіо Галигаи.

Пѣснь двадцать шестая.

8-й ровъ. Злые совѣтники. Одиссей и Діомедъ.

---

1. Флоренція, ликуй! Тебѣ хвала
Летитъ орломъ надъ сушей и морями;
Въ аду самомъ гремятъ твои дѣла.

4. Твоихъ пять гра̀жданъ встрѣтивъ межъ ворами,
Я со стыда сгорѣлъ за край родной:
Въ такомъ найти тебя не ждалъ я срамѣ!

7. Но коль не лгутъ намъ сны передъ зарей,
То Божій судъ тебя постигнетъ вскорѣ,
И возликуетъ Прато, недругъ твой;

10. И если то въ Господнемъ приговорѣ,

---

1. Злая и горькая иронія. Поэтъ сѣтуетъ о томъ, что внѣшняя слава его родины не можетъ покрыть ея внутренней порочности.

7. Передъ зарею человѣку, по средневѣковому повѣрью, снится правда, потому что утренніе сны не зависятъ отъ пищеваренія, какъ сны вечерніе; но человѣкъ, освобожденный отъ оковъ своихъ тѣлесныхъ чувствъ, легче видитъ то, что этимъ чувствамъ недоступно. (Сравн. Чистилище, IX).

8. Несчастія, грозящія Флоренціи, суть: паденіе моста надъ Арно съ громадной толпой народа, собравшагося глядѣть на представленіе мистеріи; раздоры Черныхъ и Бѣлыхъ, наконецъ, громадный пожаръ въ 1304 году, истребившій до 1700 домовъ и вконецъ разорившій между прочимъ дружественное Данту семейство Кавальканти.

9. *Прато*—сосѣдній съ Флоренціей городокъ, враждовавшій съ ней.

10. Хотя эти несчастія вполнѣ заслужены Флоренціею, но любовь поэта къ своей родинѣ, которую онъ такъ жестоко порицаетъ, такъ велика, что ея несчастія сломятъ и его самого; въ особенности, если это случится въ годы его старости, когда горе переносится труднѣе.

Пусть онъ тебя скорѣй бы поражалъ,
А въ старости страшнѣй мнѣ вдвое горе!...

13. Мы вверхъ пошли; тропой по склону скалъ,
Что лѣстницей предъ нами внизъ спускалась,
Шелъ Вождь и мнѣ взбираться помогалъ.

16. Межъ пропастью и высью извивалась
Тропа, что вверхъ взводила насъ опять;
Нога скользила и рука цѣплялась.

19. И страшно зрѣть, и страшно вспоминать
Сейчасъ про то, что око тамъ узрѣло;
И силюсь я мой разумъ обуздать,

22. Чтобъ власть добра надъ нимъ не оскудѣла
И данный благодатью иль судьбой
Не сталъ сей даръ орудьемъ злого дѣла.

25. Какъ сынъ полей,—порою жаркой той,
Какъ свѣточъ, что вселенной всей сіяетъ,
Короче всѣхъ уходитъ на покой,—

28. Въ тотъ тихій часъ, какъ мошка мухъ смѣняетъ,
Весь въ блесткахъ свѣтляковъ свой видитъ лугъ,
Что трудовымъ онъ пòтомъ орошаетъ,—

31. Такіе жъ блестки я увидѣлъ вдругъ,
Когда, поднявшись, взоръ свой удивленный
На ровъ восьмой я обратилъ вокругъ.

34. Медвѣдицами дикими отмщенный

---

22. При видѣ наказанія за *злые совѣты*, поэтъ старается покорить свой разумъ власти добра, чтобы не дойти до того злоупотребленія этимъ божественнымъ даромъ, которое наказывается въ этомъ рвѣ.

25—30. Вѣрная картина вечера въ средней Италіи, гдѣ свѣтляки блестятъ не въ одиночку, а цѣлыми толпами; въ это время дневныя мухи смѣняются мелкой вечерней мошкой (zanzara).

34. Пророкъ Елисей, послѣ вознесенія Иліи на небо, былъ осмѣянъ дѣтьми, которыхъ онъ проклялъ и которыхъ тотчасъ послѣ его проклятія растерзали двѣ дикія медвѣдицы.

Пророкъ за колесницей Иліи,
Взлетавшей въ красотѣ воспламененной,

37. Такъ взоры слѣдомъ направлялъ свои
За огонькомъ, что таялъ и терялся,
Какъ таетъ облачко въ лучахъ зари.

40. Такъ я, доколѣ взоръ мой простирался,
Внизу огни такіе жъ различалъ,
Изъ коихъ въ каждомъ грѣшный духъ терзался;

43. И на мосту, на коемъ я стоялъ,
Чтобъ лучше видѣть мучившихся, съ краю
Нагнулся я и чуть-чуть не упалъ.

46. И видя то, какъ страстно я желаю,
Узнать про нихъ,—„Въ любомъ такомъ огнѣ",—
Сказалъ мнѣ Вождь,—„душа томится злая".—

49. —„Ты подтвердилъ мою догадку мнѣ",—
Я отвѣчалъ, „но молви, кто такое
„Здѣсь мучится и по какой винѣ

52. „Въ томъ огонькѣ, что дѣлится на двòе
„Какъ нѣкогда дѣлился тотъ костеръ,
„Что братьевъ сжегъ, прославленныхъ враждою?"

55. И Вождь: „Твой Діомеда видитъ взоръ

---

43. Поэтъ стоитъ на краю моста, наклонясь надъ пропастью и держась за камни.

49. Въ этомъ *восьмомъ* рвѣ наказываются злые совѣтники. Ихъ наказаніе состоитъ въ томъ, что они должны двигаться объятые пламенемъ. Они говорятъ верхнимъ концомъ этого пламени, шевелящимся какъ языкъ. (Ст. 85, пѣснь XXVII, 13—18). Весьма понятно соотношеніе этого наказанія съ грѣхомъ тѣхъ, чей языкъ, по выраженію апостола Іакова, Ш, 5, былъ пламенемъ, воспламенившимъ цѣлые лѣса.

54. Этеоклъ и его братъ Полиникъ, сыновья Эдипа, соперничая другъ съ другомъ изъ-за Ѳивъ, убили другъ друга въ единоборствѣ. Когда сожигали ихъ трупы, пламя костра раздѣлилось на двѣ половины, такъ что враждовавшіе при жизни, остались чужды другъ другу даже и въ погребальномъ пламени.

„Съ Улиссомъ, неразлучныхъ въ мукахъ кары,
„Какъ и въ грѣхахъ; таковъ ихъ приговоръ

„Въ отмщеніе Троянскаго пожара
„И за коня, который дверь открылъ,
„Откуда вышелъ пращуръ Рима старый;

„За то, что отъ возлюбленной Ахиллъ
„Похи́щенъ ими и похи́щенъ тоже
„Палладіумъ, святыня вражьихъ силъ“.

„О!“—я вскричалъ,—„коль скоро кара строже
„Не запрещаетъ рѣчь для тѣхъ духовъ,—
„Прими мольбу, тьмы прочихъ просьбъ дороже:

„Позволь мнѣ имъ промолвить пару словъ,
„Коль тотъ огонь приблизится рогатый;
„Ты видишь, къ нимъ я ницъ упасть готовъ“.—

—„Мольбу, похвалъ достойную трикраты“,
Промолвилъ Вождь,—„готовъ я исполнять;
„Но только самъ не вопрошай огня ты.

„Я знаю все, что жаждешь ты узнать;
„Я ихъ спрошу: они вѣдь Греки,—сами
„Они съ тобой не станутъ рѣчь держать“.

И только къ намъ приблизилося пламя,
И духи слышать насъ могли вполнѣ,
Такими рѣчь повелъ къ нимъ Вождь словами:

—„Вы, кто въ единомъ страждете огнѣ!

---

58. По совѣту Улисса построенъ деревянный конь, посредствомъ котораго взята Троя. Улиссомъ же похищенъ изъ Трои Палладіумъ,—статуя Паллады, съ которой была связана судьба Трои. Паденіе же Трои было причиною бѣгства Энея и основанія Рима.

74. Греки гнушались всѣми другими народами, какъ варварами. Можетъ быть, въ этомъ еще заключается намекъ на то, что самъ Данте не зналъ греческаго языка.

„Коль я достоинъ вашего вниманья
„И коль въ заслугу вы зачтете мнѣ

82. „Столь славное мое о васъ сказанье,—
„Постойте, чтобъ одинъ изъ васъ сказалъ
„То, какъ земное кончилъ онъ скитанье.“—

85. И верхній рогъ огня тутъ задрожалъ
И, покачнувшись, разразился рёвомъ,
Какъ будто вѣтръ на пламя набѣжалъ;

88. И вылъ онъ, и качалъ концомъ багровымъ,
Какъ говорящій движетъ языкомъ,
И слово намъ выбрасывалъ за словомъ:

91. —„Съ Цирцеей я разстался, волшебствомъ
„Меня въ Гаэтѣ скрывшей чудной властью,
„Что такъ Энеемъ прозвана потомъ.

94. „Ни юность сына съ отчей нѣжной страстью,
„Ни скорбь отца, что слабъ и одинокъ
„Дни коротàлъ, ни съ Пенелопой счастье,—

97. „Ничто, никто во мнѣ сдержать не могъ
„Духъ странствія и страстную тревогу
„Въ людя́хъ извѣдать доблесть и порокъ.

100. „Изъ моря Средиземнаго въ дорогу
„Я вышелъ; у меня ладья одна
„Осталась и товарищей немного.

103. „Испанья справа намъ была видна,

---

91. Волшебница Цирцея превратила спутниковъ Улисса въ свиней; самъ же Улиссъ, поборовъ ея волшебство съ помощью Гермеса, дѣлилъ съ нею любовь и прожилъ на ея островѣ цѣлый годъ.

92. Гаэта получила свое названіе отъ имени Каэты, кормилицы Энея.

94. Изъ „Одиссеи“ мы знаемъ объ отцѣ Улисса Лаэртѣ, его вѣрной супругѣ Пенелопѣ и сынѣ Телемакѣ. Послѣдующій разсказъ Улисса не совпадаетъ съ ходомъ дѣйствія въ „Одиссеѣ“. Неизвѣстно, сдѣлалъ ли это Дантъ умышленно или только потому, что не зналъ „Одиссеи“.

„Сардинію, Марокко слѣва скоро
„Прошли мы; дальше мчала насъ волна.

106. „Друзья и я состарѣлись въ ту пору,
„Когда пришлось намъ берега пройти,
„Гдѣ Геркулесъ воздвигъ свои затворы,

109. „Чтобъ дальше людямъ не было пути.
„Ужъ справа мы оставили Севилью,
„Цеута слѣва стала позади.

112. —„Друзья! Тьму бѣдствій дружныя усилья
„Сломили наши“,—молвилъ я своей
Дружинѣ старой.—„Что жъ мы? Сложимъ крылья?

115. „Иль жалко намъ остатка дряхлыхъ дней?
„Лишиться ль чести намъ—за бездной влажной
„Открыть иной міръ, новый, безъ людей?

118. „Припомните же сердцемъ родъ свой важный!
„Иль въ тину впасть скотского естества
„Безъ жажды знанья съ доблестью отважной?—

121. „Друзьямъ мои короткія слова

---

107. Гибралтарскій проливъ,—Геркулесовы столбы древности; двѣ скалы, по миѳу, были прежде вмѣстѣ, но Геркулесъ, упершись въ нихъ, разъединилъ ихъ и далъ проходъ морю.

117. По представленію Данта, все западное полушаріе покрыто моремъ; единственная суша на немъ,—та гора, которая появляется Улиссу и въ которой нужно вѣроятно предполагать гору Чистилища. Какъ бы ни было, въ этой пѣсни содержится пророчество объ открытіи Америки за 180 лѣтъ до его осуществленія. Мысль, что на западномъ полушаріи долженъ находиться большой материкъ, приходила людямъ въ голову еще задолго до Колумба. Уже въ 11-мъ столѣтіи скандинавскіе мореплаватели изъ Исландіи достигали береговъ Сѣверной Америки. Едва ли можно сомнѣваться, что вѣсти объ этомъ, хотя бы въ формѣ неяснаго слуха, доходили и до Италіи, въ которой въ эту эпоху имѣлись сношенія съ сѣверной Европой. Можетъ быть, поэтъ имѣлъ намѣреніе предостеречь своихъ земляковъ въ ихъ склонности къ смѣлымъ предпріятіямъ, ободряемой къ тому же ихъ успѣхами въ мореплаваніи. А можетъ быть, онъ вообще хотѣлъ представить, что духовное стремленіе, рвущееся за поставленныя Богомъ границы, пагубно.

„Такъ много дали юной, бодрой силы,
„Что ихъ порывы я сдержалъ едва.

124. „Къ востоку мы направили кормило
„И на закатъ полетъ безумный свой
„Помчали, весла обративши въ крылы.

127. „Иныя звѣзды полюсъ намъ иной
„Показывалъ уже, а столбъ полярный
„Почти стоялъ на уровнѣ съ волной.

130. „Пять разъ ужъ мѣсяцъ ликъ свой лучезарный
„Показывалъ и вновь скрывалъ съ тѣхъ поръ,
„Какъ длился нашъ полетъ широкопарный.

133. „Вдругъ гору нашъ вдали увидѣлъ взоръ,
„Что вверхъ вздымалась обликомъ туманнымъ
„Громаднѣе всѣхъ намъ извѣстныхъ горъ.

136. „Предъ брегомъ ликовали мы желаннымъ,
„Но скоро ужасъ радость замѣнилъ:
„Оттуда вихрь помчался ураганомъ;

139. „Три раза въ море насъ онъ погрузилъ,
„Въ четвертый вверхъ поставилъ насъ кормою,
„А носомъ внизъ, и въ море уронилъ,

142. „И были мы захлебнуты волною“.

---

124. Корма находится сзади корабля, поэтому, обратя корму на востокъ, они ѣдутъ къ западу.

131. Полярная звѣзда. Слѣдовательно они находились около экватора.

Пѣснь двадцать седьмая.

Гвидо де Монтефельтро.

---

1. Весь выпрямившись, огненный языкъ
Замолкъ и, манію Поэта внявши,
Исчезъ во тьмѣ... И новый въ тотъ же мигъ

4. Пришелъ и, передъ нами вдругъ представши,
Привлекъ нашъ взоръ на верхъ багряный свой,
Неяснымъ гуломъ что-то рокотавшій.

7. Какъ въ томъ быкѣ, гдѣ подѣломъ впервой
Изжаренъ мастеръ былъ его для пробы,
Мычанью былъ подобенъ крикъ людской,

10. И показаться зрителю могло бы,
Что отъ страданья самъ тотъ быкъ реветъ
Всей силой мѣдяно́й своей утробы,—

7—20. Исторія этого быка разсказывается въ „Gesta Romanorum". Суть ея въ слѣдующемъ: аѳинянинъ Периллъ сдѣлалъ для сицилійскаго тиранна Фалариса мѣднаго быка, въ котораго сажали человѣка, приговореннаго къ смерти, и накаливали изваяніе; стоны терзаемаго были похожи на мычаніе живого быка. Фаларисъ же велѣлъ изжарить въ этомъ быкѣ первымъ его изобрѣтателя. Со звукомъ, производимымъ этимъ быкомъ, Данте сравниваетъ то гудѣніе, которое производятъ грѣшники восьмого рва изъ глубины своего пламени, прежде чѣмъ это гудѣніе обратится въ членораздѣльные звуки. Описаніе этого перехода (ст. 16—19 и ст. 58—61) задумано необыкновенно тонко. Рѣчь говорящаго въ пламени производитъ сперва внизу пламени волненіе, которое постепенно поднимается и поднимается; достигнувъ вершины огня, оно сообщаетъ ей движенія, подобныя движенію языка, и наконецъ прорывается наружу съ гудѣньемъ и шипѣньемъ.

13. Крикъ сдавленный, ища себѣ исходъ
Изъ пламени, такъ здѣсь перерождался
Въ гудѣніе, какимъ огонь гудетъ;

16. Когда же до вершины онъ поднялся,
Ей сообщивъ движенья языка,
То онъ такою жалобой прорвался:

19. —„О ты, чья рѣчь была мнѣ такъ сладка
„Ломбардская! Ты, передъ кѣмъ стою я,—
„Молю тебя, не уходи пока!

22. „Быть можетъ слишкомъ поздно подхожу я,
„Но подожди, отвѣть на мой вопросъ:
„Вѣдь жду же я, а между тѣмъ горю я!

25. „И если палъ ты въ эту бездну слезъ
„Изъ мѣстъ прекрасныхъ, гдѣ живутъ Латине,
„Откуда я вину свою принесъ,—

28. „Скажи: война иль миръ въ Романьи нынѣ?
„Скажи! Вѣдь я въ странѣ родился той,
„Межъ горъ, у Тибровыхъ валовъ, въ Урбинѣ".—

31. Я, слушая, поникнулъ головой;
Но Вождь сказалъ: „Что онъ спросилъ,—повѣдай,
„Затѣмъ, что твой соотчичъ предъ тобой.

34. И я, отвѣтъ ужъ припася, бесѣду
Повелъ: „Когда жъ страна спокойна та,
„О духъ, здѣсь сокровенный! Скорбь и бѣды—

37. „Удѣлъ, знать, нашей родинѣ всегда
„Въ ней,—будь то явно или сокровенно,—
„Кипитъ непримиримая вражда.

---

19. Рѣчь обращена къ Виргилію, который въ подлинникѣ, обращаясь къ Улиссу, употребляетъ областныя ломбардскія слова issa и aizzo.

39. Въ 1309 году, къ которому относится странствіе Данта, открытой войны въ Романьѣ не было, но зато почти въ каждомъ городѣ велась скрытая внутренняя борьба или между различными партіями или противъ тиран-

40. „Осталась прежней, какъ была, Равенна;
„Надъ ней орелъ Поленты поднялъ лобъ,
„Простря крыла до Червіи согбенной;

43. „А градъ, что сталъ французской рати гробъ,
„Испытанный осадою сугубой,—
„Зелеными когтями хищникъ сгребъ.

46. „Песъ старый и щенокъ Верукkьо грубый,
„Съ тѣхъ поръ, какъ былъ Монтанья пораженъ,
„Не устаютъ свои кровавить зубы;

49. „А гдѣ текутъ Сантерно и Ламонъ,
„Державитъ львенокъ на молочномъ полѣ,
„И каждый годъ мѣняетъ знамя онъ.

52. „А городъ, гдѣ свой валъ въ прекрасномъ долѣ
„Льетъ Савьо,--межъ долиной и горой
„Виляетъ,—между рабствомъ и межъ волей.

новъ (Романья—край вокругъ Болоньи съ городами: Болонья, Феррара, Равенна, Римини, Форли, Фаэнца и т. д. Ея политическое состояніе въ то время запутывалось еще тѣмъ, что почти въ каждомъ городѣ власть захватывала какая-нибудь знатная фамилія). Далѣе Дантъ подробнѣе разсказываетъ о положеніи каждаго города въ отдѣльности.

40. Въ Равеннѣ властвовалъ другъ и покровитель Данта Гвидо да Полента, отецъ (а по другимъ братъ) несчастной Франчески-ди-Римини. Въ его гербѣ былъ орелъ. Ему же принадлежала Червія, маленькій городокъ въ двѣнадцати миляхъ отъ Равенны.

43. Форли, городъ, который по проискамъ папы Мартина IV былъ осажденъ французскими войсками и который Гвидо-де-Монтефельтро (духъ котораго говоритъ съ Дантомъ) избавилъ отъ осады. Этимъ городомъ владѣла фамилія Орделаффи, имѣвшая въ гербѣ зеленаго льва.

46. Малатеста и его сынъ, тиранны города Римини, названные здѣсь Верукkіо по имени принадлежавшаго имъ замка вблизи города. Монтанья—риминійскій дворянинъ, злодѣйски ими убитый. (Это были отецъ и братъ мужа Франчески).

49. Фаэнца на рѣкѣ Ламоне и Имола на Сантерно были во власти Макинардо, по прозвищу Дьявола. Его гербъ былъ голубой левъ на бѣломъ полѣ. Онъ то и дѣло мѣнялъ партіи, приставая то къ гвельфамъ, то къ гибеллинамъ.

52. Въ Чезенѣ на Савіо часто смѣнялись единовластіе и республика.

55. „Но молви нынѣ самъ, кто ты такой;
„Не будь спѣсивѣе огня другого,
„И имени отъ міра не сокрой!“—

58. И глухо зароптал огонь тутъ снова;
Вершины закачалась острота;
Онъ зашипѣлъ, и шипъ излился въ слово:

61. —„Стой я предъ тѣмъ, который вновь туда
„Вернуться бъ могъ, повѣрь мнѣ, пламя это
„Не шевельнулось даже бы тогда.

64. „Но знаю я, отсель исхода нѣту;
„И я скажу, отбросивъ стыдъ и страхъ,
„За что лишенъ я радости и свѣту.

67. „Я воинъ былъ и вмѣстѣ былъ монахъ;
„И рясы вервьемъ ярость воли злобной
„Связать въ себѣ я помышлялъ въ мечтахъ;

70. „Но папа,—покарай его загробный
„Ужасный судъ!—меня онъ возвратилъ
„Къ грѣху опять; какъ? Я скажу подробно.

73. „Какъ плоть, въ какой рожденъ я, я носилъ,—
„Не доблестію львиной я породы,
„Но хитростію лисьей славенъ былъ;

76. „Всѣ тайные пути и всѣ подходы

---

67. Графъ Гвидо-де-Монтефельтро, славный храбростью и хитростью, впервые проявилъ свои военные таланты въ качествѣ предводителя гибеллиновъ въ 1272—81 годахъ, когда онъ одержалъ много побѣдъ, воюя съ Флоренціей во главѣ войскъ Пизы, Генуи и Лукки. Онъ былъ посланъ въ изгнаніе папой Мартиномъ IV, но возвращенъ его преемникомъ Целестиномъ V. Бонифацій VIII его глубоко цѣнилъ и уважалъ и возвратилъ ему всѣ конфискованныя у него имѣнія; какъ вдругъ, пресытившись свѣтомъ, Гвидо сдѣлался монахомъ во францисканскомъ монастырѣ въ Анконѣ. Это совпало съ началомъ крестоваго похода, объявленнаго, папою противъ знатной римской фамиліи Колонна; папа, нуждаясь въ его совѣтахъ, вызвалъ его изъ монастыря къ себѣ, тутъ Гвидо и далъ папѣ тотъ пагубный совѣтъ, за который Данте и помѣстилъ его въ адъ.

„Мои искусно видѣли глаза,
„И тѣмъ я славился. Когда же годы

79. „Мои посеребрили волоса
„И время я почувствовалъ со страхомъ
„Убрать всѣ снасти, свить всѣ паруса,—

82. „Все, что любилъ, я бросилъ, ставъ монахомъ:
„И я мечталъ спасеніе снискать;
„Но скоро,—горе мнѣ!—пошло все прахомъ.

85. „Вождь фарисеевъ новыхъ двинулъ рать
„Тогда противъ твердыни Латеранской.
„Не съ нехристями шелъ онъ воевать.

---

81. Данте въ Convito говоритъ: „Естественная смерть подобна пристани и отдыху послѣ долгаго плаванія. И добродѣтельная душа подобна мореходцу, который, вступая въ портъ, свиваетъ паруса и убираетъ снасти“.

85. Поэтъ презираетъ какъ самого папу, такъ и его кардиналовъ и прелатовъ. Война, которую велъ Бонифацій, была не только не противъ сарацинъ, захватившихъ въ это время опять св. гробъ въ свои руки, но даже и не противъ тѣхъ христіанъ, которые заслуживали наказанія, вступая съ мусульманами въ торговыя сношенія или помогая имъ въ осадѣ Акры противъ своихъ же единовѣрцевъ,—но противъ своихъ же кардиналовъ, князей той церкви, первосвященникомъ которой онъ былъ. Эта „Латеранская“ война была война съ фамиліей Колонна. Двое изъ этого дома были кардиналами. Они протествовали противъ избранія Бонифація и возмутились противъ него. Бонифацій обвинялъ ихъ въ заговорѣ и покушеніи на его жизнь. Колонна, считая Римъ недостаточно безопаснымъ для своего пребыванія, удалились въ крѣпость Палестрину (у Данте Penestrino, древній Пренестъ). Тогда папа буллой отъ 14 декабря 1297 года объявилъ противъ нихъ крестовый походъ, обѣщая полное прощеніе грѣховъ всѣмъ тѣмъ, кто подниметъ оружіе противъ мятежныхъ сыновъ церкви. Сами Колонны были, конечно, имъ прокляты, отлучены отъ церкви, лишены сана и всѣхъ отличій; все ихъ имущество было конфисковано, и они объявлены врагами не только лично папы, но всей церкви вообще. Тогда со всѣхъ сторонъ Италіи потянулись отряды желавшихъ помочь папѣ. Земли, принадлежавшія Колоннамъ, были разграблены, но Палестрина не сдавалась. Только въ сентябрѣ 1298 года истощенные осажденные почувствовали потребность въ мирѣ. Бонифацій сыпалъ обѣщаніями; поддавшись на папскія обѣщанія, два кардинала предстали предъ нимъ въ Pieто въ покаянной одеждѣ. Папа ихъ принялъ, обласкалъ и не только обѣщалъ простить ихъ, но даже далъ имъ надежду возвратить прежній санъ и владѣнія. Но едва Палестрина сдалась, какъ папа послалъ туда епископа Орвіетскаго, чтобы разрушить крѣпость и городъ, оставивъ на его мѣстѣ всего

88. „Нѣтъ, врагъ его былъ вѣры христіанской,
„(Хоть не его взялъ стѣны Акры полкъ
„И онъ не торговалъ въ землѣ султанской).

91. „Не чтилъ онъ ни свой санъ, ни высшій долгъ,
„Ни вервія,—какимъ связала вѣра
„Меня во истощенье,—смыслъ и толкъ.

94. „И Константина слѣдуя примѣру,
„Кому Сильвестръ проказу исцѣлилъ,—
„Отъ честолюбья, взросшаго чрезъ мѣру,

на всего одну церковь, какъ памятникъ папскаго гнѣва. Жители были выселены съ горы въ долину; но и этого показалось мало; папа велѣлъ сжечь всѣ ихъ новопостроенныя жилища. Эта послѣдняя жестокость имѣла мѣсто въ 1300 г.,—годъ Юбилея, когда Данте былъ въ Римѣ и совершалъ свое замогильное странствіе.

94. Сказаніе о св. Сильвестрѣ помѣщено въ Legenda Aurea. Вотъ оно: „Сильвестръ родился въ Римѣ отъ благочестивыхъ родителей. Въ то время, когда Константинъ былъ еще помраченъ идолопоклонствомъ и преслѣдовалъ христіанъ, Сильвестръ, избранный епископомъ Рима, бѣжалъ отъ преслѣдованій и скрывался въ пещерѣ у подножія Monte Calvo. Императоръ заболѣлъ проказою; призвавъ языческихъ жрецовъ, онъ попросилъ у нихъ лекарства. Тѣ посовѣтовали ему выкупаться въ дѣтской крови, и три тысячи дѣтей были приготовлены для этой цѣли. Когда императоръ поѣхалъ на колесницѣ въ то мѣсто, гдѣ ему было приготовлено купанье, матери этихъ дѣтей бросались къ нему съ распущенными волосами, плача и умоляя его сжалиться. Тогда Константинъ, тронутый до слезъ, сказалъ своимъ вельможамъ: „Пусть лучше умру я, чѣмъ невинныя дѣти!“ и велѣлъ отдать дѣтей матерямъ, вознаградивъ ихъ богатыми дарами за причиненный страхъ. Въ ту же ночь апостолы Петръ и Павелъ явились ему во снѣ и, возложивъ на него руки, сказали: „За то, что ты убоялся пролить невинную кровь, Іисусъ Христосъ послалъ насъ дать тебѣ добрый совѣтъ. Пошли за Сильвестромъ, который скрывается за горою; онъ выкупаетъ тебя три раза въ такой водѣ, которая очиститъ тебя отъ проказы; и отнынѣ ты будешь чтить христіанскаго Бога и перестанешь преслѣдовать его служителей“. Тогда Константинъ проснувшись послалъ за Сильвестромъ. Тотъ подумалъ, что его ведутъ на смерть, но пошелъ радостно. Константинъ всталъ, встрѣчая его, и спросилъ его: „Кто тѣ два бога, которые явились мнѣ во снѣ этой ночью?“ Сильвестръ отвѣчалъ: „Это не боги, а апостолы Іисуса Христа“. Константинъ пожелалъ видѣть ихъ изображенія; тогда Сильвестръ послалъ къ одному христіанину за иконою апостоловъ. Константинъ узналъ въ нихъ тѣхъ самыхъ, кто явился ему ночью. Тогда Сильвестръ крестилъ его, и Константинъ вышелъ изъ купели исцѣленнымъ отъ проказы. Въ благодарность онъ подарилъ римскому епископу землю, о чемъ говорилось уже въ примѣч. къ XIX пѣсни.

„Онъ у меня лекарства попросилъ.
„Я отъ стыда смолчалъ на то въ началѣ:
„Я думалъ, что онъ съ-пьяну говорилъ.

„А онъ ко мнѣ: „Боишься ты грѣха ли?
„Я грѣхъ прощу; наставь меня, мой сынъ,
„Чтобъ стѣны Пелестрины прахомъ пали.

„Надъ дверью неба властенъ я одинъ;
„Не у меня ль въ рукахъ ключи отъ рая,
„Отъ коихъ отказался Целестинъ?—

„Меня смутила рѣчь его такая.
„Сочтя, что лучше молвить, чѣмъ молчать,
„Я рекъ: „Отецъ! Коль власть твоя святая

„Отпустить грѣхъ, то знай: наобѣщать
„Ты долженъ, чтобы тронъ твой удержался,
„Но обѣщаній тѣхъ не исполнять“.—

„Въ мой смертный часъ, святой Францискъ пытался
„Спасти меня. Но черный херувимъ
„Промолвилъ: „Стой! Вѣдь онъ же мнѣ достался?

„Онъ въ бездну долженъ пасть. Я шелъ за нимъ.
„Совѣтами онъ въ злѣ ушелъ далече,
„И онъ въ моимъ когтяхъ! Иди къ моимъ!

„Про милость безъ раскаянья нѣтъ рѣчи.
„Кто жъ кается на сердцѣ зло тая?
„Нельзя подобныхъ снесть противорѣчій“.—

„Ахъ! Въ трепетъ вся душа пришла моя,
„Какъ онъ, меня схвативши страшной дланью,
„Вскричалъ: „Ты зналъ, что такъ логиченъ я?“—

---

105. Папа Целестинъ V, „великое свершившій отреченье“ (Ада III, 59). Его исторія въ примѣч. къ XIX пѣсни.

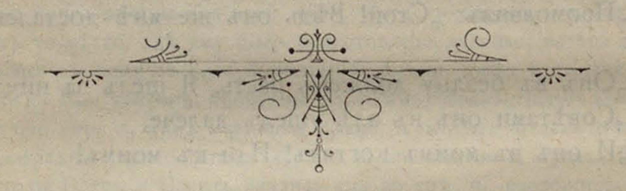
124. „И восемь разъ, цѣня мои дѣянья,
„Обвилъ Миносъ хвостомъ свой жесткій станъ
„И укусилъ свой хвостъ въ негодованьи.

127. —„Такихъ въ огонь!“ онъ, злобой обуянъ,
„Взревѣлъ,—и въ эту я упалъ пучину,
„И вотъ какой одеждой одѣянъ!“—

130. Окончивъ рѣчь, ушелъ огонь, вершиной
Колебля острою и рокотъ свой
На мигъ не оставляя ни единый.

133. Разставшись съ нимъ, Учитель мой со мной
Пустился вверхъ, все поднимаясь въ гору,
Гдѣ съ арки новой виденъ ровъ другой,

136. Вмѣстившій наказанье за раздоры.

---

124. Сравн. съ началомъ V пѣсни. Та подробность, что Миносъ укусилъ свой хвостъ, является новой и указываетъ на то, что Миносъ въ нѣкоторомъ смыслѣ олицетворяетъ собственную совѣсть грѣшника.

Пѣснь двадцатъ восьмая.

9-й ровъ. Сѣятели раздоровъ. Магометъ и Али. Пьеро Медичина, Куріонъ, Моска, Бертранъ де Борнъ.

---

1. О кто бъ, хотя не связанный стихомъ,
Могъ описать всю кровь, немилосердно
Разлитую, что видѣлъ я кругомъ!

4. Языкъ его бъ окаменѣлъ навѣрно,
Понять и помнить отказался бъ духъ
Разнообразье муки той безмѣрной!

7. И если бы погибшихъ всѣхъ, вокругъ
Равнинъ Апуліи, въ разноплеменномъ
Бою, собрать и здѣсь поставить вдругъ;

10. И всѣхъ погибшихъ въ войнахъ съ Карфагеномъ,
О коихъ Ливій говоритъ; и всѣхъ
Израненныхъ и изнуренныхъ плѣномъ

7—18. Въ этихъ стихахъ упоминается о слѣдующихъ битвахъ: при Малевентѣ между Самнитянами и Римлянами подъ начальствомъ Деція Муса, гдѣ было убито до 2.000 Апулійцевъ; о битвахъ впродолженіе Пуническихъ войнъ, въ одной изъ которыхъ, при Каннахъ, по словамъ Тита Ливія, пало 40.000 пѣхоты и 2.700 всадниковъ; о набѣгѣ Роберта Гвискара, знаменитаго норманна--завоевателя Южной Италіи, котораго Данте помѣстилъ въ Раю на пятомъ небѣ, на планетѣ Марсъ; о битвѣ при Чеперано около Монте Кассино, происшедшей въ 1265 г. между Карломъ Анжуйскимъ и Манфредомъ, королемъ Апуліи и Сициліи, когда Апулійцы всѣ цѣликомъ передались непріятелю; и наконецъ о битвѣ при Тальякоццо въ Абруццахъ, случившейся въ 1268 г., между Карломъ Анжуйскимъ и Конрадиномъ, племянникомъ Манфреда; эту битву Карлъ выигралъ благодаря хитрости графа Алардо-ди Валлери, очень удачно ударившаго изъ засады на войска Конрадина и обратившаго ихъ въ бѣгство безъ боя.

13. И всѣхъ умершихъ въ Робертовъ набѣгъ,—
А вѣдь такъ много ихъ, что край окружный
Донынѣ весь въ костяхъ несчастныхъ тѣхъ;—

16. Всѣхъ въ Чеперано павшихъ передъ дружной
Измѣной Апулійцевъ; всѣхъ, чью рать
Побилъ старикъ Алардо безоружный;

19. Когда бъ все это множество собрать
И язвы ранъ ихъ обнажить всѣ сразу,
То съ рвомъ девятымъ все жъ бы не сравнять!

22. Безъ дна я бочки не видалъ ни разу
Столь утлой, чтобъ равняться духъ съ ней могъ,
Разсѣченный съ подбрадія до тазу.

25. Его кишки спускались между ногъ,
И легкія дыпали, и зіяя
Висѣлъ отбросовъ мерзостный мѣшокъ.

28. И то, какъ взглядомъ зоркимъ наблюдая,
Я на него смотрѣлъ, замѣтилъ онъ
И молвилъ: „Вотъ какъ разодралъ себя я!

31. „Такъ Магометъ терзается, а вонъ
„Али тобою можетъ быть замѣченъ,
„Чей черепъ до подбрадья раздробленъ.

34. „Вотъ кара намъ, и судъ намъ строгъ и вѣченъ,

---

21. Въ этомъ девятомъ рвѣ наказываются сѣятели раздоровъ; ихъ демонъ разсѣкаетъ мечомъ. Пока они обходятъ кругъ, раны снова закрываются, и когда они сдѣлаютъ полный оборотъ, демонъ разсѣкаетъ ихъ снова. Отношеніе наказанія къ преступленію то, что сѣятели разъединяютъ части отъ цѣлаго; теперь это разъединеніе приходится испытывать имъ самимъ.

25. Анатомически вѣрная картина.

31. Сначала являются, произведшіе раздѣленіе въ религіи, какъ опаснѣйшіе преступники этого рода: калифъ Али, (656—661) извѣстный благородствомъ своего характера, наказывается здѣсь за то, что произвелъ расколъ въ магометанствѣ на алидовъ и шіитовъ; поэтому онъ разсѣченъ сверху до подбородка, между тѣмъ какъ Магометъ разсѣченъ отъ подбородка до таза.

„Зане мы въ мірѣ сѣяли раздоръ,
„За это такъ нашъ обликъ изувѣченъ;

37. „И демона недремлющаго взоръ
„Слѣдитъ за нами всѣми постоянно,
„Гоня подъ свой губительный топоръ.

40. „И заживаютъ снова наши раны
„Чуть мы во рву свершимъ круговоротъ,
„До палача,—и снова мы раздра̀ны...

43. „Но кто ты, наблюдающій съ высотъ,
„Отсрочивая этимъ воздаянье,
„Которое твои злодѣйства ждетъ?“—

46. —„Не умеръ онъ еще, не въ наказанье“,—
Вождь отвѣчалъ ему,—„онъ здѣсь въ аду,
„Но только лишь для полноты познанья;

49. „А я, который мертвъ, я съ нимъ иду
„Изъ круга въ кругъ, и это такъ же вѣрно,
„Какъ то, что рѣчь съ тобою я веду“.

52. Услыша это сто духовъ, примѣрно,
Уставилися взглядомъ на меня,
Забывши даже муки гнетъ безмѣрный.

55. —„О ты, что скоро будешь въ свѣтѣ дня

---

55. Фра Дольчино изъ Наварры былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ соціальныхъ и религіозныхъ реформаторовъ на сѣверѣ Италіи. Онъ былъ главой секты *Апостольскихъ Братьевъ*, основанной Гергардомъ Пармскимъ, имѣвшей цѣлью возвратить церковь къ простотѣ апостольскихъ временъ. Въ 1305 году онъ удалился съ своими послѣдователями въ горы въ окрестностяхъ Валь-Сезія въ Пьемонтѣ. Тамъ онъ былъ осажденъ, голодомъ вынужденъ сдаться, взятъ въ плѣнъ и сожженъ вмѣстѣ съ своей прекрасной подругой Маргаритой Трентской въ Верчелли 1 іюня 1307 года. Какъ тотъ, такъ и другая были одними изъ самыхъ идеальныхъ личностей того времени. Данте, несмотря на то, что сочувствовалъ Фра Дольчино въ его протестахъ противъ свѣтской власти и испорченности папъ, тѣмъ не менѣе считалъ законными реформаторскія попытки лишь на строгомъ церковно-догматическомъ основаніи.

„И солнце узришь, молви Фра Дольчинѣ:
„Пусть запасется хлѣбомъ, коль, храня

58. „Упорство, хочетъ тамъ быть, гдѣ я нынѣ;
„А то коль не поможетъ гладъ иль снѣгъ,
„Его наварской не сломить дружинѣ“.

61. Сказавши это, будто человѣкъ,
Итти желающій, онъ поднялъ ногу
И выпрямившись дальше въ путь потекъ.

64. И новый духъ приблизился убогой
Безъ уха, съ горломъ про́ткнутымъ, съ лицомъ,
Лишеннымъ носа. Посмотрѣлъ немного

67. Онъ съ удивленьемъ на меня, потомъ
Онъ глотку, обнаженную отъ кожи,
Открылъ и мнѣ кровавымъ молвилъ ртомъ:

70. —„Ты, не грѣхомъ ведомый! Ты, его же
„Видалъ я на землѣ въ былые дни,
„Когда подобьемъ ликъ не лжетъ мнѣ схожій,—

73. „Ко Пьеру Медичина взоръ склони!
„Когда же межъ Маркабо и Верчели
„Въ страну придешь, то вотъ что вспомяни

76. „Мессеру Гвидо и Анжіолеллѣ

---

73. Пьеръ да Медичина, прозванный такъ по мѣсту своего рожденія, сѣялъ раздоры между гражданами Болоньи, а также между графомъ Гвидо да Полента и Малатестино ди Римини.

75. Въ Ломбардію, которая простирается отъ города Верчелли въ Пьемонтѣ до истоковъ По, близъ которымъ находится замокъ Маркабо.

76. Малатестино, властитель Римини, пригласилъ однажды двухъ знатныхъ гражданъ изъ Фано, мессера Гвидо дель Кассеро и Анжіолелло ди Кариньяно на обѣдъ и для совѣщанія по важнымъ дѣламъ. Онъ прислалъ за ними корабль; но на дорогѣ, по его приказанію, они были утоплены въ морѣ около Католики. Данте по обыкновенію, — такъ какъ дѣйствіе Божественной Комедіи происходитъ въ 1300 году,—заставляетъ грѣшника пророчествовать о событіяхъ, уже свершившихся во время написанія поэмы.

„Изъ Фано, лучшимъ людямъ той земли:
„Коль мы не ложь провидимъ въ самомъ дѣлѣ,—

79. „Скажи, что быть имъ сброшеннымъ съ ладьи,
„Утопленнымъ въ волнахъ при Католикѣ
„Измѣною,—имъ смерти ждать вели!

82. „И не узрйтъ измѣны столь великой
„Отъ Кипра до Маіорки богъ морской,
„Хотя бы отъ орды пиратовъ дикой!

85. „Убійца ихъ кривъ глазомъ и душой;
„Онъ обладаетъ крѣпостію града,
„Который клянетъ тотъ, кто здѣсь со мной.

88. „Ихъ на совѣтъ звать будутъ; но засада
„Ихъ ждетъ, и для смиренія вѣтрамъ
„Фокарскимъ—имъ молитвъ не будетъ надо“.—

91. А я ему: „Я то имъ передамъ,
„Но молви мнѣ, кому въ воспоминаньи
„Видъ города противенъ даже самъ?“—

94. Онъ челюсть у сосѣда поднялъ дланью
—„Вотъ онъ!“ сказалъ, ему открывши ротъ:
„Но слова онъ лишенъ нѣмой гортанью!“

97. И пояснивъ добавилъ: „Это тотъ,
„Кто въ мракъ сомнѣнья Цезаря ввелъ гнусно,
„Сказавъ: Всегда теряетъ тотъ, кто ждетъ!“—

100. О, какъ теперь мнѣ видѣть было грустно,

---

85. Малатестино было кривъ на одинъ глазъ.

90. Фокара — скала около Католики, опасная для моряковъ. Смыслъ словъ такой: этимъ двоимъ нужно бояться не опасныхъ морскихъ вѣтровъ, а измѣны корабельщиковъ.

97. Куріонъ, изгнанный изъ Рима, далъ совѣтъ Цезарю перейти Рубиконъ, отчего послѣдовала гражданская война; ему отрѣзанъ языкъ за его злой совѣтъ.

Что былъ безъ языка здѣсь Куріонъ,
Витія, въ краснорѣчьи столь искусный!

103. Тутъ новый духъ пришелъ, двухъ рукъ лишенъ,
Махая вкругъ отрѣзанною дланью
Дотоль, что сталъ съ натуги краснымъ онъ.

106. —„ О Москѣ живо ли воспоминанье?
„Я молвилъ разъ: Что сдѣлано—прошло!
„Посѣявъ сѣмя горестямъ Тосканьи".—

109. Добавилъ я: „И родичамъ всѣмъ зло!"
Но онъ, прибавивъ муку къ мукѣ, скрылся:
Его въ безумье горе привело.

112. Столь необычный призракъ тутъ явился,
Что безъ свидѣтелей я бъ на разсказъ
Безъ робости душевной не рѣшился,

115. Коль совѣсти мнѣ бъ не велѣлъ то гласъ,
Что подъ охраною щита святого
Повѣдать правду укрѣпляетъ насъ.

118. Я видѣлъ тамъ (и въ мысли вижу снова),
Коль мои чувства не были мертвы:
Навстрѣчу мнѣ шелъ призракъ безголовый;

121. Рукой держалъ онъ кудри головы,
Неся ихъ, какъ фонарь, во мглѣ могильной;
И голова промолвила: „Увы!"

124. Онъ самъ себѣ былъ пламенникъ свѣтильный,
Одинъ двумя ставъ, два же сливъ въ одномъ,—
Но какъ,—то Мститель вѣдаетъ всесильный!

127. И вотъ, остановившись подъ мостомъ,

---

106. Моска дельи Уберти посовѣтовалъ убійство флорентинскаго дворянина Буондельмонте, и этимъ положилъ начало враждѣ гвельфской и гибеллинской партіи во Флоренціи и Тосканьи; онъ наказанъ лишеніемъ тѣхъ членовъ, которыми совершилъ преступленіе.

Онъ ношу пӧднялъ предо мной высӧко,
Какъ бы показывая мнѣ; потомъ

130. Мнѣ началъ рѣчь такую: „Ты, чье око
„За преступленья изучаетъ месть!
„Нигдѣ не зрѣлъ ты муки столь жестокой!

133. „Но коль ты живъ, снеси на землю вѣсть,
„Что видѣлъ ты мученія де Борна,
„Котораго совѣтовъ злыхъ не счесть!

136. „Мной на отца сынъ поднятъ непокорный;
„Совѣтъ дать Іоанну королю
„Самъ Ахитофелъ бы не могъ столь черный.

139. „За то, что я дѣлилъ враждой семью,
„Столь близкихъ двухъ разъявъ союзъ сердечный,—
„Здѣсь голову отъ тѣла я дѣлю;

142. „Свершенъ на мнѣ законъ возмездья вѣчный."—

---

134. Бертранъ де Борнъ, виконтъ Готфорскій, знаменитый трубадуръ и въ то же время рыцарь, посѣялъ вражду между англійскимъ королемъ Генрихомъ II. и его сыномъ, возмутивъ послѣдняго противъ отца. Сообразно двумъ варіантамъ въ чтеніи этого мѣста, существуютъ два предположенія, о какомъ изъ сыновей Генриха II идетъ рѣчь: или это могъ быть старшій сынъ его Генрихъ, коронованный 15-ти лѣтъ, еще при жизни отца, а потому называвшійся „молодымъ королемъ" (il re giovane); или это могъ быть младшій сынъ его Іоаннъ, которому отдана была Ирландія (il re Giovanni).—Бертранъ де Борнъ возмутилъ членовъ семейства противъ главы его, отца отъ сына, по этому его собственная голова отдѣлена отъ туловища. Она служитъ ему въ аду фонаремъ и свѣточемъ,—чѣмъ она ему должна бы служить и на землѣ,—чтобы освѣщать ему послѣдствія его злодѣянія.

138. Ахитофелъ подалъ Авессалому совѣтъ возмутиться противъ его отца, царя Давида.

142. Законъ возмездія—око за око и зубъ за зубъ.

Пѣснь двадцать девятая.

10-й ровъ. Алхимики. Гриффолино д'Ареццо и Капоккіо

---

1. Видъ столькихъ ранъ и столькихъ жертвъ мученья
Такой тоскою опьянилъ мой взоръ,
Что я въ слезахъ возжаждалъ утоленья.

4. Но Вождь спросилъ: „Что такъ глядишь въ упоръ,
„Какъ будто бы глаза твои застыли?
„Съ чего очей не сводишь съ давнихъ поръ?

7. „Ты въ рвахъ другихъ того не дѣлалъ; или
„Хотѣлъ ты счесть толпу, что здѣсь видна?
„Но въ двадцать двѣ длиною кругъ тотъ мили.

10. „Ужъ подъ ногами нашими луна;
„А срокъ такъ малъ, а осмотрѣть такъ много
„Осталось намъ еще до бездны дна"! —

13. — „Когда бъ ты зналъ, зачѣмъ въ тотъ сонмъ убогой
„Глядѣлъ я, предъ тобой согрѣша,
„Не сталъ меня бъ ты торопить такъ строго". —

16. Вождь уходилъ; и вслѣдъ за нимъ спѣша,

---

9. Здѣсь точно опредѣляется размѣръ того рва, о которомъ идетъ рѣчь, между тѣмъ какъ въ стихѣ 86 слѣдующей пѣсни опредѣляется размѣръ слѣдующаго рва. По этимъ цифрамъ нѣкоторые комментаторы вычислили размѣръ различныхъ частей ада. Любопытная черта — точная до мелочей пунктуальность Данта.

10. Когда поэты начали свой путь, было полнолуніе; теперь луна находится у нихъ подъ ногами, а солнце надъ ихъ головой; значитъ въ восточномъ полушаріи полдень.

Снискать себѣ хотѣлъ я оправданье,
Сказавъ ему: „Родная мнѣ душа,

19. „Оплакивая боль и стыдъ страданья,
„Мнѣ показалась тамъ, средь темноты,
„Гдѣ грѣшникамъ столь тяжко воздаянье". —

22. А Вождь: „Надъ ней не нѣжь своей мечты:
„Ея тебѣ не измѣнить удѣла,
„И про другое долженъ думать ты.

25. „Я слышалъ тожъ, какъ эта тѣнь гремѣла
„Тебѣ угрозой и, перстомъ въ укоръ
„Грозя, звала себя Джери дель Белло.

28. „Но на того, кто защищалъ Готфоръ,
„Излилъ ты все вниманіе въ то время;
„И прочь ушелъ онъ, не призвавъ твой взоръ". —

31. А я ему: „Учитель! Даже тѣми
„Насильственная смерть не отмщена,
„Кто раздѣлилъ его позора бремя.

34. „Затѣмъ она презрѣнья такъ полна
„И отошла, мнѣ не сказавъ ни слова;
„Но тѣмъ дороже стала мнѣ она"!

37. Такъ говоря, мы шли къ долинѣ новой,

---

27. Джери дель Белло, одинъ изъ родственниковъ Данте, убитый однимъ изъ Саккетти. Его смерть была впослѣдствіи отомщена его братомъ, который убилъ одного изъ членовъ этой фамиліи у самаго порога ихъ дома.

28. Бертранъ де Борнъ.

31. Дантъ является здѣсь настоящимъ итальянцемъ, думающимъ, что Джери дель Белло имѣетъ право сердиться на него, такъ какъ никто изъ его рода не отомстилъ за его смерть. У итальянцевъ того времени такая месть считалась не только законной и справедливой, но дѣлалась положительною обязанностью, которою пренебрегать было позорно.

37. Поэты съ моста видятъ десятое и послѣднее отдѣленіе восьмого круга, гдѣ наказываются поддѣлыватели всякаго рода, лежащіе тамъ въ отвратительныхъ болѣзняхъ; подобное наказаніе имѣетъ нѣсколько общій характеръ,

Что во всю ширь была бъ видна вдали,
Будь лишь тамъ свѣта болѣе дневного.

40, Тутъ мы въ послѣднiй монастырь вошли,
Проклятой братьѣ данный для удѣла,
И видѣли туземцевъ той земли.

43. Такъ въ сердце тамъ стрѣляли жалобъ стрѣлы,
Чью состраданiе ободряло сталь,
Что зажималъ я уши то и дѣло.

46. Когда бъ Вальдикiанскiй госпиталь
Съ болящими Сардиньи и Мареммы
Собрать въ одно, то и тогда бъ едва-ль

49. Сравнилось съ тѣмъ, что видѣли на днѣ мы,
И съ тяжкимъ смрадомъ здѣшней вони всей;
И всякое здѣсь описанье нѣмо.

52. Мы въ самый ровъ пошли тропой своей,
Налѣво уклоняя спускъ неровный;
И казней дно предстало намъ яснѣй,

55. Гдѣ справедливость, правды безусловной
Всевышняго храня святой завѣтъ,
Обманъ казнитъ столь тяжело грѣховный.

потому что всякiй порокъ есть нравственная болѣзнь, а поэтому это наказанiе приложимо къ грѣшникамъ всякаго рода во всѣхъ кругахъ. Болѣе точное объясненiе особенностямъ болѣзней, свойственныхъ тому или другому роду поддѣлки, дано будетъ ниже.

40. Неизвѣстно, называетъ ли Данте этотъ ровъ монастыремъ безъ умысла или же онъ хочетъ сказать, что средневѣковая монастырская жизнь съ ея занятiями алхимiею особенно располагала къ преступленiямъ этого рода.

46. Самыя нездоровыя мѣстности Италiи.

52. Поэты сходятъ съ моста въ глубину десятаго рва, чтобы видѣть лучше, что тамъ находится. Читателю, вѣроятно, неоднократно приходилъ вопросъ: какъ можетъ Данте видѣть въ ничѣмъ не освѣщаемой тьмѣ? Относительно этого нельзя дать опредѣленнаго отвѣта; развѣ только можно предположить, что для того, кто ведомъ разумомъ, не существуетъ совершенно непроглядной тьмы.

58. Не думаю, чтобъ больше было бѣдъ,
Какъ разразилась язва надъ Эгиной,—
Про что гласятъ преданья старыхъ лѣтъ,—

61. Гдѣ, отъ людей до мошекъ, ни единой
Души не стало, по словамъ пѣвца,
И родъ людской изъ кучи муравьиной

64. Возникнулъ вновь по манію Творца.
Но этотъ долъ превысилъ всѣ тѣ бѣды,
Духовъ толпой, лежавшихъ безъ конца.

67. Тотъ навзничъ легъ, тотъ на спину сосѣду,
Тотъ члены изможденные подвигъ,
По нашему ползти стараясь слѣду.

70 Мы шли, не молвя слова, между нихъ,
Ни рѣчію обмѣнясь короткой,
Покуда не увидѣли двоихъ,

73. Что прислонившись, какъ двѣ сковородки
На друга другъ кладутъ,—съ лица до ногъ
Покрыты были язвами чесотки.

76. Такъ не скребетъ коня,—пока ѣздокъ
Еще не вышелъ,—ревностный возница;
Ни тотъ, кто до утра̀ заснуть не могъ,

---

58. У Овидія (Метаморфоза VII) разсказывается о чумѣ на островѣ Эгинѣ, отъ которой вымерли всѣ люди, такъ что Зевсъ произвелъ новое поколѣніе, обративъ муравьевъ въ дѣтей, отчего и происходитъ названіе народа—*Мирмидоняне*.

73. Два алхимика, поддѣлывателя металловъ, силятъ прислонясь другъ ко другу, покрытые струпьями и мучимые вѣчной чесоткой, которую они напрасно стараются утишить. Можно предположить, что ихъ взаимная поддержка обозначаетъ ихъ обоюдное довѣріе къ призрачнымъ познаніямъ другого и пользованіе этими познаніями для достиженія своей цѣли. Ихъ чесотка, незнающая отдыха, обозначаетъ безпокойную жажду изслѣдованія, которая привела ихъ сюда. А въ томъ, что соки больного вмѣсто того, чтобы питать кровь и мускулы какъ у здороваго, превращаются въ гной и выступаютъ наружу,—заключается указаніе на результатъ алхимическихъ изслѣдованій.

79. Какъ эти два ногтей своихъ скребницей
Одинъ другого съ яростью скребли,
Да этимъ жаръ чесотки утолится;

82. И отдирали струпья прочь свои,
Какъ чиститъ поваръ чешую со щуки
Иль съ прочихъ рыбъ широкой чешуи.

85. —„Ты, кто съ себя не отнимая руки,
„Сдираешь гной, который струпья льютъ,
„И кожи рвешь куски съ себя отъ муки,—

88. Вождь вопросилъ: „кто отъ Латиновъ тутъ
„Томится? И пускай въ пылу работы
„Твои персты вовѣкъ не устаютъ!“—

91. —„Латины сами мы“,—уставъ до пота
Сказалъ одинъ, склоняясь надъ другимъ,—
„Но самъ ты, вопрошающій насъ,—кто ты?“—

94. И Вождь ему: „Я духъ, иду съ живымъ
„По аду здѣсь ступень вслѣдъ за ступенью,
„Чтобъ показать ему, кто чѣмъ казнимъ“.

97. Услышавъ это, оба въ изумленьи
Вскочили, будто громъ ихъ поразилъ,
И позабыли даже боль мученья.

100. И рѣчь ко мнѣ Учитель обратилъ:
„Спроси ихъ, ежели ты въ ихъ отвѣтѣ
„Нуждаешься“! И духа я спросилъ:

103. —„Пусть ваша память не умретъ въ томъ свѣтѣ
„Гдѣ духъ нашъ обитаетъ въ первый разъ,
„Но много, много пусть живетъ столѣтій!

97. Больные сперва лежатъ тихо, связанные своей болѣзнью; лишь при извѣстіи, что Данте живой, они приходятъ въ движеніе.

104. Т.-е. на землѣ; во второе загробное существованіе духъ человѣка можетъ обитать или въ аду, или въ одной изъ небесныхъ сферъ.

106. „Кто вы? Скажи, гдѣ родина у васъ,
„Когда тотъ срамъ, что вами здѣсь извѣданъ,
И пытки боль дозволитъ вамъ разсказъ“.—

109. Одинъ сказалъ: „Я изъ Ареццо; преданъ
„Огню Альберомъ Сьенскимъ, но за грѣхъ
„Иной мнѣ кругъ сей въ адѣ заповѣданъ.

112. „Однажды я сказалъ ему на смѣхъ,
„Что я летать умѣю; привязался
„Ко мнѣ глупецъ, чтобъ предъ очами всѣхъ

115. „Явить искусство; я жъ не оказался
„Дедаломъ; онъ меня огню предать
„Подвигъ того, чьимъ сыномъ онъ считался.

118. „Здѣсь за любовь въ алхиміи пріять
„Миносъ судилъ мнѣ кару въ кругѣ этомъ;
„Ему жъ въ судѣ не можно погрѣшать.“—

121. —„Гдѣ есть народъ, столь преданный суетамъ
„Какъ Сьены жители, не исключивъ
„Французовъ?“ я обмолвился съ Поэтомъ.

124. И новый духъ, то слово изловивъ,
Сказалъ мнѣ: „Или позабылъ ты Стрикку,
„Который былъ такъ строго бережливъ?

127. „А Николо, что изобрѣлъ гвоздику
„И въ садъ ее обильно насадилъ,
„Гдѣ урожай дала она великій?

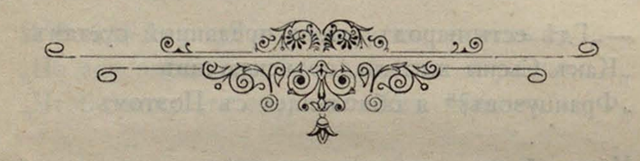
109. Гриффолино д'Ареццо, алхимикъ, увѣрилъ Альбера Сьенскаго, побочнаго сына тамошняго епископа, что онъ умѣетъ летать; Альберо принуждалъ его показать свое искусство, и когда Гриффолино все-таки не полетѣлъ,—уговорилъ своего отца сжечь его какъ волшебника. Упоминаемыя здѣсь лица стали безсмертными благодаря Дантовскимъ стихамъ. Стрикка,—сьенскій адвокатъ; Никколо деи Салимбени ввелъ обычай фаршировать фазановъ гвоздикой, или, какъ говоритъ Бенвенуто, жарить ихъ на огнѣ сожигаемой гвоздики; эти двое были повидимому членами Brigata Spendereccia, сьенскаго клуба, основаннаго 12-ю молодыми людьми, внесшими въ складчину сумму въ 216,000 флориновъ, которую они ухитрились прожить въ 10 мѣсяцевъ.

„Забылъ тотъ клубъ, въ которомъ прокутилъ
„Качьо Ашьянскій все свое имѣніе,
„А Абальято разумъ свой явилъ?

„И коль ты хочешь знать, кто восхваленье
„Твое въ честь Сьенцевъ жарко поддержалъ,
„Такъ напряги острѣй во мракѣ зрѣнье.

„Капокьо я; я сплавы составлялъ,
„Къ алхиміи усердьемъ неустанный.
„Коль обликъ твой не лжетъ, меня ты зналъ:

„Я былъ природѣ ловкой обезьяной.

136. Капоккіо, котораго повидимому Дантъ зналъ при жизни, былъ алхимикъ, сожженный въ Сьенѣ, поэтому онъ съ такой готовностью злословитъ этотъ городъ.

Пѣснь тридцатая.

Продолженіе 10-рва. Маэстро Адамо и Синонъ.

1. Когда Юнона, въ ревности къ Семелѣ,
Враждой ко всѣмъ, кто въ Ѳивахъ былъ рожденъ,
Зажглась, являя ту вражду на дѣлѣ,—

4. То Атамантъ, безумьемъ помраченъ,
Свою жену увидя, по ребенку
Ведущую съ собою съ двухъ сторонъ,—

7. Вскричалъ: „Хватайте эту львицу! Львёнку
„Разставьте сѣть, не дайте убѣжать!“—
И побѣжалъ за ней во слѣдъ въ догонку

10. И, сына старшаго успѣвъ поймать,—
Леарха,—разможжилъ его о скалы,
Съ другимъ въ испугѣ утопилась мать;

13. Или когда Фортуна пожелала,
Чтобы троянъ низвергнула борьба,
И царь погибъ, и царство прахомъ стало,—

16. Лишенная отчизны и раба,

---

1. Семела, дочь Кадма, родила отъ Зевса Вакха; Юнона изъ ревности преслѣдовала весь родъ Кадма, въ особенности сестру Семелы Ино, воспитательницу молодого Вакха. Она навела безуміе на супруга Ино Атаманта, и онъ, принявъ свою жену за львицу, схватилъ сидѣвшаго у нее на рукахъ старшаго сына Леарха и разбилъ его о камни; за женой съ младшимъ сыномъ онъ гнался до тѣхъ поръ, пока она въ испугѣ не бросилась въ море.

16. Гекуба, вдова Пріама. Ея дочь Поликсена была принесена въ жертву тѣни Ахилла; трупъ своего сына Полидора она нашла на Ѳракійскомъ берегу.

Которую сразилъ и гнетъ позора
И Поликсены горькая судьба,—

19. Гекуба передъ трупомъ Полидора
Залаяла собакой, такъ какъ боль
Ея разсудка помрачила взоры;

22. Но ни Троянъ, ни Ѳивъ безумье столь
Ужасно не казалось, ни столь яро,
Чѣмъ видѣла десятая юдоль!

25. За другомъ другъ духовъ гналася пара,—
Изъ хлѣва свиньи мчатся не быстрѣй,—
Зубами всюду нанося удары,

28. Одна изъ нихъ, къ Капоккіо въ зашей
Вонзившись, повлекла его съ размаху,
Имъ стукая по почвѣ изъ камней.

31. А аретинецъ, весь дрожа отъ страху,—
—„То Джанни Скикки" молвилъ—„духъ—тиранъ!
„И по другимъ не дастъ онъ тоже маху!"—

34. —„Коль не нанесъ тебѣ",—я молвилъ,—„ранъ
„Другой его товарищъ острозубный,—
„Скажи, кто это и изъ коихъ странъ".—

---

24. Двое поддѣлывавшихъ личности, т.-е. тѣ, кто употреблялъ обманъ для того, чтобы одно лицо было принято за другое; они бѣшено бѣгаютъ, нанося удары другимъ. Трудно найти соотношеніе между наказаніемъ и преступленіемъ. Ихъ кара похожа на кару расточителей своего имущества въ пѣсни XIII, 112.; нѣчто подобное находимъ въ пѣсни VII—112.

32. Джанни Скикки, извѣстный своимъ талантомъ подражать лицу и голосу другихъ. Буозо Донати (между ворами XXV, 140) передъ смертью, чтобы заслужить себѣ прощеніе за свои многочисленныя мошенничества, оставилъ большую часть своего имущества на богоугодныя заведенія. Когда онъ умеръ, тѣло спрятали, а Скикки легъ въ постель и такъ хорошо подражалъ голосу покойнаго, что ни нотаріусъ, ни свидѣтели не замѣтили обмана. Онъ продиктовалъ новое фальшивое завѣщаніе въ пользу Симона Донати, за что и получилъ отъ послѣдняго кобылицу, стоившую 10.000 флориновъ,—«царицу табуну».

37. А онъ: „То древней Мирры духъ преступный,
„Что, позабывъ законъ и стыдъ, съ отцомъ
„Роднымъ дѣлила ложе совокупно.

40. „Переодѣтая другимъ лицомъ,
„Она впивала страсть его объятій;
„А тотъ, кто вслѣдъ за ней бѣжитъ, о томъ

43. „Скажу еще, что онъ, лежа́ въ кровати,
„И взявъ за ложь царицу табуну̀,
„Поддѣлалъ завѣщанье за Донати“.—

46. Но, какъ они умчались въ глубину,—
Призвавшую мой взглядъ чету покину
И о другихъ разсказывать начну.

49. Увидѣлъ я живую мандолину,—
Какъ будто потерялъ духъ бѣдный тотъ
Всю ниже чреселъ тѣла половину.

52. Водянка такъ, испортивъ соковъ ходъ,
На счетъ другихъ одни раздуетъ части;
Лицо обрюзгло, пучится животъ,

55. Отдулись губы у открытой пасти,

---

37. Мирра, дочь Кипрскаго царя Ценира, пользуясь темнотою ночи, долгое время являлась на ложе своего отца вмѣсто его любовницы. Разъ узнавъ ее случайно, отецъ проклялъ ее, тогда она бѣжала въ Аравію, гдѣ долго оплакивала свое преступленіе, пока не была превращена богами въ мирру (бальзамическое дерево).

49. Мандолина имѣетъ круглый, очень выступающій корпусъ и тонкую шейку. Ей подобенъ видъ грѣшника, страдающаго водянкой. Грѣшникъ, о которомъ идетъ рѣчь,—маэстро Адамо изъ Бреціи. По просьбѣ графа Роменскаго, который хотѣлъ поправить свои финансы этой операціей, онъ поддѣлывалъ золотыя флорентинскія монеты съ изображеніемъ Іоанна Крестителя («Крестителевъ металлъ»); за это онъ былъ потомъ сожженъ на кострѣ.— Водянка съ ея жаждой является символомъ того государственнаго оскудѣнія, когда приходится прибѣгать къ подобнымъ финансовымъ оппераціямъ; его призрачная полнота вовсе не результатъ здоровья, а очень болѣзненное явленіе.

Какъ отдувается, кто огневой
Томится жаждою внутри до страсти.

58. —„Вы, кто одни межъ этой всей толпой
„Не мучитеся жаждой въ этомъ краѣ
„Нивѣсть за что,—взгляните, что со мной!

61. „Маэстро я Адамо, я страдаю,
„И капли нѣтъ здѣсь влаги для меня!
„Чего бъ я нѐ далъ за нее—не знаю!

64. „Но ручейковъ гремучая струя,
„Бѣгущихъ къ Арно съ холма Казентины
„Такъ весело, блистая и звеня,

67. „На мигъ не покидаютъ на единый
„Моихъ очей и больше чѣмъ недугъ
„Меня терзаетъ призракъ той картины.

70. „Такъ правосудье сдѣлало, что лугъ,
„Который видѣлъ преступленья сцены,
„Способствуетъ къ усиленію мукъ!

73. „Да, тамъ лежатъ окрестности Ромены,
„Гдѣ портилъ я Крестителевъ металлъ,
„Алхиміей сбавляя злату цѣну.

76. „Но если бъ тутъ я Гвидо увидалъ
„И всѣхъ тѣхъ, кто меня склонилъ къ пороку,
„Источникъ Бранды я бъ взамѣнъ отдàлъ!

79. „Коль правда моему доступна оку,
„То здѣсь напалъ я кой-кому на слѣдъ,
„Но мой недугъ меня томитъ жестоко;

82. „Чтобъ убѣдиться въ томъ, мнѣ ходу нѣтъ;

---

65. Казентина—долина верхняго Арно.
76. Гвидо и его братъ—графы Ромены, побудившіе Адамо на преступленіе.
78. Знаменитый сьенскій фонтанъ.

„А будь во мнѣ лишь легкость, чтобъ на іоту
„Подвинуться хотя бъ въ сто цѣлыхъ лѣтъ,—

85. „Я не колѐблясь началъ бы работу!
„Одиннадцать, не больше, миль кругомъ
„Сей кругъ, а въ ширину полмили все то!

88. „Лишь изъ-за нихъ я въ обществѣ такомъ;
„Они мнѣ дали мысль красть три карата
„На каждый золотой цехинъ тайкомъ.

91. А я: „Скажи, чѣмъ пара виновата,
„Что, тѣломъ будто въ холодѣ дымясь,
„Съ тобою рядомъ плотно такъ прижата?“.—

94. —„Они давно лежатъ не шевелясь“,
Отвѣтилъ духъ мнѣ,—„отъ поры той старой,
„Когда сюда попалъ я въ первый разъ.

97. „Одна изъ нихъ—супруга Потифара;
„Другой—Синонъ, по Троѣ всѣмъ знако̀мъ.
„Они гніютъ, вонючіе отъ жара“.—

100. Тогда послѣдній, въ отзывѣ такомъ
Обиду усмотрѣвши, рѣчи бранной
Въ животъ Адаму отвѣчалъ пинкомъ.

103. Животъ гудѣлъ подобно барабану;
Адамъ въ отвѣтъ на это сжалъ кулакъ,
Въ лицо ему хвативъ не менѣ рьяно.

---

86. Срав. примѣчаніе XXIX, 8.

92. Отъ людей, страдающихъ гнилой горячкой, исходитъ паръ противнаго запаха, подобно тому какъ дымится мокрая рука на морозѣ.

97. Жена Потифара, обвинившая понапрасну Іосифа, какъ и всѣ женщины въ Дантовскомъ Адѣ, кромѣ Франчески ди Римини, не говоритъ ни слова.

100. Споръ этихъ двухъ грѣшниковъ—споръ двухъ низменныхъ и презрѣнныхъ натуръ; кто считаетъ себя выше ихъ, тотъ не долженъ обращать вниманія на что-нибудь подобное, какъ это Виргилій замѣчаетъ Данту въ послѣднемъ стихѣ этой пѣсни.

106. —„Хоть не могу ступить я ни на шагъ“,—
Сказалъ онъ:—„руки двигать все жъ умѣю,
„Чтобъ бить тебя, коль поступаешь такъ.“—

109. —„Ты на кострѣ не двигалъ ихъ быстрѣе;
„И если былъ ты быстръ“,—Синонъ въ отвѣтъ,—
„Такъ только лишь съ печаткою своею.“—

112. Ему толстякъ: „Тебѣ подумать слѣдъ,
„Пятнался ль я измѣною столь гадкой
„Подъ Троею, что ей примѣра нѣтъ?“—

115. —„Я словомъ лгалъ, а ты, ты лгалъ печаткой;
„Одинъ лишь разъ солгать пришлося мнѣ,
„Твоя же ложь была не такъ то кра̀тка!“—

118. Пузанъ къ нему: „Подумай о конѣ!
„Вѣдь твой обманъ на свѣтъ знаетъ каждый;
„Какъ лжецъ извѣстенъ ты въ любой странѣ“.

121. А грекъ ему: „Ты будь наказанъ жаждой!
„Пусть твой животъ, воды гнилой сосудъ,
„До глазъ подымется; пыхти и страждай!“

124. На тотъ привѣтъ пузатый молвилъ тутъ:
—„О, лопни твой языкъ въ избыткѣ яда!
„Пусть я замученъ жаждой и раздутъ,—

127. „Твой жаръ вѣдь тожъ не велика отрада,
„И чтобъ Нарцисса зеркало лизнуть,
„Такъ лишній разъ тебя просить не надо!“

130. Душой я погрузился въ спора суть,
Когда мнѣ Вождь сказалъ: „Смотри, пожалуй,
„Мы тоже вступимъ въ споръ, еще чуть-чуть!“

133. Боязнь Вождя прогнѣвать тутъ объяла

---

128. Нарцисъ, увидя свое отраженіе въ ручьѣ, влюбился въ самого себя и умеръ отъ этой любви; подъ *зеркаломъ Нарциса* разумѣется ручей.

Меня такимъ стыдомъ, что я смущенъ,
Едва о томъ воспоминанье встало.

136. Какъ тотъ, кто спитъ и видитъ страшный сонъ
И то, что онъ во снѣ, не понимая,
Чтобъ все лишь было сномъ желаетъ онъ,—

139. Подобно, извиниться въ томъ желая,
Не могъ я слова молвить отъ стыда
И извинялся, самъ того не зная.

142. —„Вина̀, гораздо большая, чѣмъ та,
„Гораздо меньшимъ бы стыдомъ омылась“,
Учителя промолвили уста.

145. „Но помни все жъ: когда бъ тебѣ случилось
„Свидѣтелемъ подобныхъ вздоровъ стать,—
„Бѣги ихъ или жди мою немилость.

148. „Желать ихъ—значитъ, низкаго желать“.

139. Данте приходитъ въ отчаяніе, что онъ удѣлилъ слишкомъ много вниманія спорящимъ, и не знаетъ, какъ извиниться; но стыдъ, который онъ выказываетъ, служитъ Виргилію лучшимъ извиненіемъ.

Пѣснь тридцать первая.

Гиганты. Антей.

1. Уста, меня язвившія, какъ мечъ,—
Что обѣ щеки краской мнѣ покрыло,—
Вели теперь цѣлительную рѣчь.

4. Такъ есть сказанье о мечѣ Ахилла,
Что уязвлялъ одною стороной,
Межъ тѣмъ другая раны тѣ цѣлила.

7. Мы, обернувшись къ мѣсту мукъ спиной,
Чрезъ валъ, что перерѣзалъ долъ плачевный,
Шли дальше въ глубь безмолвною стопой.

10. Ни тьма ночная тамъ, ни свѣтъ полдневный
Взоръ проникалъ недалекò. Но вдругъ
Рогъ загудѣлъ. Ударъ перуна гнѣвный

13 Не могъ бы поразить сильнѣй мой слухъ,
И въ страхѣ обернулся я мгновенно
Къ источнику, рождавшему тотъ звукъ.

---

1. Въ концѣ предшествующей пѣсни, въ ст. 131 Виргилій сдѣлалъ выговоръ Данту, а въ ст. 142 опять его утѣшилъ. Такимъ образомъ, слова Виргилія были подобны мечу Ахилла, который ранилъ Телефа, а послѣ своимъ прикосновеніемъ исцѣлилъ эту рану.

7. Десять отдѣленій восьмого круга съ разнаго рода обманщиками теперь пройдены. Поэты идутъ поперекъ плотины къ девятому кругу, гдѣ наказываются измѣнники. Это и есть тотъ самый колодезь, о которомъ идетъ рѣчь въ XVIII, 4.

16. Тамъ не звучалъ, извѣстье про измѣну
Неся до слуха Карла, мощный рогъ
Роланда, избѣжать стремясь отъ плѣну.

19. Вперяя глазъ во тьму, я только могъ
Увидѣть башни въ обликѣ туманномъ.
—„Тамъ крѣпость, да?“—спросилъ я полнъ тревогъ.

22. А Вождь на то: „Желаньемъ постояннымъ,—
„Вникать всегда чрезъ мѣру въ этотъ мракъ,—
„Ты приведенъ къ такимъ пустымъ обманамъ!

25. „То, что ты тамъ увидишь,—лишній знакъ,
„Какъ отдаленье лжетъ вамъ незамѣтно.
„Быстрѣй иди къ нему теперь, коль такъ!“

28. И за руку онъ взялъ меня привѣтно
И молвилъ: „Съ тайны я сниму покровъ,
„Чтобъ не терзался ты боязнью тщетной!

31. „Что ты принять за крѣпость былъ готовъ,
„Погрязшіе по поясъ въ безднѣ рядомъ
„Титаны высятся у береговъ.“—

34. И какъ, когда туманъ рѣдѣетъ, взглядомъ
Мало-по-малу видишь то, что мглой
Скрывалось подъ сгущавшимъ воздухъ чадомъ,—

37. Пока сквозь воздухъ тяжкій и густой

---

16. Карлъ Великій, очиствивъ Испанію отъ Мавровъ, по проискамъ измѣнника Ганелона, оставилъ своего племянника Роланда осаждать послѣдній ихъ оплотъ Сарагоссу, а самъ вернулся во Францію. Мавры напали на малочисленное войско Роланда и истребили его. Роландъ, желая избѣжать отъ плѣна, затрубилъ въ свой рогъ, и звукъ этого рога былъ услышанъ Карломъ Великимъ въ Пиринеяхъ («Пѣснь о Роландѣ»).

22—26. Предупрежденіе самого Данта аллегорическимъ толкователямъ его поэмы—не вдаваться въ черезчуръ глубокомысленные поиски скрытаго въ его стихахъ таинственнаго смысла, а ограничиваться тѣмъ, что даетъ сама собою здравая символика.

Мы ближе подвигалися на склонѣ,—
Бѣжалъ обманъ и страхъ владѣлъ душой;

40. Ибо подобныхъ башенной коронѣ,
Которая на легкихъ высяхъ горъ
Объемлетъ вкругъ кольцомъ Монтереджьоне,—

43. По поясъ погруженныхъ тамъ мой взоръ
Гигантовъ встрѣтилъ, коимъ Зевсъ высокій,
Когда гремитъ, шлетъ громы до сихъ поръ.

46. Ликъ одного уже сталъ ясенъ оку,
Грудь и плечо и часть живота,
И руки, внизъ опущенныя сбоку.

49. По истинѣ, намъ счастіе, когда
Подобныхъ чудищъ не родитъ природа,
И изъ войны изъята раса та.

52. Но не зачѣмъ стыдиться ей породы,
Китовъ съ слонами; смертнымъ тѣмъ яснѣй
Ея предначертанія и хо́ды.

55. Затѣмъ что, если сли́ты съ силой сей
Еще разсудокъ съ злобной волей въ звѣрѣ,
То нѣтъ совсѣмъ спасенья для людей!

---

40. Монтереджіоне—замокъ въ окрестностяхъ Сьены. Многозначительная картина, представленная здѣсь, поражаетъ своею ясностью. Издалека кажется въ темнотѣ, что передъ поэтомъ высится крѣпость; вблизи это оказывается толпою гигантовъ, погруженныхъ по поясъ въ глубину колодца, а верхнею своей половиною высящихся въ воздухѣ. Гиганты, дѣти Земли, возмущались противъ Зевса. Къ нимъ присоединенъ Нимродъ, библейскій «великій ловецъ предъ Господомъ», который виновенъ въ такомъ же точно возмущеніи противъ Бога постройкою вавилонской башни. Мѣсто казни для измѣны тягчайшаго изъ всѣхъ преступленій, слѣдовательно, болѣе всѣхъ нарушающаго волю Божества, окружено явными возмутителями противъ Бога. А такъ какъ поэтъ, — какъ это уже замѣчено и будетъ еще болѣе очевидно въ «Чистилищѣ»,—пользуется равно какъ библейскими, такъ и миѳолическими образами для своихъ цѣлей, то не слѣдуетъ удивляться, находя здѣсь возмутившихся противъ Юпитера гигантовъ вмѣсто отпавшихъ отъ Бога ангеловъ, которые для цѣлей поэта явились бы менѣе опредѣленными образами и возбуждали бы менѣе воспоминаній относительно отдѣльныхъ подробностей возмущенія.

58. Я ликъ его огромностью примѣрю
Къ сосновой шишкѣ надъ Петромъ святымъ,
И члены сообразно той же мѣрѣ.

61. Отъ берега, что всѣмъ по поясъ имъ,
Когда бъ большимъ тремъ фризамъ стать въ растяжку,
То и тогда едва ль бы достижимъ

64. Могъ быть верхъ головы Титана тяжкой,
И пальмъ легло десятковъ бы до трехъ,
По мѣсто, гдѣ застегиваютъ пряжку.

67. „Rafel zabi mai almi amech!“ —
Онъ закричалъ, вытягивая губы,
Для нѣжныхъ неспособныя утѣхъ.

70. И Вождь къ нему: „Гдѣ рогъ твой, демонъ грубый?
„Излей свой гнѣвъ или другой недугъ
„Души болящей въ кованыя трубы!

73. „Онъ на ремнѣ, какимъ ты связанъ вкругъ.
„Ищи его и убѣдись въ плѣненьѣ
„Своемъ еще разъ, ослѣпленный духъ!“ —

76. И мнѣ: „Свое сказалъ онъ обвиненье.

---

59. Эта античная бронзовая шишка (pina), вышиною 11 футовъ, украшала прежде Пантеонъ или Мавзолей Адріана; папа Симмахъ перенесъ ее на старую базилику св. Петра, стоявшую на мѣстѣ нынѣшняго храма св. Петра. Данте видалъ ее въ 1301 году, когда онъ былъ флорентинскимъ посланникомъ въ Римѣ. Теперь это произведеніе древняго искусства украшаетъ внутренній дворъ Ватикана, примыкающій къ Бельведеру и называющійся по ней Giardino della Pina.

63. Повидимому, фризы въ то время славились своимъ ростомъ. Такимъ образомъ вышина гигантовъ отъ пояса до волосъ равна тройной длинѣ роста высокаго фриза (римская пальма—приблизительно половина парижскаго фута; значитъ длина всего тѣла 90 пальмъ или 55 футовъ).

67. Слова, долго считавшіяся безсмыслицей; это мнѣніе находило себѣ оправданіе въ дальнѣйшемъ замѣчаніи Виргилія (ст. 81), но Dr. Аммонъ разобралъ, что эти слова арабскія; вотъ ихъ латинскій переводъ:

Quam stulte incedit flumina Orci puer mundi mei.

„Передъ тобой Нимродъ, безумьемъ чьимъ
„Произошло нарѣчій раздѣленье.

79. „Оставь его! Что говорить намъ съ нимъ?
„Никто бъ не могъ промолвить съ нимъ ни слова,
„Но и его языкъ необъяснимъ“.—

82. И вотъ мы влѣво повернули снова;
На разстояньи, какъ стрѣляетъ лукъ,
Увидѣли гиганта мы другого.

85. Не знаю я чьихъ было дѣло рукъ
Сковать его,—но сзади лѣвой дланью,
А правой скованъ спереди и вкругъ

88. По шеѣ связанъ, надъ пучины гранью
Прикованъ былъ онъ цѣпью пятерной,
Обвитой вокругъ стана, въ наказанье.

91. Вождь молвилъ: „Съ громовержцемъ въ дикій бой
„Вело его отважное стремленье,
„За то и мучимъ карой онъ такой.

94. „Онъ былъ великъ, онъ смѣлъ былъ въ нападеньи;
„Богамъ безсмертнымъ страхъ его рука
„Была когда-то; нынѣ жъ безъ движенья!“—

97. А я къ нему: „Мой Вождь издалека,
„Мнѣ кажется, я вижу Бріарея
„Надъ бездною, гдѣ мгла такъ глубока“—

---

94. Эфіальтъ съ своимъ братомъ Отосомъ нагромождалъ на Олимпъ Оссу, а на Оссу Пеліонъ, чтобы достичь до неба, и достигъ бы своей цѣли, когда бы пришелъ въ возрастъ мужества; но едва первый пухъ появился на его подбородкѣ, какъ онъ уже былъ сраженъ Аполлономъ. Теперь у него связаны руки; но тѣмъ не менѣе происходитъ землетрясеніе, едва онъ шевельнется

98. Бріарей, сторукій великанъ, сынъ Урана и Земли. О немъ въ Энеидѣ, VI, 287.

100. А Вождь въ отвѣтъ: „Нѣтъ, не его,—Антея.
„Свободы двигаться и дара словъ
„Онъ не лишенъ одинъ межъ братьей всею.

103. „Онъ насъ снесетъ въ нижайшій изъ круговъ;
„А Бріарей оковами украшенъ,
„Какъ всѣ,—на видъ лишь болѣе суровъ".

106. Тутъ вздрогнулъ Эфіальтъ. Рушитель башенъ,
Ударъ землетрясенія глухой,
Клянусь, мнѣ не покажется такъ страшенъ!

109. Уже я думалъ,—смерть передо мной;
Не будь такъ крѣпко на цѣпь онъ посаженъ,—
Такъ я отъ мысли умеръ бы одной.

112. Между обломковъ скалъ, межъ горныхъ скважинъ
Антея увидали мы сквозь мглу,
Что высился, примѣрно, на пять саженъ.

115. —„О ты, стяжавшій вѣчную хвалу
„Для Сципіона, войско Ганнибала
„Бѣжавшее преслѣдуя въ тылу,

118. „Гдѣ сотни львовъ твоей добычей стало!
„Будь съ братьей ты въ великой той войнѣ,—
„Сынамъ Земли побѣду счастье бъ дало!

121. „Услышь мою мольбу, склонись ко мнѣ
„И, коль о томъ тебя просить я смѣю,
„Поставь насъ на Коцитовой волнѣ,

124. „Чтобъ мнѣ нейти къ Тифону иль Титею!

---

100. Антей, сынъ Земли, вливавшей въ него новую силу, едва онъ ея касался. Геркулесъ не могъ его побѣдить, повергая его на землю, потому что у Антея каждый разъ какъ онъ касался земли, прибывало силы; поэтому Геркулесъ задушилъ его, поднявши его на воздухъ. Онъ изъ всѣхъ гигантовъ одинъ не связанъ, потому что не принималъ участія въ ихъ борьбѣ съ громовержцемъ. Онъ принадлежитъ къ позднѣйшему поколѣнію гигантовъ. Луканъ въ своей Фарсалидѣ, IV, помѣщаетъ его пещеру близъ Замы, гдѣ Сципіонъ разбилъ Ганнибала. Этимъ объясняются обращенныя къ нему слова Виргилія въ ст. 118.

124. Титей, великанъ съ ста головами, отецъ Геріона и Цербера. Объ Титеѣ въ *Энеидѣ*, VI, и въ *Одиссеѣ*. XI.

„Чего ты жаждешь, этотъ можетъ дать.
„Не прячь свой ликъ, но наклонись скорѣе.

127. „Про васъ онъ въ мірѣ можетъ разсказать,
„Онъ живъ и будетъ жить, когда до срока
„Судьба его не вздумаетъ призвать“.

130. Титанъ поднялся отъ земли, широкой
Учителя поднявъ къ себѣ рукой,
Чей Геркулесъ узналъ ударъ жестокій;

133. И, въ ней себя почуявъ, Водчій мой
Сказалъ: „Спѣши и ты ко мнѣ на лоно“!
И какъ бы связкой стали мы одной.

136. Какъ Каризенты, въ тучахъ облеченной,
Вершина впродолженіе дождя
Отъ ихъ движенья кажется наклонной,—

139. Антей, съ подобной ношею идя,
Напоминалъ ее и,—лгать не буду,—
Инымъ путемъ охотнѣй сшелъ бы я!

142. Онъ въ пропасть Люцифера и Іуды
Легко насъ перенесъ черезъ обвалъ
И, не промедля мига въ ней, оттуда

145. Какъ мачта корабля надъ нами всталъ.

---

133. Виргилій, чувствуя себя въ рукахъ Антея, зоветъ Данта и обнимаетъ его такъ крѣпко, что Антей несетъ ихъ обоихъ какъ бы одну «связку».

136. Каризенда есть одна изъ двухъ наклонныхъ башенъ въ Болоньѣ, замѣчательная своимъ отклоненіемъ отъ вертикальной линіи. Когда на нее смотрѣть снизу въ то время, какъ надъ нею идутъ тучи, то происходитъ странный обманъ зрѣнія, который Данте имѣлъ возможность наблюдать, живя изгнанникомъ въ Болоньѣ: тучи кажутся неподвижными, а башня кажется качающейся, какъ бы падающей. Также точно нагибается Антей, поднимая поэтовъ.

145. Данте употребляетъ только женскія риѳмы, потому что въ итальянскомъ языкѣ мужскихъ риѳмъ мало. Въ числѣ рѣдкихъ исключеній состоитъ это мѣсто: послѣдній стихъ оканчивается

E come albero in nave si levò.

Мужская риѳма, какъ бы обрывающая стихъ, образно обозначаетъ, по словамъ комментаторовъ, мгновенное поднятіе согнувшагося великана. Къ сожалѣнію эту подробность не пришлось сохранить въ переводѣ.

Пѣснь тридцать вторая.

IX кругъ: 1) Каина. Предатели родственниковъ. 2) Антерона. Предатели отечества.

---

1. Будь у меня грубѣй и жестче стихъ,
Страшнѣй слова для той дыры мученья,
Что вѣчно тонетъ въ гнетѣ безднъ другихъ,—

4. Какъ сокъ свои я бъ выжалъ впечатлѣнья;
Но словъ тѣхъ нѣтъ, и дальше продолжать
Дерзну я не безъ страха и сомнѣнья.

7. Не шутка—центръ вселенной описать
При помощи нарѣчія такого,
Какимъ дитя лишь можетъ маму звать.

10. Затѣмъ зову я женъ высокихъ снова,
Чьей силой Өивы Амфіонъ вознесъ,—
Чтобъ съ сутью ужасомъ сравнялось слово.

---

3. На стѣны этого круга давитъ вся масса скалъ, обрамляющихъ всѣ прочіе круги ада. Внутренній смыслъ этого образа—что въ составъ измѣны входятъ всѣ возможныя преступленія и измѣнникъ, отягченный ими, все болѣе и болѣе погрязаетъ въ безднѣ нечестія.

8. По Птоломеевой системѣ міра земля находится въ центрѣ планетной системы: поэтому ея центръ есть въ то же время и центръ всего міра.

10. Амфіонъ построилъ стѣны Өивъ и семь воротъ этого города. Музы при этомъ своею игрою заставляли камни двигаться и помогали ему въ постройкѣ. Смыслъ этого миөа тотъ, что Амфіонъ построилъ Өивы благодаря своему увлекательному краснорѣчію.

12. Данте не напрасно снова призываетъ на помощь музъ: 32 и 33 пѣсни принадлежатъ къ перламъ всей поэмы.

О родъ преступнѣйшій, въ юдоли слезъ,
О коей молвить страшно! Лучше бъ стадомъ
Овецъ ты безсловесныхъ былъ иль козъ!

Мы стали въ безднѣ низшей, съ бездной рядомъ,
Гдѣ мучились гиганты и Антей,—
И стѣны скалъ окидывалъ я взглядомъ.

—„О, тише!“ вдругъ изъ подъ ноги моей
Раздался голосъ: „пощади, пожалуй,
„И братской головы ногой не бей!“

Я взоры опустилъ,—внизу предстало
Мнѣ озеро въ корѣ прозрачной льда,
Стеклу подобной, но водѣ нимало.

Ни Танаиса хладная вода,

---

16. Въ 9-й кругъ, гдѣ наказываются измѣнники. См. IX пѣсн.
То—изъ круговъ нижайшій и оттуда
До неба дальше всѣхъ...

Измѣна наказывается въ кругѣ, самомъ отдаленномъ отъ неба, отъ Бога, отъ источника тепла, свѣта и жизни. Поэтому тамъ вѣчный ледъ, замерзаютъ даже слезы, — значитъ, даже самое раскаяніе только ожесточаетъ. Этотъ ледъ образуется изъ волнъ Коцита, четвертой адской рѣки, рождающейся изъ остывшихъ волнъ кипящаго Флегетона. Вѣтеръ, происходящій отъ взмаха крыльевъ сатаны, замораживаетъ эту рѣку. (См. XXXIV, 52). Этотъ кругъ раздѣляется на четыре разныхъ области, которымъ поэтъ, вопреки своему обыкновенію, не указываетъ точныхъ границъ, а называетъ ихъ лишь бѣгло. Внѣшняя часть круга называется *Каиною,* по имени братоубійцы Каина; здѣсь наказываются предатели родственниковъ. За ней идетъ *Антенора,* гдѣ находятся предатели отечества; ея названіе происходитъ отъ имени троянца Антенора, который помогалъ грекамъ похитить палладіумъ. Лица казнящихся въ обѣихъ этихъ областяхъ наклонены внизъ. Напротивъ, въ третьей лица подняты вверхъ, что, вѣроятно, обозначаетъ болѣе жестокую кару. Она называется *Птоломея,* по имени царя египетскаго Птоломея, который измѣнилъ правиламъ гостепріимства и довѣрію Помпея Великаго, искавшаго у него защиты. Здѣсь казнятся тѣ, которые измѣнили людямъ, особенно къ нимъ довѣрявшимъ. Въ четвертой области *Джудеккѣ,* названной по имени Іуды Предателя, наказываются предатели своихъ благодѣтелей; они затерты во льду, какъ пузырьки въ стеклѣ. Но ужаснѣйшіе грѣшники этого рода несутъ особое наказаніе: трехъ изъ нихъ,—Іуду, Брута и Кассія,—Люциферъ, глава возмутившихся ангеловъ, дробитъ своими тремя пастями.

Ни льды Дуная въ краѣ Скиѳовъ дикомъ
Съ нимъ не могли бъ сравниться никогда;

28. И если бъ Пьетрапана съ Тамберникомъ
Упали на тончайшій слой, то льды
Не треснули бъ въ томъ озерѣ великомъ.

31. Какъ жатвенной порой,—чуть на труды
Приходится сбираться поселянамъ,—
Лягушки морду кажутъ изъ воды,—

34. Тамъ души въ блескѣ пра̀зеленномъ льдя̀номъ
Погружены, поколь насъ красить стыдъ,
И скрежетомъ томятся неустаннымъ.

37. Губъ синева, очей склоненный видъ
Показывали вьявь морозъ наружный,
А слезы—боль, что ихъ внутри томитъ.

40. И обозрѣвъ казнимыхъ сонмъ недужный,
Узрѣлъ я двухъ, что, головы склоня
Другъ къ другу,—ку̀дрями сплелися дружно.

43. —„Скажите, кто вы?“ имъ промолвилъ я,—
„Такъ сильно сжавшіе одинъ другого?“—
Подня̀вшись, тѣ взглянули на меня,

46. И брызнуть были слезы ихъ готовы,
Но холодъ превратилъ ихъ тотчасъ въ ледъ,
И пленкою покрылись очи снова.

49. Не сцѣпится, бодясь, рогатый скотъ,
Какъ ихъ сцѣпилъ раздоръ со злобнымъ духомъ;
Такъ два бревна не свяжетъ скобокъ гнетъ.

52. Тогда мнѣ третій духъ съ отмерзшимъ ухомъ
Сказалъ: „Что ты глядишь? Чѣмъ изумленъ?
„Что къ брани ихъ приникъ ты жаднымъ слухомъ?

---

28. Пьетрапана—гора около Лукки; Тамберникъ—гора въ Славоніи.

55. „Тѣмъ краемъ, что Бизенцой орошенъ
„И гдѣ Бизенцы воды въ Арно сли́ты,
„Владѣлъ отецъ тѣхъ двухъ, Альберъ Мангонъ.

58. „Ихъ родъ – межъ флорентинцевъ именитый;
„Не сыщешь ты въ Каинѣ больше ихъ
„Достойныхъ коченѣть въ волнахъ Коцита.

61. „Ни даже сынъ, въ одинъ пронзившій мигъ
„Своимъ копьемъ отцово тѣло съ тѣнью,—
„Фокачьо самъ и тотъ, кто такъ поникъ

64. „Здѣсь надо мной, меня лишивши зрѣнья,
„Чье имя Маскеронъ,—извѣстный всѣмъ
„Кто только лишь тосканецъ по рожденью.

67. „Еще скажу, хоть лучше бъ былъ я нѣмъ:
„Я Камичьонъ, Карлина жду въ Каинѣ,
„И самъ я только карликъ передъ тѣмъ!“

70. Какъ морды псовъ, унизанные въ иней,
Я видѣлъ лица мерзнувшихъ вдали;
Отъ нихъ морозъ деретъ меня понынѣ.

---

55. Между предателями родственниковъ мы прежде всего встрѣчаемъ двухъ братьевъ, Александра и Наполеона дельи Альберти, отецъ которыхъ владѣлъ долиною Фальтерона, гдѣ маленькая рѣчка Бизенціо впадаетъ въ Арно. Послѣ смерти отца, они заспорили о наслѣдствѣ и убили другъ друга.

61. Мордрекъ, сынъ баснословнаго британскаго короля Артура, возмутился противъ своего отца; онъ пронзилъ своего отца копьемъ такъ, что солнце просвѣчивало сквозь рану; такимъ образомъ и тѣнь его была какъ бы пронзена тоже.

63. Фокачіо принадлежалъ къ „Черной“ вѣтви пистойской фамиліи Канчельери; онъ убилъ своего родственника Детто, принадлежавшаго къ „Бѣлымъ“.

65. Сассоль Маскерони убилъ своего племянника изъ-за наслѣдства. Его приколотили гвоздями къ бочкѣ, катали ее по Флоренціи, потомъ отрубили ему голову. Всенародное наказаніе было причиною, что онъ извѣстенъ всѣмъ тосканцамъ.

68. Камичьонъ изъ рода Падзи убилъ своего родственника Убертино; онъ ждетъ своего другого родственника Карлино (карлика), измѣннически сдавшаго замокъ Пьяно де Вальдарно, гдѣ было захвачено много флорентинскихъ изгнанниковъ, преданныхъ послѣ этого смерти.

73. И дальше къ средоточію земли,
На чемъ почіетъ тяга вся земная,
Предъ сумракомъ пугаясь, мы пошли.

76. То провидѣнье ль, случай ли—не знаю,
Но мимоходомъ тѣнь одну ногой
По самому лица задѣлъ я краю.

79. —„За что?“ я вдругъ услышалъ плачъ и вой:
„За Монтапертъ меня караютъ строго
„И безъ того; за что жъ ударъ такой?“—

82. —„Мой Вождь“, я молвилъ: „подожди немного,
„Вгляжусь я въ эту тѣнь; за этотъ мигъ
„Я прочую бѣжать готовъ дорогу“.

85. Учитель мой послушалъ словъ моихъ,
И, къ духу съ нимъ приблизившись, я вскорѣ
—„Кто ты?“ спросилъ, „бранящихъ такъ другихъ?“

88. —„А ты? Иль новичекъ ты въ Антенорѣ?
„Другихъ такъ бьешь ты, какъ бы не терзалъ
„Живой, когда бъ онъ сшелъ въ обитель горя!“—

91. —„Возрадуйся, я живъ“, такъ я сказалъ,—
„Вѣсть о тебѣ я бъ снесъ въ странѣ предгробной,
„Когда бъ того ты только пожелалъ“.—

94. —„Противнаго хочу“,—духъ молвилъ злобный,—
„Молчи и прочь поди, когда ты живъ;
„Мнѣ не польстишь ты ласкою подобной“.

---

73. Въ слѣдующую область 9-го круга Антенору.

80. Говорящій духъ есть Бокка дельи Абати; въ началѣ битвы при Монтаперто онъ отрубилъ руку мессеру Джапоко де Пацци, знаменосцу флорентійскаго войска, къ которому и самъ принадлежалъ. Войско, видя паденіе знамени, обратилось въ бѣгство и было разбито. Данте, хотя самъ и гибеллинъ, но все таки жестоко караетъ за измѣну даже въ пользу той партіи, къ которой онъ самъ принадлежалъ.

96. Въ этой части ада грѣшники уже не желаютъ себѣ извѣстности на землѣ и не просятъ Данта возстановить и оправдать ихъ память; имъ только

97. А я, его за волоса схвативъ,
Вскричалъ ему: „Кто ты? Узнать хочу я!
„Отвѣть иль скоро будешь ты плѣшивъ!“

100. А онъ въ отвѣтъ: „Ни слова не скажу я,
„Хоть ты мои всѣ вырвешь волоса
„И хоть мнѣ дашь пощечину другую.—“

103. И взвылъ онъ воемъ, сходныхъ воемъ пса,
Лишь нѣсколько волосъ я вырвалъ прядей,
И ницъ поникъ. „О Бокка!“ раздался

106. На вой его отвѣтомъ голосъ сзади:
„Иль мало скрежеталъ ты? Что жъ ты тамъ
„Еще завылъ? Какого чорта ради?“—

109. —„А!“ я воскликнулъ, „коль тебѣ твой срамъ
„Молчать велитъ, тогда твое безчестье
„И твой позоръ снесу на свѣтъ я самъ!“—

112. —„Что жъ? говори!“ вскричалъ, пылая местью,
Мнѣ Бокка тутъ,—„но на землѣ ужо
„О говорившемъ тожъ снеси извѣстье.

115. „Скажи тамъ, какъ ему здѣсь хорошо,
„Да передай,—есть мѣсто и Дуэрѣ,
„Гдѣ грѣшникамъ прохладно и свѣжо.

118. „Измѣнникъ онъ, и отперъ Франкамъ двери
„За золото; и тутъ же заключенъ
„Съ предателемъ Флоренціи Бекери

121. „Джанни дель Сольданьеръ и Ганелонъ;

доставляетъ дьявольское наслажденіе выдавать другъ друга, а собственное имя они охотно скрываютъ.

116. Гибеллинъ *Буозо да Дуэра* измѣнническии дозволилъ перейти черезъ рѣку Ольо французскимъ войскамъ, шедшимъ на помощь гвельфамъ.

119. *Бекери ди Павія,* аббатъ Валломброзы, обезглавленный во Флоренціи въ 1258 г. за заговоръ противъ Гвельфовъ.

121—122. *Джанни дель Солданьеръ,* гибеллинъ, изъ честолюбивыхъ видовъ

„О Трибаделло тоже тамъ повѣдай,
„Врагамъ своихъ друзей предавшемъ сонъ“ —

124. Тутъ подошли по нашему мы слѣду
Къ четѣ духовъ, и первый головой
Скрывалъ какъ шапкой голову сосѣда.

127. Не ѣстъ голодный съ жадностью такой,
Какъ въ мѣсто, гдѣ съ затылкомъ слита шея,
Тамъ одному вонзалъ свой зубъ другой.

130. И не сравнится съ яростью Тидея
Вся злоба та, которую теперь
Являлъ намъ грѣшникъ, местью пламенѣя.

133. —„О ты!“ я молвилъ—„будто лютый звѣрь
„Ярящійся въ кровавомъ дѣлѣ этомъ,
„Мнѣ жалобу и месть свою повѣрь.

136. „Коль правильнымъ почтишь меня отвѣтомъ,—
„Кто ты, кому ты мстишь такъ горячо,—
„Я правду о тебѣ скажу предъ свѣтомъ,

139. „Пока языкъ мой не отсохъ еще!“

предавшій свою партію гвельфамъ. *Ганелонъ* предалъ Роланда и христіанъ маврамъ въ Ронсенвальской долинѣ, уговоривъ Карла Великаго не ходить на помощь Роланду. *Трибаделло* измѣннически отперъ французамъ ночью ворота Фаэнцы.

130. *Тидей,*— въ Стаціевой «Ѳиваидѣ»,—одинъ изъ царей, осаждавшихъ Ѳивы. Въ единоборствѣ его съ Меналиппомъ, они убили другъ друга, и умирающій Тидей въ ярости грызъ зубами голову своего врага.—Два грѣшника, изъ которыхъ одинъ грызетъ голову другого, помѣщены другъ надъ другомъ и, повидимому, въ разныхъ областяхъ 9-го круга, такъ что между ними проходитъ граница Антеноры и Птоломеи.

Пѣснь тридцать третья.

Продолженіе Антеноры. Уголино и Руджіери. 3) Птоломея. Предатели друзей. Братъ Альберигo и Бранка д'Оріа.

1. Поднялся грѣшникъ тутъ отъ пищи мерзкой
И молвилъ мнѣ въ отвѣтъ, кровавымъ ртомъ
О волосы отершись жертвы звѣрской:

4. — „Узнать ты хочешь о дѣяньи зломъ,
„Что сердце мнѣ язвитъ, подобно змѣю?
„Меня терзаетъ мысль одна о томъ.

7. „Но если сѣмя я разсказомъ сѣю,
„Чтобы пожàлъ плодъ срама недругъ мой, —
„То я ни словъ ни слезъ не пожалѣю!

10. „Не знаю, какъ ты здѣсь, кто ты такой,
„Но убѣжденъ рѣчами я твоими,
„Что флорентинца вижу предъ собой.

13. „Графъ Уголинъ мнѣ было въ мірѣ имя

---

13. Трагедія Уголино и Руджіери есть одна изъ наиболѣе характеристичныхъ иллюстрацій къ кровавой, непримиримой партійной борьбѣ того времени, которая велась рѣшительно въ каждомъ городѣ верхней и средней Италіи. Историческія обстоятельства этого слѣдующія: Графъ Уголино делла Герардеска, будучи подестою въ городѣ Пизѣ,—эта должность совмѣщала въ себѣ должности судьи и полководца,—опирался главнымъ образомъ на гвельфскую партію, вооруживши этимъ противъ себя гибеллинскія фамиліи Ланфранки, Гваланди, Сисмонди, а главнымъ образомъ архіепископа Руджіери. Пиза въ то время воевала съ Генуей, а также съ союзными съ ней городами Флоренціей и Луккой. Уголино проигралъ морское сраженіе близъ острова Мелоріи

„И Руджіери—этотъ врагъ мой былъ,
„Кого зубами я язвлю своими.

16. „Какъ онъ коварно дружбѣ измѣнилъ,
„Едва ему я ввѣрился сердечно,
„И какъ меня лукаво умертвилъ,—

(1282), былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ непріятелемъ и безъ согласія пизанцевъ, даже не извѣстивъ ихъ объ этомъ, выдалъ Луккѣ знатнѣйшихъ плѣнниковъ изъ ея гражданъ,—главнымъ образомъ, для того, чтобы побудить Лукку отрѣшиться отъ союза съ Флоренціей и Генуей. Это было сочтено за измѣну, въ чемъ обвиняетъ Уголино и самъ Данте (ст. 86). А такъ какъ его правленіе потомъ перешло въ рядъ тиранническихъ насилій, самъ онъ постоянно лавировалъ между двумя партіями, не отличался благородствомъ и честностью, и ни передъ чѣмъ не останавливался, добиваясь власти,—то его противнику оказалось нетрудно привлечь мало-по-малу народъ на свою сторону. Тѣмъ неменѣе Руджіери выказывалъ къ нему всегда самую нѣжную дружбу, а Уголино, будучи тонкимъ дипломатомъ, искалъ его расположенія. Наконецъ настал день, когда противники открыли свои карты. Уголино не было въ городѣ; Руджіери велѣлъ бить въ набатъ, раздались крики: «смерть тирану!» и разъяренная толпа вступила въ рукопашную схватку съ его сторонниками. Гвельфы не устояли. Самъ подеста бѣжалъ въ Лукку, но былъ схваченъ на дорогѣ съ четырьмя дѣтьми и съ ними вмѣстѣ заключенъ въ башню Гваланди, прозванную впослѣдствіи *Голодною тюрьмою*; тамъ послѣ семимѣсячнато заключенія, былъ по приказанію архіепископа уморенъ голодомъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Ключъ отъ башни былъ брошенъ въ Арно. Это случилось въ 1289 году. Никто не подалъ помощи несчастнымъ заключеннымъ, хотя башня стояла на главной площади города (нынѣ Piazza de' Cavalieri) и стоны умирающаго были слышны на улицѣ. Данте пытается возстановить исторически справедливую оцѣнку преступленія Уголино, которому,—хоть Уголино самъ государственный измѣнникъ, за что и посланъ въ Антенору,—онъ отдаетъ въ руки Руджіери, какъ грѣшника болѣе чернаго, предателя невинныхъ дѣтей и особеннаго довѣрія, потому что онъ выказывалъ нѣжную дружбу къ своему врагу. Смыслъ этой группы грѣшниковъ тотъ, что Руджіери, терзаясь совѣстью за совершонное злодѣяніе, всегда видитъ передъ собою призракъ голоднаго Уголино, а Уголино, пылая злобою, всегда видитъ передъ собою образъ предателя, которому онъ готовъ мстить всѣми своими силами. Уголино самъ разсказываетъ свою исторію; къ нему какъ бы возвращается его человѣчность и человѣческая память, и читателю безъ толкованій ясно, что не самъ Уголино, а только его отверженная тѣнь такъ отвратительно мститъ своему недругу. Начинающійся съ 16 стиха разсказъ принадлежитъ къ перламъ Дантовой поэзіи. Грандіозный реализмъ ужасной картины смягчается здѣсь примиряющимъ противоположеніемъ геройства и нѣжности въ умирающемъ; такъ что даже Гете, который совсѣмъ не былъ почитателемъ Данта, находилъ, что это мѣсто принадлежитъ къ высочайшимъ созданіямъ человѣческаго генія.

19. „Тебѣ извѣстно это все, конечно;
„Но мой конецъ узнай и пожалѣй
„И оправдай за это гнѣвъ мой вѣчный!

22. „Сквозь узкую дыру въ тюрьмѣ моей,—
„Что прозвана *Голодною тюрьмою*;
„Не одного меня томили въ ней!—

25. „Луны рожденье я ужъ зрѣлъ восьмое,
„Какъ вѣщій сонъ въ часъ утреннихъ отрадъ
„Грядущее открылъ передо мною;

28. „Охоту будто велъ мой супостатъ
„И волка гналъ съ дѣтенышами въ скалахъ,
„Что между Луккой съ Пизою стоятъ.

31. „Со сворой псовъ голодныхъ, исхудалыхъ
„Гваландъ, Сисмонди и Ланфранко вскокъ
„Неслись за нимъ въ погонѣ; но усталыхъ

34. „Волчатъ своихъ отецъ укрыть не могъ
„И, съ ними павши, раздѣлилъ ихъ жребій:
„Имъ скоро псы клыки вонзили въ бокъ.

37. „Испуганъ вѣщимъ сномъ, съ денницей въ небѣ
„Проснулся я и дѣтокъ слышу стонъ,
„Что плакали во снѣ, моля о хлѣбѣ.

40. „Жестокъ же ты, коль ты не потрясенъ
„Одной лишь мыслью, что насъ ожидало!
„Не плачешь ты? Ты слезъ совсѣмъ лишенъ!

43. „Вотъ мы проснулись; время наставало,
„Какъ ѣсть давали намъ; но тяготѣлъ
„Сонъ надо мною, и мнѣ страшно стало.

---

30. Горы Санъ Джуліано, лежащія между Пизой и Луккой. Сонъ, какъ мы видимъ, обозначаетъ бѣгство Уголино и его заключеніе. Онъ изображается волкомъ, потому что, какъ это упоминается дальше, поэтъ обвиняетъ его въ дѣйствительной измѣнѣ отечеству.

46. „Какъ вдругъ надъ дверью молотъ загремѣлъ:
„Къ намъ входъ забили; и душою чуткой
„Сообразивъ зачѣмъ, я онѣмѣлъ.

49. „Молчалъ я; дѣти плакали; малютка
„Мой Ансельмуччіо ко мнѣ припалъ:
—„Что ты, отецъ? Зачѣмъ глядишь такъ жутко?—

52. „Чтобы не разрыдаться, я молчалъ,
„И долго я молчалъ, молчалъ весь день я,
„Покуда вновь восходъ не засіялъ.

55. „Какъ лучъ его проникъ къ намъ въ заключенье,
„Въ лицо дѣтя́мъ взглянувъ, я замеръ вмигъ,
„Въ нихъ своего узнавши отраженье.

58. „И укусилъ я пальцы рукъ своихъ
„Отъ горести; но показалось дѣтямъ
„Что голодъ меня къ этому подвигъ.

61. „— Насыться нами! Менѣй мукъ себѣ тѣмъ
„И намъ ты сдѣлаешь; сними съ насъ плоть,
„Ты, насъ одѣвшій одѣяньемъ этимъ!—

64. „Но я себя старался побороть,
„Чтобъ ихъ спокоить; такъ два дня мы жили.
„Когда бъ велѣлъ землѣ насъ скрыть Господь!

67. „Чуть въ третій разъ лучи насъ озарили
„Дневные,—мнѣ воскликнулъ Гаддо мой:
„— Отецъ, да помоги жъ!“—и палъ въ безсильи.

70. „Онъ умеръ. И какъ видимъ мы съ тобой
„Другъ друга, такъ и я видалъ: слабѣя,
„Упалъ сперва одинъ, потомъ другой.

---

48. Поэтическая подробность, значительно усиливающая впечатлѣніе: Данте изображаетъ дѣтей Уголино, заключенныхъ съ нимъ вмѣстѣ, еще въ очень раннемъ возрастѣ, тогда какъ въ дѣйствительности двое изъ нихъ уже были совершенно взрослыми, а одинъ даже женатъ.

73. „Ослѣпнувъ съ огорченія, въ тоскѣ я
„Блуждалъ три дня, ихъ звалъ по именамъ,
„Но... скорбь сильна, а голодъ былъ сильнѣе!"—

76. Окончивъ, онъ глазами засверкалъ,
Съ двойною страстью въ черепъ зубъ вонзая,
Что какъ у пса на кости крѣпокъ сталъ.

79. О Пиза! Городъ срама въ чудномъ краѣ,
Въ которомъ si такъ сладостно звучитъ!
Коль не сосѣдей ярость,—пусть Капрайя

82. Съ Горгоной, сшедши съ мѣста, заградитъ
Для Арнскихъ волнъ протокъ своей вершиной
И всѣхъ въ тебѣ живущихъ истребитъ!

85. Когда виновенъ былъ самъ Уголино
И сдалъ тебя врагу, презрѣвъ законъ,
То чѣмъ же дѣти малые повинны?

88. О Ѳивы новыя! Вѣдь Угочьонъ
Съ Бригатой какъ младенцы невиновны,
Равно и тѣ, которыхъ назвалъ онъ.

91. Мы далѣ шли, гдѣ льдяной пленкой, словно

---

75. Т.-е. самая сильная скорбь не могла меня убить, а голодъ убилъ. Этотъ отецъ, который, пока живы его дѣти, молчаливо переноситъ самыя ужасныя пытки голода, чтобы не усилить ихъ страданій видомъ его собственныхъ мукъ, который потомъ послѣ ихъ смерти оглашаетъ воздухъ, зовя ихъ по именамъ, падая теперь обезсилѣвшій, ослѣпшій отъ упадка силъ на трупы своихъ милыхъ,—представляетъ этой стойкостью, этой любовью такой глубокій контрастъ кровавому ужасу сцены, что получаемое нравственное удовлетвореніе дѣлаетъ незамѣтнымъ даже этотъ ужасъ..

80. Данте въ своемъ трактатѣ «De vulgari eloquentia» раздѣляетъ европейскіе народы по тому, какъ выражается утвержденіе *да* на ихъ языкѣ. Такимъ образомъ, романскіе народы распадаются на три группы, изъ которыхъ одна употребляетъ для этого частицу *oc*, другая *oui* и третья,— между ними и Итальянцы,—*si*.

82. Капрайя и Горгона—два маленькихъ островка при впаденіи Арно въ море.

91. Поэты вступаютъ въ 3-е отдѣленіе послѣдняго круга—Птоломею.

Корой стекла покрытъ, не на спинѣ
А навзничь ужъ положенъ родъ грѣховный.

94. Нѣтъ слезъ у грѣшныхъ—мерзнутъ тамъ онѣ;
И скорбь, что не могла въ слезахъ излиться,
Внутрь обращается, тяжка̀ вдвойнѣ;

97. Затѣмъ что капель первыхъ на рѣсницѣ
Ледъ затвердѣлъ, и сталъ какъ пленка чтоль,
И по края наполнилъ онъ глазницы.

100. И хоть лицо мое ужъ какъ мозоль
Все отвердѣло и не въ состояньи
Почувствовать уже казалось боль,

103. Но вѣтра я почуявъ колыханье,
Спросилъ: „Мой Вождь! Кѣмъ вѣтеръ тотъ рожденъ?
„Не замерло ль здѣсь всякое дыханье?"—

106. „— Мы скоро подойдемъ,"—отвѣтилъ онъ,—
„Къ источнику морозной этой вьюги;
„Тогда вопросъ твой будетъ разрѣшенъ"—

109. Вдругъ межъ тѣней, лежащихъ другъ на другѣ,—
„— О, души!"—восклицанье раздалось,—
„Столь черныя, что казнь вамъ въ низшемъ кругѣ!

112. „Снимите съ глазъ мнѣ слой застывшихъ слезъ,
„Чтобъ въ скорби злой найти мнѣ утоленье,
„Пока ихъ вновь не заковалъ морозъ."—

115. „— Скажи, кто ты—исполню я прошенье",
Ему отвѣтилъ я,—„а если нѣтъ,
„Пускай паду я въ бездну въ то жъ мгновенье!"—

118. „— Братъ Альбериго я",—онъ мнѣ въ отвѣтъ,—

---

111. Онъ принимаетъ поэтовъ за грѣшниковъ, которые отягчены столь преступною измѣною, что посланы Миносомъ въ послѣднее отдѣленіе этого круга—Джудекку.

118. Альбериго де Манфреди изъ Фаэнцы, одинъ изъ *Веселыхъ братьевъ*

„Съ садовникомъ плохимъ я равенъ долей:
„Ѣмъ финики, когда ѣсть фиги слѣдъ“.—

121. „— Какъ?“ я воскликнулъ,—„умеръ ты давно ли?“—
„— Я плотью мертвъ иль продолжаю жить,“—
Мнѣ онъ: „— мнѣ неизвѣстно въ сей юдоли.

124. „Тѣмъ выгоднѣе въ Птоломеѣ быть,
„Что грѣшный духъ вселяется въ ней ранѣй,
„Чѣмъ Атропосъ разрѣжетъ жизни нить.

127. „Но чтобъ глаза мои ты тѣмъ желаннѣй
„Очистилъ, я скажу, что не коснитъ
„За грѣхъ измѣны кара воздаяній;

30. „И демонъ плоть того животворитъ,
„Кто запятналъ себя измѣны дѣломъ,
„Доколѣ срокъ она не совершитъ.

133. „Такъ въ водоемѣ семъ оледенѣломъ
„Давно затертъ по мукамъ мой сосѣдъ,
„Хоть, можетъ быть, и здравствуетъ онъ тѣломъ.

136. „Ты вновѣ здѣсь, тебѣ его знать слѣдъ.
„То—мессеръ Бранка д'Оріа, томимый
„Въ корѣ льдяной ужъ много, много лѣтъ.“—

(см. пѣснь XXIV, 130); онъ пригласилъ на обѣдъ одного своего родственника, котораго онъ ненавидѣлъ, вмѣстѣ съ его сыномъ. Въ концѣ обѣда Альбериго закричалъ: «подавайте фрукты!» Это былъ сигналъ, по которому спрятанные убійцы выскочили и убили отца съ сыномъ.

110. Иронія надъ самимъ собой. Чужеземные финики стоятъ дороже чѣмъ туземныя фиги. Съ этимъ онъ сравниваетъ свое наказаніе.

126. Атропосъ, третья изъ Парокъ, обязанность которой перерѣзать нить человѣческой жизни.

129. Чрезвычайно глубокомысленное соотношеніе преступленія съ наказаніемъ. Измѣнившій особенному довѣрію осуждается тотчасъ на адское мученіе, состоящее въ мукахъ совѣсти, безплодномъ раскаяніи, потерѣ довѣрія къ людямъ и презрѣніи къ самому себѣ. А такъ какъ возбужденное всѣмъ этимъ отчаяніе побуждаетъ человѣка къ самымъ дикимъ и ничѣмъ уже не сдерживаемымъ выходкамъ, то значитъ, дьяволъ уже управляетъ тѣломъ этого человѣка.

137. Бранка д' Оріа убилъ за столомъ своего тестя Микеля Цанке (котораго мы встрѣчаемъ въ смоляномъ озерѣ XXII пѣсни), чтобы овладѣть его

139. „— Ахъ!“ я вскричалъ, — „какъ лжешь ты нестерпимо!
„Серъ Бранка д'Орiа, я знаю самъ,
„И ѣстъ и пьетъ и ходитъ невредимо.“—

142. Онъ мнѣ на это молвилъ: „Не былъ тамъ,
„Гдѣ озеро смолы,—мнѣ тожъ извѣстно,—
„Низринутъ Микель Цанке къ Злымъ Когтямъ, —

145. „Какъ Бранка д'Орiа и съ нимъ безчестный
„Его племянникъ брошенъ искупать
„Измѣну, совершенную совмѣстно.

148. „Простри же руки съ глазъ мнѣ пленку снять!“—
Но прочь я поспѣшилъ и не отвѣтя
За честь почелъ предъ нимъ безчестнымъ стать.

151. О Генуэзцы, лжи и злобы дѣти!
Измѣны зломъ пропитанъ родъ вашъ весь!
Когда бъ васъ вовсе не было на свѣтѣ!

154. Съ чернѣйшею душой Романьи здѣсь
Увидѣлъ замороженнымъ въ Коцитѣ
Я одного изъ васъ, кого поднесь

157. Вы межъ собой живымъ и здравымъ зрите!

саномъ и богатствами. Ему въ убійствѣ помогалъ его родственникъ, о которомъ упоминается въ ст. 146.

149—150. Въ обѣщанiи (ст. 116) лежала двусмысленность, которую поэтъ умышленно употребилъ, чтобы обмануть грѣшника. Данте и безъ того имѣетъ намѣреніе спуститься до послѣдняго предѣла бездны. Хотя нравственное чувство читателя и оскорбляется тѣмъ, что поэтъ не сдержалъ своего обѣщанія, находя, что несправедливо смягчать случайностью возложенное Богомъ наказаніе,—но не нужно забывать, что въ первой части своей поэмы онъ лишь долженъ *видѣть и сознать* свой грѣхъ, а очищаться отъ него онъ лишь начинаетъ въ Чистилищѣ.

156. Душа изъ Романьи есть Альбериго, душа изъ Генуи—Бранка д'Орiа. Любопытно, что Данте въ этой пѣсни равно негодуетъ на оба враждовавшіе города.

Пѣснь тридцать четвертая.

IX Кругъ. 4) Джудекка. Люциферъ, Іуда Искаріотъ, Брутъ и Кассій. Выходъ изъ ада.

---

1. „Vexilla redis prodeunt inferni
„Напротивъ насъ,—тамъ, гдѣ темнѣй легла“,—
Промолвилъ Вождь,—„завѣса тьмы вечерней“!—

4. Точь-въ-точь, когда клубится густо мгла,
Скрывъ полушарье наше въ часъ полночный,
Вращаетъ вихрь у мельницы крыла,—

7. Вдали я видѣлъ остовъ зданья мощный
И сталъ отъ вѣтра за спиной Вождя,
Другой опоры не имѣя прочной.

10. Я видѣлъ,—и дрожу, въ стихи кладя,—
Рой грѣшныхъ былъ подернутъ пленкой льдя́ной,
Насквозь, какъ пузырьки въ стеклѣ блестя.

---

1. Т.-е. знамена адскаго царя приближаются,—подражаніе католическому церковному гимну, который поется въ великую пятницу и который написанъ Фортунатомъ, епископомъ Пуатье (ум. въ 600 г.). Вотъ его первая строфа:

Vexilla regis prodeunt,
Fulget crucis mysterium,
Quo carne carnis conditor
Suspensus est patibulo.

10. Здѣсь начинается послѣдняя область девятаго круга Джудекка, гдѣ наказывается измѣна благодѣтелямъ. Въ центрѣ ея, который есть въ то же время центръ всего міра, находятся четыре главныхъ преступника этого рода: Дисъ или Люциферъ, глава падшихъ ангеловъ, Іуда Искаріотъ, Кассій и Брутъ. Читателю можетъ показаться удивительнымъ сопоставленіе двухъ первыхъ съ двумя послѣдними; но не нужно забывать, что по вѣрованію Данта,

13. Межъ нихъ одни лежатъ въ корѣ стеклянной,
Стоятъ другіе; вверхъ ногами тотъ,
А этотъ—такъ съ лицомъ, пригнутымъ къ стану.

16. Потомъ еще мы двинулись впередъ,
Чтобъ зрѣть того, кто нынѣ здѣсь томится,
А прежде полнотой сіялъ красотъ.

19. Вождь, ставъ впередъ, далъ знакъ остановиться
И молвилъ мнѣ: „Гляди, вотъ Дисъ! И здѣсь
„Ты долженъ мужествомъ вооружиться“.

22. Я уничтоженъ былъ, подавленъ весь.
О томъ не жди, читатель, описанья;
Какъ нынѣ слово слабо, самъ ты взвѣсь.

25. Не умеръ я, но былъ я безъ дыханья;
Коль можешь ты вообразить,—я сталъ
Ни жить, ни умереть не въ состояньи.

28. Монархъ сихъ темныхъ областей стоялъ
По полгруди въ оправѣ льда кристальной;
И какъ я предъ гигантами былъ малъ,—

31. Съ его рукою пропорціонально
Тѣмъ вышина гигантовъ тѣхъ была.
Какъ прежде былъ прекрасенъ идеально,

34. Такъ нынѣ страшенъ онъ въ уродствѣ зла;
И коль противъ Творца онъ возмутился,
То изъ него вся злоба истекла!

37. Но, мой читатель, какъ я удивился,
Три лика разныхъ увидавъ на немъ!
Передній былъ багровъ; и приходился

римская имперія, какъ имперія всемірная, находится подъ особеннымъ покровительствомъ Божіимъ и измѣна власти римскаго императора должна быть наказана какъ измѣна власти Божества.

38. Дисъ или Люциферъ, сатана, злое начало, которое явилось въ міръ лишь путемъ отпаденія отъ Бога. Здѣсь онъ является не только наказуемымъ,

40. Изъ прочихъ каждый надъ его плечомъ;
Всѣ къ головной верхушкѣ восходили,
Сливаясь съ первымъ въ темени одномъ.

43. Цвѣтъ бѣлый съ желтымъ въ правомъ слиты были,
А лѣвое темнѣло чернотой,
Точь-въ-точь у обитающихъ при Нилѣ.

46. И крылья высились надъ головой
И каждому изъ лицъ служили крышей,
Приличные для страшной птицы той,—

49. Безъ перьевъ, словно у летучей мыши.
Три вѣтра порождалъ ихъ мощный взмахъ.
Онъ то спускалъ, то подымалъ ихъ выше.

52. Отъ тѣхъ вѣтровъ вкругъ мерзъ Коцитъ во льдахъ.
И плакалъ Дисъ кровавыми слезами
Съ кровавою слюною на устахъ.

55. И каждый ротъ по грѣшнику зубами
Дробилъ, какъ бы машиной, мнущей ленъ;
Такъ сразу трехъ тремя терзалъ онъ ртами.

58. Но что и зубы передъ тѣмъ, какъ онъ
Передняго когтями дралъ столь дюже,
Что часто остовъ кожи былъ лишенъ!

но и орудіемъ вышняго суда для наказанія другихъ грѣшниковъ. У него три лица, которыя, по объясненію Ломбарди, являются указаніемъ на три извѣстныя въ то время части свѣта, на которыя простирается царство Люцифера и власть грѣха, — красное означаетъ краснощекихъ европейцевъ, желтое азіатовъ, а черное африканцевъ. По Ландино и другимъ древнѣйшимъ комментаторамъ, цвѣтъ лицъ Диса обозначаетъ гнѣвъ, зависть и праздность, основаніе которыхъ въ гордости,—порокѣ, на которомъ главнымъ образомъ зиждется его власть.

46. Крылья его не похожи на крылья птицы, возносящія ее къ небу, къ солнцу и свѣту, а на крылья ночного нетопыря, который, чтобы летѣть, долженъ сброситься внизъ. Ихъ движенія по всѣмъ направленіямъ физическаго и нравственнаго міра производятъ вѣтеръ, который ближайшимъ и непосредственнымъ своимъ дѣйствіемъ замораживаетъ воды Коцита, леденя и приводя въ трепетъ казнящихся тамъ грѣшниковъ.

61. Учитель мнѣ промолвилъ: „Въ этомъ мужѣ
„Искаріота взоръ узнаетъ твой.
„Онъ въ пасти головой, а станъ наружѣ.

64. „Средь тѣхъ, что свѣсились внизъ головой,—
„Такъ въ черномъ ртѣ ты видѣть можешь Брута,
„Несущаго безъ жалобъ жребій злой;

67. „А въ третьей пасти—Кассій, сжатый круто.
„Но ночь восходитъ; некуда намъ внизъ
„Итти теперь, и конченъ путь нашъ лютый“.—

70. Велѣвъ, чтобъ я на грудь его повисъ,—
Въ тотъ мигъ, какъ у чудовища отверсты
Суставы были крылъ и вверхъ взвились,—

73. Вождь въ шерсть его свои вонзилъ тутъ персты,
Хватая прядь за прядью по бокамъ,
Гдѣ льдомъ покрытъ мѣхъ бѣса густошерстый.

76. Когда же онъ остановился тамъ,
Гдѣ связь межъ чреслъ и ножныхъ сочлененій,
Внизъ головой онъ обратился самъ,

79. Мнѣ сдѣлавъ тожъ; и дальше напряженнѣй
Полѣзъ, какъ человѣкъ, что вверхъ идетъ,—
Такъ, что, казалось, вспять онъ шелъ къ геennѣ.

---

76. Кто достигъ фантазіею центра земли, тотъ не найдетъ другого средства пробраться на другую сторону, какъ *головой впередъ*,—поставивъ разсудокъ прежде всего. Вполнѣ естественно, что Виргилій, спускаясь внизъ до средины Дисова тѣла, перевертывается головою въ обратную сторону, хотя лѣзетъ въ томъ же направленіи: эта средина есть также и центръ земли, центръ, «куда всѣ тяжести стремятся». Вотъ почему Данте видитъ въ ст. 90 торчащія кверху ноги Люцифера,—поэты уже перешли въ другое полушаріе. Нравственный смыслъ этого тоже не трудно отыскать: человѣкъ, который, вполнѣ познавши грѣхъ, желаетъ отъ него очиститься, долженъ стремиться для достиженія своей цѣли въ противоположномъ прежнему направленіи. Онъ долженъ оставить злое начало за собой и подъ собой и съ того мгновенія, какъ онъ увидѣлъ это начало, стремиться прочь отъ него, кверху.

82. „Усиленнѣй держись! Подобный всходъ“,—
Сказалъ онъ мнѣ, едва передыхая,—
„Выводитъ насъ изъ области невзгодъ“.—

85. Въ щель между скалъ пролѣзъ онъ и на краѣ
Горы меня поставилъ на отрогъ,
Ногой меня отъ бездны заслоняя.

88. Я по́днялъ взглядъ, чтобъ Диса зрѣть я могъ,
И удивленье мною овладѣло
При видѣ двухъ его торчащихъ ногъ.

91. Что думалъ я,—читатель неумѣлый
Подумаетъ, коль не пойметъ сейчасъ,
Какого я достигнулъ здѣсь предѣла.

94. Учитель молвилъ: „Дологъ путь для насъ
„И труденъ; отдохни и къ дѣлу снова!
„Ужъ солнце перешло въ четвертый часъ“.—

97. Не по аллеѣ путь намъ былъ дворцовой,
Но въ сумракѣ естественной тюрьмы,
По вязкой почвѣ, рыхлой и суровой.

100. — „Пока не вышелъ я изъ этой тьмы,
„Пролей въ мои познанія лучъ свѣта“,—
Вождю сказалъ я: „молви мнѣ, гдѣ мы?

103. „Ногами вверхъ повернутъ Дисъ,—какъ это
„Понять? И какъ столь краткій путь мы шли
„Такъ долго,—отъ заката до разсвѣта?“—

106. — „Показываютъ мнѣ слова твои,

---

104. До перехода черезъ центръ земли, въ ст. 68, Виргилій говоритъ, что наступаетъ ночь; перешедши центръ въ ст. 96, онъ говоритъ, что солнце уже взошло и находится въ четвертомъ часу своего пути. Это видимое противорѣчіе, которому Дантъ проситъ объясненія, разъясняется въ слѣдующихъ стихахъ. Гъ первомъ случаѣ Виргилій разумѣлъ восточное, а во второмъ западное полушаріе.

„Что мнишь ты по ту сторону остаться
„Червя, что точитъ яблоко земли.

109. „Такъ. Тамъ мы были, не начавъ спускаться;
„Но, повернувшись, центръ ты пересѣкъ,
„Куда отвсюду тяжести стремятся;

112. „И ты подъ полушаріе протекъ
„Уже не то, подъ коимъ адъ кромѣшный
„И на которомъ страждалъ человѣкъ,

115. „Который умеръ, какъ и жилъ, безгрѣшно.
„И здѣсь—другой Джудекки оборотъ;
„Ея изнанкой кругъ быть могъ бы здѣшный.

118. „Когда надъ нами день, тамъ ночь встаетъ.
„А тотъ, чья шерсть намъ лѣстницей служила,
„Внизъ головой низвергнутъ съ неба тотъ.

121. „Когда онъ палъ, то въ страхѣ отступила
„Земля предъ нимъ и водной пеленой
„Все наше полушаріе покрыла;

124. „Весь путь его оставила пустой,
„Отпрянувъ отъ него въ боязни вящей,
„И стала по ту сторону горой.

---

115. Христосъ, имя котораго ни разу не упоминается въ Адѣ.

121. Данте полагаетъ, что Люциферъ упалъ съ неба на западномъ полушаріи; земля въ ужасѣ предъ его паденіемъ, отступила передъ нимъ и закрылась океаномъ; на противоположномъ полушаріи она образовала этимъ Сіонъ съ горою Искупленія. Но неменѣе испугалась летящаго демона и та земля, которая находилась внутри земного шара: она тоже устремилась прочь, кверху и образовала гору Очищенія, чистилище, которое является, по представленію Данта, единственнымъ материкомъ на западномъ полушаріи. Внутри же образовалась огромная пещера,—помѣщеніе для ада, по которому поэты шли.—Одной изъ знаменательнѣйшихъ Дантовыхъ концепцій является то, что основаніе мѣсту очищенія, гдѣ духъ человѣка омываетъ свои грѣхи, явилось вслѣдствіе паденія Люцифера — злого начала; равно знаменательно и то, что земля, бѣжавшая отъ страха предъ Люциферомъ, образовала гору Искупленія и, наконецъ, гора Очищенія и гора Искупленія находятся на одной линіи земного разрѣза.

127. „Есть край, отъ Вельзевула отстоящій
„Въ длину его могилы; ты бы могъ
„Замѣтить, что ручей, внизу журчащій,

130. „Наклонный, хоть слегка, имѣетъ стокъ
„И прорываетъ нѣдра горъ струею.
„Туда намъ путь, туда ведетъ потокъ“.—

133. И въ тьмѣ пещеры онъ пошелъ со мною,
Старательно ища въ міръ свѣта путь;
И въ поискахъ не знали мы покою;

136. Вождь впереди, я вслѣдъ,—напрягши грудь,
Взбирались долго мы, что было силы,
Покуда можно было намъ взглянуть

139. На небо и на ясныя свѣтила.

---

127. Люциферъ, Дисъ и Вельзевулъ—у Данта имена однозначущія.

130. Такъ какъ на противоположномъ полушаріи нѣтъ материковъ, кромѣ горы чистилища, то ручей, который поэты встрѣчаютъ, происходитъ очевидно оттуда и приведетъ поэтовъ къ чистилищу. Выше въ пѣсни XIV, 113, мы видѣли, что адскія рѣки происходятъ изъ слезъ, истощаемыхъ временемъ и извлекаемыхъ грѣхомъ; наоборотъ, здѣсь можно предположить, что этотъ ручей въ своемъ тихомъ спускѣ тоже имѣетъ своимъ источникомъ слезы, но слезы раскаянія въ грѣхѣ, самый грѣхъ, который, будучи омытъ волною Леты съ памяти очищенныхъ, возвращается къ злому началу, отъ котораго онъ истекъ и теряется во мракѣ забвенія.

136. Каждая часть поэмы оканчивается словомъ stelle, что, вѣроятно, обозначаетъ то, что стремленіе къ высшему познанію есть цѣль и послѣднее слово всей поэмы.—Странствованіе поэтовъ по аду согласно указаніямъ въ различныхъ мѣстахъ поэмы, продолжалось 24 часа; такимъ образомъ, Данте вступаетъ въ чистилище утромъ въ свѣтлое воскресенье. Всего въ Адѣ 4720 стиховъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Отрывокъ о Данте въ хроникѣ Виллани.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1321 г. умеръ поэтъ Данте Аллигіери изъ Флоренціи въ городѣ Равеннѣ, въ Романьѣ, возвратившись изъ посольства въ Венецію по порученію властителя Поленты, при дворѣ котораго онъ жилъ. Онъ былъ похороненъ съ великою почестью въ костюмѣ поэта и философа передъ дверями равеннскаго собора. Онъ умеръ въ изгнаніи изъ города Флоренціи 56-ти лѣтъ. Этотъ Данте былъ изъ уважаемыхъ и старинныхъ гражданъ Porta San Piero во Флоренціи и нашъ сосѣдъ; онъ былъ изгнанъ благодаря Карлу Валуа въ 1301 г. вмѣстѣ со всей партіей Бѣлыхъ изъ Флоренціи, какъ уже объ этомъ упомянуто. Вышеозначенный Данте былъ однимъ изъ пріоровъ нашего города и принадлежалъ къ партіи Бѣлыхъ, хотя и былъ гвельфомъ; поэтому безъ всякой вины и изгнанъ вмѣстѣ со всѣми Бѣлыми. Послѣ этого онъ побывалъ въ болонскомъ университетѣ и разныхъ частяхъ свѣта. Это былъ человѣкъ очень ученый и свѣдущій почти во всякой наукѣ, хотя и мірянинъ; онъ былъ возвышенный поэтъ, философъ и риторъ, столь же совершенный въ прозѣ, какъ и въ стихахъ; а въ публичныхъ рѣчахъ прекрасный ораторъ. Въ юности онъ написалъ книгу *Новая жизнь*, а впослѣдствіи, будучи въ изгнаніи, сочинилъ двадцать моральныхъ и любовныхъ канцонъ, а также три прекрасныхъ посланія: одно изъ нихъ онъ послалъ флорентинскимъ властямъ, жалуясь на свое незаслуженное изгнаніе; другое императору Генриху, осаждавшему Брешію; третье итальянскимъ кардиналамъ во время междуцарствія по смерти папы Климента; въ немъ онъ увѣщевалъ ихъ избрать въ папы итальянца; все это написано по-латыни, очень изящно, умно и учено. Еще онъ написалъ *Комедію* гдѣ прекрас-

нымъ стихомъ, съ многочисленными и точными моральными, естественноисторическими, астрологическими, философскими и богословскими подробностями, въ прекрасныхъ образахъ, сравненіяхъ и другихъ поэтическихъ красотахъ, въ ста главахъ или пѣсняхъ изобразилъ адъ, чистилище и рай такъ подробно, какъ только внимательный разумъ можетъ воспринять и усвоить. Въ этой поэмѣ онъ, по обычаю поэтовъ, порицалъ и осмѣялъ многое, чего можетъ быть ему и не слѣдовало дѣлать. Еще онъ написалъ *De Monarchia*, гдѣ онъ говоритъ о папскомъ и императорскомъ санѣ. Еще онъ написалъ четырнадцатъ моральныхъ канцонъ на народномъ языкѣ; ихъ послѣ его смерти признаютъ несовершенными, кромѣ трехъ, которыя являются прекрасными и умными созданіями, украшенными благородными разсужденіями, философскими и астрологическими. Еще онъ написалъ небольшую книгу подъ заглавіемъ *De Vulgari Eloquentia;* онъ обѣщалъ написать четыре части ея, но по причинѣ его ранней смерти появились только двѣ; въ ней онъ сильнымъ и красивымъ латинскимъ языкомъ разбираетъ всѣ народныя нарѣчія Италіи. Этотъ Данте вслѣдствіе своихъ познаній былъ высокомѣренъ и презрителенъ; мірянъ онъ едва удостоивалъ разговора; но за его добродѣтели, ученость и гражданскую доблесть онъ достоинъ вѣчной памяти въ нашей хроникѣ; это доказываютъ тѣ прекрасныя произведенія, которыя онъ написалъ и которыя составляютъ славу нашего города.

Письмо монаха Иларіо.

...Онъ пришелъ сюда, привлеченный можетъ быть святынями мѣста, а можетъ быть и чѣмъ-нибудь другимъ. Такъ какъ онъ еще не былъ знакомъ ни мнѣ и ни кому другому изъ нашей братіи, то я спросилъ его, чего онъ хочетъ и чего онъ ищетъ. Онъ не шевельнулся, но стоялъ неподвижно, устремивъ глаза на колонны и арки нашего монастыря. Тогда я повторилъ вопросъ, и онъ, тихо повернувши голову и посмотрѣвъ на меня и на братію, отвѣтилъ: „Мира!“ Тогда, интересуясь все болѣе и болѣе узнать, кто онъ, я отвелъ его въ сторону и сказалъ съ нимъ нѣсколько словъ; тутъ я

узналъ, кто онъ, ибо, хотя я его никогда не видалъ до этой минуты, но его слава уже долетѣла до насъ.

Когда онъ увидѣлъ, какъ я внимательно и пристально смотрю ему въ лицо и слушаю его съ необычной любовью, онъ вынулъ изъ-за пазухи книгу, открылъ ее и подалъ мнѣ, говоря: „Братъ, вотъ часть моего труда, который ты вѣроятно еще не знаешь. Это я дарю тебѣ на память. Не забывай меня“. И когда онъ далъ мнѣ книгу, я съ признательностью прижалъ ее къ груди и въ его же присутствіи сталъ читать ее. Увидя народный языкъ въ ней, я выразилъ лицомъ удивленіе; онъ меня спросилъ, чему я удивляюсь. Я отвѣчалъ, что мнѣ странно видѣть его пишущимъ стихи на языкѣ народа; ибо мнѣ кажется труднымъ, почти немыслимымъ, чтобы столь великіе и возвышенные предметы могли быть изложены обыденнымъ нарѣчіемъ; еще мнѣ казалось, что недостойно науки одѣваться въ столь плебейское платье.— „Вы правы“, сказалъ онъ, „я самъ думалъ также. И когда я впервые,—можетъ быть, по вдохновенію отъ Бога,—принялся за эту работу, я избралъ языкъ болѣе достойный ея; и не только избралъ, но и началъ на немъ свою поэму. Вотъ ея начало:

Ultima regna canam fluido contermina mundo,
Spiritibus quae lata patent; quae praemia solvunt,
Pro meritis cuicumque suis.

Но когда я размыслилъ объ условіяхъ нынѣшняго времени, въ которое пѣсни знаменитѣйшихъ поэтовъ находятся въ пренебреженіи, а тѣ великіе люди, которыми эти пѣсни написаны, забыты, и увы! свободныя искусства находятся въ рукахъ черни, то я бросилъ нѣжную лиру, которою я было вооружился и сталъ пѣть такъ, какъ это было пріятнѣе ушамъ нынѣшнихъ поколѣній; ибо хлѣбъ слишкомъ жестокъ для устъ грудныхъ младенцевъ“.

Сказавъ это, онъ съ волненіемъ добавилъ, чтобы я, если подойдетъ случай, сдѣлалъ къ его труду хотя краткія поясненія и переслалъ его вамъ. Это порученіе,—хотя я можетъ быть и не вполнѣ усвоилъ весь смыслъ его словъ,— я тѣмъ неменѣе вѣрно стараюсь исполнить и пересылаю вамъ трудъ этого добраго человѣка; если вамъ покажется, что въ немъ есть какая-нибудь двусмысленность,

отнесите это къ моему невѣдѣнію; ибо безъ всякаго сомнѣнія текстъ представляетъ совершенство во всѣхъ отношеніяхъ...

Портреты Данте.

(Ч. Нортона).

Въ своей „Жизни Данта“ Боккачіо, древнѣйшій изъ біографовъ поэта, описываетъ его въ такихъ словахъ: „Нашъ поэтъ былъ средняго роста, а въ старости слегка согнулся. У него было продолговатое лицо, орлиный носъ, глаза большіе, нижняя губа выдавалась впередъ, волосы и борода густые и черные, лицо всегда печальное и задумчивое. Его манеры какъ въ обществѣ, такъ и дома были чрезвычайно выдержаны и вообще онъ былъ вѣжливѣе и учтивѣе, чѣмъ кто бы то ни было“.

Такимъ состарившійся Дантъ представлялся своимъ современникамъ, изъ воспоминаній которыхъ Боккачіо почерпнулъ свое описаніе.

Но Боккачіо могъ бы, если бы захотѣлъ, нарисовать и другой портретъ Данта,—не автора „Божественной Комедіи“, а автора „Новой жизни“ Черты молодого Данте были знакомы и тѣмъ флорентинцамъ, которые никогда не видали въ живыхъ своего величайшаго согражданина.

На алтарной стѣнѣ капеллы въ Palazzo della Podestá (нынѣ Bargello) Джіотто нарисовалъ большую религіозную композицію, въ которой, согласно съ обычаями того времени, онъ изобразилъ „славу Флоренціи“, поставивъ ея знаменитѣйшихъ гражданъ вмѣстѣ со святыми. Наверху голова Христа, исполненная достоинства, а ниже—гербъ Флоренціи, поддерживаемый ангелами; все это окружено двумя рядами святыхъ справа и слѣва, впереди которыхъ стоитъ толпа магнатовъ города съ двумя коронованными особами во главѣ; а около одной изъ послѣднихъ справа стоитъ Данте, съ яблокомъ въ рукѣ и въ шляпѣ того времени. Когда нарисовано это изображеніе—неизвѣстно, но Джіотто изобразилъ своего друга молодымъ, такимъ, какимъ онъ былъ въ первомъ расцвѣтѣ своей ранней славы, въ эпоху начала ихъ дружбы.

Изъ всѣхъ портретовъ времени Возрожденія ни одинъ

не можетъ быть такъ интересенъ, какъ этотъ портретъ величайшаго средневѣковаго поэта, сдѣланный величайшимъ средневѣковымъ художникомъ. Нужно было особенно счастливое стеченіе случайностей, чтобы эти два человѣка жили въ одно и то же время и въ одной и той же странѣ, чтобы они почувствовали другъ къ другу симпатію, чтобы эта симпатія перешла потомъ въ дружбу и чтобы они любили и почитали другъ друга всю жизнь и увѣковѣчили другъ друга каждый въ своей области искусства. Исторія ихъ дружбы мало извѣстна въ подробностяхъ; но что эта дружба началась когда еще оба были молоды и продолжалась до тѣхъ поръ, пока ихъ не разлучила смерть,—это преданіе вполнѣ достовѣрное.

Этотъ портретъ возникъ вѣроятно между 1290 и 1300 годами, когда Джіотто уже не имѣлъ соперниковъ по славѣ. О немъ не упоминается ни у кого изъ современниковъ; самое раннее извѣстіе даетъ о немъ Филиппо Виллани, умершій въ 1404 г. О немъ говоритъ также Джіаноццо Манетти (ум. въ 1459 г.) и Вазари въ своей „Жизни Джіотто“, появившейся въ свѣтъ въ 1550 году, гдѣ между прочимъ говорится, что Джіотто „научился такъ хорошо подражать природѣ, что онъ пересталъ слѣдовать греческимъ образцамъ, нашелъ новые и превосходные пути въ живописи, рисуя живыхъ людей прямо съ натуры; это не практиковалось уже болѣе двухсотъ лѣтъ, а если кто и пытался достичь этого, то никто въ этомъ не преуспѣлъ въ такой степени, какъ Джіотто. Онъ изобразилъ между прочимъ, въ капеллѣ Palazzo Podesta во Флоренціи своего современника и величайшаго своего друга Данте Аллигіери, который былъ не менѣе славенъ какъ поэтъ, чѣмъ Джіотто какъ художникъ. Въ той же капеллѣ есть портреты его же кисти сера Брунетто Латини, учителя Данта и мессера Корсо Донати, знатнаго тогдашняго гражданина“.

Можно было предположить, что это изображеніе займетъ мѣсто въ числѣ наитщательнѣйше хранимыхъ и оберегаемыхъ сокровищъ Флоренціи. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Постыдная небрежность къ лучшимъ и самымъ интереснымъ произведеніямъ ранняго искусства, которая была однимъ изъ симптомовъ духовнаго и политическаго упадка Италіи въ XVI и XVII вѣкѣ, распространилась и на драго-

цѣнную работу Джіотто. Флоренція, потерявъ въ настоящемъ сознаніе своего достоинства, перестала заботиться и о памятникахъ своей прошлой славы. Palazzo della Podesta, переставъ быть жилищемъ высшихъ должностныхъ лицъ свободнаго города, былъ обращенъ въ тюрьму, а капелла, освященная кистью Джіотто, въ кладовую. Стѣны, украшенныя картинами драгоцѣннѣй золота, были покрыты штукатуркой; да и не только штукатурка скрывала ихъ отъ глазъ, которые были недостойны видѣть ихъ, но даже память о нихъ забылась. Со времени Вазари до Морени, флорентійскаго антикварія начала нынѣшняго столѣтія, не встрѣчается ни одной замѣтки о нихъ. Въ припискѣ на одной изъ своихъ бумагъ, Морени жалуется, что онъ употребилъ два года на неусыпные поиски портрета Данта, писаннаго Джіотто въ капеллѣ Bargello и другихъ портретовъ также упоминаемыхъ Вазари; и что другіе до него искали ихъ, но такъ же безуспѣшно; но онъ надѣется, что придутъ лучшія времена, когда интересъ къ искусству возрастетъ и эти произведенія будутъ наконецъ отысканы. Одушевленные этою замѣткой три студента, поклонника Данте, американецъ Mr. Richard Henry Wilde, англичанинъ Mr. Seymour Kirkup и итальянецъ Signor Aubrey Bezzi предприняли въ 1840 году новые поиски, и послѣ многихъ препятствій со стороны администраціи, имъ наконецъ удалось достигнуть того, чтобы очистка стѣнъ капеллы отъ штукатурки была предпринята флорентинскимъ художникомъ Марини; эти новые и хорошо направленные поиски не остались безъ результата. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы фреска Джіотто была найдена почти неповрежденною: штукатурка, покрывая ее, вмѣстѣ и сохраняла ее, и наконецъ изображеніе Данта стало извѣстно міру.

„Но“, писалъ Mr. Kirkup въ письмѣ, напечатанномъ въ Spectator'ѣ 11 мая 1850 г. „глазъ этого прекраснаго профиля не уцѣлѣлъ. На его мѣстѣ было отверстіе глубиною въ дюймъ или полтора. Марини говоритъ, что тутъ былъ гвоздь. Марини заполнилъ поврежденіе, нарисовавъ новый глазъ, но плохо; да и глазъ оказался слишкомъ малъ. Потомъ онъ ретушировалъ все лицо и платье, значительно ослабивъ экспрессію и характерность фрески. Сходство лица и три цвѣта на одеждѣ Данте, — тѣ же самые какъ на одеждѣ Беатри-

че, цвѣта молодой Италіи,—бѣлый, зеленый и красный, исчезли. Зеленый обратился въ шоколадный, а форма головного убора смѣшалась и утратилась. Я хотѣлъ срисовать его, но мнѣ не дозволили. Тогда я добился того, чтобы меня посадили въ эту тюрьму на сутки; и тогда я не только успѣлъ срисовать, но и свелъ его; съ этихъ двухъ копій я сдѣлалъ довольно тщательное facsimile. Къ счастію, это случилось до поправки".

Это факсимиле попало въ руки лорда Вернона, извѣстнаго поклонника Данта и собирателя всего относящагося къ Данту; съ его позволенія, оно было великолѣпно воспроизведено въ хромолитографіи Аруделевскимъ обществомъ.

Портретъ Джіотто является единственнымъ изображеніемъ Данта, завѣдомо сдѣланнымъ при жизни поэта, и въ этомъ отношеніи онъ безцѣненъ. Но существуетъ еще маска, снятая, по преданію, съ лица умершаго поэта; и будь ея подлинность достовѣрна, она представляла бы неменьшій интересъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ такого историческаго свидѣтельства, на которое можно было бы вполнѣ положиться; достовѣрность ея болѣе подтверждается соотвѣтствіемъ между сохраненными ею чертами и духовнымъ образомъ Данта. Неизвѣстно, практиковался ли въ то время обычай снимать съ покойниковъ гипсовыя маски и умѣли ли это дѣлать въ эпоху, близкую къ смерти Данта. Вазари въ „Жизни Андреа Вероккіо" говоритъ, что такія маски стали дѣлать лишь въ его время т.-е. въ половинѣ XV вѣка. Конечно, нѣтъ ничего невозможнаго, что такую простую вещь умѣли дѣлать и въ гораздо болѣе раннюю эпоху; и если такъ, то нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ предположеніи, что Гвидо Новелла, другъ и покровитель Данта въ Равеннѣ, велѣлъ послѣ смерти поэта снять съ него гипсовую маску, которая могла бы служить моделью для статуи, какую онъ собирался воздвигнуть Данту. Возможно также, что, потерявъ свое могущество, Гвидо не выполнилъ этого намѣренія, и маска продолжала храниться въ Равеннѣ, но только спустя триста лѣтъ мы находимъ о ней извѣстія.

Въ библіотекѣ Мальябекьяна во Флоренціи есть рукопись-автографъ Джіованни Чинелли, флорентійскаго антикварія, умершаго въ 1706 году, подъ заглавіемъ La Toscana letterata, ovvero Istoria degli Scrittori Fiorentini, въ которой есть и

біографія Данта. Въ этой біографіи Чинелли говоритъ, что по приказанію архіепископа Равеннскаго, статуя Данта на могилѣ поэта сдѣлана съ этой маски, и такимъ образомъ маска эта попала въ руки знаменитаго скульптора Джіано Болонья, который послѣ своей смерти, послѣдовавшей въ 1606 г., оставилъ ее своему ученику Пьетро Такка. „Однажды Такка показалъ ее между другими достопримѣчательностями герцогинѣ Сфорца, которая, завернувъ ее въ зеленый шарфъ, унесла ее съ собою, и одинъ Богъ знаетъ, въ чьи руки попала эта драгоцѣнность и гдѣ она теперь находится... Ученики Такка часто срисовывали ее за ея своеобразную красоту"... Надо предполагать, что это и былъ оригиналъ маски, съ которой впослѣдствіи были сняты всѣ существующіе слѣпки.

Mr. Seymour Kirkup замѣчаетъ относительно этихъ словъ Чинелли, что „существуютъ три маски Данта во Флоренціи; всѣ онѣ,—какъ это удостовѣрено судомъ лучшихъ римскихъ и флорентинскихъ скульпторовъ, — сняты съ натуры; этими же скульпторами признано, что неважныя различія, замѣчаемыя между ними, произошли лишь при снятіи слѣпковъ". Одинъ изъ этихъ слѣпковъ подаренъ m-r Kirkup'у скульпторомъ Бартолини, другой принадлежалъ профессору Риччи и третій находится во владѣніи маркиза Торриджіани.

За отсутствіемъ историческихъ свидѣтельствъ объ этой маскѣ, достовѣрность ея приходится признать потому, что она соотвѣтствуетъ типу большаго числа портретовъ Данта, исполненныхъ въ періодъ отъ XIV до XVI вѣка, и была принята Рафаэлемъ за оригиналъ, съ котораго онъ возстановилъ черты великаго поэта въ своихъ прославленныхъ всемірной извѣстностью портретахъ его.

Самый характеръ маски чрезвычайно подтверждаетъ ея подлинность. Безъ всякаго сомнѣнія, она снята съ лица покойника. Въ ней нѣтъ ничего такого, что бы доказывало присутствіе вымысла; нѣтъ ни одного слѣда творчества. Неравномѣрно закрытыя вѣки, неравномѣрность въ той и другой половинѣ лица, легкое отклоненіе въ линіи носа, отвисшіе углы рта и масса столь же мелкихъ, но убѣдительныхъ подробностей доказываютъ, что маска снята прямо съ натуры. Но самое лицо и его выраженіе достойны Данта: никакія придуманныя черты не могли бы соотвѣтствовать въ такой степени лицу

того, кто провелъ жизнь настолько въ сторонѣ отъ міра, гдѣ ему пришлось жить, и кто былъ ведомъ любовью и вѣрою тяжкимъ, мучительнымъ и одинокимъ путемъ, для того чтобы увидѣть наконецъ

L'alto trionfo del regno verace.

Маска соотвѣтствуетъ также и описанію Боккачіо, кромѣ того, что на маскѣ поэтъ является безбородымъ; но можно предположить, что трупъ обрили передъ погребеніемъ.

Это лицо—одно изъ самыхъ патетическихъ лицъ, которыя когда-либо видѣло человѣческое око; потому что оно выражаетъ сочетаніе между мощью натуры этого человѣка и тяжкими испытаніями его судьбы, между идеею его жизни и ея практическимъ осуществленіемъ. Мощь—наиболѣе поразительная черта въ лицѣ; она разлита и въ его высокомъ челѣ и въ его мужественномъ носѣ, въ сжатыхъ губахъ, въ опущенныхъ углахъ рта, въ широкомъ подбородкѣ. И эта мощь, происходящая отъ мужественности чертъ лица, усиливается еще строгостью выраженія. Взглядъ присталенъ и мраченъ почти до злобы; на бровяхъ и на нижней части лба складка какъ бы отъ гнѣва или мучительной думы. Но хотя и помраченныя этимъ взглядомъ, но не исчезнувшія окончательно, черты нѣжности, мягкости и сдержанности, въ сочетаніи съ второстепенными подробностями, придаютъ лицу мертваго поэта невыразимый оттѣнокъ меланхолическаго достоинства. Здѣсь нѣтъ слабости, нѣтъ колебанія. Это образъ мощной строгости сильной души, испытавшей безчисленныя внутреннія и внѣшнія бури, но не сломленной до конца.

Достовѣрность этого изображенія по внутреннему его соотвѣтствію не только съ описаніемъ наружности поэта, но и съ тѣмъ образомъ его, который мы составляемъ себѣ по его жизни и произведеніямъ, еще болѣе подкрѣпляется сравненіемъ его съ портретомъ Джіотто. Насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ еще не было произведено подобнаго сравненія съ цѣлью изучить сходство ихъ обоихъ. Прямое сравненіе между портретомъ и маской, вслѣдствіе трудности представить черты послѣдней на плоской поверхности съ игрой свѣта и тѣни, недостаточно. Но взявъ фотографію маски въ томъ же положеніи, какъ на портретѣ Джіотто, и помѣстивъ послѣдній рядомъ, — невольно поражаешься ихъ

изумительнымъ сходствомъ. Разница между ними только та, какая должна существовать между портретомъ человѣка въ цвѣтѣ счастливой юности и портретомъ его же въ старости послѣ множества жизненныхъ бурь и испытаній. Дантъ умеръ 56 лѣтъ; Джіотто же изобразилъ его двадцатипятилѣтнимъ. Разница по крайней мѣрѣ на тридцать лѣтъ—и какихъ лѣтъ для Данта!

Интересъ сравненія состоитъ еще не только во взаимномъ соотношеніи ихъ другъ съ другомъ и ихъ взаимномъ удостовѣреніи, но и въ той совмѣстной иллюстраціи, какою являются они къ жизни и характеру Данта. Дантъ такой, какимъ его изобразилъ Джіотто,—это обожатель Беатриче, веселый спутникъ государей, другъ поэтовъ, и самъ знаменитѣйшій пѣвецъ любви въ Италіи. Въ линіяхъ его лица почти женственная мягкость съ нѣжной серьезностью влюбленнаго. Въ этомъ лицѣ—Дантова весна, ясное время упованій и радости, которое такъ скоро миновало для него со смертью той, которая дѣлала жизнь новою для него и счастливою, и прославленію которой онъ посвятилъ всю свою душу и отдалъ всѣ свои послѣдующіе годы. То же самое лицо на маскѣ; но это уже не лицо юноши „во всемъ блескѣ торжества на челѣ", а лицо мужа „отягченнаго пылью и насмѣшками жизни". Лицо юноши строго, какъ будто на него легла тѣнь будущихъ печалей; лицо мужа торжественно, какъ лицо человѣка, прошедшаго

Per tutti i cerchj del dolente regno.

Первый — молодой поэтъ Флоренціи, второй — великій поэтъ міра,—

che al divino dall'umano
All'eterno dal tempo era venuto.

Судьба „Божественной Комедіи" по смерти Данта.

(I. R. Lowell «American Cyclopaedia», VI).

Глядя на жизнь Данта со стороны, можно признать, что она была сплошнымъ и безпросвѣтнымъ горемъ. Какое внутреннее удовлетвореніе находилъ онъ въ ней, мы въ слабой

степени можемъ понять, перелистывая Paradiso. Нашъ девятнадцатый вѣкъ сдѣлалъ себѣ идола изъ Байрона; четырнадцатый вѣкъ не замѣтилъ рѣдчайшій феноменъ на землѣ, геніальнаго человѣка, сердце котораго разбивалось впродолженіе двадцати лѣтъ и который все-таки остался самъ собою, пока не докончилъ свое жизненное дѣло. Въ концѣ „Новой жизни", своего перваго произведенія, Дантъ выразилъ обѣщаніе прославить Беатриче, какъ не была прославлена ни одна женщина въ мірѣ; и онъ буквально исполнилъ это обѣщаніе двадцать пять лѣтъ спустя, написавъ свою „Комедію". Но едва Данте умеръ, какъ Италія инстинктивно почувствовала, что это былъ великій человѣкъ. Боккачіо разсказываетъ, что въ 1329 году кардиналъ Поджетто велѣлъ сжечь публично трактатъ Данта De Monarchia и обѣщалъ вырыть кости поэта изъ могилы и сжечь ихъ какъ кости еретика; но поднялся такой сильный ропотъ въ народѣ, что онъ счелъ за лучшее отложить свое намѣреніе. И это уже было при папѣ Іоаннѣ XXII, котораго Дантъ жестоко упрекаетъ въ симоніи устами апостола Петра въ XXVII пѣсни Рая и избранію котораго Дантъ такъ противился, обратившись къ кардиналамъ съ своимъ извѣстнымъ посланіемъ. Въ 1350 году флорентинская республика постановила уплатить десять золотыхъ флориновъ мессеру Джіованни Боккачіо для передачи Дантовой дочери Беатриче, монахинѣ монастыря Санта-Кьяра въ Равеннѣ. Въ 1396 году Флоренція постановила поставить поэту памятникъ и безуспѣшно ходатайствовала о перенесеніи въ нее метафорическаго праха того, кого она при жизни едва не обратила въ дѣйствительный прахъ и пепелъ, постановивши сжечь его живымъ. Въ 1429 году она ходатайствовала объ этомъ вновь, но „мертвый городъ" Равенна не отдалъ мертваго поэта. Въ 1519 году Микель Анджело, по ея просьбѣ, собирался сдѣлать ему надгробный монументъ, но папа Левъ X не дозволилъ коснуться священнаго праха. Наконецъ, въ 1829 году, 508 лѣтъ спустя послѣ смерти Данта, Флоренція воздвигла гробницу Данту въ Санта-Кроче, не имѣя къ этому нималѣйшаго повода, такъ какъ прахъ поэта оставался въ Равеннѣ; эта гробница, сдѣланная Риччи, представляетъ три колоссальныя фигуры: посрединѣ Данта, по бокамъ его Поэзію и Италію. Равеннская же гробница поэта воздвигнута въ 1483 году кардиналомъ Бембо,

возобновлена въ 1692 году кардиналомъ Корси и наконецъ перестроена заново и приведена въ ея нынѣшній видъ кардиналомъ Гонзаго въ 1780 году; о всѣхъ этихъ строителяхъ гласитъ латинская надпись на ней. Теперь она является магнитомъ, привлекающимъ въ Равенну иностранцевъ и ихъ золото. Тамошній valet de place разсказываетъ, что Данте собственно похороненъ не подъ гробницей, а съ наружной стороны стѣны, подъ мостовой, на улицѣ. На этомъ мѣстѣ, говорятъ, часто видали колѣнопреклоненнаго и плачущаго Байрона. Могила Данта содержится въ грязи и небрежности, какъ и все въ Равеннѣ. Въ 1373 году (августа 9) Флоренція основала каѳедру „Божественной Комедіи“, и Боккачіо былъ ея первымъ профессоромъ. Онъ началъ свои чтенія въ воскресенье 3 октября, но его лекціи были внезапно прерваны на 17 стихѣ 17 пѣсни Ада болѣзнью лектора, окончившейся его смертью 21 декабря 1375 года. Между его замѣстителями извѣстны Филиппо Виллани и Филельфо.

Болонья первая послѣдовала примѣру Флоренціи; тамъ Бенвенуто да Имола началъ свои лекціи въ 1375 году. До конца столѣтія каѳедры „Божественной комедіи“ появились въ Пизѣ, Венеціи, Пьяченцѣ и Миланѣ. Чтенія происходили въ церквахъ въ праздничные дни, что указываетъ на ихъ популярный характеръ. Вальбо разсказываетъ, что рукописей „Божественной Комедіи“ впродолженіе XIV столѣтія появилось больше, чѣмъ рукописей какого бы то ни было другого произведенія древняго или новаго времени. Со времени изобрѣтенія книгопечатанія до 1500 года вышло болѣе двухсотъ изданій ея въ Италіи; первое изъ нихъ было въ 1472 году. Впродолженіе XVI вѣка было 40 изданій; въ XVII вѣкѣ,—періодъ скептическаго диллетантизма для Италіи,—только три; въ XVIII вѣкѣ 34, и наконецъ въ первой половинѣ XIX вѣка по крайней мѣрѣ восемьдесятъ. Первый переводъ былъ сдѣланъ на испанскій языкъ въ 1428 г.; St. René Taillandier говоритъ, что „Божественная Комедія“ была запрещена инквизицией, но Фосколо утверждаетъ, что запрещеніе касалось только комментарій Ландино и Велутелло и нѣсколько стиховъ Inferno и Paradiso (XIX пѣснь „Ада“ напр. до сихъ поръ въ Испаніи не пропускается цензурою) Первый французскій переводъ сдѣланъ Гранжье въ 1596 году, но изученіе Данта во Франціи не привилось до нынѣш-

няго времени. Ривароль, переведшій „Адъ“ въ 1783 году, былъ первый, угадавшій удивительную силу и жизненность „Комедіи“; а мнѣнія Вольтера показываютъ отношеніе къ Данту образованныхъ французовъ половины прошлаго столѣтія. Замѣчательно, что и Данте самъ питалъ отвращеніе къ такимъ натурамъ, типомъ которыхъ служитъ Вольтеръ. Лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія Шатобріанъ отзывается о „Божественной Комедіи“ съ почтеніемъ, вынесеннымъ, очевидно, изъ ближайшаго знакомства съ нею.

Дантъ.

(Вольтеръ, Dictionnaire filosophique).

Вы желаете знать о Дантѣ? Итальянцы называютъ его божественнымъ; но это скрытая божественность; немногіе понимаютъ его изреченія; конечно, есть комментаторы: но это можетъ быть лишняя причина быть непонятымъ. Его слава будетъ вѣчной, потому что его никто никогда не читаетъ. Есть съ дюжину мѣстъ, которыя заучиваютъ наизусть; этого достаточно, чтобы не давать себѣ труда заглянуть въ остальное.

Говорятъ этотъ божественный Дантъ былъ человѣкъ довольно несчастный; не думайте, что онъ былъ божественнымъ для своего времени; никто не бываетъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ. Правда, онъ былъ пріоромъ, только не пріоромъ монаховъ, а пріоромъ Флоренціи, т.-е. однимъ изъ сенаторовъ. Онъ родился въ 1260 году, какъ говорятъ его соотечественники. Бейль, писавшій въ Роттердамѣ currente calamo, приблизительно 4 вѣка спустя говоритъ, что онъ родился въ 1265 году. Я думаю, что Бейль ошибся ни больше ни меньше какъ на 5 лѣтъ; ошибка небольшая, да и невелика бѣда ошибиться, лишь бы это было не дѣло вкуса и не разсужденіе. Искусства тогда начинали зарождаться въ отечествѣ Данта. Флоренція была подобна Аѳинамъ, полна одушевленія, веселья, легкомыслія, непостоянства и партій.

Партія Бѣлыхъ была въ большомъ почетѣ; она называлась такъ по имени синьоры Бьянки; противоположная партія

называлась партiей Черныхъ, чтобы лучше отличаться отъ Бѣлыхъ; этихъ двухъ партiй флорентинцамъ было мало, были еще гвельфы и гибеллины. Большинство Бѣлыхъ были гибеллинами, т.-е. приверженцами папы.

Всѣ эти партiи больше всего любили свободу, но тѣмъ неменѣе дѣлали все, чтобы ее уничтожить.

Папа Бонифацiй VIII хотѣлъ воспользоваться этими раздѣленiями, чтобы ослабить власть императора въ Италiи. Онъ объявилъ Карла Валуа, брата французскаго короля Филиппа Красиваго, своимъ намѣстникомъ въ Тосканьѣ. Намѣстникъ пришелъ съ войскомъ, прогналъ Бѣлыхъ и гибеллиновъ, и объявилъ себя на сторонѣ Черныхъ и гвельфовъ. Данте былъ Бѣлый и гибеллинъ, онъ былъ изгнанъ однимъ изъ первыхъ, а его родня перебита, поэтому можно судить, насколько онъ въ остальную часть жизни нѣжно любилъ французскую династiю и папъ; говорятъ, все-таки онъ отъ скуки поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ сдѣлался богословомъ и усердно диспутировалъ въ университетѣ; прибавляютъ; что императоръ Генрихъ VII ничего не сдѣлалъ для него, хотя оба они были несомнѣнные гибеллины; послѣ этого Дантъ отправился къ Фридриху Аррагонскому, королю Сицилiи, но вернулся отъ него такимъ же бѣднымъ, какъ и пришелъ.

Потомъ его укрывали маркизъ Малеспина и Канъ-Гранде въ Веронѣ, но ни тотъ ни другой не возместили его убытковъ, и Дантъ умеръ бѣднякомъ въ Равеннѣ, въ возрастѣ 56 лѣтъ. Въ разныхъ мѣстахъ своихъ странствiй онъ сочинилъ Комедiю объ адѣ, чистилищѣ и раѣ; эту окрошку считаютъ прекрасной эпической поэмой.

Сначала, у входа въ адъ онъ встрѣчаетъ льва и волчицу; вдругъ является Виргилiй, чтобъ его ободрить. Виргилiй рекомендуется, что онъ ломбардецъ по рожденiю: это приблизительно то же самое, если бы Гомеръ сказалъ, что онъ по рожденiю турокъ. Виргилiй предлагаетъ Данту сдѣлать честь проводить его по аду и по чистилищу до двери св. Петра, но онъ сознается, что его туда самого не пустятъ; между тѣмъ Харонъ перевозитъ ихъ обоихъ въ своей ладьѣ. Виргилiй разсказываетъ, что немного послѣ его поселенiя въ аду, какое-то мощное существо увело съ собой души Авеля, Ноя, Авраама, Моисея и Давида. Идя далѣе, они находятъ въ аду очень прiятныя помѣщенiя: въ одномъ изъ

нихъ находятся Гомеръ, Горацій, Овидій и Луканъ, въ другомъ Электра, Гекторъ, Эней, Лукреція, Брутъ и турокъ Саладинъ, въ третьемъ Сократъ, Платонъ, Гиппократъ и арабъ Аверрой. Наконецъ показывается настоящій адъ, гдѣ Плутонъ судитъ грѣшниковъ; путешественникъ узнаетъ тамъ нѣсколько кардиналовъ, нѣсколько папъ и очень много флорентинцевъ. И все это въ комическомъ стилѣ, спросите вы? Нѣтъ. Значитъ, въ героическомъ? Тоже нѣтъ. Въ какомъ же вкусѣ эта поэма? Въ странномъ вкусѣ.

Но есть стихи столь удачные и столь наивные, что они не состарились за 400 лѣтъ и не состарятся никогда; вся остальная поэма, гдѣ описываются папы въ аду, конечно, заслуживаетъ большого вниманія, и комментаторы истощаютъ все свое остроуміе для того, чтобы опредѣлить самымъ тщательнымъ образомъ, кого именно Дантъ посадилъ въ то или другое мѣсто ада, и чтобы не ошибиться въ такой важной матеріи. Основаны цѣлыя каѳедры для объясненія этого классическаго автора; вы меня спросите: какъ не противится этому инквизиція? Я вамъ отвѣчу, что инквизиція знаетъ свое дѣло. Она знаетъ, что стихотворныя выходки немного надѣлаютъ зла, да вы и сами это признаете по немного вольному переводу маленькаго отрывка изъ 23 пѣсни *). Дѣло идетъ объ одномъ грѣшникѣ изъ знакомыхъ автора; вотъ что говоритъ этотъ грѣшникъ:

Je m'appelais le comte de Guidon;
Je fus sur terre et soldat et poltron;
Puis m'enrôlai sous saint François d'Assise,
Afin qu'un jour le bout de son cordon
Me donnât place en la céleste église;
Et j'y serais sans ce pape félon,
Qui m'ordonna de servir sa feintise,
Et me rendit aux griffes du démon.
Voici le fait. Quand j'étais sur la terre,
Vers Rimini je fis long-temps la guerre,
Moins, je l'avoue, en héros qu'en fripon.
L'art de fourber me fit un grand renom.
Mais quand mon chef eut porté poil grison,
Temps de retraite où convient la sagesse,

*) Умышленная неточность. Рѣчь идетъ о 27-й пѣснѣ.

Le repentir vint ronger ma vieillesse,
Et j'eus recours à la confession.
O repentir tardif et peu durable!
Le bon saint-père en ce temps guerroyait,
Non le Soudan, non le Turc intraitable,
Mais les chrétiens qu'en vrai Turc il pillait.
Or, sans respect pour tiare et tonsure,
Pour saint François, son froc et sa ceinture;
Frère, dit-il, il me convient d'avoir
Incessamment Préneste en mon pouvoir.
Conceille-moi, cherche sous ton capuce
Quelque beau tour, quelque gentille astuce,
Pour ajouter en bref à mes états
Ce qui me tente et ne m'appartient pas.
J'ai les deux clefs du ciel en ma puissance.
De Célestin la dévote imprudence
S'en servit mal, et moi je sais ouvrir
Et refermer le ciel à mon plaisir.
Si tu me sers, ce ciel est ton partage.
Je le servis, et trop bien: dont j'enrage.
Il eut Préneste, et la mort me saisit.
Lors devers moi saint François descendit,
Comptant au ciel amener ma bonne ame;
Mais Belzébut vint en poste, et lui dit:
Monsieur d'Assise, arrêtez; je réclame
Ce conseiller du saint-père, il est mien;
Bon saint François, que chacun ait le sien.
Lors tout penaud le bon homme d'Assise
M'abandonnait au grand diable d'enfer.
Je lui criai: Monsieur de Lucifer,
Je suis un saint, voyez ma robe grise;
Je fus absous par le chef de l'église.
J'aurai toujours, répondit le démon,
Un grand respect pout l'absolution:
On est lavé de ses vieilles sottises,
Pourvu qu'après autres ne soient commises.
J'ai fait souvent cette distinction
A tes pareils; et grace à l'Italie,
Le diable sait de la théologie.
Il dit, et rit: je ne répliquai rien

A Belzébut; il raisonnait trop bien.
Lors il m'empoigne, et d'un bras raide et ferme
Il appliqua sur mon triste épiderme
Vingt coups de fouet, dont bien fort il me cuit:
Que Dieu le rende à Boniface huit.

Божественная Комедія.

(Rivarol, Etude sur Dante).

Странная и удивительная попытка! Спуститься до послѣднихъ безднъ ада, проникнуть въ высшее святилище неба, обнять двойную іерархію пороковъ и добродѣтелей, крайнее страданіе и несказанное блаженство, время и вѣчность, изобразить единовременно ангела и человѣка, корень зла и святое святыхъ! Можно себѣ представить какое поразительное впечатлѣніе произвела на Италію эта національная поэма, полная выходокъ противъ папъ, намековъ на недавнія событія, вопросовъ, волновавшихъ тогда умы,—поэма, написанная на языкѣ, который, такъ сказать, былъ еще въ колыбели и который въ устахъ Данта пріобрѣлъ такое достоинство, какого не имѣлъ ни прежде ни послѣ! Эффектъ получился такой, что даже когда этотъ грубый и оригинальный языкъ вышелъ изъ употребленія, когда ключъ къ разъясненію намековъ былъ потерянъ, ея великая слава не померкла въ продолженіе пяти вѣковъ, подобно тѣмъ великимъ потрясеніямъ, отзвуки которыхъ ощущаются на громадныхъ разстояніяхъ.

Италія дала прозваніе *божественной* и поэмѣ и ея автору; и хотя послѣдній умеръ въ изгнаніи, тѣмъ не менѣе его друзья и его многочисленные почитатели имѣли настолько силы и значенія, чтобы сжечь живымъ флорентійскаго поэта Чекко д'Асколи подъ предлогомъ магіи и ереси, а въ дѣйствительности за то, что онъ осмѣлился критиковать Данта. Его родина воздвигла ему памятникъ и по декрету сената послала депутацію къ одному изъ его внуковъ, отказавшемуся вступить во владѣніе домомъ поэта. Трое изъ папъ принимали посвященіе „Божественной Комедіи"; были основаны каѳедры для объясненія оракуловъ этого темнорѣчиваго божества.

Длинныя комментаріи не разъяснили темныхъ мѣстъ; толпа толкователей видѣла всюду лишь одно богословіе; но имъ бы слѣдовало видѣть также и миѳологію, потому что поэтъ перемѣшалъ одно съ другимъ. Всѣ они безъ исключенія настаиваютъ, что Дантъ самъ изображаетъ *плотскую часть* человѣка; Виргилій *нравственную философію* или человѣческій разумъ, а Беатриче *свѣтъ благодати* или богословіе. По такому объясненію, плотскій человѣкъ, представителемъ котораго является Дантъ, заблудился въ темномъ лѣсу, обозначающемъ волненія молодости; и вотъ разумъ ведетъ его къ познанію пороковъ и наказаній за нихъ, т.-е. въ адъ и чистилище. Когда онъ приближается къ вратамъ рая, Беатриче появляется и Виргилій исчезаетъ; это значитъ, что разумъ исчезаетъ передъ богословіемъ. Трудно себѣ представить, что можно написать хорошую поэму съ такими идеями; поэтому слѣдуетъ беречься такого рода объясненій; вѣдь нѣтъ ничего, изъ чего бы нельзя было съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ извлечь какой-нибудь аллегоріи. Но займемся лучше поэмой Ада въ частности, ея колоритомъ, ея красотами и недостатками.

Во времена Данта во Франціи и въ Испаніи поэзія жила въ маленькихъ пѣсенкахъ трубадуровъ. Въ Италіи ничего серьезнаго не писали на народномъ языкѣ; все писалось по латыни. Но Дантъ для постройки своего идеальнаго міра, желая создавать для своего вѣка и своей націи, бралъ матеріалы тамъ, гдѣ онъ ихъ находилъ: онъ заставилъ говорить тотъ языкъ, который умѣлъ до этого только лепетать; странныя слова, которыя онъ создавалъ по необходимости, оказались пригодными только для него самого. Вотъ одна изъ причинъ его темноты. Да и не этимъ только поэтъ затрудняетъ своихъ переводчиковъ: онъ ихъ поражаетъ странностями, загадками, ужасами; онъ нагромождаетъ самыя безвкусныя сравненія, сопоставленія, схоластическіе термины и самыя низменныя выраженія; ничто не кажется ему слишкомъ презрѣннымъ. Переводчику приходится бороться съ стилемъ, жаднымъ до поэзіи; черезъ пять-шесть тирадъ онъ истощаетъ свои рессурсы. Что же дѣлать?

Приходится сохранять оттѣнки, потому что имѣешь дѣло съ самыми гордыми чертежами и рисунками, которые когда-либо произведены были рукой человѣка. Въ особенности прихо-

дится сохранять странный порядокъ словъ. Дантъ часто обрисовываетъ положенiе своихъ персонажей расположенiемъ словъ; у него есть странности стиля, производящiя поразительный эффектъ. Часто для изображенiя мученiй онъ утомляетъ словами, что прекрасно передаетъ утомленiе казнью. Воображенiе постоянно переходитъ отъ удивленiя, производимаго описанiемъ какой-нибудь невѣроятной вещи, къ ужасу, въ какой его повергаетъ вѣрность картины. Изъ видимаго и дѣйствительнаго мiра поэтъ взялъ богатый запасъ образовъ для своего идеальнаго мiра,—и онъ бросаетъ то и дѣло читателя отъ одного къ другому; такая смѣсь событiй совершенно неправдоподобныхъ съ совершенно реальными красками—и есть великая магiя поэмы.

Данте написалъ свою поэму терцинами, т.-е. стихами съ тройными риѳмами. Чтобы облегчить себѣ это тяжкое бремя онъ позволялъ себѣ странныя, даже нечистоплотныя выраженiя. Но тамъ, гдѣ онъ прекрасенъ, ничто не можетъ идти съ нимъ въ сравненiе. Его стихъ держится единственно силою существительнаго и глагола безъ поддержки какого бы то ни было эпитета.

Если сравненiя и пытки, которыя Дантъ выдумываетъ, иногда и ужасны, то онѣ всегда съ другой стороны генiальны, и каждая казнь имѣетъ корень въ самой натурѣ того преступленiя, которое она караетъ. Что касается до странности его идеи, то въ ней есть что-то величавое и необычное, что удивляетъ и привлекаетъ читателя. Его дiалогъ часто полонъ силы и естественности, и всѣ его персонажи обрисованы гордыми штрихами. Большая часть его картинъ донынѣ сохраняетъ мощь древности и свѣжесть новаго времени, подобно произведенiямъ живописи мрачнаго и страшнаго колорита, которыя вышли изъ мастерскихъ Микель Анджело и Караччи и которыя давали религiознымъ сюжетамъ то величiе, которое такъ поражаетъ взоры.

Правда, въ этой галлереѣ пытокъ довольно мало эпизодовъ; несмотря на краткость пѣсенъ, дающую возможность частаго отдыха, стремительный читатель чувствуетъ утомленiе. Это главный недостатокъ поэмы.

Въ концѣ концовъ изъ этой смѣси красотъ и недостатковъ получается поэма, которой нѣтъ подобiя и которая оставляетъ могучее и продолжительное впечатлѣнiе. Прочитавши

ее, невольно спрашиваешь себя, какъ человѣкъ могъ найти въ своемъ воображеніи столько разныхъ пытокъ, что онъ словно истощилъ до дна все божественное мщеніе; какъ онъ могъ едва нарождающимся языкомъ изобразить ихъ столь теплыми и столь вѣрными красками и, наконецъ, какъ онъ могъ такъ долго склонять свою голову къ ужасамъ ада.

Въ заключеніе, поэма не могла бы появиться при обстоятельствахъ болѣе неблагопріятныхъ. Мы стоимъ или слишкомъ близко или слишкомъ далеко отъ сюжета. Дантъ обращаетъ рѣчь къ набожнымъ умамъ своего времени, которые понимали его съ полусловъ и для которыхъ его слова были глаголами жизни; теперь, повидимому, уже нельзя трактовать серьезно великіе мистическіе сюжеты. Теологія среднихъ вѣковъ стала для насъ мертвымъ языкомъ. Но зато Данте представляетъ для насъ другой интересъ; его поэма высится подобно громадному монументу на развалинахъ средневѣковья, и съ Дантомъ невольно дѣлаешься средневѣковымъ католикомъ-мистикомъ, какъ дѣлаешься язычникомъ съ Гомеромъ.

Божественная Комедія.

(Lammenais, Introduction sur la vie et les oeuvres de Dante)

Какъ бы то ни было, эта поэма въ ея цѣломъ съ ея политическими, историческими, философскими и богословскими деталями представляетъ полную картину эпохи: ходячія доктрины дѣйствительной или заблуждающейся науки, волненія умовъ, страсти, нравы, жизнь всякаго рода; съ этой точки зрѣнія, „Божественную Комедію“ по праву называютъ энциклопедической поэмой. Ни древность ни новое время не произвели ничего подобнаго ей. Чѣмъ она напоминаетъ античную эпопею, которая, беря чисто національный сюжетъ, есть только поэзія исторіи, будь то Гомеръ съ его героическими легендами или Виргилій съ его прославленіемъ основанія Рима, связаннаго съ судьбами Энея? Съ другой стороны „*Потерянный Рай*“ тоже является не болѣе какъ развитіемъ одного, такъ сказать, догматическаго факта: созданія человѣка, его паденія, наказанія сопровождающаго паденіе, изгнанія изъ рая, проклятія, падающаго чрезъ Адама

на его потомковъ и, въ видѣ утѣшенія, надежды на будущее искупленіе. Что общаго имѣютъ эти поэмы, заключенныя въ рамки одного спеціальнаго сюжета съ огромной поэмой, которая обнимаетъ не только различныя состоянія человѣка до и послѣ грѣхопаденія, но также то божественное воздѣйствіе, которое, проникая чрезъ небеса небесъ, изливается на него, эволюцію его способностей и силъ всякаго рода, индивидуальные и соціальные законы, разнообразныя страсти человѣка, его добродѣтели, его пороки, его радости, его страданія; да и не только человѣка во всей полнотѣ его собственной природы, но всю вселенную, все созданіе, весь міръ духовный и матеріальный, все, что призвано къ бытію

Мощью Первою, Святой
Премудростью, Любовію Верховной?

Все-таки въ своемъ необъятномъ замыслѣ Дантъ не могъ перейти границы, которую ему начерталъ его вѣкъ. Его эпопея,—цѣлый міръ, но міръ соотвѣтствующій развитію мысли общества въ его эпоху и въ его странѣ, –міръ среднихъ вѣковъ. Если сюжетъ и универсаленъ, то несовершенство знанія заключило его въ ту ограниченную сферу, въ какой оно само находилось въ сравненіи съ послѣдующей наукой, наукой, освободившейся изъ узкой колыбели схоластики. Въ религіи и въ философіи авторитетъ обводилъ вкругъ ума непереходимый кругъ. Что тогда знали о происхожденіи человѣческаго рода, о его первоначальномъ состояніи, о первыхъ шагахъ его въ познаніи окружающаго, о первыхъ чувствахъ, какія въ немъ возбудило это окружающее, о древнихъ ступеняхъ культуры, о первыхъ фазисахъ религіи? Ровно ничего. Почти вся Азія съ ея доктринами, ея искусствомъ, ея нарѣчіями, ея памятниками была также неизвѣстна, какъ и древній Египетъ, какъ народы сѣверной и восточной Европы, ихъ языкъ, ихъ нравы, ихъ вѣрованія, ихъ законы. Тогда даже и не подозрѣвали о существованіи цѣлой половины земного шара. Истинная астрономія, физика, химія, анатомія только что зарождались; нужно мысленно перенестись въ Дантову эпоху, чтобы понять величіе и великолѣпіе его созданія.

Мы объяснили, какія причины производятъ темноты, встрѣчающіяся въ поэмѣ; къ этимъ причинамъ можно еще приба-

вить тонкости метафизики, съ которой теперь знакомы лишь немногіе изъ читателей и даже языкъ которой приходится спеціально изучать, чтобы его понимать. Но отбрасывая въ сторону темную часть поэмы, мы имѣемъ въ ней еще то, что присуще человѣческой природѣ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, область вѣчнаго наслѣдія поэта; вотъ тамъ то мы встрѣчаемъ Данта во всей его мощи, тамъ то онъ занимаетъ мѣсто среди геніевъ, слава которыхъ есть слава человѣчества. Никто не былъ такъ самобытенъ, никто не былъ одаренъ болѣе могущественной оригинальностью, никто не владѣлъ большей силой и разнообразіемъ изобрѣтательности, никто не проникалъ далѣе въ сокровеннѣйшія тайны души и бездны сердца, не наблюдалъ и не списывалъ ихъ тщательнѣе и похожѣе. Если его можно упрекнуть за метафоры скорѣе странныя чѣмъ смѣлыя, за безвкусныя выходки, то онѣ всегда происходятъ у него отъ усилій скрыть подъ однимъ смысломъ другой смыслъ, пробудить однимъ словомъ идеи разнообразныя и даже противорѣчивыя. Эти погрѣшности противъ вкуса, который образуется у народовъ лишь послѣ долгой культуры, свойственны всѣмъ поэтамъ, которые начинаютъ новую эру. Это тѣ пятна въ произведеніяхъ генія, о которыхъ Горацій говоритъ:

Ubi plura nitent in carmine, non ego paucis
Offendar maculis.

Они похожи на тѣнь тѣхъ легкихъ облачковъ, которыя проносятся надъ залитыми свѣтомъ лугами.

Когда послѣ зимы варварства снова возрождается весна подъ лучами внутренняго солнца, которое освѣщаетъ, согрѣваетъ и оживляетъ души, окоченѣвшія въ холодномъ мракѣ,—поэзія расцвѣтаетъ тоже и ея первые цвѣты поражаютъ яркостью и благоуханіемъ, не встрѣчающимися у цвѣтовъ, расцвѣтающихъ позже. Произведенія искусства, менѣе зависящія отъ подражанія и общепринятыхъ правилъ, отличаются оригинальностью болѣе выдающеюся, болѣе сильною. Дантъ—поразительный примѣръ этого. Геній вдвойнѣ творческій, онъ создалъ въ одно и то же время и поэму безъ примѣра и великолѣпный языкъ, секретъ котораго онъ оставилъ при себѣ, потому что каково бы ни было его вліяніе на развитіе итальянскаго литературнаго языка, его соб-

ственный языкъ тѣмъ не менѣе сохранилъ что-то особенное, присущее одному ему. Чистота и точность, краткость и живописность—рѣзкія его отличія. Въ немъ отражается геній Данта, этотъ нервный геній, врагъ всякой фразы, краткорѣчивый, умѣющій передать изъ своей души въ души другихъ людей, изъ своего разума въ разумъ читателя—идею, чувство, образъ, какой-то силой непосредственнаго воздѣйствія, почти независимаго отъ словъ.

Родясь въ обществѣ уже сложившемся, даже искусственно сложившемся, онъ не имѣетъ ни простоты ни наивности первобытныхъ поэтовъ; наоборотъ, въ немъ все напряжено, изыскано, выработано, но и подъ этой выработкой, сквозь всѣ его странности, пробивается струя естественнаго. Онъ никогда не ищетъ эффекта, который у него рождается самъ собой лишь вслѣдствіе точной передачи того, что поэтъ думалъ и чувствовалъ. У него никогда нѣтъ ни слова лишняго: что онъ рисуетъ, онъ видитъ передъ собой, и его рельефный стиль даже болѣе пластиченъ, чѣмъ живописенъ.

Когда его произведеніе появилось въ свѣтъ, оно извлекло у современниковъ крики удивленія и восхищенія. Прошли вѣка, въ продолженіе которыхъ его великая слава мало-помалу тускнѣла. Смыслъ поэмы былъ потерянъ; восхищеніе ею ослабло подъ новыми вѣяніями. Въ половинѣ XVIII вѣка, Вольтеръ писалъ къ Беттинели: „Я очень цѣню смѣлость, съ которою вы провозгласили, что Данте—сумасшедшій человѣкъ, а его поэма чудовищна. Все-таки въ этой чудовищной поэмѣ мнѣ по вкусу полсотни стиховъ, которые лучше всѣхъ sonetti, возникающихъ и умирающихъ тысячами по сіе время въ Италіи, отъ Милана до Отранте.“

Вольтеръ зналъ итальянскій языкъ не больше, чѣмъ греческій и судилъ о Дантѣ какъ и о Гомерѣ, не читавши. У него не было чутья ни къ античной красотѣ и ни къ чему другому, что выходило изъ рамокъ, въ которыя новое время заключило искусства. Правда, его тонкій вкусъ заставлялъ его восхищаться нѣкоторыми мѣстами; но все остальное для него терялось. Природа одарила его зоркимъ глазомъ, но его горизонтъ былъ узокъ.

Энтузіазмъ къ Данту успѣлъ съ тѣхъ поръ возродиться, и отношеніе къ нему измѣнилось въ обратную сторону: теперь изъ него хотѣли сдѣлать не только одного изъ вели-

чайшихъ геніевъ человѣчества, но поэта безъ недостатковъ, непогрѣшимаго, вдохновеннаго свыше, словомъ пророка. Но это не значитъ еще послужить его славѣ; напротивъ, такое отношеніе къ нему даетъ лишнее оружіе въ руки его порицателей.

Одинъ изъ упрековъ дѣлаемыхъ ему, — что его поэма скучна. Этотъ упрекъ, дѣлаемый также и древнимъ, нельзя признать неосновательнымъ. Но чтобы судить справедливо, нужно принять во вниманіе его эпоху. То, что скучно теперь, эти мелочи ложной науки, подробныя аргументаціи богословскихъ и философскихъ схоластическихъ доктринъ, дѣлающія поэму утомительною, — далеко не производили такого же впечатлѣнія въ XIV вѣкѣ. Эта наука была наука того времени, ея доктрины глубоко внѣдрялись въ умахъ и въ сознаніи тогдашняго общества, представляли одинъ изъ главныхъ элементовъ общественной жизни и правили міромъ; вотъ чего не слѣдуетъ забывать. Развѣ Лукрецій не великій поэтъ только потому, что онъ наполнилъ свою поэму сухими доктринами философіи, нынѣ не имѣющей значенія? Но у Лукреція эта философія—вся его поэма, между тѣмъ какъ у Данта его теологія занимаетъ гораздо менѣе мѣста. Тотъ, кто не умѣетъ переноситься въ сферу идей, вѣрованій и нравовъ, отличныхъ отъ тѣхъ, въ которыхъ онъ случайно родился,—тотъ живетъ неполной и несовершенной жизнью, жизнью, которой суждено затеряться въ прогрессивной безконечной жизни человѣчества.

Кромѣ того, Дантъ создалъ свою поэму такъ, какъ были созданы всѣ эпопеи, въ особенности древнѣйшія. Развѣ эпопеи Индіи, столь богатыя красотами всякаго рода, не представляютъ изъ себя теологическія поэмы? Чѣмъ стала бы Иліада, если бы выкинуть изъ нея всю толпу боговъ, то и дѣло вплетаемыхъ въ ткань баснословнаго разсказа? Только Греція во времена Гомера уже разорвала тѣ узы, которые препятствовали свободному полету генія. Ея религія, лишенная абстрактныхъ догматовъ, не предписывала никакихъ вѣрованій и дѣйствовала только на воображеніе. То же было и у римлянъ, въ этомъ смыслѣ духовныхъ дѣтищъ Эллады. Но христіанство произвело глубокій переворотъ въ отношеніяхъ къ этому. Вѣра въ точные догматы стала главнымъ основаніемъ новой религіи; вотъ почему христіанскій поэтъ

Данте придаетъ имъ такое значенiе. Теперь умы, провидя во мракѣ будущаго новыя основанiя для своей духовной жизни, отворачиваются отъ той системы, которая служила прогрессу мысли и знанiя у ихъ предковъ. Но каковы ни будутъ тѣ доктрины, которымъ суждено замѣстить прежнiя, онѣ въ свою очередь станутъ, въ перiодъ ихъ расцвѣта, источникомъ возвышенной поэзiи, оживотворяющимъ духъ, который безъ нея гибнетъ въ пустынѣ матерiальнаго мiра.

Божественная Комедiя.

(Эдгаръ Кине. «Итальянскiя революцiи», гл. VII).

Какъ въ каждой детали готическаго собора вы распознаете характеръ общаго, такъ точно въ каждой части Дантовой поэмы вы найдете въ сокращенiи всѣ другiя. Политическiя воспоминанiя господствуютъ въ Аду; политика соединяется съ философiей въ Чистилищѣ, а философiя съ богословiемъ въ Раю. Такимъ образомъ, на протяженiи этого долгаго пути отголоски мiра мало-по-малу замолкаютъ и, наконецъ, совершенно теряются въ экстазѣ послѣднихъ пѣсенъ. Есть въ Аду молнiи потерянной радости, которыя напоминаютъ и какъ бы предвѣщаютъ Рай; есть въ Раю горькiя жалобы и пророчества несчастiй, словно самое небо поглощено бездной и словно безконечная скорбь охватываетъ человѣка даже на лонѣ безконечной радости.

Раздѣлять по отрывкамъ поэму Данта, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, значитъ не знать ея вовсе; нужно хотя разъ, однимъ духомъ, прослѣдовать за поэтомъ черезъ всѣ эти смежныя царства, обнять однимъ взглядомъ крайнiй горизонтъ мрака и крайнiй горизонтъ свѣта, пройти путь мученiй, ведущiй къ счастiю, собрать вмѣстѣ всѣ отголоски горестей и радостей, которые взываютъ, не находя себѣ отвѣта, и, дойдя до вершины поэмы, почувствовать себя какъ дома и въ городѣ Божiемъ, и въ городѣ адскомъ; нужно слышать заразъ miserere осужденныхъ въ кровавой рѣкѣ и осанну блаженныхъ, потому что изъ этой смѣси образуется полный аккордъ „Божественной Комедiи". Демонъ тлѣетъ въ безднѣ въ то же самое время, какъ крылья херувима вѣютъ

въ садахъ Эмпирея. Эта безконечность радости, которая граничитъ съ безконечностью горя, это адское эхо, которое отвѣчаетъ эхо райскому, эта бездна, которая заволакиваетъ вамъ всѣ чувства, это проклятіе, которое откликается благословенію, этотъ порядокъ въ несоизмѣримомъ: вотъ главная мысль поэмы по преимуществу! Прибавьте къ этому для увеличенія реальности города бездны рядъ мучительныхъ воспоминаній, которыя поэтъ несетъ съ собою, чувство личности, которое не только не исчезаетъ, но какъ бы увеличивается въ смерти. Ереси въ то время уже потрясли старую догму, но была вещь, которую ни одна секта не подвергала сомнѣнію въ XIII вѣкѣ; это вѣра въ безсмертіе и въ воскресеніе. Въ царство мертвыхъ вѣрили такъ же, какъ въ царство живыхъ, а такъ какъ умы имъ были слишкомъ сильно заняты, то его знали лучше, чѣмъ видимый міръ. Человѣческія семейства были такъ увѣрены, что они тамъ встрѣтятся, каждое съ своимъ языкомъ, съ своимъ акцентомъ, съ своей физіономіей! У Данта не только личности, но даже вещи, обстановка, любимыя мѣста переносятся въ загробный міръ. Вы находите въ Аду укрѣпленные замки, города, зубчатые стѣны и подъемные мосты гвельфовъ и гибеллиновъ. Каждая мѣстность бездны описана съ такой точностью, что хоть дотрогивайся пальцемъ. Мистическій Іерусалимъ построенъ изъ развалинъ Флоренціи. Извѣстнѣйшія мѣста Италіи лишь помрачены печальнымъ солнцемъ мертвыхъ. Вотъ прекрасное озеро Гарда, вотъ лагуны Венеціи, вотъ плотины Бренты, вотъ отроги Тарентинскихъ Альпъ, составляющіе часть горизонта вѣчнаго города. Эта смѣсь чудеснаго и реальнаго охватываетъ васъ на каждомъ шагу; это все опять же Италія, но Италія, опрокинутая съ высоты своихъ горъ при звукахъ архангельской трубы къ подножію Вѣчнаго Судіи.

Безпорядокъ, хаосъ, всѣ тоны разбиваются другъ о друга,—вотъ геній истинно сатанинскій! И чѣмъ больше это смѣшеніе, чѣмъ необузданнѣе вымыслы, тѣмъ менѣе вы предполагаете, что они выдуманы только для минутнаго эффекта. Верхъ искусства здѣсь быть естественнымъ въ хаотичности. Античная древность, сталкиваясь съ средневѣковьемъ, производитъ вопіющій диссонансъ, адскую гармонію. Когда умъ наталкивается на чудовищные анахронизмы, которые приковываютъ къ одной и той же мысли, часто къ одному и

тому же мѣсту язычниковъ и христіанъ, смѣшивая безъ разбора всѣ поколѣнія, ставя рядомъ Пирра и Атиллу,—кажется, что различія вѣковъ стираются, и что самое время исчезаетъ въ этой поэмѣ о вѣчности.

Но среди этого хаоса, какъ относится поэтъ къ своей поэмѣ? Авторъ трепещетъ передъ своими собственными концепціями. Онъ желалъ бы закрыть глаза и уши передъ возникающими видѣніями. Вы видите, какъ страшное произведеніе выростаетъ, такъ сказать само собою и какъ авторъ проситъ пощады у своего генія, но напрасно! неумолимое творчество катится, оно растетъ съ непобѣдимою силой, оно увлекаетъ съ собою поэта. Муза поистинѣ адская окружила его, обвѣяла его со всѣхъ сторонъ; несмотря на его сдавленные крики, она бросаетъ его отъ вихря къ вихрю, отъ ужаса къ ужасу. Разъ вызвавъ наружу могущество своего генія, Дантъ не принадлежитъ больше себѣ; онъ начертилъ вокругъ себя заколдованный кругъ и не въ силахъ изъ него выйти. Неся раньше срока свою кару, онъ старается вернуться въ реальный міръ, но это ужъ для него недоступно. Такимъ я его себѣ воображаю, когда онъ, раздавленный тяжестью своей мысли, испуганный своимъ произведеніемъ, зоветъ меня и говоритъ мнѣ: „Читатель, я увѣряю тебя, что я это видѣлъ, и волосъ у меня до сихъ поръ становится дыбомъ отъ страха!“ Какъ же не отдать своихъ симпатій, своего сердца человѣку столь простому, который зоветъ меня на помощь и простираетъ ко мнѣ руки? Я слѣдую глазами за нимъ въ глубину бездны, куда онъ меня увлекаетъ; наклонясь надъ пропастью, я чувствую желаніе броситься внизъ—въ эти круги и извороты, которые, все уменьшаясь и уменьшаясь, подъ звуки адскихъ стоновъ и вздоховъ Франчески ди Римини и Уголино, увлекаютъ меня беззащитнаго въ лоно самой безконечности. Человѣкъ, подавленный своей собственной мыслью,—вотъ положеніе, котораго не зналъ античный геній; оно ведетъ къ совершенно новому принципу стиля. Видали ли вы на картинѣ Страшнаго суда Микель Анджело, какъ мертвецы, испуганные звукомъ ангельской трубы и блескомъ судіи Христа, закрываютъ себѣ руками глаза? Это обыкновенный жестъ у Данта; чѣмъ ужаснѣе его мысль, тѣмъ болѣе онъ боится усиливать ее словами; онъ прячетъ ее, онъ сдерживаетъ ее

выраженіемъ, которое, какъ сначала кажется, должно ее ослабить, но проклятый свѣтъ тѣмъ страшнѣе проникаетъ сквозь покрывало, отблескъ Ада багровѣетъ съ большею силой изъ-подъ словъ, которыя, казалось, должны бы его потушить.

Единственныя существа, которыя не пугаютъ Данта и являются обыкновенными его собесѣдниками,—это мертвые. Какъ онъ фамильярно съ ними разговариваетъ! Какая близость съ существами совершенно новой природы! Правда, это не призраки только, какъ въ древности; наоборотъ, никогда подъ солнцемъ жизнь не была столь пламенна, а личности столь неразрушимы. Среди всѣхъ пытокъ сомнѣніе въ безсмертіи никогда не проникало въ сердца грѣшниковъ; притомъ еще, большая часть ихъ умерла недавно, а между тѣмъ, какъ много новаго узнали они съ тѣхъ поръ! Они помнятъ прошедшее, они провидятъ будущее, они не знаютъ только настоящаго.

Безъ сомнѣнія, муки кажутся слишкомъ матеріальными, но не слѣдуетъ никогда забывать, что онѣ только знакъ внутренняго мученія. Ни Фарината, ни Бертранъ де-Борнъ, ни Уголино, ни Франческа ди Римини, эти столь прославленные образы, разсказывающіе въ слезахъ, не жалуются ни на раны своего тѣла, ни на вѣчный вихрь, ни на раскаленную могилу, ни на ледяное озеро; они жалуются только на внутреннюю рану. Никогда, быть можетъ, преобладаніе духа надъ тѣломъ не проявлялось ярче, чѣмъ въ ужасной гордости этихъ осужденныхъ, которые, среди невыразимыхъ чувственныхъ мученій, говорятъ только о мученіяхъ внутреннихъ. Ихъ рѣчи, ихъ разсказы являются контрастомъ къ жестокости каръ; подумаешь, что они могутъ быть заняты исключительно тѣмъ, что вокругъ нихъ, а между тѣмъ ихъ, какъ разъ наоборотъ, занимаетъ воспоминаніе какого-нибудь дня, какого-нибудь давно прошедшаго часа, и цѣлый адъ не въ силахъ разсѣять этого воспоминанія. Они вѣчно терзаются этимъ воспоминаніемъ, такъ что вся обстановка матеріальныхъ мученій служитъ только для того, чтобы рѣзче показать невидимую язву души.

Когда средневѣковые художники пробовали изобразить видѣнія Данта на фрескахъ стѣнъ, имъ удавался только рай; они были неспособны изобразить его адъ. Въ ангелахъ, увѣн-

чанныхъ ореолами, на фрескахъ Гоццоли и Таддео Гадди сіяютъ вѣра, покой, экстазъ серафимскаго сприсутствія; блаженныя уста лепечутъ блаженныя терцины Беатриче. Но какъ только эти же люди желаютъ представить адъ, они теряютъ свой геній; истинно ангельская кисть Фра-Анджелико не можетъ слѣдовать за поэтомъ въ хаосъ проклятаго города; благочестивыя сообщества художниковъ XIV вѣка неспособны спуститься хладнокровно въ бездну зла; если хотите противоположнаго зрѣлища, то обратитесь къ XVI вѣку—къ Страшному суду Микель Анджело.

Вотъ здѣсь царство ада; ужасъ проникъ до предѣловъ рая; слышишь, какъ грохочетъ гроза среди всемірнаго трепета и чувствуешь, что „городъ страданія—la città dolente“ разросся громадномъ размѣрѣ и поглотилъ все. Въ проклятой ладьѣ, нагруженной грѣшниками, которою управляетъ черный херувимъ, я узнаю ту ладью, которую Дантъ видѣлъ на кровавой рѣкѣ; вотъ на берегу змѣй, душащій священника симониста, вотъ Миносъ Божественной Комедіи. Но гдѣ же блаженство святыхъ Фра-Беато или Перуджино? Гдѣ улыбка Беатриче, способная дать счастье тому, кого сжигаютъ живымъ въ огнѣ? Гдѣ область мира, осанна блаженныхъ? Ихъ нѣтъ. Что же съ ними сталось? Средніе вѣка прошли, реформація разодрала завѣсу храма, чистота древнихъ мастеровъ потеряна безъ возврата, небо Микель Анджело все проникнуто той бурей, которая бушуетъ и въ современномъ ему обществѣ.

Каждая изъ частей Дантовой поэмы соотвѣтствуетъ извѣстной эпохѣ. Адъ сочиненъ въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за изгнаніемъ. Въ его каждомъ стихѣ—незакрывшаяся рана; вы слышите громовые раскаты—эхо гражданской войны. Наоборотъ, въ періодъ написанія Чистилища онъ удаляется изъ Италіи и его терзанія утихаютъ; вскорѣ походъ Генриха VII пробуждаетъ въ старомъ гибеллинѣ экзальтированныя надежды; вотъ когда онъ пишетъ то посланіе, которое рѣзко отличается отъ всѣхъ его другихъ посланій.

„Всѣмъ вмѣстѣ и каждому порознь среди королей Италіи, сенаторамъ Рима, герцогамъ, маркизамъ, графамъ и всѣму народу смиренный итальянецъ Данте Аллигіери изъ Флоренціи, несправедливо изгнанный, желаетъ мира“. Потомъ, черезъ нѣсколько строкъ: „Утѣшься, Италія, утѣшься, ибо супругъ твой, — радость вѣка и слава твоего народа, спѣ-

шитъ къ браку съ тобою; отри же свои слезы, о красавица изъ красавицъ! И вы плачущіе возрадуйтесь, потому что ваше спасеніе близко! Простите всѣ другъ друга, простите, мои возлюбленные, вы, кто вмѣстѣ со мною страдали невинно!"

Всѣ другія обстоятельства его жизни показываютъ ту же усталость. Однажды, изъ окна монастыря, находящагося на скалахъ около Спеціанскаго залива, одинъ изъ монаховъ увидалъ незнакомца, бродившаго вокругъ обители. „Чего ты ищешь?"—спросилъ онъ его.—„Мира!" отвѣчалъ Данте, вышедшій изъ ада. Подумайте еще, что это ощущеніе тишины сообщилось и его поэмѣ: вы угадаете секретъ этой ангельской музы, которая такъ недавно повторяла богохульства демоновъ. Внутри самого себя онъ черпаетъ новые аккорды; подавленная отчаяніемъ душа его снова начинаетъ улыбаться въ чистилищѣ: злоба, мучившая его въ аду, замѣняется воспоминаніями юности, дружбы и vita nuova. Дерево, сломленное молніею, оживаетъ и зеленѣетъ отъ дыханія весны; впечатлѣнія смутныя и смѣшанныя (потому что любовь еще не настолько могущественна, чтобы забыть адъ) распространяютъ въ Чистилищѣ мелодіи нравственнаго возрожденія. Молодыя женщины, которыя появляются въ поэмѣ, Пія, Джентукка, Матильда, рвущая небесные цвѣты, Нелла и надъ всѣми ими Беатриче, его всегдашняя спутница, навѣваютъ отрадныя картины лучшихъ лѣтъ; потомъ друзья его юности,—музыкантъ Казелла, напоминающій ему его первыя пѣсни любви, художникъ Одеризи, трубадуры Сорделло и Арнальдо Даніелло какъ бы соединяются затѣмъ, чтобы напомнить ему прошлые счастливые дни. Стихи, огрубѣлые въ жерлѣ бездны отъ дыханія демоновъ, смягчаются отъ взоровъ Беатриче; душа его, дошедшая до криковъ ужаса, въ неожиданной перемѣнѣ превращаетъ этотъ ужасъ въ полноту надежды, подобно тѣмъ мелодіямъ, которыя, начинаясь вздохами отчаянія, въ концѣ возвышаются до небесной радости.

Сказать ли правду? Рай Данта кажется мнѣ несравненно печальнѣе его Чистилища; онъ сочинилъ его въ послѣдніе годы своей жизни. Надежды, въ которыхъ онъ сталъ уже разочаровываться, пали передъ дѣйствительностью. Императоры ничего не сдѣлали изъ того, чего ждалъ отъ нихъ старый гибеллинъ; поэтому въ Раю замѣтно, что сердце Данта

не сожалѣетъ ни о чемъ земномъ. Какъ партіи, такъ и личности исчезаютъ для него: онѣ слишкомъ его утомили!

Даже сама Италія стала стушевываться для него; разъ только онъ о ней вспоминаетъ, встрѣчая своего предка Каччьягвиду, и то только для того, чтобы послѣ этого навсегда углубиться въ самого себя; это, какъ говорилъ онъ самъ, слѣдствіе изгнанія. Такимъ образомъ Рай довершилъ то, чего не могъ сдѣлать Адъ. Гдѣ же тѣ образы, которые онъ встрѣчалъ въ чистилищѣ, зачѣмъ онъ не хочетъ окружить ими себя и въ небѣ? Почему онъ не видитъ здѣсь друзей своей юности Гвидо Кавальканти, Лаппо, съ которыми онъ сначала жаждалъ плыть въ океанѣ вѣчности? Почему ихъ нѣтъ съ нимъ въ ангельской ладьѣ, почему въ этомъ обширномъ пустынномъ небѣ нѣтъ, кромѣ Беатриче, ни одного образа, который бы ему напомнилъ реальный міръ? Можно сказать,— да и это вполнѣ вѣроятно,—что эта часть поэмы сочинена въ тиши монастыря Губіо, гдѣ Данте жилъ нѣкоторое время. Въ ней отразилось мертвое молчаніе Камальдульскихъ келій на вершинахъ Апеннинъ, куда не достигаетъ никакой земной шумъ; человѣкъ едва можетъ тамъ дышать и жить; фигуры святыхъ, изображенныхъ на фрескахъ этой обители, кажется, единственные ея обитатели. Такъ точно, единственные обитатели Дантова Рая — святые анахореты, затерянные въ безконечности; поэтъ не пустилъ туда никого изъ тѣхъ, кого онъ зналъ, или кого любилъ на землѣ. Съ высоты небесъ старый гибеллинъ посылаетъ проклятіе всему міру, который его обманулъ, и даже своему отечеству, въ которое онъ не могъ вернуться. Окончивъ Адъ, Данте поѣхалъ во Францію и провелъ около двухъ лѣтъ въ Парижѣ; слѣды этого путешествія легко распознать въ поэтѣ; привлеченный шумомъ философскихъ споровъ, которые не переставали со временъ Абеляра, онъ пришелъ на это сборище философовъ на горѣ св. Женевьевы; онъ не засталъ на тамошней каѳедрѣ своихъ соотечественниковъ св. Ѳому и св. Бонавентуру, но ихъ традиціи еще жили, и ихъ ученіе процвѣтало.

Отъ битвы при Кампальдино къ схоластическимъ битвамъ словами,—какой переходъ!

Какимъ образомъ воображеніе, воспитанное на взаимной ненависти партій, приспособилось къ этимъ дебатамъ, въ кото-

рыхъ умъ человѣческій безпрерывно ставитъ сѣти самому себѣ? Я сомнѣваюсь, чтобы Данте примкнулъ къ какой бы то ни было системѣ; наоборотъ, я вижу, что онъ опьяненъ всѣми источниками заразъ: Аристотелемъ, св. Ѳомой, Альбертомъ Великимъ. Гёте, изображая Фауста,—средневѣковаго ученаго, среди хаоса его алхимическихъ инструментовъ, его философскихъ и богословскихъ книгъ, объяснитъ намъ автора „Божественной Комедіи", самъ того не подозрѣвая, лучше, чѣмъ всѣ комментаторы.

Данте и Фаустъ представляютъ, въ самомъ дѣлѣ, два противоположныхъ возраста человѣческой науки и сходятся какъ крайности. Дантъ—это юность человѣческаго духа; не испытавши никогда безсилія человѣческаго знанія, онъ преклоняется передъ философіей такъ же, какъ передъ религіей; онъ убѣжденъ, что чистое золото истины находится на днѣ ея горнила, что онъ обладаетъ книгой тайнъ природы, тайнъ вселенной, ключемъ, который ему откроетъ всѣ двери. Своей наивной наукой онъ упивается, какъ материнскимъ молокомъ, и убѣжденъ, что вкушаетъ божественную премудрость. Наоборотъ, Фаустъ, какимъ намъ его Гёте показалъ, это человѣческій духъ въ своей старости; чѣмъ больше онъ знаетъ, тѣмъ больше онъ сомнѣвается; утомившись думать, онъ ищетъ забвенія. Въ особенности ихъ взаимное противорѣчіе ярко проявляется въ ихъ чувствѣ и въ любви. Женщина, которую Дантъ помѣстилъ превыше всѣхъ другихъ, олицетворяетъ для него знаніе и философію; наоборотъ, какова Беатриче Фауста, просвѣщеннаго наукою? Дѣвушка, которая не знаетъ ровно ничего, Гретхенъ, дитя народа, олицетвореніе возвышеннаго небеснаго невѣжества.

Вотъ ключъ къ пониманію тайны. Авторъ Ада провидитъ въ спорахъ философовъ царство идей, онъ хочетъ перенести ихъ вживѣ въ свою поэму такъ же, какъ это онъ сдѣлалъ съ политическими партіями; не примкнувъ къ какому-нибудь одному учителю или къ какой-нибудь отдѣльной школѣ, онъ проникается духомъ схоластики, придающимъ каждому предмету двойной смыслъ—буквальный и внутренній. Если, объясняя могущество Данта, вы говорите о красотѣ нѣкоторыхъ эпизодовъ, или о неукротимости политическихъ страстей, то вы еще ничѣмъ его не объяснили; его поэма, написанная съ точки зрѣнія одной партіи, должна бы быть отвергнута всѣми

другими; чѣмъ же она всѣхъ очаровала? Тѣмъ, что она заключала въ себѣ самую душу среднихъ вѣковъ; тѣмъ, что она отвѣчала всеобщему, единодушному желанію схватить смыслъ, скрытый подъ формами природы и искусства. Этотъ идеализмъ, который едва находитъ себѣ мѣсто въ Аду, все болѣе и болѣе растетъ съ владычествомъ духа въ Чистилищѣ и Раю: даже самый языкъ, отъ круга къ кругу, зажигается все болѣе и болѣе; внутреннее пламя просвѣщаетъ слово.

Привлекаемое этимъ духовнымъ сіяніемъ средневѣковье думало, что въ каждомъ мѣстѣ поэмы заключено сокровище, и толковало эту поэму, какъ какой-то свѣтскій апокалипсисъ.

Пока „Божественная Комедія" читалась въ томъ же духѣ, какимъ она была вдохновлена, традиція этого скрытаго смысла благочестиво сохранялась комментаторами. Начиная съ Бенвенуто да-Имола и кончая Ландини, — всѣ они единодушны въ этомъ отношеніи. Даже Боккачіо, столь влюбленный во внѣшній міръ, погружается въ эти бездны; онъ говоритъ, что „Божественная Комедія" подъ корой вульгарнаго языка заключаетъ всю католическую мысль въ ея цѣломъ. По этой традиціи дремучій лѣсъ, въ которомъ Дантъ заблудился,—это путь къ созерцательной жизни; св. Лючія, которая его спасаетъ, — божественное милосердіе; мрачная рѣка — рѣка человѣческой жизни; чудовищныя животныя, которыя на него нападаютъ,—чувственныя страсти. Поэтому что же такое „Божественная Комедія"? Одиссея христіанина, странствіе въ безконечность, изобилующее напастями и пѣснями сиренъ, путь человѣка къ Богу. Въ началѣ человѣкъ предоставленъ только собственнымъ силамъ; заблудившись въ лѣсу чувственности, онъ падаетъ со ступени на ступень, отъ круга къ кругу въ бездну порока. Отъ горести онъ исправляется, онъ подымается, онъ восходитъ по ступенямъ чистилища горькой долиной искупленія.

Очищенный новымъ крещеніемъ, онъ достигаетъ небесной славы и, вознесясь даже превыше самихъ блаженныхъ, онъ проникаетъ въ лоно Божества, гдѣ поэма и истина находятъ свой предѣлъ. Въ каждой изъ этихъ областей у него особый проводникъ. Въ низшихъ кругахъ, гдѣ человѣкъ борется съ самимъ собой, такимъ проводникомъ является Виргилій, который является представителемъ человѣческаго разума,

предоставленнаго его собственнымъ силамъ. Выше, гдѣ начинается сіяніе благодати, является Беатриче, — любовь увѣнчанная воспоминаніемъ. Анахореты св. Бенедиктъ и св. Бернаръ, встрѣчающіеся имъ въ небесныхъ сферахъ отшельники, которымъ даровано по цѣлому свѣтилу для келіи, образуютъ какъ бы процессію передъ Богомъ въ безконечности. Ихъ разговоры въ поэмѣ, какъ бы верстовые столбы вселенной. Въ концѣ этого вѣчнаго путешествія Христосъ является единственнымъ проводникомъ.

Таково настроеніе, въ которомъ средніе вѣка считали своего поэта. Между древними комментаторами существуетъ нѣкотораго рода соперничество; другъ передъ другомъ они все глубже и глубже погружаются въ мистическую таинственность Данта; иногда любознательность ихъ души порождаетъ у нихъ вдохновенныя слова. „Когда я смотрю въ таинственную глубину Данта", —говоритъ Ландини, — „меня охватываетъ внезапный ужасъ; я чувствую то, что чувствуетъ сова, застигнутая днемъ".

Въ эпоху Возрожденія — въ XVI вѣкѣ — слѣды этого внутренняго смысла мало-по-малу затерялись. Средневѣковая эпопея поражала XVIII вѣкъ такой своей стороной, которую раньше не замѣчали, —внѣшностью, физическими картинами, гармоніей словъ. Великая поэма, подобно великой планетѣ, показывала разнымъ эпохамъ разныя свои стороны.

Но что находится внѣ времени и внѣ пространства, то это союзъ Данта съ Беатриче. Беатриче появляется только въ срединѣ великаго странствія. Когда начинаешь терять дорогу среди безконечности, молодая флорентинская дѣвушка сходитъ съ высоты небесъ; она закрыта покрываломъ, она улыбается, серафимы бросаютъ передъ ней цѣлое облако цвѣтовъ. Ея воспоминанія объ Арнской долинѣ, ея упреки, дрожащіе уста поэта—какая реальность! Тайны міровъ открываются въ лепетѣ двухъ влюбленныхъ; это разговоръ Ромео съ Джульеттой въ границѣ безконечности, въ лучахъ вѣчной денницы.

Дантъ пьетъ забвеніе въ Летѣ; онъ устремляетъ свой взоръ на Беатриче, Беатриче на небо, и оба они восхищенные возносятся отъ сферы къ сферѣ, къ хорамъ святыхъ и ангеловъ. По мѣрѣ того какъ они болѣе и болѣе поднимаются, Беатриче все болѣе и болѣе теряетъ свою человѣч-

ность. Дочь Портинари постепенно перевоплощается въ мадонну готическихъ соборовъ. Этотъ апоѳеозъ, о которомъ Дантъ мечталъ на гробѣ своей возлюбленной, переходитъ въ то поклоненіе, почти равное обожанію, которое католицизмъ воздавалъ Святой Дѣвѣ. Женщина, пренебрегаемая античной древностью,—въ средневѣковомъ христіанствѣ высоко возносится, открывая людямъ новыя небеса. Виѳлеемская Дѣва стала душою церкви; Беатриче сдѣлалась душою поэмы.

Но несмотря на тѣсную связь съ народными чувствами, кто бы могъ подумать, что итальянскій Гомеръ такъ слабо воздѣйствовалъ на воспитаніе Италіи? Онъ ее не могъ оживотворить, онъ не могъ реформировать національную религію; онъ нашелъ въ неподвижности культа непобѣдимое препятствіе той *новой жизни*, которую онъ носилъ въ самомъ себѣ и жаждалъ проповѣдать другимъ; другими словами, его вліяніе на отдѣльныя личности было громадно, а на общество ничтожно; онъ воспиталъ единицы, а не цѣлый народъ.

Но въ этихъ предѣлахъ найдется ли выдающійся итальянецъ, который бы отъ него чего-либо не позаимствовалъ? Изъ тѣхъ единичныхъ великановъ, которые замѣняютъ народъ, кто не обязанъ ему частію своего величія? Рафаэль и Микель Анджело отразили его новую жизнь въ своихъ картинахъ, Маккіавели—въ своей политикѣ, Вико—въ своей философіи. Всякая душа, находящаяся подъ гнетомъ черезчуръ тяжелыхъ испытаній, жаждетъ освѣжиться въ этой неуязвимой душѣ. Италія забываетъ Данта только тогда, когда она забываетъ сама себя, а чуть она просыпается, она находитъ у своего изголовья книгу Данта. Въ продолженіе среднихъ вѣковъ она держитъ книгу открытой и комментируетъ ее, какъ священное писаніе; когда деспотизмъ подавилъ ее, она покидаетъ эти пророческія письмена, но только потому, что она покидаетъ надежду. Но тогда книга уносится эмигрантами-изгнанниками, которые блуждаютъ изъ страны въ страну, чтобы не видѣть чужеземца на родной почвѣ. Памфлетъ XIV вѣка въ ихъ рукахъ обращается въ книгу заговора съ завѣтной цѣлью дать свободу и независимость потерянной родинѣ; въ этой книгѣ они находятъ горе и думы настоящаго. Самая туманность текста благопріятствуетъ этому, потому что они въ ней ищутъ отблескъ зари будущаго.

Проходя, какъ самъ Дантъ, отъ мученій ада къ блаженствамъ неба, они узнаютъ возрожденную Италію будущаго въ лучезарномъ образѣ Беатриче, символизируя въ зеленыхъ складкахъ ея платья зеленыя долины Апеннинъ и Калабріи.

Божественная Комедія.

(Шлегеля).

Въ святилищѣ, гдѣ религія „сочеталась съ безсмертнымъ стихомъ", Дантъ является первосвященникомъ, направляющимъ все новѣйшее искусство къ его предназначенію. Не какъ единичная поэма, а какъ представительница цѣлаго отдѣла новой поэзіи, представляющая сама по себѣ цѣлый отдѣлъ ея, „Божественная Комедія" стоитъ до такой степени одиноко, что ее нельзя подвести ни подъ какую теорію; совмѣщая въ себѣ цѣлый міръ, она требуетъ для себя новой, изъ нея же самой истекающей теоріи. Эпитетъ „Божественной" данъ ей авторомъ за ея религіозную окраску *); комедіей она названа по сопоставленію съ противоположнымъ родомъ поэтическихъ произведеній, вслѣдствіе своего мрачнаго начала и счастливаго окончанія и, наконецъ, по причинѣ смѣшаннаго стиля поэмы, необходимаго для такого разнороднаго,—то возвышеннаго, то низкаго,—матеріала ея.

Легко замѣтить, что она не можетъ быть названа драматической, потому что не представляетъ одного постепенно развивающагося дѣйствія. По скольку Данте самъ можетъ быть разсматриваемъ какъ герой ея,—хотя онъ служитъ только нитью для нанизыванія безконечной серіи встрѣчъ, видѣній и картинъ, оставаясь въ большинствѣ случаевъ ихъ пассивнымъ созерцателемъ,—поэма приближается скорѣе къ типу романа; но это опредѣленіе далеко ея не исчерпываетъ. Мы также не можемъ назвать ее эпической въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, потому что въ ней нѣтъ послѣдовательнаго теченія событій. Невозможно ее также разсматриватъ какъ дидактическую поэму, ибо она написана

---

*) *Примѣчаніе.* Не вѣрно; эпитетъ этотъ данъ Комедіи много спустя послѣ смерти Данта; онъ впервые появляется въ изданіи 1516 года.

съ гораздо болѣе широкими цѣлями, чѣмъ цѣли поученія. Такимъ образомъ, она въ частности не принадлежитъ ни къ которому изъ всѣхъ этихъ классовъ, но и не представляетъ сочетанія ихъ; она въ высшей степени самобытна, подобно органической ткани, которая не можетъ быть воспроизведена искусственно,—абсолютная индивидуальность, сравнимая только сама съ собою и ни съ чѣмъ болѣе.

Матеріалъ поэмы есть, въ общихъ словахъ, точное изображеніе эпохи,—отраженіе ея событій съ идеями религіи, науки и поэзіи въ величайшемъ геніи вѣка. Мы намѣрены разсматривать ее въ не ея непосредственномъ отношеніи къ эпохѣ, а въ ея универсальномъ значеніи, какъ архитипъ, первообразъ всей новѣйшей поэзіи.

Непремѣнный законъ этой поэзіи, непремѣнный до того еще безконечно далекаго пункта, когда великій эпосъ новѣйшаго времени, проявляющійся пока лишь отрывками и рапсодически, произведетъ нѣчто совершенно цѣльное,—состоитъ въ томъ, что индивидуальное даетъ форму и единство той части воспріятій изъ внѣшняго міра, которая имъ получена, и изъ матеріаловъ своей эпохи, исторіи и науки создаетъ свою собственную миѳологію. Ибо какъ древній міръ есть въ общихъ чертахъ міръ классовъ, такъ новый міръ естъ міръ личностей. Въ древнемъ мірѣ универсальное является поистинѣ частнымъ; раса дѣйствуетъ какъ индивидуумъ; въ новомъ—исходнымъ пунктомъ оказывается индивидуумъ, возвышающійся до универсальности. По этой причинѣ въ древности—все незыблемо и безсмертно; если универсальная идея совпала съ индивидуальностью, годы не имѣютъ никакого значенія. Постоянное измѣненіе—законъ новаго времени; никакая черта не полагаетъ границъ индивидуальности кромѣ той, какую сама индивидуальность провела между собою и безконечнымъ. А съ тѣхъ поръ, какъ универсальное входитъ въ существо поэзіи, то необходимымъ условіемъ является то, чтобы индивидуумъ путемъ высшей самобытности снова достигъ универсальности, и совершенно специализируясь, дошелъ снова до абсолютнаго. Поэтому, благодаря высшей самобытности своей поэмы, Дантъ сталъ творцомъ новаго искусства, которое немыслимо безъ такой произвольной необходимости и необходимой произвольности.

Съ самаго своего зарожденія, съ Гомера, греческая поэзія отдѣлилась отъ науки и философіи; и этотъ процессъ отдѣленія дошелъ до того, что поэты и философы стали антиподами другъ другу. Напрасно было бы искать средства путемъ аллегорическаго толкованія Гомеровыхъ поэмъ найти гармонію между поэзіею и философіей. Въ новѣйшее время наука предшествовала поэзіи и миѳологіи; а миѳологія не можетъ быть миѳологіею, не будучи универсальною, не включивъ въ себя всѣ элементы современной культуры, науки, религіи и даже искусства и не соединивъ въ совершенное единство матеріалы не только современной эпохи, но и прошедшаго. Въ такую-то борьбу (ибо искусство непремѣнно требуетъ чего-либо опредѣленнаго и вещественнаго, а духъ человѣческій рвется въ безпредѣльное и безпрестанно ломаетъ всѣ преграды къ этому) долженъ войти индивидуумъ, но лишь подъ условіемъ безусловной свободы и права искать прочные, но произвольно избранные образы для созданія своего произведенія, запечатлѣвая его безусловною индивидуальностью, внутреннею необходимостью и внѣшнею универсальностью.

Это и сдѣлалъ Данте. Передъ нимъ являлась матеріаломъ исторія какъ настоящаго, такъ и прошедшаго. Онъ не могъ обработать этотъ матеріалъ въ чистый эпосъ, частію по самому существу матеріала, частію потому что, сдѣлавъ это, онъ исключилъ бы изъ своей поэмы другіе элементы современной культуры. Къ послѣдней примыкали также астрономія, богословіе и философія того времени. Всему этому онъ не могъ дать выраженія и въ дидактической поэмѣ, потому что этимъ онъ бы снова поставилъ себѣ границы. Слѣдовательно, чтобы сдѣлать свою поэму универсальной, онъ былъ вынужденъ сдѣлать ее исторической. Изобрѣтательность внѣ какого бы то ни было контроля, происходящая изъ одной его собственной индивидуальности, была необходима для того, чтобы слить всѣ эти матеріалы и создать изъ нихъ одно органическое цѣлое. Представить идеи философіи и богословія въ символахъ было невозможно, потому что тогда не существовало символической миѳологіи. Онъ также не могъ сдѣлать свою поэму чисто аллегорической, потому что тогда она бы не была исторической. Нужно было поэтому слить въ одно аллегорію и исторію. Въ эмблематической

поэзіи древнихъ не находилось цемента, который бы могъ ихъ спаять; это было возможно только для индивидуума и его безконтрольной изобрѣтательности.

Поэма Данте не есть произведеніе аллегорическое въ томъ смыслѣ, что каждый образъ въ немъ изображалъ бы непремѣнно какое-нибудь иносказаніе и внѣ этого иносказанія не имѣлъ бы собственнаго смысла. Наоборотъ, каждый изъ его образовъ имѣетъ самостоятельное значеніе, нося въ самомъ себѣ идею, и такимъ образомъ есть болѣе, чѣмъ аллегорія. Поэтому въ его поэмѣ есть крайне своеобразное соотношеніе между аллегоріей и символическо-объективной формой. Такъ напримѣръ, нѣтъ сомнѣнія, да и поэтъ самъ это высказываетъ, что Беатриче—аллегорія, именно, обозначаетъ богословіе; то же и съ другими персонажами поэмы. А между тѣмъ, внѣ своего аллегорическаго значенія, всѣ эти лица въ то же время лица историческія и имѣютъ самостоятельное значеніе какъ художественные образы.

Въ этомъ отношеніи Данте—первообразъ, ибо онъ провозгласилъ во всеуслышаніе то, что именно долженъ дѣлать поэтъ новаго времени, воплотивъ въ одно поэтическое цѣлое всю исторію и культуру своей эпохи. Во всей широтѣ своей произвольности, онъ долженъ былъ соединить аллегорію съ исторіей: ему пришлось быть аллегорикомъ (быть можетъ, противъ его желанія), потому что онъ не могъ быть символикомъ; ему пришлось быть историкомъ, чтобы остаться поэтомъ. Съ этой точки зрѣнія путь, имъ найденный, своеобразенъ въ полномъ смыслѣ этого слова и вмѣстѣ характеристиченъ.

Есть одна только поэма съ столь же универсальнымъ планомъ, совмѣщающая въ себѣ подобно Дантовой самыя крайнія вѣянія своей эпохи,—это *Фаустъ*,—хотя въ аристофановскомъ смыслѣ слова онъ является болѣе комедіей, чѣмъ Дантова поэма; онъ—божественнѣе ея въ поэтическомъ значеніи этого эпитета.

Степень энергіи, съ которой личность воплощаетъ ту смѣсь матеріаловъ, которую даетъ ему его собственная жизнь и исторія, опредѣляетъ то, въ какой мѣрѣ онъ владѣетъ способностью „создавать миѳологію“. Персонажи Данта вѣчны; ихъ вѣчность обусловливается тѣми положеніями, въ которыхъ онъ ихъ беретъ. Не только дѣйствительность, почерп-

нутая имъ изъ исторіи его времени, вродѣ эпизода Уголино, но и чистый вымыселъ, вродѣ смерти Улисса, являются у него образцами миѳологической истины.

Дантовы философія, физика и астрономія сами по себѣ представляютъ второстепенный интересъ; гораздо важнѣе то, какъ онѣ восприняты поэтическимъ геніемъ Данта. Птоломеева система міра, которая до извѣстной степени является основаніемъ, на которомъ зиждется зданіе поэмы, имѣетъ уже сама въ себѣ нѣкоторый миѳологическій колоритъ. Дантова философія можетъ быть сочтена въ общемъ за Аристотелеву, но не въ чистомъ видѣ, а въ видѣ страннаго смѣшенія ея съ Платоновыми идеями, что и можетъ быть доказано многими мѣстами поэмы.

Если соединеніе поэзіи съ философіей можетъ быть понято лишь какъ дидактическая поэма, то становится необходимымъ въ виду того, что поэма не должна имѣть внѣшней цѣли и конца, чтобы дидактическій замыселъ потерялся въ самомъ себѣ и превратился въ абсолютность, такъ что поэма повидимому существовала бы лишь сама для себя. А это возможно только тогда, когда наука (въ смыслѣ общей картины міра, въ которой гармонически соединяются всѣ частности, что само по себѣ представляетъ поэтическую оригинальность и красоту) уже сама по себѣ поэтична. Дантова поэма является высшимъ примѣромъ проникновенія поэзіи наукою и наоборотъ; такъ что, даже существуя сама для себя, она можетъ быть принята за универсальный образецъ общей картины міра.

Раздѣленіе вселенной и распредѣленіе матеріала на три царства,—Адъ, Чистилище и Рай,—независимо отъ особеннаго значенія этихъ понятій въ христіанскомъ богословіи, является столь общей символической формой, что, можно сказать, каждая выдающаяся эпоха могла бы по этой формѣ создать свою „Божественную Комедію“. Подобно тому какъ новѣйшая драма приняла форму пяти актовъ, такъ какъ каждое событіе можетъ быть разматриваемо въ его зародышѣ, развитіи, завершеніи, развязкѣ и, наконецъ, въ общемъ итогѣ,—трихотомія или тройное Дантово дѣленіе возвышенной пророческой поэмы, являющейся выраженіемъ цѣлой эпохи, можетъ быть понято какъ общая форма, которая по матеріалу, наполняющему ее, способна къ безко-

нечному измѣненію. Не только по своей внѣшности, но и какъ эмблематическое выраженіе внутренняго типа всякой науки и поэзіи, форма эта вѣчна и способна обнять въ себѣ три великіе объекта науки и культуры,—природу, исторію и искусство. Природа, какъ зародышъ всего, есть вѣчная ночь. Будучи тѣмъ единствомъ, благодаря которому все сущее является вещью въ себѣ, она есть aphelion вселенной, пунктъ величайшаго отдаленія отъ Бога. Жизнь и исторія, являющіяся постепеннымъ развитіемъ по природѣ, могутъ быть понимаемы лишь какъ процессъ просвѣтлѣнія, перехода въ состояніе абсолютности,—абсолютности, которая можетъ быть найдена въ искусствѣ, отраженіи вѣчнаго, истинномъ раѣ жизни.

Вслѣдствіе этого Дантова поэма, при всестороннемъ ея разсмотрѣніи, является не единичнымъ произведеніемъ какого-либо одного вѣка, одной какой-либо ступени культуры, но архитипомъ, первообразомъ какъ благодаря универсальному интересу, который она совмѣщаетъ въ себѣ съ самой безусловной индивидуальностью, такъ и своей универсальностью, которая не исключаетъ ни одной стороны жизни и культуры и, наконецъ, своею формою, которая является не какимъ-нибудь частнымъ типомъ, но типомъ теоріи вселенной въ ея общемъ.

Въ частностяхъ внутреннее распредѣленіе поэмы, разумѣется, не можетъ имѣть универсальнаго интереса, ибо оно совершилось подъ вліяніемъ идей времени и личныхъ воззрѣній поэта. Съ другой стороны, какъ этого и должно ожидать отъ столь художественнаго произведенія, общее и внутреннее постоянно въ ней просвѣчиваетъ и ощущается сквозь форму, краски и звуки во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ поэмы.

Вслѣдствіе необычайности своего матеріала Дантъ нуждался для деталей въ особаго рода гипотезахъ, которыя только наука могла ему доставить и которыя у него являются, такъ сказать, миѳологіей, основаніемъ, на чемъ зиждется дальнѣйшее зданіе его вымысловъ. Но даже и въ деталяхъ онъ остается вѣренъ первому замыслу—быть аллегорикомъ, не переставая въ то же время быть историкомъ и поэтомъ. Адъ, Чистилище и Рай суть, такъ сказать, его теологическая система, но лишь въ конкретномъ развитіи. Пропорція,

число и соотношеніе, которыя такъ тщательно имъ соблюдаются, предписаны ему теологіей, и здѣсь онъ сознательно и умышленно отказывается отъ свободы вымысла, чтобы путемъ формы дать предѣльность и непреложность своей поэмѣ, безпредѣльной по матеріалу. Священное значеніе *числа*—вотъ другая внѣшняя форма, къ которой пріурочивается его поэзія. Весь логическій и силлогическій матеріалъ, скопленный его вѣкомъ, такимъ образомъ, послужилъ лишь ему средствомъ подняться въ тѣ сферы, гдѣ его поэзія вращается.

Но даже и въ отношеніи религіозныхъ и философскихъ предметовъ,—наиболѣе универсально интересной вещи изо всего, что могъ ему доставить его вѣкъ, — Данте никогда не ищетъ способовъ къ поэтической вѣроятности; онъ чаще отказывается отъ всякаго намѣренія льстить низменнымъ чувствамъ. Его входъ въ адъ описанъ безъ всякой непоэтической попытки реальнѣе мотивировать его; словно все это сонъ или видѣніе. Точно также всѣ свои чудесныя приключенія онъ превращаетъ въ подобіе религіозныхъ мистерій и даетъ имъ такимъ образомъ достовѣрность, превращая ихъ въ мистерію высшаго порядка.

Изученіе всей глубины поэмы и совершенства ея деталей—цѣлая наука. Это было признано вскорѣ послѣ смерти поэта, когда учреждены были каѳедры для изученія ея, и первую изъ нихъ занялъ Боккачіо.

Не только въ частныхъ подробностяхъ каждаго изъ отдѣловъ поэмы просвѣчиваетъ ея первое и начальное основаніе, но и въ общей внутренней окраскѣ каждаго отдѣла, чѣмъ послѣдніе рѣзко различаются другъ отъ друга. Адъ ужаснѣе другихъ по содержанію, сильнѣе по выраженію, строже по языку; онъ мраченъ и страшенъ въ полномъ смыслѣ этихъ словъ. Въ первой части Чистилища царствуетъ молчаніе; ибо стоны и крики адской бездны уже не слышны. По мѣрѣ приближенія къ небесамъ все получаетъ цвѣта и краски. А Рай—это музыка міровъ.

Разнообразіе наказаній въ Аду обнаруживаетъ безпримѣрную изобрѣтательность. Между карой и преступленіемъ всегда есть поэтическое соотношеніе. Духъ Данте не содрогается передъ ужаснымъ; нѣтъ, онъ хочетъ спуститься до самыхъ крайнихъ его предѣловъ. Но во всякомъ случаѣ,

онъ всегда остается возвышеннымъ, а слѣдовательно и прекраснымъ. И если людьми, неспособными наслаждаться поэмой въ ея цѣломъ, многое въ ней считается низменнымъ, то это лишь слѣдствіе той смѣшанности матеріала, за которую Дантъ и назвалъ свою поэму Комедіей. Ненависть къ злу и поруганіе надъ нимъ, свойственныя богоподобному духу Данта и отразившіяся въ его страшномъ произведеніи,—не суть достояніе мелкихъ душъ. Сомнительно еще,—хотя и предполагается всѣми,—что изгнаніе изъ Флоренціи впервые направило поэта, воспѣвавшаго до тѣхъ поръ лишь любовь, къ болѣе высокому и серьезному, къ тому созданію, въ которое онъ вдохнулъ всю свою жизнь, все сердце, всю любовь къ родинѣ и вмѣстѣ все негодованіе противъ нея. Возмездіе, которымъ онъ грозитъ въ Аду, есть возмездіе во имя Страшнаго Суда; поэтъ является судьей, избраннымъ за свою пророческую мощь, за негодованіе поэтической души на пороки своего времени и, наконецъ, за ту пламенную любовь къ родинѣ, которая давнымъ давно погасла въ душахъ его современниковъ.

Мы уже замѣтили, что большая часть наказаній въ Аду—символы тѣхъ преступленій, за которыя они предназначены; хотя многія изъ нихъ имѣютъ лишь слабое соотношеніе, лишь въ общихъ чертахъ. Таковы, въ частности, картины превращеній, гдѣ два существа мѣняются самой своей сутью. Никакія метаморфозы древности не могутъ сравниться съ ними по изобрѣтательности вымысла, и если бы натуралистъ или дидактическій поэтъ создалъ что-либо подобное какъ эмблему вѣковѣчныхъ метаморфозъ природы, онъ могъ бы этимъ гордиться.

Между трехъ частей поэмы, Адъ по преимуществу пластиченъ; Чистилище живописно. Въ Раю ничего не остается кромѣ чистой музыки и свѣта, и поэтъ постепенно возвышается до лицезрѣнія безцвѣтно чистой сущности самого Божества. Безпримѣрное величіе поэмы совмѣщаетъ въ себѣ высшія степени каждаго искусства: это божественное произведеніе не только пластично, не только живописно, не только музыкально, но все вмѣстѣ; оно не только драматично, не только эпично, не только лирично, но является необычайнымъ смѣшеніемъ всѣхъ родовъ поэзіи.

Кажется, я показалъ, какимъ образомъ Дантъ является

пророкомъ и типомъ всей новой поэзіи. Тѣ, кто познакомятся съ послѣдней не поверхностно, но восходя къ ея первоисточникамъ, могутъ взять себѣ въ руководители этотъ могучій и великій духъ, обнявшій собою все новое время во всей его полнотѣ. Тѣ же, которые не имѣютъ призванія къ этому, могутъ примѣнить къ себѣ слова, какими начинается первая часть поэмы:

Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!

Данте.

(Карлейль. Герои и героическое въ исторіи, пер. Яковенко).

Не мало томовъ было исписано по поводу жизни Данте и его книги; но въ общемъ результаты получились не особенно значительные. Біографія Данте остается, такъ сказать, безвозвратно потерянною для насъ. Человѣкъ невидный, скитающійся съ мѣста на мѣсто, удрученный скорбью, онъ за время своей жизни не обращалъ на себя особеннаго вниманія, да и изъ того, что знали о немъ, большая часть растеряна въ этотъ длинный промежутокъ времени, отдѣляющій его отъ насъ. Прошло уже пять столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ писать, какъ онъ умеръ. Всѣ комментаторы соглашаются, что книга его сама по себѣ составляетъ самое существенное, что мы знаемъ о немъ самомъ: книга и, можно прибавить еще, портретъ, приписываемый обыкновенно Джіотто; кто бы ни писалъ его, но достаточно взглянуть, чтобы тотчасъ же сказать, что это должно быть доподлинно вѣрный портретъ. Лицо, нарисованное на этомъ портретѣ, производитъ на меня крайне сильное впечатлѣніе; это, быть можетъ, самое трогательное изъ всѣхъ лицъ, какія я только знаю. Уединенное, нарисованное какъ бы въ безвоздушномъ пространствѣ, съ простымъ лавромъ вокругъ головы; безсмертная скорбь и страданіе; извѣданная побѣда, которая также безсмертна; вся жизнь Данте отражается здѣсь! Я думаю, что это самое грустное лицо, какое только когда-либо было срисовано съ живого человѣка; въ полномъ смыслѣ слова трагическое, трогающее сердце лицо. Мягкость, нѣжность, кроткая привязанность ребенка составляютъ какъ бы

его фонъ; но все это застываетъ въ противорѣчіи, въ отрицаніи, въ отчужденности, въ гордомъ, безысходномъ страданіи. Кроткая, эѳирная душа смотритъ на васъ такъ сурово, непримиримо, рѣзко, нелюдимо, точно заточенная въ толстую глыбу льда! Вмѣстѣ съ тѣмъ это страданіе молчаливое, молчаливое и презрительное: изгибъ губъ говоритъ о божественномъ равнодушіи къ тому, что грызетъ сердце, какъ къ чему-то ничтожному, нестоящему вниманія, и указываетъ, что тотъ, кого оно имѣетъ силу мучить и душить, выше страданія. Это—лицо человѣка, протестующаго до конца, борящагося всю свою жизнь противъ цѣлаго міра и не сдающагося. Любовь превращается въ негодованіе, въ негодованіе непримиримое—спокойное, неизмѣнное, молчаливое, подобное негодованію бога! Взоръ,—онъ такъ же смотритъ съ нѣкотораго рода *недоумѣніемъ*, вопросительно: почему міръ таковъ? Это—Данте. Такъ онъ глядитъ, этотъ „голосъ десяти молчаливыхъ вѣковъ", и такъ онъ поетъ „свою мистическую неисповѣдимую пѣсню".

Немногія извѣстныя намъ данныя о жизни Данте подтверждаютъ вполнѣ то, что говоритъ этотъ его портретъ и его книга. Онъ родился во Флоренціи въ 1265 г. и по рожденію своему принадлежалъ къ высшему классу общества. Образованіе, полученное имъ, было само лучшее по тогдашнимъ временамъ; богословіе, аристотелевская логика, нѣкоторые латинскіе классики проходились тогда въ большомъ объемѣ,—все это давало немалый запасъ знанія въ извѣстныхъ областяхъ мысли; и Данте, при его способностяхъ и серьезности,—мы не можемъ въ этомъ сомнѣваться,—усвоилъ себѣ конечно лучше, чѣмъ большинство, все то, что было усвояемаго въ означенныхъ предметахъ. Онъ отличался яснымъ и развитымъ пониманіемъ и большой проницательностью; таковъ былъ наилучшій результатъ, который онъ сумѣлъ извлечь изъ изученія схоластиковъ. Онъ зналъ хорошо и обстоятельно все, что окружало его; но въ то время, которое ему пришлось жить, когда не было книгопечатанія и свободныхъ сношеній, онъ не могъ знать хорошо того, что находилось отъ него на извѣстномъ разстояніи: маленькій ясный свѣточъ, превосходно освѣщавшій окружающіе предметы, тускнѣлъ и превращался въ особаго рода chiaroscuro, когда ему приходилось бросать свои лучи на отдаленныя простран-

ства. Таковы были познанія, вынесенныя Данте изъ школы. Въ жизни поэтъ прошелъ обычныя ступени; онъ участвовалъ, какъ солдатъ, въ двухъ кампаніяхъ и защищалъ флорентинское государство, принималъ участіе въ посольствѣ и на тридцать пятомъ году, благодаря своимъ талантамъ и службѣ, достигъ виднаго положенія въ городскомъ управленіи Флоренціи. Въ дѣтствѣ еще онъ встрѣтился съ нѣкоею Беатриче Портинари, прелестной маленькой дѣвочкой, однихъ съ нимъ лѣтъ и принадлежавшей къ одному съ нимъ общественному классу; съ этихъ поръ онъ росъ, питая къ ней особенное расположеніе и встрѣчаясь съ нею отъ поры до времени. Всякому читателю извѣстенъ его прекрасный, исполненный любви, разсказъ объ этой исторіи, и какъ ихъ затѣмъ разлучили, какъ она была выдана замужъ за другого и какъ вскорѣ затѣмъ умерла. Въ Дантовой поэмѣ она занимаетъ видное мѣсто; повидимому, она играла видную роль и въ его жизни. Повидимому, ее одну изъ всѣхъ существъ, несмотря на то, что они были разлучены, несмотря на то, что она исчезла для него въ непроглядной вѣчности, онъ любилъ всею силою своей страстной любви. Она умерла; Данте женился; но нельзя сказать, чтобы счастливо, далеко до того. Совсѣмъ нелегко было, какъ представляется мнѣ, сдѣлать счастливымъ этого строгаго, серьезнаго человѣка съ крайне впечатлительной натурой.

Мы не станемъ соболѣзновать о несчастіяхъ, выпавшихъ на долю Данте; если бы въ жизни все шло такъ хорошо для него, какъ было ему желательно, то, быть можетъ, онъ былъ бы пріоромъ, или подестой во Флоренціи, или чѣмъ-либо въ этомъ родѣ и пользовался бы симпатіями своихъ согражданъ; но міръ не услышалъ бы замѣчательнѣйшаго слова, какое только когда-либо было сказано или пропѣто. Флоренція имѣла бы еще одного лишняго городского голову-благодѣтеля; десять же безгласныхъ вѣковъ такъ и остались бы въ своей нѣмотѣ, а десять слѣдующихъ внемлющихъ вѣковъ (такъ какъ ихъ будетъ десять и болѣе) не услышали бы *Божественной Комедіи*! Мы не станемъ ни о чемъ сожалѣть. Данте ожидала болѣе благородная участь; и онъ, борясь, какъ человѣкъ, котораго ведутъ на распятіе и смерть, не могъ не исполнять своего предназначенія. Предоставить *ему* выборъ своего счастья! Да, онъ зналъ не боль-

ше насъ, что такое дѣйствительное счастіе и что такое дѣйствительное несчастіе.

Во время пріорства Данте, раздоръ между гвельфами и гибеллинами, между Черными и Бѣлыми или, быть можетъ, какія-либо другія волненія разыгрались съ такою силою, что Данте, партія котораго, казалось, до сихъ поръ была сильнѣе другихъ, попалъ неожиданно вмѣстѣ съ своими друзьями въ изгнаніе, и съ этихъ поръ осужденъ былъ на скитальческую, исполненную горя, жизнь. Все имущество его подверглось конфискаціи. Онъ былъ возмущенъ до крайней степени, сознавая всю несправедливость такого поступка съ нимъ, всю гнусность его передъ лицомъ Бога и людей. Онъ испробовалъ все, что только могъ, чтобы добиться возстановленія своихъ правъ; пытался достигнуть этого даже съ оружіемъ въ рукахъ, но безуспѣшно; положеніе его лишь ухудшилось. Во флорентинскихъ архивахъ сохранился, я думаю, до сихъ поръ еще приговоръ, осуждающій Данте, гдѣ бы онъ ни былъ схваченъ, на сожженіе живьемъ. Сожженіе живьемъ — такъ тамъ, говорятъ, и написано. Весьма любопытный историческій документъ. Другой интересный документъ, относящійся къ болѣе позднему времени, представляетъ письмо Данте къ флорентинскимъ городскимъ властямъ, написанное въ отвѣтъ на ихъ уже болѣе мягкое предложеніе, а именно возвратиться на условіяхъ раскаянія и уплаты штрафа. Онъ отвѣчалъ имъ съ неизмѣнной и непреклонной гордостью: „Если мнѣ нельзя возвратиться иначе, какъ признавъ самого себя преступнымъ, то я никогда не возвращусь, nunquam revertar".

Такимъ образомъ, Данте лишился вовсе своего крова. Онъ скитался отъ патрона къ патрону, изъ одного мѣста въ другое, показывая на собственномъ примѣрѣ „до какой степени крута чужая лѣстница,—come è duro calle", какъ онъ самъ съ горечью выражается. Съ несчастными невесело водить компанію. Обнищалый и изгнанный, Данте,—гордый и серьезный по природѣ, находившійся въ гнѣвномъ настроеніи,—представлялъ собою человѣка, который вообще плохо ладитъ съ людьми. Петрарка разсказываетъ, какъ, будучи однажды при при дворѣ Кана делла Скала, онъ отвѣтилъ совсѣмъ не по придворному, когда его стали порицать за молчаніе и угрюмый видъ. Делла Скала находился въ кругу своихъ

придворныхъ; шуты и гаеры заставляли его беззаботно веселиться; обратившись къ Данте, онъ сказалъ: „Не правда ли, странно, что эти жалкіе глупцы могутъ такъ веселиться, тогда какъ вы, человѣкъ умный, проводите здѣсь день за днемъ и ничѣмъ не можете развлечь насъ?" Данте рѣзко отвѣтилъ: „Нѣтъ, не странно; пусть ваша свѣтлость вспомнитъ только поговорку: *куликъ кулика видитъ издалека*; разъ есть забавникъ, забавамъ не будетъ конца". Подобный человѣкъ съ своими горделивыми, молчаливыми манерами, съ своими сарказмомъ и скорбью не былъ созданъ для того, чтобы преуспѣвать при дворахъ. Мало-по-малу онъ ясно понялъ, что ему нигдѣ не сыскать на этой землѣ покойнаго угла, что для него нѣтъ болѣе надежды на благополучіе. Земной міръ выбросилъ его изъ своей среды и обрекъ на скитанье и скитанье; ничье живое сердце не полюбитъ его теперь; ничто не можетъ теперь смягчить его тяжкія страданія здѣсь, на землѣ.

Тѣмъ глубже естественно залегало въ его душѣ представленіе о вѣчномъ мірѣ, о той внушающей благоговѣйный ужасъ дѣйствительности, на поверхности которой весь этотъ временный міръ, съ его Флоренціями и изгнаніями, мелькаетъ лишь какъ легкій призракъ. Флоренціи ты больше не увидишь; но адъ и чистилище, и небеса, ихъ ты, конечно, узришь! Что Флоренція, Канъ делла Скала и міръ, и жизнь, все вмѣстѣ? *Вѣчность*,—съ нею, по-истинѣ, а не съ чѣмъ другимъ связанъ ты и все сущее! Великая душа Данте, не находившая себѣ пристанища на землѣ, уходила все болѣе и болѣе въ этотъ страшный другой міръ. Естественно, что всѣ его мысли устремились къ этому міру, какъ къ единственному факту, важному для него. Воплощенный или невоплощенный фактъ этотъ остается единственно вѣрнымъ фактомъ для всѣхъ людей; но для Данте въ то время онъ представлялся съ научной достовѣрностью воплощеннымъ въ извѣстномъ образѣ. Данте такъ же мало сомнѣвался въ существованіи болота Malebolge, въ томъ, что оно лежитъ именно тамъ съ своими мрачными кругами, съ своими alti guai и что онъ самъ могъ бы все это видѣть,—какъ мы въ томъ, что увидѣли бы Константинополь, если бы отправились туда. Долго Данте, преисполненный этой мыслью въ своемъ сердцѣ, питалъ ее въ безмолвіи и благоговѣйномъ страхѣ,

пока наконецъ она, переполнивъ его сердце, не вырвалась и не вылилась въ „мистической неисповѣдимой пѣснѣ"; такимъ образомъ появилась эта *Божественная Комедія*, самая замѣчательная изъ всѣхъ современныхъ книгъ.

Для Данте мысль, что онъ, изгнанникъ, могъ создать такое произведеніе, что ни одинъ флорентинецъ, вообще ни одинъ человѣкъ, никакіе люди не могли ни помѣшать ему, ни даже сколько-нибудь замѣтно облегчить его трудъ,—должна была представлять большое утѣшеніе, и онъ дѣйствительно по временамъ гордился имъ, какъ въ томъ мы можемъ убѣдиться. Онъ отчасти понималъ также, что это было великое произведеніе, величайшее, какое только человѣкъ могъ создать: „Если ты слѣдуешь за своей звѣздой,—Se tu segui tua stella",—такъ могъ говорить еще самому себѣ этотъ герой въ своей крайней нуждѣ, забытый всѣми: „Слѣдуй своей звѣздѣ, ты не минуешь славной пристани!" Ему было, какъ оказывается и какъ мы можемъ легко себѣ представить, крайне трудно и мучительно писать свою книгу; эта книга, говоритъ онъ, „отняла у меня силу многихъ годовъ". О да, она далась, всякое слово въ ней далось страданіемъ и тяжкимъ трудомъ,—онъ трудился съ суровою серьезностью, онъ не забавлялся. Его книга, какъ въ дѣйствительности большая часть хорошихъ книгъ, была написана во многихъ смыслахъ кровью его сердца. Она, эта книга, представляетъ полную исторію его собственной жизни; окончивъ ее, онъ умеръ. Онъ не былъ еще слишкомъ старъ: ему было всего 56 лѣтъ; онъ умеръ отъ разрыва сердца, какъ говорятъ. Прахъ его покоится въ томъ городѣ, гдѣ онъ умеръ, въ Равеннѣ, съ надписью на гробницѣ: His claudor Dantes patriis extorris ab oris. Сто лѣтъ тому назадъ флорентинцы просили возвратить имъ этотъ прахъ, но Равенна не согласилась. „Здѣсь покоюсь я, Данте, изгнанный съ моихъ родныхъ береговъ."

Поэма Данте, какъ я сказалъ, это—пѣсня. Тиккъ называетъ ее „мистической неисповѣдимой пѣсnью", и таковъ въ буквальномъ смыслѣ характеръ ея. Кольриджъ весьма дѣльно замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что во всякой мысли, музыкально выраженной, съ надлежащей риѳмой и мелодіею, вы найдете извѣстную глубину и смыслъ. Ибо тѣло и душа, слово и мысль—здѣсь, какъ и повсюду—связаны между собою ка-

кимъ-то страннымъ образомъ. Пѣсня! Мы сказали выше, что пѣсня представляетъ героическое въ рѣчи. Всѣ *древнія* поэмы, Гомеровы и другія, суть доподлинныя пѣсни. Строго говоря, я сказалъ бы, что таковы всѣ истинныя поэмы; что всякое произведеніе, которое не поется, собственно не поэма, а лишь отрывокъ прозы, втиснутый въ звучные стихи къ великому поношенію грамматика и къ великой досадѣ читателя, въ большинствѣ случаевъ! Все, что мы извлекаемъ изъ подобнаго произведенія, это *мысль*, которую человѣкъ имѣлъ, если только онъ ее имѣлъ еще; зачѣмъ же въ такомъ случаѣ онъ подымалъ звонъ, разъ онъ *могъ* высказать свою мысль просто? Мы можемъ дать ему право риѳмовать и пѣть лишь тогда, когда сердце его охвачено истинной страстію къ мелодіи и когда самые звуки его голоса, по замѣчанію Кольриджа, становятся музыкальными, благодаря величію, глубинѣ и музыкѣ его мыслей. Только тогда мы называемъ его поэтомъ и внимаемъ ему, какъ герою-оратору, рѣчь котораго *есть* пѣсня. Многіе домогаются этого; но для серьезнаго читателя чтеніе подобной пѣсни, я не сомнѣваюсь, составляетъ прескучное занятіе, чтобы не сказать несносное! Для подобной пѣсни не существуетъ никакой внутренней необходимости быть риѳмованной; человѣку слѣдовало бы сказать намъ просто, безъ всякаго звону, въ чемъ дѣло. Я совѣтовалъ бы всѣмъ людямъ, которые *могутъ* просто высказать свою мысль, не пѣть ея; я совѣтовалъ бы имъ понять, что въ серьезное время среди серьезныхъ людей никто не нуждается въ томъ, чтобы они пѣли ее. Дѣйствительно, насколько мы любимъ истинное пѣніе, насколько насъ чаруютъ его божественные звуки, настолько же намъ ненавистно всякое фальшивое пѣніе, и это послѣднее мы всегда будемъ считать за пустой деревянный звукъ, за нѣчто глухое, поверхностное, совершенно неискреннее и оскорбительное.

Я воздаю Данте свою величайшую похвалу, когда говорю, что его *Божественная Комедія* представляетъ во всякихъ смыслахъ неподдѣльную пѣсню. Въ самомъ тонѣ ея чувствуется canto fermo, звуки льются точно въ пѣснѣ. Самая простая Дантова terza rima конечно только помогаетъ ему достигать такого эффекта. Естественно, что *Божественную Комедію* читаютъ отъ начала до конца на-распѣвъ. Но, замѣчу я, иначе и быть не можетъ, такъ какъ сущность самаго про-

изведенія и матеріалъ, изъ котораго оно сложено, сами по себѣ ритмическіе. Глубина, восхищенная страстность и искренность дѣлаютъ его музыкальнымъ; всматривайтесь въ вещи достаточно *глубоко*,—и вы повсюду найдете музыку. Дѣйствительная внутренняя симметрія, то, что называютъ архитектурной гармоніей, царитъ въ немъ и приводитъ все къ должной пропорціональности; архитектурная гармонія,—это то, чему также присуща музыкальность. Три царства, *Адъ*, *Чистилище* и *Рай*, глядятъ одно на другое, подобно тремъ частямъ одного величественнаго зданія; это—великій міровой соборъ, воздвигнутый тамъ, въ сверхчувственныхъ сферахъ; соборъ суровый, торжественный, грозный; таковъ Дантовъ міръ душъ! По существу это—*самая искренняя* изъ всѣхъ поэмъ; а искренность мы считаемъ и въ данномъ случаѣ мѣриломъ достоинства. Она вышла изъ самой глубины сердца ея творца и проникаетъ глубоко въ сердца наши и въ сердца длиннаго ряда поколѣній. Жители Вероны, встрѣчая Данте на улицѣ, обыкновенно говорили: „Eccovi l'uom ch'è stato all' Inferno, т.-е. глядите, вотъ человѣкъ, побывавшій въ аду!“ О, да! онъ былъ въ аду, въ настоящемъ аду; онъ въ теченіе долгаго времени выносилъ жестокую скорбь и боролся; и всякій человѣкъ, подобный ему, бывалъ конечно также тамъ, въ аду. Комедіи, которыя становятся *Божественными*, иначе не пишутся. Развѣ мысль, истинный трудъ, самая высочайшая добродѣтель—не порожденія страданія? Истинная мысль возникаетъ какъ бы изъ чернаго вихря. Дѣйствительно, *усиліе*, усиліе плѣнника, борящагося за свое освобожденіе, вотъ что такое мысль. Повсюду намъ приходится достигать совершенства путемъ страданія.—Но, говорю я, ни одно изъ произведеній, извѣстныхъ мнѣ, не отдѣлано такъ тщательно, какъ эта поэма Данте. Она вся какъ бы вылилась изъ раскаленнаго до-бѣла горнила его души. Она „отнимала силы“ у него въ теченіе многихъ годовъ. И не только общія очертанія поэмы таковы; нѣтъ, всякая часть въ ней исполнена съ величайшей старательностью, доведена до полной правдивости, до совершенной ясности. Все здѣсь находится въ строгомъ соотвѣтствіи: каждая черточка на своемъ мѣстѣ; точно мраморный камень, аккуратно высѣченный и отполированный. Здѣсь, въ этой поэмѣ, въ ея риѳмахъ воочію для всѣхъ запечатлѣлся на вѣки духъ Данте, а вмѣстѣ

съ тѣмъ и духъ среднихъ вѣковъ. Нелегкая задача, требующая по-истинѣ чрезмѣрнаго напряженія, но задача уже исполненная!

Можно сказать, что *напряженность* со всѣми ея аттрибутами составляетъ характерную черту Дантова генія. Данте выступаетъ передъ нами не какъ обширный католическій умъ, а скорѣе, какъ узкій, сектаторскій умъ, что обусловливается отчасти современной ему эпохой и его положеніемъ, отчасти же его собственнымъ характеромъ. Вся мощь его духа сконцентрировалась въ огненную напряженность и ушла въ глубь. Онъ великъ какъ міръ, не потому, что онъ обширенъ какъ міръ, а потому, что онъ проникаетъ всѣ предметы, такъ сказать, до самаго сердца ихъ существа. Я не знаю ничего, въ чемъ бы обнаруживалась такая напряженность, какой отличался Данте. Посмотрите, напримѣръ (я начинаю съ внѣшняго развитія его напряженности), посмотрите на то, какъ онъ рисуетъ. Онъ обладаетъ громадною проницательною силой: онъ схватываетъ истинный образъ всякаго предмета, представляетъ его нашимъ взорамъ и больше ничего. Вы помните это первое описаніе, которое онъ даетъ чертогамъ Диса: *красная* вершина, до красна накаленный конусъ желѣза, пылающій среди необозримаго мрака,—какъ все это ярко, отчетливо, какъ ясно; одинъ взмахъ—и картина запечатлѣвается навсегда. Приведенное описаніе можетъ служить какъ бы эмблемой всего генія Данте. Онъ отличается краткостью и точностью въ своихъ отрывочныхъ описаніяхъ. Тацитъ не превосходитъ его краткостью и сжатостью, и при томъ сжатость у Данте является природной, самопроизвольной. Одно поразительное слово, и затѣмъ молчаніе, — говорить болѣе нечего. Его молчаніе краснорѣчивѣе словъ. Удивительно, съ какой проницательностью, граціей, рѣшительностью онъ повсюду схватываетъ истинный образъ вещей, онъ точно разсѣкаетъ ихъ своимъ огненнымъ перомъ. Плутусъ, бахвалящійся гигантъ, съеживается отъ укора Виргилія, „какъ спадаются паруса, когда разбита мачта“. Или этотъ несчастный Брунетто Латини съ cotto aspetto, „обожженнымъ лицомъ“, высохшій, почернѣвшій и истощенный; и „огненный снѣгъ“, падающій на нихъ, „огненный снѣгъ безъ вѣтра“, падающій медленно, безпрепятственно, безъ конца! Или крышки у этихъ гро-

бовъ, четыреугольные саркофаги въ молчаливой полуосвѣщенной залѣ и въ каждомъ — своя мучащаяся душа; крышки пока сняты, онѣ будутъ заколочены на-вѣки въ день страшнаго суда. И какъ подымается Фарината и какъ падаетъ Кавальканте, услышавъ имя своего сына, сопровождаемое прошедшимъ временемъ — „fue!“ Самыя движенія у Данте отличаются быстротой: скорыя, рѣшительныя, почти военныя. Такая особенность въ обрисовкѣ обусловливается внутреннимъ существомъ его генія. Во всемъ этомъ чувствуется сама огненная, подвижная натура итальянца, столь молчаливая, столь страшная, съ ея быстрыми и внезапными движеніями, съ ея молчаливымъ „блѣднымъ бѣшенствомъ“.

Хотя искусство изображать, рисовать принадлежитъ къ внѣшнимъ проявленіямъ человѣка, однако оно, какъ и все остальное, находится въ самой тѣсной связи съ его существеннѣйшими дарованіями; оно представляетъ какъ бы физіономію всего человѣка. Найдите человѣка, слова котораго рисуютъ вамъ образы, — вы найдете человѣка, заслуживающаго кое-чего. Обратите вниманіе на его манеру изображать, — она весьма характерна для него. Прежде всего, онъ не могъ бы совершенно распознать предмета, схватить его типичныхъ особенностей, если бы онъ не питалъ къ нему такъ сказать *симпатіи*, если-бы онъ не переносилъ своихъ симпатій на предметы. Необходимо также, чтобъ онъ былъ искрененъ. Искренность и симпатія... Ничего не стоющій человѣкъ не можетъ вовсе обрисовать предмета; онъ живетъ по отношенію ко всѣмъ предметамъ въ какой-то опустошенной внѣшности, ограничивается лживыми, избитыми фразами. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не можемъ сказать, что умъ человѣка обнаруживается вполнѣ въ этомъ умѣньѣ распознавать, что такое предметъ? Всѣ способности человѣческаго духа выступаютъ въ данномъ случаѣ на сцену. Все равно, касается ли дѣло даже поступковъ того, что должно быть сдѣлано. Одареннымъ человѣкомъ считается тотъ, кто *видитъ* самое существенное и оставляетъ все остальное въ сторонѣ, какъ малозначительное; такова также и отличительная способность человѣка дѣла, благодаря которой онъ распознаетъ истинныя *очертанія* отъ ложныхъ, поверхностныхъ въ томъ предметѣ, на пользу котораго онъ работаетъ. И какъ много *нравственнаго элемента* вносимъ мы въ наши воззрѣнія и отно-

шенія къ внѣшнему міру: „Глазъ видитъ во всѣхъ вещахъ то, что внушаетъ ему способность видѣть!“ Для низкаго глаза все представляется пошлымъ, совершенно такъ же, какъ для больного желтухой все окрашивается въ желтый цвѣтъ. Рафаэль, говорятъ намъ живописцы, остается до сихъ поръ самымъ лучшимъ портретистомъ. Такъ; но никакой глазъ, какими бы высокими достоинствами онъ ни отличался, не можетъ исчерпать всего содержанія, таящагося въ данномъ предметѣ. Въ самомъ заурядномъ человѣческомъ лицѣ остается кое-что такое, чего самъ Рафаэль не можетъ взять у него.

Искусство Данте отличается не только выразительностью, сжатостью, правдивостью, живительностью, подобно огню въ темную ночь; если мы подойдемъ къ нему и съ болѣе широкимъ масштабомъ, то убѣдимся также, что оно благородно во всѣхъ отношеніяхъ, что оно — продуктъ великой души. Франческа и ея возлюбленный, – какъ много возвышеннаго въ ихъ любви! Этотъ образъ словно сотканъ изъ цвѣтовъ радуги на фонѣ вѣчной ночи. Точно слабый звукъ флейты, слышится вамъ безконечно жалобный звукъ и проникаетъ въ самыя тайники вашего сердца. Вы чувствуете въ немъ также дыханіе истинной женственности—della bella persona, che mi fu tolta; и какое это утѣшеніе даже въ пучинѣ горя, что *онъ* никогда не разстанется съ нею! Печальнѣйшая трагедія этихъ alti guai! И бурные вихри, въ этомъ aer bruno, снова уносятъ ихъ прочь, и такъ они вѣчно стонутъ! — Странно, когда подумаешь: Данте былъ другомъ отца этой бѣдной Франчески; сама Франческа, невинный прелестный ребенокъ, сидѣла, быть можетъ, не разъ на колѣняхъ у поэта. Безконечное состраданіе и вмѣстѣ съ тѣмъ столь же безконечная суровость закона; такъ создана природа, такой она представлялась духовному взору Данте. Какое пошлое ничтожество обнаруживаютъ тѣ, кто считаетъ его *Божественную Комедію* жалкимъ, желчнымъ, безсильнымъ пасквилемъ на дѣла міра сего, пасквилемъ, въ которомъ Данте будто бы посылаетъ въ преисподнюю тѣхъ, кому онъ не могъ отомстить здѣсь, на землѣ! Я думаю, что если сердце мужчины питало въ себѣ когда-либо жалость столь нѣжную, какъ жалость матери, такъ это было именно сердце Данте. Но человѣкъ, не знающій суровости, не можетъ знать также, что

такое жалость. Жалость такого человѣка будетъ всегда запечатлѣна характеромъ трусливымъ, эгоистическимъ, сентиментальнымъ или немного чѣмъ лучше. Я не знаю въ мірѣ любви, равной той, какую питалъ Данте. Это была сама нѣжность, сама трепещущая, страстно желающая, сострадающая любовь, подобная жалобному плачу эоловыхъ арфъ; мягкая, мягкая, подобно юному сердцу ребенка; и вмѣстѣ съ тѣмъ это — суровое, горемъ удрученное сердце! Его страстное стремленіе къ своей Беатриче; ихъ встрѣча въ *Раю*; его пристальный взоръ, устремленный въ ея чистые, просвѣтленные глаза, глаза просіявшіе, невиданные уже такъ долго;—все это можно сравнить съ пѣніемъ ангеловъ; изъ всѣхъ чистѣйшихъ выраженій любви это, быть можетъ, самое чистое, какое только когда-либо выливалось изъ сердца человѣческаго.

Напряженный геній Данте обнаруживаетъ напряженность во всемъ; онъ всюду проникаетъ въ самую суть вещей. Его интеллектуальная прозорливость, какъ художника, а при случаѣ и какъ мыслителя, есть лишь проявленіе его силы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Прежде всего, мы должны признать его великимъ въ нравственностъ отношеніи, что составляетъ основу всего. Его презрѣніе, его скорбь столь же возвышенны, какъ и его любовь. Дѣйствительно, что такое это презрѣніе, эта скорбь, какъ не *обратная сторона* его любви, какъ не *вывороченная наизнанку* та же его любовь? „A dio spiacenti ch'a nemici sui,—ненавистный Богу и врагамъ Бога"; слышите гордое презрѣніе, неумолимое, спокойное осужденіе и отвращеніе; „Non ragionem di lor, мы не станемъ говорить о нихъ, мы лишь взглянемъ и пройдемъ". Или вдумайтесь въ это: „Они не питаютъ *надежды* на смерть—Non han speranza di morte". Насталъ день, когда для истерзаннаго сердца Данте представилась истиннымъ, хотя и суровымъ благодѣяніемъ мысль о томъ, что онъ, несчастный истомленный скиталецъ, неизбѣжно долженъ *умереть*; что „даже сама судьба не могла бы осудить его на то, чтобы онъ продолжалъ существовать вѣчно, не умирая". Вотъ какія слова вырываются у этого человѣка. По строгости, серьезности, глубинѣ нѣтъ никого равнаго ему въ новѣйшей эпохѣ, и только въ еврейской библіи, среди ветхозавѣтныхъ пророковъ, мы можемъ найти фигуры, могущія выдержать сравненіе съ нимъ.

Я не согласенъ со многими современными критиками, ставящими *Адъ* значительно выше двухъ другихъ частей *Божественной Комедіи.* Такое предпочтеніе, мнѣ кажется, обусловливается нашей всеобщей склонностью къ байронизму и представляетъ собою, повидимому, преходящее явленіе. *Чистилище* и *Рай*, въ особенности первое, по моему мнѣнію, стоятъ выше *Ада*. Прекрасная вещь—это *Чистилище*, „гора очищенія", эмблема возвышеннѣйшей мысли того времени. Если грѣхъ такъ фаталенъ, если адъ такъ суровъ, такъ страшенъ, если онъ такимъ и долженъ быть, то только въ покаяніи человѣку остается еще возможность очиститься. Покаяніе есть великій христіанскій актъ. Какъ прекрасно Данте изображаетъ его! Tremolar dell'onde, это „трепетаніе" морской волны при первомъ пробужденіи дня, бросающаго свои чистые косые лучи на двухъ скитальцевъ, представляетъ какъ бы прообразъ измѣнившагося настроенія духа. Заря надежды уже взошла, надежды никогда не умирающей, хотя и сопровождаемой еще тяжелою скорбью. Мрачная обитель демоновъ и отверженныхъ уже пройдена; тихое дыханіе раскаянія подымается все выше и выше, къ трону самого Милосердія. „Молись за меня", говорятъ ему всѣ обитатели горы страданія. „Скажи моей Джіованнѣ, пусть она молитъ небо обо мнѣ, моей дочери Джіованнѣ; я думаю, мать ея ужъ не любитъ меня болѣе!" Съ большимъ трудомъ подымаются кающіеся по этой крутизнѣ, идущей спиралью, согбенные какъ каріатиды зданія, иные почти придавленные грѣхомъ гордости; тѣмъ неменѣе, пройдутъ многіе годы, пройдутъ вѣка и эоны, и они обязательно достигнутъ вершины, которая представляетъ врата неба, и благодаря Милосердію будутъ допущены туда. Всѣ радуются, когда кто-либо достигаетъ своей цѣли; вся гора сотрясается отъ восторга, и раздается хвалебное псалмопѣніе, когда душа совершитъ свой путь покаянія и оставитъ позади себя свой грѣхъ и свое страданіе! Я называю все это благороднымъ воплощеніемъ истинно благородной мысли.

Но въ дѣйствительности всѣ три части *Божественной Комедіи* взаимно поддерживаютъ одна другую и немыслимы одна безъ другой. *Рай* —эта своего рода невыразимая музыка—по моему мнѣнію, является необходимымъ дополненіемъ къ *Аду*: безъ него послѣднему не доставало бы правдивости.

Всѣ три отдѣла вмѣстѣ образуютъ настоящій невидимый міръ, какъ его рисовали христіане среднихъ вѣковъ; міръ, вѣчно памятный, на-вѣки истинный въ своей сущности для всѣхъ людей. Ни въ чьей, быть можетъ, иной человѣческой душѣ онъ не былъ запечатлѣнъ такъ глубоко, съ такой правдивостью, какъ въ душѣ Данте, *посланнаго* воспѣть его и сдѣлать его надолго памятнымъ людямъ. Замѣчательна въ высшей степени та естественность, съ какой Данте переходитъ отъ повседневной реальности къ невидимой дѣйствительности:— уже со второй или третьей строфы онъ переноситъ васъ въ міръ духовъ, гдѣ вы чувствуете себя однако все равно, какъ среди осязаемыхъ, несомнѣнныхъ предметовъ. Для Данте они *были* дѣйствительно осязаемы; такъ называемый же реальный міръ съ своими фактами составлялъ лишь преддверье другого міра, другого факта, безконечно болѣе возвышеннаго. Въ сущности, и тотъ и другой были одинаково *сверхъ*-естественными мірами. Развѣ не всякій человѣкъ имѣетъ душу? Человѣкъ не только станетъ духомъ, но онъ есть духъ. Для серьезнаго Данте это единственный видимый несомнѣнный фактъ; онъ вѣритъ въ него, онъ видитъ его, поэтому-то онъ и является поэтомъ его. Искренность, повторяю я снова,—благороднѣйшее достоинство, теперь и всегда.

Дантовъ *Адъ, Чистилище* и *Рай* суть вмѣстѣ съ тѣмъ символы, эмблематическое изображеніе его вѣрованій относительно вселенной. Какой-нибудь критикъ будущаго вѣка, подобно современнымъ критикамъ скандинавскихъ сагъ, мыслящій уже совершенно иначе, чѣмъ мыслилъ Дантъ, сочтетъ также, быть можетъ, все это за аллегорію, даже за пустую аллегорію! А между тѣмъ *Божественная Комедія*— возвышенное или возвышеннѣйшее воплощеніе христіанскаго духа. Въ необъятныхъ, такъ сказать міробъемлющихъ архитектурныхъ очертаніяхъ, она рисуетъ намъ, какимъ образомъ христіанинъ Данте представлялъ себѣ добро и зло, какъ два полярныхъ элемента этого міра, вокругъ которыхъ все вращается, какимъ образомъ онъ представлялъ себѣ, что эти два элемента различаются не по своей *предпочтительности* одного относительно другого, а по своей абсолютной и безконечной несовмѣстимости; что одно прекрасно и высоко, какъ свѣтъ и небо; а другое—отвратительно и черно, какъ геенна и пучина ада! Вѣчное правосудіе! Да, но есть мѣсто

также покаянію, вѣчному милосердію: все христіанство, какъ исповѣдывали его Данте и средніе вѣка, воплощено здѣсь въ образахъ. И однако, какъ я уже указывалъ выше, воплощено съ глубочайшей вѣрой въ дѣйствительность, безъ малѣйшаго помышленія о какомъ бы то ни было символизированіи. Адъ, Чистилище, Рай—все это было создано вовсе не какъ эмблемы: развѣ возможна была въ ту пору хотя бы малѣйшая мысль о томъ, что все это эмблемы! Не представляли-ли Адъ, Чистилище, Рай несомнѣнныхъ, поражавшихъ ужасомъ, фактовъ? Не признавалъ ли ихъ тогда человѣкъ всѣмъ своимъ сердцемъ за дѣйствительную истину? Не находилась ли сама природа повсюду въ полномъ согласіи съ ними? Такъ всегда бываетъ въ подобныхъ дѣлахъ. Люди вѣрятъ въ аллегоріи. Будущій критикъ, каково бы ни было его новое міросозерцаніе, наслѣдуетъ прискорбную ошибку, если станетъ разсматривать это произведеніе Данте, какъ одну лишь аллегорію. Мы уже признали, что язычество представляло правдивое выраженіе дѣйствительнаго чувства человѣка, пораженнаго ужасомъ при созерцаніи природы,—правдивое, нѣкогда истинное и до сихъ поръ не утерявшее еще для насъ всего своего значенія. Но обратите теперь вниманіе на различіе между язычествомъ и христіанствомъ: оно немало. Язычество символизировало главнымъ образомъ дѣятельныя силы природы—судьбы, усилія, соединенія и превратности людей и вещей въ этомъ мірѣ; христіанство символизировало законъ человѣческаго долга, нравственный законъ человѣка. Одно имѣло отношеніе къ чувственной природѣ,—грубое, безпомощное выраженіе *первой* мысли человѣка, когда за главную добродѣтель признавалась отвага, господство надъ страхомъ. Другое же было связано не съ чувственной природой, а съ нравственной. Какой громадный прогрессъ обнаруживается въ этой разницѣ, если взглянуть на дѣло хотя бы только съ одной указываемой мною стороны!

Итакъ, въ Данте, какъ мы сказали, десять пребывавшихъ въ нѣмотѣ вѣковъ чуднымъ образомъ нашли себѣ выраженіе. *Божественная Комедія* написана Данте, но въ дѣйствительности она—достояніе десяти христіанскихъ вѣковъ. Ему принадлежитъ лишь окончательная отдѣлка ея. Такъ всегда бываетъ. Возьмите ремесленника—кузнеца съ его желѣзомъ

съ его орудіями, съ его навыками и искусствомъ,—какъ мало во всемъ томъ, что онъ дѣлаетъ, принадлежитъ собственно ему, его личному труду! Всѣ изобрѣтательные люди прошлыхъ временъ работаютъ тутъ же, вмѣстѣ съ нимъ, какъ работаютъ они въ дѣйствительности вмѣстѣ со всѣми нами во всякихъ нашихъ дѣлахъ. Данте—это человѣкъ, говорящій отъ лица среднихъ вѣковъ; и мысль, которой онъ жилъ, звучитъ и льется изъ его устъ безсмертной музыкой. Всѣ эти возвышенныя идеи Данте, ужасныя и прекрасныя, суть плоды размышленій въ духѣ христіанства всѣхъ добропорядочныхъ людей, жившихъ до него. Дороги онѣ для человѣчества; но развѣ и онъ также не дорогъ? Не будь его, многое изъ того, что онъ сказалъ, такъ и осталось бы невысказаннымъ, конечно, не мертвымъ, но пребывающимъ въ нѣмотѣ.

Въ концѣ концовъ, развѣ эта мистическая пѣсня не служитъ одновременно выраженіемъ и одного изъ величайшихъ человѣческихъ умовъ, какой только существовалъ когда-либо, и одного изъ величайшихъ дѣяній, какое только Европа совершила сама по себѣ до сихъ поръ? Христіанство, какъ его воспѣваетъ Данте, это уже нѣчто совершенно иное, чѣмъ язычество грубыхъ скандинавовъ; иное, чѣмъ исламъ— „ублюдокъ христіанства", полуотчетливо провозглашенный въ Аравійской пустынѣ семь вѣковъ тому назадъ!—Самая благородная *идея*, какая только до сихъ поръ была *осуществлена* среди людей, воспѣтая и воплощенная въ непреходящіе образы однимъ изъ благороднѣйшихъ людей,—вотъ что такое произведеніе Данте. Развѣ мы не имѣемъ права дѣйствительно гордиться тѣмъ, что обладаемъ имъ, гордиться воспѣваемымъ дѣяніемъ и воспѣвающимъ поэтомъ?

Я думаю, что произведеніе это будетъ жить еще въ теченіе долгихъ тысячелѣтій. Ибо то, что выливается изъ глубочайшихъ тайниковъ человѣческой души, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что утверждается внѣшнимъ образомъ, отъ легкаго сердца. Внѣшнее принадлежитъ минутѣ, находится во власти моды; внѣшнее проходитъ въ быстрыхъ и безконечныхъ видоизмѣненіяхъ; внутреннее же всегда остается однимъ и тѣмъ же—вчера, сегодня и вѣчно. Правдивыя души всѣхъ поколѣній міра, глядя на Данте, найдутъ въ немъ нѣчто братски-родственное себѣ; глубокая искренность его

мыслей, его страданія и надежды найдутъ себѣ откликъ въ ихъ искренности; они почувствуютъ, что этотъ Данте—также и имъ родной братъ. Наполеонъ на островѣ св. Елены восхищался жизненной правдивостью стараго Гомера. Самый древній еврейскій пророкъ, несмотря на внѣшнія формы своей рѣчи, столь отличныя отъ нашей, проникаетъ однако неизмѣнно до сихъ поръ въ сердца всѣхъ людей, такъ какъ онъ говоритъ дѣйствительно отъ полноты своего человѣческаго сердца. Таковъ одинъ и единственный секретъ остаться на долго памятнымъ людямъ. Данте по глубинѣ своей искренности похожъ именно на такого древняго пророка; его рѣчь такъ же, какъ и рѣчь ветхозавѣтнаго пророка, льется изъ самой глубины сердца. Не было бы ничего удивительнаго, если бы кто-нибудь сталъ утверждать, что его поэма окажется самымъ прочнымъ дѣломъ, какое только Европа совершила до сихъ поръ; ибо ничто не обладаетъ такой долговѣчностью, какъ правдиво сказанное слово. Всѣ соборы, величественныя сооруженія, мѣдь и камень, всякое внѣшнее строительство, какъ бы прочно оно ни было, недолговѣчны по сравненію съ такой недосягаемо-глубокой, сердечной пѣснію, какъ эта Дантова пѣсня: каждый человѣкъ какъ бы чутьемъ понимаетъ, что она переживетъ многія и многія поколѣнія и сохранитъ свое значеніе для людей даже въ то время, когда все другое расплывется въ новыхъ невѣдомыхъ комбинаціяхъ и индивидуально перестанетъ существовать. Многое создала Европа: многолюдные города, обширныя государства, энциклопедіи, вѣрованія, теоретическіе и практическіе кодексы; но много ли она создала произведеній въ томъ родѣ, къ которому относится мысль Данте? Гомеръ *существуетъ* до сихъ поръ; онъ дѣйствительно становится лицомъ къ лицу съ каждымъ изъ насъ, съ каждымъ, у кого только можетъ раскрыться душа; а Греція,—гдѣ *она*? Подвергаясь въ продолженіе тысячелѣтій опустошеніямъ, она прошла, исчезла; она превратилась въ безпорядочную груду камней и мусора; ея жизнь и ея существованіе навсегда улетѣли отъ насъ, какъ мечта, какъ прахъ царя Агамемнона. Греція была; Греціи нѣтъ болѣе: она осталась только въ *словахъ*, сказанныхъ ею, лишь въ поэмахъ Гомера,—лишь онъ одинъ живъ и будетъ жить. Таковъ же и Данте.

Шестисотлѣтній юбилей дня рожденія Данта Аллигіери.

(Ѳ. И. Буслаевъ. „Мои досуги“.)

Задолго до знаменитой конвенціи 15-го сентября, волнующей теперь умы всей Европы, и независимо отъ всякихъ дипломатическихъ комбинацій, общественное мнѣніе въ Италіи подготовляло себя къ тому рѣшительному моменту, въ которомъ эта страна находится въ настоящее время; только предполагаемое движеніе откладывалось до мая мѣсяца будущаго 1865 года. Центромъ этого общественнаго движенія была выбрана Флоренція, а поводомъ—шестисотлѣтній юбилей Данта, имѣющій быть въ будущемъ маѣ. Къ этому сроку предполагалось сдѣлать Флоренцію сборнымъ пунктомъ всѣхъ восторженныхъ патріотическихъ головъ Италіи, и въ то же время, по разнымъ городамъ Апеннинскаго полуострова, поднять знамена единенія цѣлой, нераздѣльной Италіи. Никто теперь не можетъ сказать навѣрное, ускорится ли срокъ кризиса, вслѣдствіе уже наступившихъ дипломатическихъ волненій; но, безъ сомнѣнія, осуществленію его придаетъ много надежды имѣющее скоро воспослѣдовать перенесеніе столицы итальянскаго королевства изъ Турина во Флоренцію: и сколько бы ни ошиблись въ своихъ разсчетахъ самые горячіе изъ итальянскихъ патріотовъ, все же это событіе можетъ способствовать юбилею, придавъ ему большую торжественность и собравъ во Флоренцію болѣе многочисленныя и разнообразныя массы народа.

По врожденной живости и самой тонкой впечатлительности, итальянецъ всякое явленіе жизни принимаетъ нераздѣльно, всѣми способностями души. У него мысль дѣйствуетъ не на одну только голову, но тотчасъ же ударяетъ въ сердце, волнуетъ кровь и даетъ пищу воображенію. Съ тою же быстротой и легкостью переводитъ онъ для себя игру фантазіи на языкъ здраваго смысла, поэтическое увлеченіе низводитъ до практической дѣйствительности. Въ поэтѣ видитъ онъ и философа, и политика; и своихъ политическихъ героевъ окружаетъ ореоломъ поэзіи. Въ его минутныхъ увлеченіяхъ непреложные законы времени останавливаются въ своихъ дѣйствіяхъ, и онъ также легко переносится за

шестьсотъ лѣтъ въ прошедшее, какъ вдвигаетъ въ свое настоящее интересы своей далекой старины. И его воображенію помогаетъ вся художественная обстановка его жизни, сложившаяся изъ цѣлаго ряда вѣковыхъ преданій, которыя словно получили право вѣчности въ монументальныхъ украшеніяхъ церквей, улицъ, площадей, въ этихъ дворцахъ, въ которыхъ нѣкогда укрѣплялись Гвельфы и Гибеллины и вели между собою ожесточенныя войны,—въ этихъ прекрасныхъ статуяхъ, изображающихъ великихъ итальянскихъ людей всѣхъ временъ. Памятники прошедшаго имѣютъ для него не только смыслъ преданія, но и насущный элементъ его текущей, будничной жизни, въ которую цѣликомъ врывается все ея прошедшее. На ковровой фабрикѣ близъ храма Св. Креста во Флоренціи, въ громадномъ каменномъ сараѣ работаютъ на своихъ станкахъ десятки мастеровъ, а передъ ними цѣлая стѣна, аршинъ въ сорокъ вышины, украшена фресками Джіотто или, по крайней мѣрѣ, лучшихъ изъ его учениковъ XIV вѣка. Это была когда-то монастырская трапеза, а теперь стала фабрикой, и смышленый работникъ, на минуту бросая свое тканье, объясняетъ толпѣ странствующихъ англичанъ, гдѣ который апостолъ сидитъ въ изображеніи Тайной Вечери, и какія лица и событія писаны тамъ на верху надъ Вечерею, по сторонамъ колоссальнаго Распятія.

Изъ всего неистощимо-богатаго прошедшаго самое любезное, самое популярное и во всѣ вѣка современное и близкое для итальянцевъ имя—это имя великаго творца *священной поэмы*, какъ они называютъ Божественную Комедію. Пользуясь мѣткимъ выраженіемъ самого Данта, они съ благоговѣніемъ признаютъ, что *небо и земля наложили на нее свою руку*; потому, послѣ Библіи, это первая для нихъ книга, это *патріотическая* библія для итальянскаго народа, книга его *печалей и надеждъ*, святой завѣтъ великаго генія потомству. Дантъ—это самое высшее и самое чистѣйшее проявленіе духа даровитой націи, независимое отъ случайностей времени и исторіи. Онъ для итальянцевъ не только идеалъ патріота, философа и политика, но и вѣщій предсказатель, за шестьсотъ лѣтъ предвозвѣстившій о великихъ событіяхъ, только въ настоящее время въ Италіи совершающихся. Какъ итальянцы всѣхъ вѣковъ, какъ итальяцны недавняго времени, Дантъ, въ своемъ пророческомъ видѣніи, оплакивалъ рабство Италіи, про-

клиналъ опутывающія ее цѣпи, призывалъ разрозненныя ея силы къ единенію, чтобъ онѣ свергли съ себя чужеземное иго, и чтобы наконецъ *Римская Волчица* издохла въ когтяхъ борзаго *Пса*, спущеннаго на нее съ сѣвера Италіи. Онъ завѣщалъ своимъ потомкамъ низложить свѣтскую власть римскихъ первосвященниковъ и не ввѣряться вмѣшательству французовъ въ дѣла Италіи, и наконецъ предсказалъ этой несчастной странѣ, *жилищу печали*—по его выраженію, свѣтлую будущность братскаго единенія, котораго начало итальянцы видятъ въ текущей современности.

Такимъ образомъ, по убѣжденію итальянцевъ, въ священной поэмѣ Италія сознаетъ себя и сама себѣ удивляется. Данта они ставятъ вмѣстѣ и наравнѣ съ Гомеромъ и Шекспиромъ, но даютъ ему первенство въ неотразимой силѣ его вліянія на политическое возрожденіе отечества *)

Патріотическое чествованіе, которымъ окружаютъ творца Божественной Комедіи, соединяется въ убѣжденіяхъ итальянцевъ съ мыслію о неоспоримомъ первенствѣ Данта передъ прочими поэтами въ исторіи просвѣщенія всей Европы. Свою Италію полагаютъ они первою въ мірѣ страной по цивилизаціи, а Данта—отцомъ новаго европейскаго просвѣщенія, поэтомъ не одной своей родины, но всѣхъ націй, которыя *вѣрятъ въ Бога и въ прогрессъ человѣческій*.

Патріотическія увлеченія, подкрѣпляемыя самымъ восторженнымъ чествованіемъ Данта, въ послѣднее время болѣе и болѣе стали оказывать свое дѣйствіе на публику черезъ профессоровъ съ каѳедръ, учреждаемыхъ во многихъ городахъ Италіи съ спеціальнымъ назначеніемъ объясненія Божественной Комедіи.

Въ 1860 году въ Флорентинскомъ институтѣ, въ началѣ своихъ лекцій объ этомъ предметѣ, г. Джуліани, между прочимъ съ свойственною итальянцамъ наивною восторженностью, исповѣдовался передъ своими слушателями, что „три вида любви въ немъ слиты въ одно, чѣмъ управляется его жизнь: любовь къ истинѣ, любовь къ Италіи и любовь къ Данту, котораго онъ послѣ Господа Бога почитаетъ своимъ величайшимъ благодѣтелемъ“.

---

*) Подробное развитіе всѣхъ этихъ мыслей смотр. въ Giornale del Centenario di Dante Allighieri, стр. 20, 21, 22, 29, 63, 70, 77, 137, 144 и мн. др.

Оканчивая же лекціи о Дантѣ въ іюлѣ 1863 г., онъ даетъ своей любви къ Данту и своему патріотизму болѣе опредѣленную политическую тенденцію, мечтая о срокѣ Дантовскаго юбилея, какъ о великой катастрофѣ, которая должна устроить дѣла въ Венеціи и Римѣ въ пользу единства итальянскаго королевства. „Ни одинъ народъ не можетъ похвалиться, чтобъ онъ такъ блистательно началъ свою цивилизацію, какъ Италія въ Дантѣ, и также ни одинъ народъ не можетъ похвалиться, чтобъ онъ получилъ столько признательности отъ другихъ націй, какъ Италія за своего Данта,—Италія, которая, увы! хотя бы въ 1865 г., собравъ воедино всѣ свои провинціи, возникла бодрая и гордая, чтобы посвятить Данту достойный его памятникъ, въ предвѣстіе счастливой и желанной свободы народовъ. Пусть же успокоятся возмущенныя воды Адиджа и Тибра, если будетъ миръ всему міру", то-есть, когда Верона и другіе города Венеціанской области низвергнутъ съ себя австрійское иго, а Римъ освободится отъ свѣтской власти папъ *).

Еще опредѣлительнѣе онъ выражается въ другомъ мѣстѣ, когда, говоря о предстоящемъ юбилеѣ Данта, онъ по обычаю витіеватыхъ импровизаторовъ своей родины, перерываетъ свои сладкія мечтанія неожиданнымъ вопросомъ: „Но куда увлеклись мои мысли? Венеція, могущественнѣйшая Венеція, простирая свои окованныя руки, умоляетъ и плачетъ... Сострàданіе и правосудіе требуютъ — освободить Италію, и потомъ въ тріумфѣ прославить ея поэта". Такъ говорилъ восторженный комментаторъ Данта еще въ 1861 г., и въ движеніи умовъ въ Италіи и во всей современной политикѣ ему чуялось близкое, желанное возрожденіе Италіи, для которой онъ предсказывалъ наступленіе *по истинѣ Дантовскаго вѣка* **).

Когда говорятъ о Дантѣ, обыкновенно припоминаютъ его громкую славу, какъ богослова, котораго священную поэму другіе богословы въ XIV и XV столѣтіяхъ объясняли въ церквахъ съ каѳедры; но забываютъ другую не менѣе важную сторону его дѣятельности, какъ патріота и лица поли-

---

*) Giorn. del Centen. di Dante, стр. 29, 65, 72. 148.

**) Giambattista Giuliani, Metodo di commentare la Commedia di Dante Allighieri. Стр. 144 и 145.

тическаго, поплатившагося за свои убѣжденія и за свою любовь къ родинѣ ссылкой. Система ссылки, или изгнанія изъ роднаго мѣста, была господствующимъ наказаніемъ во всѣхъ городахъ Италіи до позднѣйшаго времени, и особенно во Флоренціи, въ которой не избѣжали этой судьбы члены фамиліи даже самихъ Медичисовъ. Многіе изъ флорентинскихъ изгнанниковъ, такъ же какъ Дантъ, проводили время своей ссылки въ сѣверныхъ городахъ, именно въ Падуѣ и Веронѣ, гдѣ этотъ поэтъ оставилъ по себѣ столько славныхъ воспоминаній. Одинаковость судьбы и одинаковыя отношенія къ прекрасной и знаменитой, но неблагодарной, завистливой и капризной родинѣ, постоянно раздираемой партіями, невольно приводили на умъ изгоняемымъ потомкамъ мысль о ихъ предшественникѣ, флорентинскомъ изгнанникѣ, и роднили ихъ между собою и въ общемъ горѣ, и въ общей ненависти. Понятно, почему и въ наше время, когда для Италіи стали невтерпежъ австрійское господство и безсмысленная свѣтская власть папъ, безпокойные умы и горячіе патріоты съ особеннымъ воодушевленіемъ принимались за Данта. Одинъ изъ такихъ умовъ, народный трибунъ Тамассео, бывшій въ 1848 г. министромъ временнаго правительства Венеціанской республики, передъ тѣмъ изучалъ Данта, издавъ его поэму съ комментаріями, а также собиралъ народныя пѣсни, странствуя по маленькимъ мѣстечкамъ и по хижинамъ Италіи, и толкуя съ простонародьемъ о своихъ завѣтныхъ убѣжденіяхъ. Другой, не менѣе энергическій агитаторъ, по имени Мальпика, во время самаго тяжелаго гнета австрійскаго преобладанія, въ Неаполѣ, отъ 1838 по 1843 г., тайно отъ неаполитанской полиціи, въ залахъ одного частнаго лица, собиралъ многочисленныхъ слушателей около своей каѳедры, съ которой объяснялъ Данта. Вотъ какъ воспоминаетъ теперь объ этихъ лекціяхъ одинъ изъ ревностныхъ слушателей Мальпики, врачъ по своей спеціальности: „Эта школа воспитала въ юношествѣ благородныя патріотическія чувства и любовь къ истинной литературѣ итальянской; и теперь, когда не существуетъ уже инквизиція, и тюрьма не грозитъ всякому литератору, можно сказать, что, несмотря на всевозможныя препятствія, постоянно встрѣчавшія тогда людей мыслящихъ, и къ стыду неусыпныхъ заботъ тогдашней звѣрской полиціи, избран-

ный кружокъ школы профессора Мальпики, изученіемъ жизни и произведеній великихъ итальянцевъ, приготовлялъ себя къ великому дѣлу возрожденія и единенія нашего общаго отечества, къ чему тогда такъ стремились, и что теперь во-очію совершается. Всѣ литераторы, посѣщавшіе тогда школу Мальпики, и итальянцы и чужестранцы, оставались въ изумленіи—какъ я самъ былъ тому свидѣтелемъ—столько же передъ силой литературныхъ дарованій профессора, сколько и передъ смѣлостью выраженія его мыслей въ такомъ городѣ, гдѣ кишѣли тысячи шпіоновъ, чтобы донести, и столько же полицейскихъ, чтобъ арестовать" *).

Со времени освобожденія городовъ Италіи отъ чуждаго ига, повсюду на каѳедрахъ университетовъ, институтовъ и гимназій раздались комментаріи на Данта, переставшіе уже быть запрещеннымъ плодомъ. Въ этихъ комментаріяхъ, какъ и прежде, главнѣйшимъ образомъ сообщалось много дѣльнаго, прямо относящагося къ предмету, но многое примѣшивалось и злобы дня изъ текущихъ интересовъ общественныхъ и политическихъ; потому что итальянцы еще больше, нежели французы, наклонны популяризировать всякое знаніе, сопоставлять всякую отвлеченность съ текущею дѣйствительностью,—и тѣмъ больше простора ихъ фантазіи и страстямъ давалъ Дантъ, котораго они готовы признать почти своимъ современникомъ: чему способствуетъ сверхъ того и самая сущность дѣла, во-первыхъ, потому, что Италія временъ Данта въ своемъ развитіи настолько была выше всѣхъ прочихъ націй, что во многомъ можетъ удовлетворить понятіямъ и вкусамъ нашего времени, и во-вторыхъ, жалкое политическое состояніе новой Италіи въ общихъ чертахъ сходствовало съ Италіей временъ Данта, такъ что, дѣйствительно, и теперь еще не совсѣмъ сокрушены тѣ враги Италіи, которыхъ проклинаетъ великій флорентинецъ. И теперь, какъ тогда, та же симонія, та же продажа даровъ Духа Святого въ Римѣ; и теперь, какъ тогда, то же покровительство Франціи престолу римскихъ первосвященниковъ; и теперь, какъ тогда, тѣ же Гвельфы и Гибеллины, только подъ другими именами—партіи клерикальной и партіи Виктора-Эммануила.

---

*) Giornale del Centen. di Dante, стр. 178.

Принимая во вниманіе исторію Италіи и ея современное политическое положеніе, и присовокупляя къ тому необыкновенно подвижную натуру жителей этой страны и безпримѣрную способность увлекаться, слѣдуетъ до извѣстной степени извинять излишнюю горячность итальянскихъ комментаторовъ Данта. Въ послѣднее время въ технологическомъ институтѣ въ Форли профессоръ Дзаули Сайани, объясняя своимъ слушателямъ Божественную Комедію, съ особенною энергіей и съ страстнымъ увлеченіемъ громилъ свѣтскую власть папъ, называя ее именно тою самою симоніей, которую Дантъ караетъ огненными муками въ своемъ Аду *). Эти выходки, впрочемъ, нарушающія спокойное теченіе преподаванія, имѣютъ смыслъ въ странѣ, въ которой ведется сильная политическая интрига противъ короля, защитника свободы своего государства, интрига, главными дѣятелями которой монахи и значительная часть духовенства, до того враждебнаго интересамъ страны, что очень часто духовники, придя къ постели умирающаго, для напутствованія его Св. Дарами, сначала требуютъ, чтобъ онъ отрекся отъ присяги, данной Виктору-Эммануилу, и въ противномъ случаѣ умирающему отказываютъ въ религіозномъ напутствованіи. И въ то время, какъ одни комментаторы Данта объясняютъ его въ пользу освобожденной и освобождающейся Италіи, другіе—сторонники Австріи и папы—вмѣняютъ себѣ въ обязанность очищать эти комментаріи отъ враждебныхъ ихъ партіи увлеченій, и толкуютъ Данта въ свою пользу. Такое изданіе, въ виду наступающаго юбилея, изготовилъ въ Веронѣ одинъ священникъ, и распространяется оно въ публикѣ при содѣйствіи тамошняго епископа **).

Послѣ всего сказаннаго, нужно ли распространяться о томъ, какою громадною популярностью пользовался и доселѣ пользуется Дантъ между своими соотечественниками? Въ своей поэмѣ онъ затронулъ всѣ жизненные интересы Италіи и своего вѣка, и будто въ зеркалѣ отразилъ всѣ волненія партій, всѣ ихъ убѣжденія, боязни и надежды, и не только во Флоренціи, но и по всѣмъ областямъ и городамъ Апеннинскаго полуострова. Въ этихъ волненіяхъ принимали участіе

---

*) Ibid. стр. 54–56.

**) Ibid стр. 171.

не одни феодалы, но особенно городское населенiе, къ которому примыкали и сельскiе жители. Не было ни одной извѣстной фамилiи, которой представителей не внесъ бы Дантъ въ свою поэму; не прошло незамѣченнымъ у него ни одного хотя нѣсколько значительнаго событiя, отозвавшагося въ умахъ его современниковъ. Мѣтко характеризуетъ онъ города, урочища, памятники Италiи, и особенно сѣверной и средней, которые онъ всѣ исходилъ пѣшкомъ. И доселѣ и тамъ и сямъ простолюдины показываютъ то домъ или келью, гдѣ онъ гостилъ во время своего изгнанiя, то башню или гору, которыми онъ любовался, или о которыхъ упоминаетъ въ своей поэмѣ.

Въ недавнее время пущена была въ ходъ мысль о томъ, будто бы Дантъ никогда не пользовался популярностiю въ Италiи, потому что онъ былъ не болѣе какъ богословъ, а богословiе не могло быть понятно и привлекательно народу. Это мнѣнiе, пущенное поверхностными историками и плохими знатоками средневѣковой исторiи вообще и Италiи въ особенности, основывалось главнѣйшимъ образомъ на томъ фактѣ, что съ XIV уже вѣка Божественную Комедiю стали комментировать по церквамъ, съ точки зрѣнiя богословской, и что Дантъ почитался въ Италiи богословомъ даже до XVI в., когда Рафаэль въ своей Ватиканской фрескѣ Disputa помѣстилъ его между богословами. Но припомнимъ, какою популярностью пользовались такiе богословы, какъ Гуссъ, Савонарола, Лютеръ. Было время, и особенно въ Италiи, когда богословiе, низведенное для народа въ проповѣди, было самою насущною потребностью народа, и преимущественно во времена Данта, когда доминиканцы боролись съ еретиками, а францисканцы были друзья всѣхъ неимущихъ и обремененныхъ.

Сверхъ того, богословiе Данте былъ въ духѣ убѣжденiй Гусса, Савонаролы, даже самого Лютера, и для полнѣйшей популярности великаго флорентинца, какъ богослова, не доставало только блистательной санкцiи сожженiя на кострѣ.

Но, говоря объ Италiи, классической странѣ художества, надобно видѣть высшую степень популярности Данта въ его громадномъ влiянiи на искусство вообще, и въ особенности на живопись. Величайшiй изъ художниковъ новаго мiра, Джiотто, оставившiй по себѣ школы почти по всѣмъ значи-

тельнымъ городамъ Италіи, былъ другомъ и единомышленникомъ Данта, такъ что историки искусства во многихъ произведеніяхъ этого живописца полагаютъ видѣть идеи и даже нѣкоторыя подробности Божественной Комедіи, и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что ученики Джіотто въ XIV вѣкѣ брали себѣ сюжеты изъ этой поэмы, какъ, напримѣръ, во фрескахъ Пизанскаго кладбища и въ Maria Novella во Флоренціи.

Сказаннаго почитаю достаточнымъ, чтобы понять всю важность великаго національнаго дѣла, соединяемаго въ умахъ всей Италіи съ имѣющимъ воспослѣдовать юбилеемъ Данта въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года.

По этому предмету 14-го ноября 1863 года состоялось слѣдующее постановленіе муниципальнаго совѣта города Флоренціи:

„Такъ какъ Дантъ Аллигіери, величайшій изъ поэтовъ христіанскаго міра и новой цивилизаціи, былъ флорентинецъ;

„Такъ какъ первымъ доказательствомъ цивилизаціи служитъ чествованіе памяти тѣхъ людей, которые свой умъ и свою жизнь приносили въ жертву на свидѣтельствованіе истины и служеніе отечеству;

„Такъ какъ новыя времена, предреченныя великимъ поэтомъ, наступили, и, давая увѣренность итальянскому народу въ счастливой будущности, тѣмъ сильнѣе побуждаютъ насъ быть того достойными;

„Такъ какъ городъ Флоренція, обильный своею *вѣжливостію* (d' ogni gentilezza) и во время великихъ невзгодъ отечества, ничѣмъ лучше не можетъ, какъ только великимъ актомъ относительно своего высочайшаго пѣвца, доказать, что не изсякли источники великой признательности къ нему въ итальянской семьѣ, и предъявить всему міру, что вмѣстѣ съ Дантомъ возросли въ ней всѣ зародыши современной цивилизаціи;

„Такъ какъ голоса всѣхъ націй взываютъ, долгъ и честь требуютъ, и великодушная тѣнь божественнаго поэта вопіетъ объ исправленіи нѣкогда содѣяннаго:

„То флорентинскій муниципальный совѣтъ единогласно постановилъ торжественно праздновать во Флоренціи, въ маѣ мѣсяцѣ 1865 года шестисотлѣтній юбилей Данта Аллигіери."

Немедленно, по обнародованіи этого постановленія, какъ

во Флоренціи, такъ и во многихъ другихъ городахъ Италіи, составились комиссіи, съ спеціальною цѣлью озаботиться о приготовленіи къ Дантовскому юбилею. Муниципальные совѣты приняли въ этомъ дѣлѣ самое дѣятельное участіе и вступили въ сношенія. При коммиссіи флорентинской, какъ центральной, съ 10-го февраля текущаго 1864 года сталъ издаваться *Журналъ юбилея Данта Аллигіери*, гдѣ печатается все, касающееся этого предмета, всѣ дебаты коммиссіи, сношенія между итальянскими городами, проэкты о подробностяхъ празднованія, наконецъ ученыя изслѣдованія о Дантѣ и его произведеніяхъ, комментаріи и библіографическіе указатели. Сверхъ того, для простого народа, съ цѣлью приготовить его къ предстоящему національному празднованію, съ 1-го мая издается популярная газета, по полулистику каждое воскресенье, подъ названіемъ: *Дантовскій праздникъ, воскресное чтеніе флорентинскаго народа*. Кромѣ извѣщеній о главнѣйшихъ приготовленіяхъ къ юбилею, эта газета содержитъ въ себѣ самое популярное изложеніе жизни Данта и Божественной Комедіи, его главнѣйшихъ политическихъ и патріотическихъ убѣжденій; извлеченія изъ хроникъ того времени, именно изъ Дино-Компаньи, анекдоты о Дантѣ и т. п. Каждый нумеръ стоитъ 3 чентезима, на наши деньги около копейки, и продается отдѣльно по улицамъ и площадямъ.

Сверхъ того, съ тою же цѣлью — подготовить простой народъ къ юбилею, наступающею зимой во Флоренціи предполагается открыть нѣсколько каѳедръ для популярнаго объясненія Данта.

Юбилей будетъ праздноваться въ теченіе нѣсколькихъ дней, и не въ одной только Флоренціи, но и въ другихъ городахъ, особенно въ сѣверной Италіи, гдѣ провелъ Дантъ большее время ссылки, и гдѣ, наконецъ, умеръ, въ Равеннѣ, въ которой до сихъ поръ покоится его прахъ. Города не стѣсняются общею программой; напротивъ того, для большаго торжества, поощряется самое разнообразное по разнымъ мѣстамъ празднованіе, какъ оно можетъ устроиться, согласно мѣстнымъ интересамъ и средствамъ.

Не надобно имѣть глубокихъ политическихъ соображеній, чтобы догадаться, что прежде всѣхъ на патріотическій призывъ Флоренціи откликнулись города Венеціанской области и итальянскаго Тироля, находящіеся подъ австрійскою

властью. Сама Венеція должна была бороться съ нѣкоторыми препятствіями, чтобы въ приличной своему положенію формѣ присоединить свой голосъ къ обще-итальянскому дѣлу. Вообще въ австрійской Италіи, кажется, не допущена система Дантовскихъ коммиссій, а только разныя уже прежде составившіяся литературныя и художественныя общества, между прочимъ, внесли въ кругъ своихъ занятій и вопросъ о приготовленіи къ юбилею, какъ напримѣръ въ Тріестѣ, извѣстное литературное общество *Минерва*. Даже славянскіе города, примыкающіе къ австрійской Италіи, напримѣръ Горица, заявляютъ свое дѣятельное участіе въ праздновaніи, соединенномъ съ именемъ Данта. Особенно трогательно заявленіе маленькаго мѣстечка въ итальянскомъ Тиролѣ, именно Ривы, которая ставитъ мраморное изображеніе Данта, съ подписью внизу тѣхъ стиховъ изъ Божественной Комедіи, въ которыхъ поэтъ характеризуетъ окрестности этого мѣстечка.

И теперь, тамъ и сямъ по Италіи можно встрѣтить въ мѣстностяхъ, посѣщенныхъ Дантомъ, памятники съ надписями въ воспоминаніе такого событія, признаваемаго великимъ мѣстными жителями. Предстоящій юбилей дастъ случай возвести этотъ патріотическій обычай въ общую систему, и вся Италія покроется Дантовскими памятниками, какъ монументальнымъ выраженіемъ восторженной мысли о наступленіи *настоящаго* Дантовскаго вѣка.

Изъ городовъ австрійской Италіи особенное значеніе имѣетъ для Падуи предполагаемое ко времени юбилея изготовленіе двухъ статуй, одной — Данта, а другой—Джіотто. Когда-то оба эти великіе флорентинца въ одно и то же время посѣтили Падую, Дантъ, какъ изгнанникъ, а Джіотто съ своими учениками расписывалъ тогда церковь Madonna dell' Arena, воздвигнутую знаменитою того времени фамиліей Скровеньи. Думаютъ, что Джіотто въ своихъ фрескахъ, украшающихъ эту церковь, соображался съ совѣтами своего друга въ изображеніи нѣкоторыхъ подробностей Страшнаго Суда, а также Добродѣтелей и Пороковъ. Это было цвѣтущее время для просвѣщенія Падуи, считавшей тысячами слушателей въ своемъ университетѣ и не уступавшей ни одному изъ прочихъ итальянскихъ городовъ въ развитіи изящныхъ искусствъ, чему особенно способство-

валъ Джіотто въ оставленныхъ тамъ по себѣ ученикахъ. Въ память прежняго величія въ Падуѣ устроена площадь, въ видѣ городского сада; посреди зеленый лугъ, а кругомъ тѣнистыя аллеи, и весь этотъ садъ изукрашенъ статуями, числомъ до 70 слишкомъ, изображающими знаменитыхъ падуанцевъ; а также и иностранцевъ, оказавшихъ свои услуги этому городу. Въ настоящее время въ печальномъ, пустынномъ городѣ, тишину котораго нарушаетъ только звонъ колоколовъ со множества церквей, нѣкогда великолѣпно украшенныхъ, эти мраморныя знаменитости грустно смотрятъ кругомъ на безлюдную площадь и на бывшій нѣкогда монастырь Св. Юстины, и на это солдатское бѣлье и на аммуницію, развѣшанныя на веревкахъ вдоль прекрасныхъ стѣнъ и портиковъ монастыря, теперь превращеннаго австрійцами въ какой-то цейгаузъ.

На этой-то площади, между падуанскими знаменитостями, на самомъ видномъ мѣстѣ, будутъ воздвигнуты статуи Данта и Джіотто, въ сладостной надеждѣ, что они оживятъ, наконецъ, и этотъ садъ, и весь городъ. Особенное участіе въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ принимаетъ маркизъ Сельватико, авторъ замѣчательныхъ монографій по исторіи итальянскаго искусства.

Что касается до празднованія юбилея въ самой Флоренціи, то вотъ главнѣйшія данныя, сообщенныя по этому предмету въ юбилейныхъ журналахъ по 10-е октября текущаго года. Въ этихъ данныхъ, какъ вообще во всѣхъ явленіяхъ жизни Итальянца, великое смѣшивается съ малымъ, строгое съ забавнымъ, естественное и необходимое съ фантастическимъ и несбыточнымъ, но все это вмѣстѣ составляетъ стройное цѣлое, все это волнуетъ и увлекаетъ, вмѣстѣ и раздражаетъ и возвышаетъ.

Кажется, общественное мнѣніе въ Италіи желаетъ дать юбилею вполнѣ серьезный, такъ сказать, монументальный характеръ, впрочемъ, не исключающій и увеселеній, которыя сами собою откроются, вслѣдствіе стеченія во Флоренцію разнородной публики.

„Было бы достойно Данта, чтобы празднество въ его воспоминаніе оставило по себѣ память“,—такъ выражается по этому предмету извѣстный агитаторъ Томассео; „чтобъ оно не погасло въ родѣ ракеты, и, какъ потѣшный огонь, не оста-

вило по себѣ ничего кромѣ дыма. Разглагольствія академическихъ чтецовъ и развѣванье знаменъ, пиры и танцы — это пышность вульгарная; она дѣлаетъ смѣшными ученыя собранія; политическія празднества превращаются въ комедію, и за напрасными издержками обыкновенно слѣдуютъ скандалезныя сплетни. Такъ чествовать суроваго и злополучнаго поэта, такъ вызывать его духъ въ настоящее—значило бы оскорблять его".

Прежде всего, чтобы дать юбилею значеніе не только національное, но и всемірное, положено пригласить на юбилей всѣ ученыя знаменитости Европы, способствовавшія своими трудами въ объясненіи или переводѣ Данта. При этомъ случаѣ въ особенномъ сочувствіи оказалась Италія къ Германіи, въ которой, кромѣ Витте, Бланка, Вегеле и другихъ, итальянцы хорошо знаютъ и чтутъ литературныя заслуги Іоанна короля Саксонскаго. Для образца привожу начало посланія флорентинскаго провинціальнаго совѣта къ этому коронованному переводчику Данта: „Ваше величество! У Данта были друзьями короли; въ васъ навсегда онъ нашелъ себѣ друга: и это дружество, которое вы поддерживаете съ такимъ благородствомъ, и въ которомъ высказались вы съ такимъ достоинствомъ, дѣлаетъ ваше имя наилюбезнѣйшимъ во всей Италіи, которая видитъ въ васъ такого нѣмецкаго короля, который любитъ ее, тогда какъ другіе хотятъ ее держать въ рабствѣ".

Для полнаго торжества юбилея особенно чувствовался одинъ существенный недостатокъ,—отсутствіе Дантова праха во Флоренціи, отсутствіе тѣмъ чувствительнѣйшее, что съ нимъ соединяется мысль о непримиренной съ своею родиной тѣни великаго флорентинца, мысль о томъ, что онъ, умирая въ изгнаніи, можетъ быть и сѣтовалъ на свою Флоренцію и даже проклиналъ ее, между тѣмъ какъ изъ послѣднихъ пѣсенъ его Рая видно, что онъ не терялъ надежды воротиться къ себѣ домой, гдѣ, наконецъ, его увѣнчаютъ лавровымъ вѣнкомъ его соотечественники въ томъ самомъ храмѣ Св. Іоанна, то-есть, въ Баптистеріи, гдѣ онъ еще младенцемъ принялъ св. крещеніе. „Если случится, говоритъ онъ въ самомъ началѣ XXV пѣсни своего Рая, что священная поэма, на которую наложили свою руку небо и земля—отчего я исхудалъ во многіе годы,—если случится,

что она побѣдитъ жестокость, прогнавшую меня изъ овчарни (т.-е. Флоренціи), въ которой, какъ ягненокъ, я спалъ, недругъ волкамъ, которые на меня ополчались; то хотя бы и съ инымъ уже голосомъ, и съ иными уже на головѣ волосами, я ворочусь, какъ поэтъ, и на источникѣ моего крещенія буду увѣнчанъ".

Вслѣдствіе этихъ данныхъ, составилась мысль о перенесеніи Дантова праха изъ Равенны во Флоренцію, чтобъ этимъ трогательнымъ актомъ примиренія и торжественною процессіей съ останками Данта отъ Равенны до Флоренціи открыть самый юбилей. Жаркіе поклонники Данта приходили въ умиленіе и восторгъ, воображая себѣ такую доселѣ небывалую процессію, повсюду по дорогѣ встрѣчаемую и привѣтствуемую народомъ. Этотъ проэктъ впервые былъ высказанъ въ Брешіи въ 1863 г., профессоромъ Тамбурини, потомъ въ Пизѣ барономъ Бараттою, и уже послѣ сдѣлался предметомъ разсужденій флорентинской коммиссіи. Равенна съ своими византійскими базиликами готскихъ королей, съ своими мавзолеями Галлы, Плацидіи и Ѳеодорика, сама Равенна, теперь запустѣлая и обезлюдѣвшая, есть не иное что, какъ удивительный мавзолей прошедшаго, и прахъ Данта въ ней погребенъ, будто въ пустынѣ. Потому предполагалось, взамѣнъ этихъ безцѣнныхъ останковъ, воздвигнуть достойный великаго поэта монументъ, который послужилъ бы источникомъ населенія и процвѣтанія города, именно основать въ Равеннѣ Дантовскій университетъ.

14-го апрѣля текущаго года составилось слѣдующее постановленіе флорентинскаго муниципальнаго совѣта объ испрошеніи у жителей Равенны останковъ Данта:

„Такъ какъ долгъ потомковъ—искупить грѣхи своихъ предковъ, врачуя, сколько возможно, ихъ послѣдствія;

„Такъ какъ священный залогъ останковъ Данта Аллигіери въ Равеннѣ есть вмѣстѣ и свидѣтельство, и продолженіе недостойнаго изгнанія, претерпѣннаго величайшимъ изъ гражданъ;

„Такъ какъ городъ Флоренція, предпринимая праздновать шестисотлѣтній юбилей, не можетъ воздержаться, чтобы не возобновить обѣта, уже и въ прежнія времена выражавшагося и доселѣ остающагося столь же живымъ во всѣхъ умахъ—уврачевать это продолжающееся слѣдствіе прадѣдовскаго грѣха:

„То общій совѣтъ постановилъ отправить въ городъ Равенну просьбу о снисканіи дозволенія водворитъ на родинѣ останки Данта, въ братственный даръ, чѣмъ болѣе для Равенны прискорбный, тѣмъ болѣе благородный, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить, чтобы на мѣстѣ, гдѣ эти останки были схоронены, была постановлена надпись, которая напоминала бы потомству о великодушіи равеннскомъ и о флорентинской признательности".

Какъ напоминаютъ далекое время эти дипломатическія сношенія между городами Италіи! И какъ въ былое время, такъ и теперь, сколько въ нихъ характеристическаго! Каждый изъ городовъ, будто самостоятельная нація, успѣлъ, въ своемъ неистощимо-богатомъ прошедшемъ, выработать свою индивидуальность, сложился въ рѣзко очерченный характеръ, какъ монументъ, искуснымъ рѣзцомъ вырѣзанный изъ мрамора. Много восторженности, много благородства въ флорентинцахъ, но есть и доля самонадѣянности, чувства превосходства передъ другими городами Италіи, чувства, прикрываемаго прославленною флорентинскою вѣжливостію. Сверхъ того, они слишкомъ быстры, слишкомъ податливы на новизну, слишкомъ идутъ впередъ, и хотя опережаютъ другіе города Италіи, но по излишней живости бываютъ скоры въ осужденіи старины.

Нѣкоторыя изъ этихъ качествъ во всей яркости своей выступятъ, когда сравните постановленіе флорентинскаго совѣта съ отвѣтомъ муниципальнаго совѣта равеннскаго, отличающимся замѣчательною сдержанностью и строгостью, воспитанными въ пустынномъ городѣ среди византійскихъ храмовъ и классическихъ развалинъ.

Вотъ отвѣтъ Равенны, отъ 4-го мая 1864 года:

„Принимая въ уваженіе долгъ потомковъ — воздавать непрестанное и подобающее чествованіе дѣламъ, которыми прославились предки;

„Принимая въ уваженіе, что залогъ священныхъ останковъ Данта Аллигіери въ Равеннѣ не можетъ уже быть признаваемъ за продолженіе ссылки, по судьбамъ, къ благополучію измѣнившимся въ Италіи, и по закону, соединяющему крѣпкими узами всѣ города Италіи;

„Принимая въ уваженіе, что городъ Равенна, жаждущій присоединиться къ празднованію шестисотлѣтняго юбилея

Данта, не содѣйствовалъ бы надлежащимъ образомъ чествованію памяти великаго итальянца, если бы ввѣрилъ другому городу этотъ священный прахъ, который былъ и навсегда пробудетъ предметомъ такого благоговѣнія и любви для гражданъ равеннскихъ:

„Муниципальный совѣтъ постановилъ отправить отъ имени города Равенны братственное слово муниципальному совѣту флорентинскому, съ изъявленіемъ своего сожалѣнія, что не можетъ исполнить просьбу.“

Оба эти оффиціальные документа, и флорентинскій и равеннскій, пребудутъ драгоцѣннымъ памятникомъ для исторіи цивилизаціи въ Италіи. Хотя дѣло остается въ прежнемъ видѣ, но вопросъ порѣшенъ уже навсегда. Прахъ Данта на вѣки останется въ Равеннѣ, какъ священный залогъ, нераздѣльно соединившій сѣверную Италію съ среднею.

Есть еще интимная связь Флоренціи съ другимъ сѣверным городомъ, и притомъ съ такимъ городомъ, который все еще отторгнутъ отъ итальянскаго единства австрійскимъ захватомъ. Это Верона, превращенная теперь австрійцами въ самую неприступную крѣпость, на разстояніи многихъ верстъ окруженная въ нѣсколько рядовъ баттареями, редутами и другими воинскими хитростями, и по утесамъ, и отлогостямъ горъ, и по равнинѣ, стелющейся между Тирольскими и Апеннинскими горами. Но всѣ эти внѣшнія преграды въ глазахъ итальянцевъ ничтожны въ сравненіи съ тою нравственною силой, которая соединяетъ Верону самыми крѣпкими узами съ освобожденною Италіей.

Самые лучшіе годы своего изгнанія Дантъ провелъ въ Веронѣ у Канэ Скалигера, которому даже посвятилъ свой Рай; когда онъ умеръ въ Равеннѣ, семейство его осталось въ Веронѣ, и потомъ, переходя изъ рода въ родъ, потомство великаго флорентинца доселѣ сохранилось въ этомъ городѣ въ фамиліи графовъ Сарего-Аллигіери. Чтобы предложить Данту въ его отдаленныхъ потомкахъ дань уваженія и любви, постановлено 14-го апрѣля текущаго года въ общемъ совѣтѣ флорентинской общины возвести фамилію графовъ Сарего-Аллигіери въ званіе флорентинскихъ патриціевъ.

Если могила и потомство Данта удалены отъ родины, то все же и во Флоренціи сохранились не меньше того дорогіе

памятники, соединенные съ его личностью; во первыхъ, его *прекрасный св. Іоаннъ* (bel San Giovanni), то есть древній Баптистерій, въ которомъ Дантъ во младенчествѣ былъ крещенъ; и во-вторыхъ, домъ, въ которомъ онъ жилъ. Чтобы провѣрить мѣстное преданіе, была составлена особая коммиссія, по розыскамъ которой оказалось, что домъ на маленькой площадкѣ Св. Мартина, нынѣ принадлежащій Людовику Маннелли Галилеи, былъ, дѣйствительно, домъ Данта Аллигіери.

Было предположеніе устроить къ юбилею въ этомъ домѣ Дантовскій музей, какъ существуетъ музей Микель-Анджело, тоже во Флоренціи, на улицѣ Гибеллиновъ, въ домѣ этого художника. Кромѣ этого постояннаго Дантовскаго музея, будетъ еще временная Дантовская выставка, о которой циркуляры разосланы по всему итальянскому королевству, съ просьбой препроводить во Флоренцію къ юбилею изъ библіотекъ, музеевъ и изъ частныхъ собраній все, относящееся къ Данту, какъ-то: рукописи его произведеній, рѣдчайшія изданія, произведенія живописи и скульптуры и т. п.

Съ посѣтителей этой выставки будетъ взиматься плата, и на вырученную сумму будетъ сдѣланъ мечъ, который рѣшено поднести *отъ имени Данта Аллигіери Виктору-Эммануилу*, какъ тому самому il gran veltro (борзому псу), о которомъ предсказано въ *Божественной Комедіи.* Именно въ этихъ наивныхъ выраженіяхъ прописано въ постановленіи провинціальнаго совѣта флорентинскаго *). На изготовленіе меча объявленъ конкурсъ для состязанія потомковъ Бенвенуто Челлини.

Въ странѣ художественной для празднованія юбилея будутъ употреблены средства всѣхъ изящныхъ искусствъ. Прежде всего, поэзія, въ которой представителемъ будетъ не кто иной, какъ самъ Дантъ. Изъ его поэмы сдѣлаютъ выборъ отрывковъ, болѣе удобныхъ для пѣнія, и притомъ содержанія политическаго, затрогивающаго современные интересы. Лучшіе композиторы изготовятъ къ стихамъ музыку, и въ теченіе юбилейныхъ дней повсюду будутъ они распѣваться: распоряженіе, какъ нельзя больше согласное съ

---

*) Jiorn. del Centen. di Dante, стр. 90.

характеромъ итальянскаго народа. Во время праздниковъ итальянцы будутъ непремѣнно пѣть, потому что они поютъ всегда. Пусть же поютъ они Дантовы воспламеняющіе диѳирамбы.

Къ юбилею изготовляется медаль, на которой будетъ изображеніе Данта. Ее работаетъ самый знаменитый во Флоренціи скульпторъ Дюпре, или, какъ говорятъ итальянцы, *Дупре*. Особенно много было сдѣлано разысканія для опредѣленія настоящаго портрета Дантова. Самымъ лучшимъ считается, какъ полагаютъ, писанный Джіоттомъ, въ каппеллѣ древняго дворца флорентинскаго Подесты и Анціановъ *). Дантъ представленъ въ молодыхъ годахъ, около 25-ти лѣтняго возраста; стоитъ между праведниками, въ изображеніи Страшнаго Суда. Другой портретъ, болѣе извѣстный въ публикѣ, находится въ флорентинскомъ соборѣ Madonna del Fiore. Дантъ въ красной тогѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, въ одной рукѣ держитъ свою поэму, а другою показываетъ на изображенныя около него три загробныя царства, имъ воспѣтыя. Но это произведеніе позднѣйшее, второй половины XV вѣка. Третій изъ замѣчательнѣйшихъ портретовъ находится на миніатюрѣ одной рукописи Риккардіанской библіотеки, XV-XVI столѣтій. Эти портреты и многіе другіе, а также и изображенія Данта въ произведеніяхъ Рафаэля, послужили поводомъ къ полемикѣ между итальянскими учеными, которая и до сихъ поръ еще не прекратилась въ журналахъ. Иные бросаютъ тѣнь сомнѣнія на портретъ, приписываемый Джіотту, другіе предпочитаютъ изображенія у Рафаэля, въ томъ предположеніи, что этотъ великій мастеръ, имѣя у себя подъ руками настоящій портретъ Данта, умѣлъ воспроизвести характеръ поэта вѣрнѣе и глубже, нежели въ современныхъ Данту портретахъ, когда искусство было еще далеко на низшей степени развитія въ свихъ средствахъ.

Дюпре для своей медали за оригиналъ взялъ миніатюру Риккардіанской библіотеки.

Другой флорентинскій скульпторъ, Энрико Пацци, гото-

---

*) Palazzo del Podesta, degli Anziani. Такъ назывались назначаемые по выбору представители флорентинской республики. Иначе этотъ дворецъ именуется Bargello. Во времена герцоговъ въ немъ была городская тюрьма.

витъ къ юбилею изъ мрамора колоссальную статую Данта: въ широко-драпированной тогѣ, съ своею поэмой въ рукѣ, онъ медленно ступаетъ, будто входитъ въ родной городъ. По первоначальному этюду, предполагалось дать ему выраженіе грозное, съ которымъ онъ порицаетъ несогласія и вражду между итальянскими городами. Но сама статуя производитъ болѣе спокойное впечатлѣніе, какъ изображеніе человѣка, примиреннаго съ людьми и съ судьбой. Это противорѣчіе, кажется, объясняется тѣмъ, что Пацци задумалъ свое произведеніе уже давно, когда Флоренція была еще подъ австрійскимъ правительствомъ. Тогда же, втайнѣ отъ правительства, составилась подписка, чтобы дать художнику средства для выполненія его этюда. Когда же, по освобожденіи Тосканы отъ чуждой власти, положено было праздновать юбилей Данта, тогда заказъ остался въ рукахъ Пацци. Этимъ объясняется, почему на памятникъ Данта не было объявлено конкурса. Статуя будетъ постановлена на площади церкви Св. Креста, этого Пантеона итальянскихъ знаменитостей.

Къ тому же времени фасадъ этой церкви будетъ украшенъ барельефами, работы Дюпре. Надъ середними, главными вратами церкви постановится барельефъ, выражающій ту мысль, что спасительное дѣйствіе Св. Креста оказывается въ исторіи освобожденіемъ человѣчества отъ рабства; въ частности эта мысль примѣняется къ освобожденію Италіи отъ чужеземнаго ига. По обѣимъ сторонамъ явившагося на небѣ Креста собрались внизу, на землѣ, разныя историческія личности, способствовавшія распространенію въ человѣчествѣ идеи религіи и свободы. Между ними Карлъ Великій, маркграфиня Матильда, столь знаменитая и популярная въ исторіи Италіи, св. Францискъ, Дантъ. Тутъ же, въ толпѣ знаменитостей, и безвѣстный дикарь, опираясь на палицу, преклоняетъ колѣна предъ Св. Крестомъ. На небѣ съ обѣихъ сторонъ легко и граціозно парятъ ангелы, съ выраженіемъ преданности и молитвы. Внизу подъ самымъ Крестомъ, между обѣими группами историческихъ лицъ, сидитъ обнаженная фигура прекраснаго юноши. На рукахъ у него висятъ остатки разбитыхъ оковъ. Это рабъ, освобожденный во имя Креста. Только онъ одинъ еще не молится, въ этомъ торжественномъ собраніи молящихся, и на землѣ, и на не-

бесахъ,—потому что онъ еще будто оторопѣлъ отъ внезапности великаго переворота въ своей судьбѣ: онъ въ изумленіи и восторгѣ; и еще другое лицо на минуту остановилось въ своей молитвѣ и устремило взоры на освобожденнаго раба: это Дантъ, который въ этомъ священномъ освобожденіи читаетъ судьбы Италіи.

Само собою разумѣется, что теперь еще не успѣла опредѣлиться программа всего юбилея. Собираются только проэкты, обсуживаются, и нѣкоторые изъ нихъ утверждаются. Большая часть изъ нихъ касаются политики и науки, но иные имѣютъ своимъ предметомъ и общественныя удовольствія. Такъ, напримѣръ, предполагаютъ постановить на сценѣ Дантовскій балетъ, котораго сюжетъ будетъ заимствованъ изъ всѣхъ трехъ кантикъ *Божественной Комедіи*. Музыка для такого балета уже готова въ симфоніи, въ которой Пачини переложилъ въ музыкальные звуки всѣ ощущенія Данта, и ужасъ при видѣ адскихъ мукъ, и надежду, смягчающую страданія чистилища, и наконецъ райскія радости и торжество.

Нѣкоторые изъ проэктовъ отличаются такою несбыточностью, что заслуживаютъ быть упомянуты развѣ только ради характеристики итальянской натуры, для которой все кажется легко и возможно. Напримѣръ, одному чудаку пришло въ голову предложить свой проэктъ — сломать не одну сотню домовъ, для того, чтобъ отъ дворца Строцци до улицы Гибеллиновъ проложить широкую улицу, назвавъ ее Дантовскою (Corso di Dante).

Гораздо существеннѣе и согласнѣе съ общимъ планомъ приготовленія, имѣющія предметомъ науку и литературу. Когда соберутся со всей Европы комментаторы и переводчики Данта, предполагается открыть ученыя засѣданія. Въ университетахъ будутъ основаны Дантовскія каѳедры. Студентамъ и слушателямъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній объявлены конкурсы на темы по разнымъ наукамъ. Лучшія сочиненія удостоятся Дантовскихъ премій во время юбилея.

Наконецъ, къ юбилею готовится цѣлый рядъ изданій, посвященныхъ Данту. Кромѣ комментаріевъ и изслѣдованій, издаются тексты рукописей. Такъ монахи Бенедиктинскаго монастыря Монтекассино издаютъ хранящуюся въ ихъ библіотекѣ рукопись Божественной Комедіи, XIV вѣка, сви-

дѣтельствуя въ своей программѣ по этому предмету самое глубокое уваженіе къ Данту: „Въ нашихъ мысляхъ, — такъ признаются они, — Дантъ и св. Бенедиктъ всегда представляются соединенными союзомъ взаимной симпатіи“, а рукопись Божественной Комедіи сохраняютъ эти почтенные старцы въ своемъ архивѣ, „какъ святыню“.

Самымъ интереснымъ литературнымъ явленіемъ, изготовляемымъ къ юбилею, будетъ Дантовскій сборникъ, для котораго монографіи пишутся всѣми лучшими учеными и литераторами Италіи и спеціалистами не только по литературѣ, но и по другимъ наукамъ. Сборникъ имѣетъ предметомъ жизнь Данта, его произведенія и его вѣкъ. Авторы отдѣльныхъ монографій, имѣющихъ составить одно цѣлое, не стѣсняются какимъ-нибудь общимъ направленіемъ и не подчиняются общей редакціи; каждый является съ своимъ мнѣніемъ и своимъ направленіемъ, потому что, по ихъ убѣжденію, Дантъ такъ великъ и многостороненъ, что своимъ авторитетомъ приведетъ къ общему единству всѣ различія во мнѣніяхъ и взглядахъ *).

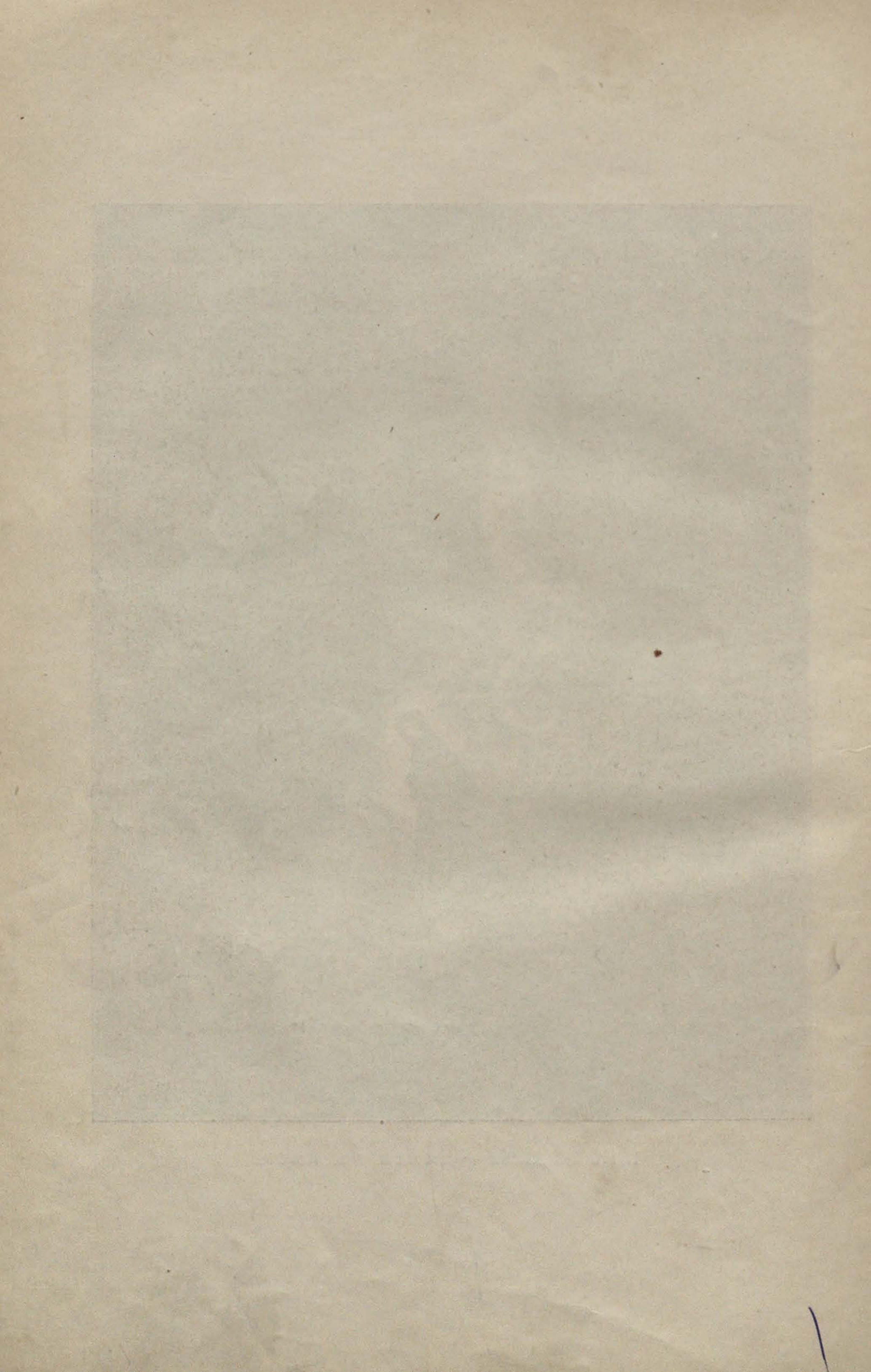
КОНЕЦЪ.

---

*) Сборникъ этотъ вышелъ во Флоренціи въ 1865 г., подъ заглавіемъ: Dante e il suo Secolo.

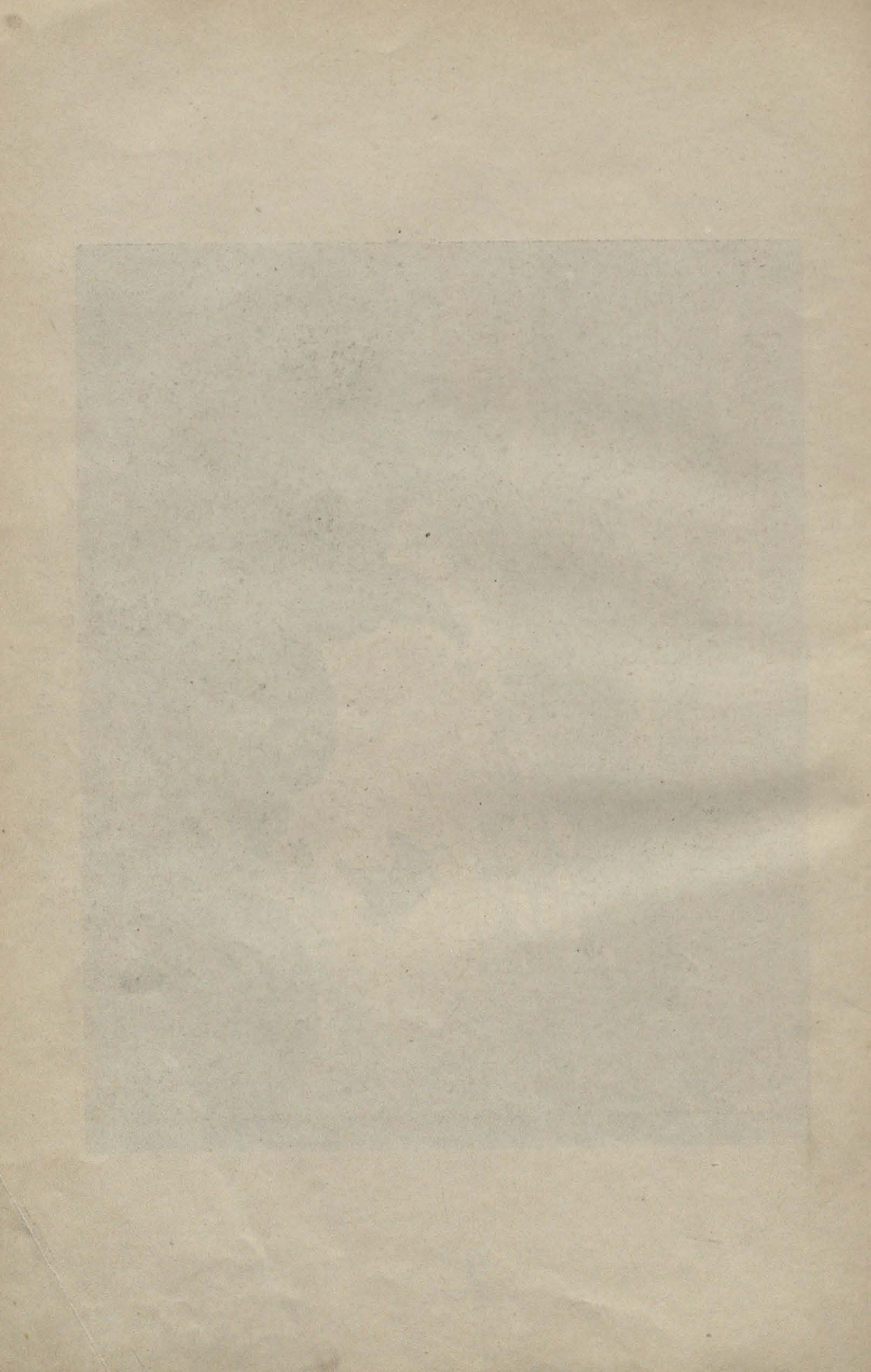
1. Къ 1-й пѣсни. — Данте въ лѣсу.

2. Къ 1-й пѣсни. — Данте и пантера.

2

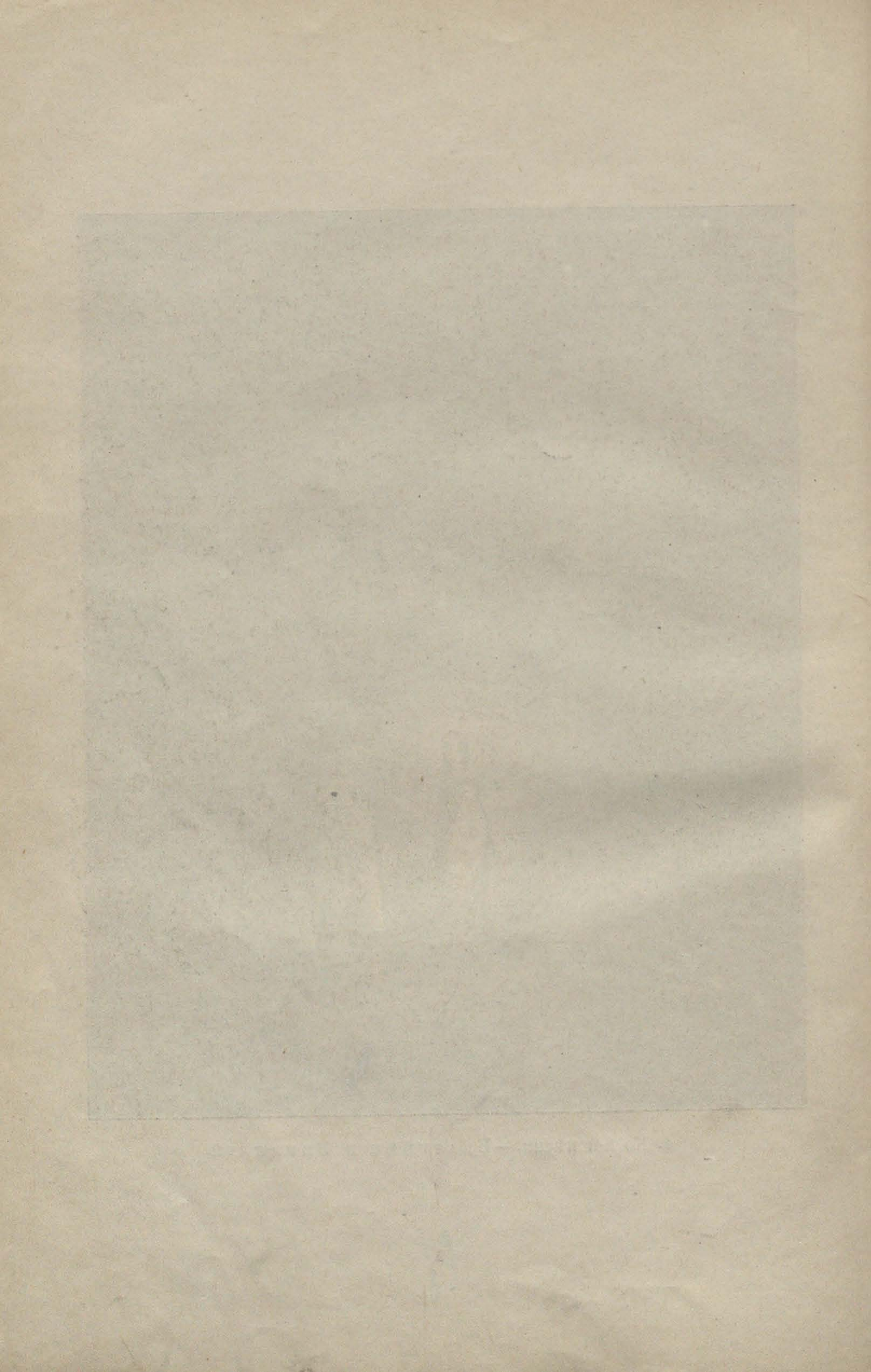
3. Къ 1-й пѣсни. — Левъ.

3

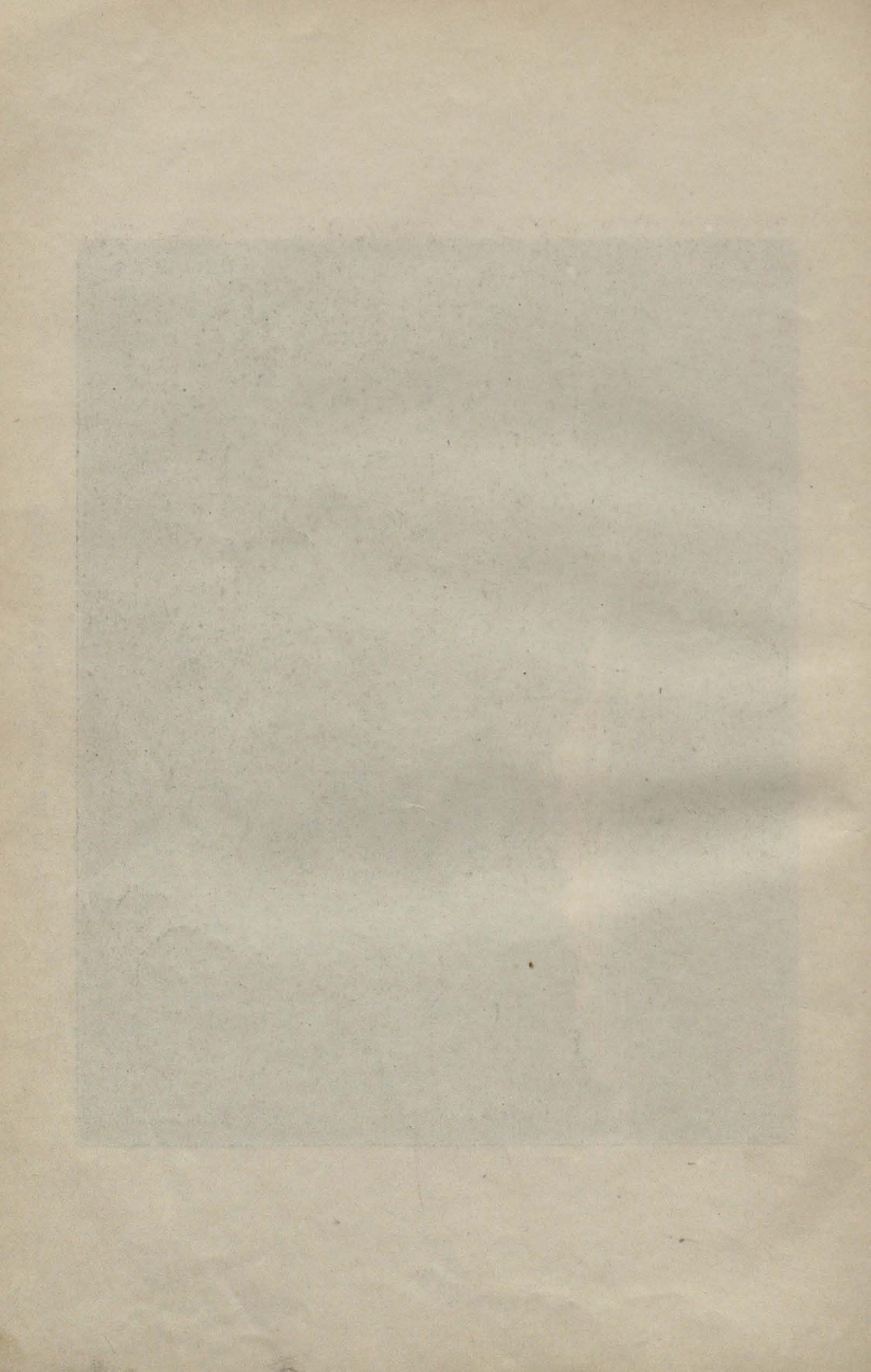

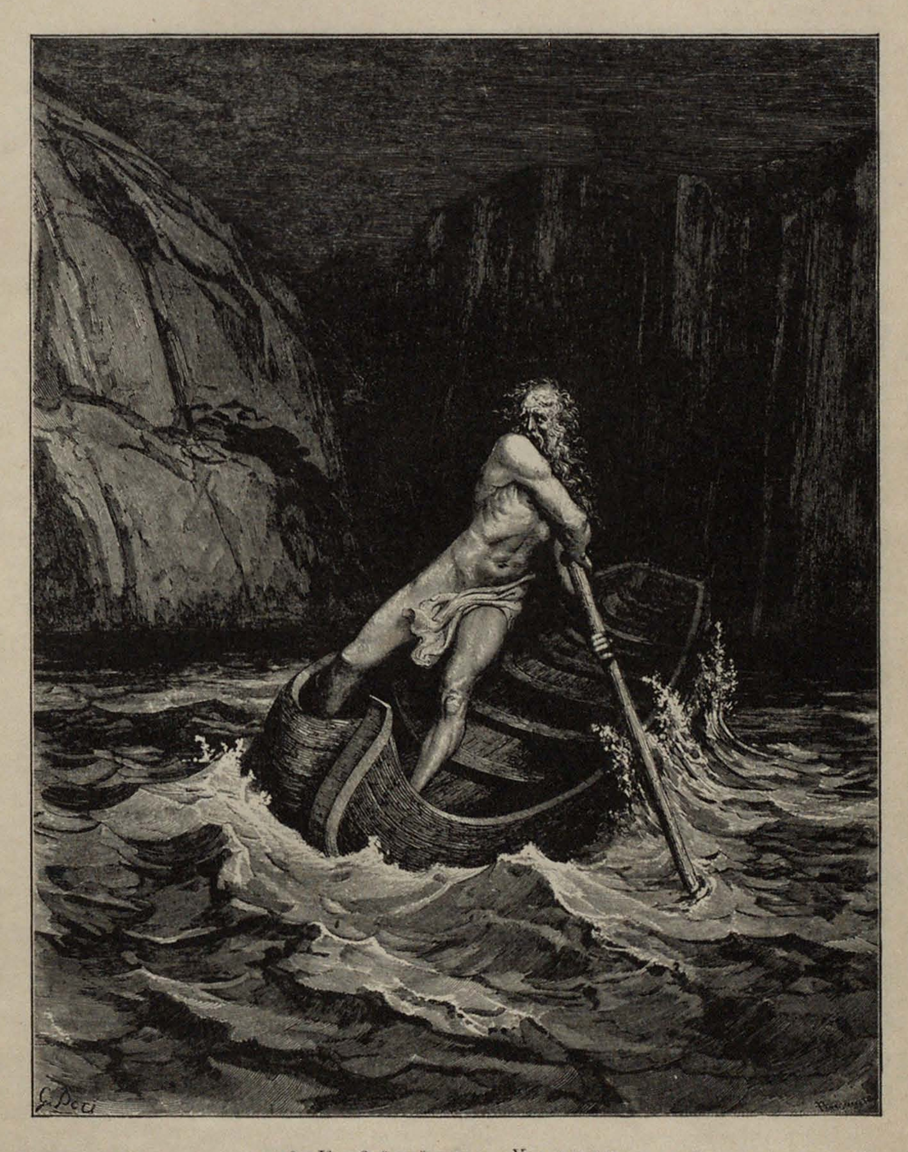
4. Ко 2-й пѣсни. — Беатриче и Виргилій.

4

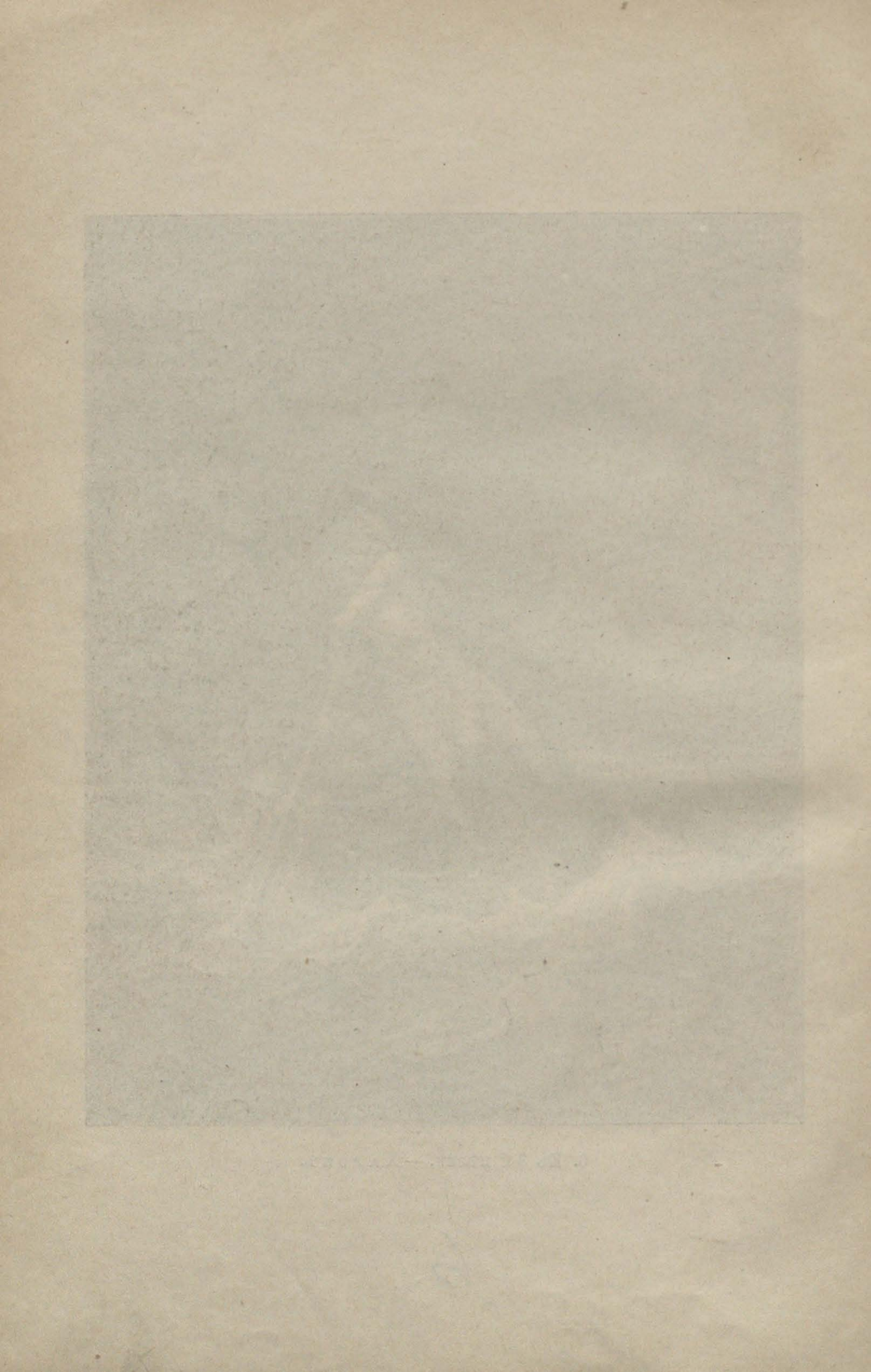

5. Къ 3-й пѣсни. — Входъ въ адъ.

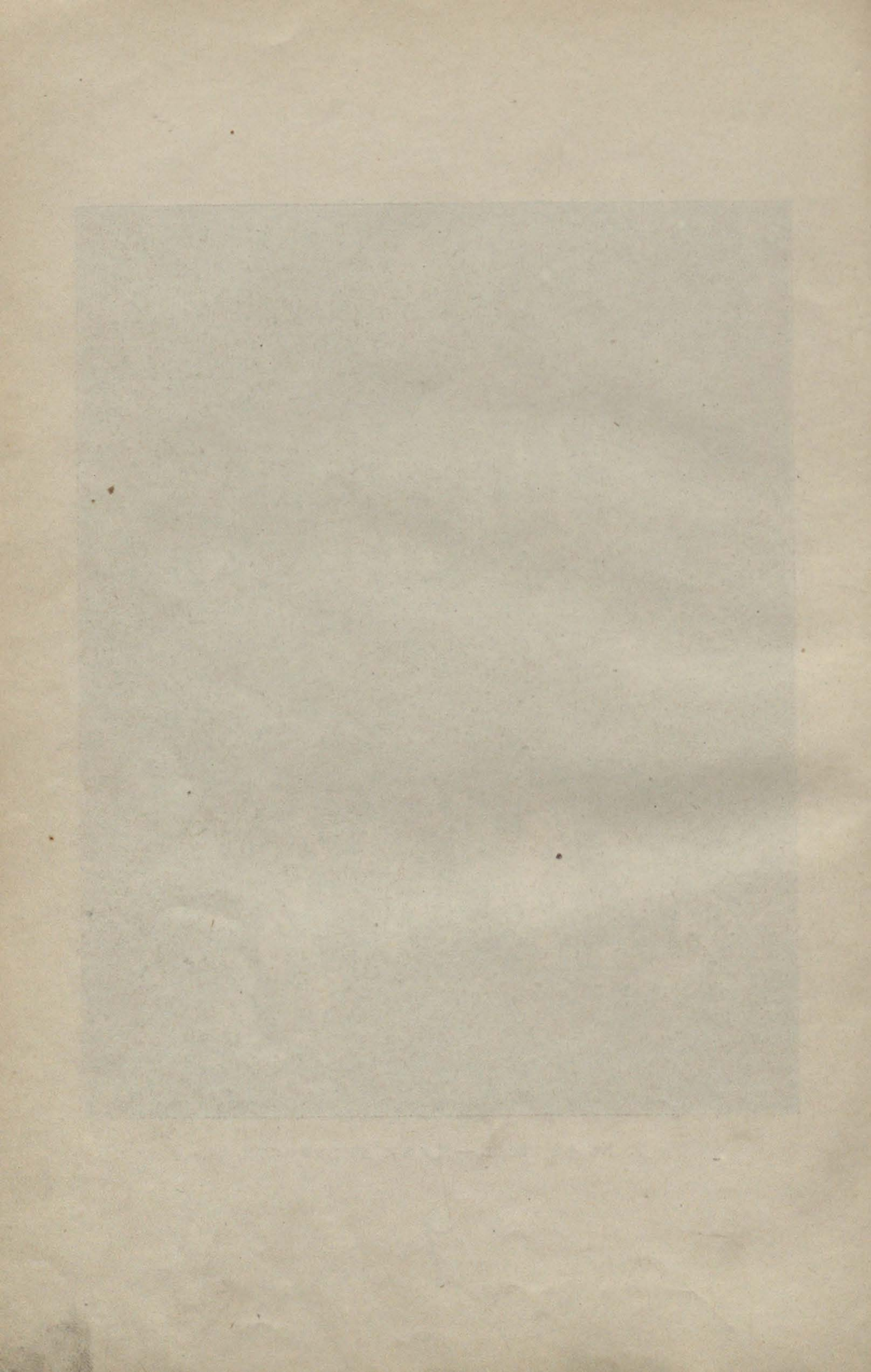

6. Къ 3-й пѣсни. — Харонъ.

7. Къ 4-й пѣсни. — Мужи древности.

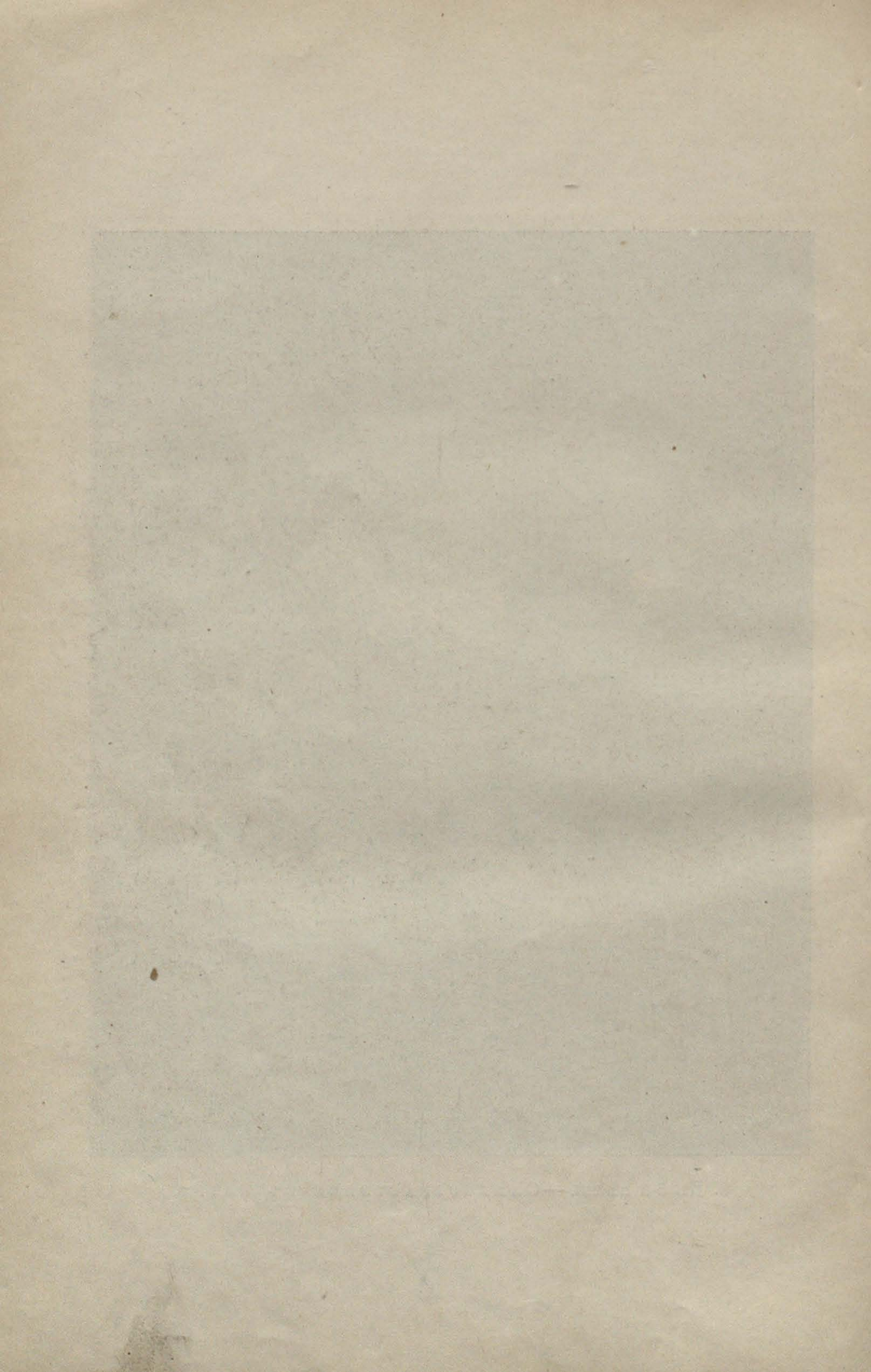

8. Къ 5-й пѣсни. — Сладострастники въ вихрѣ.

8

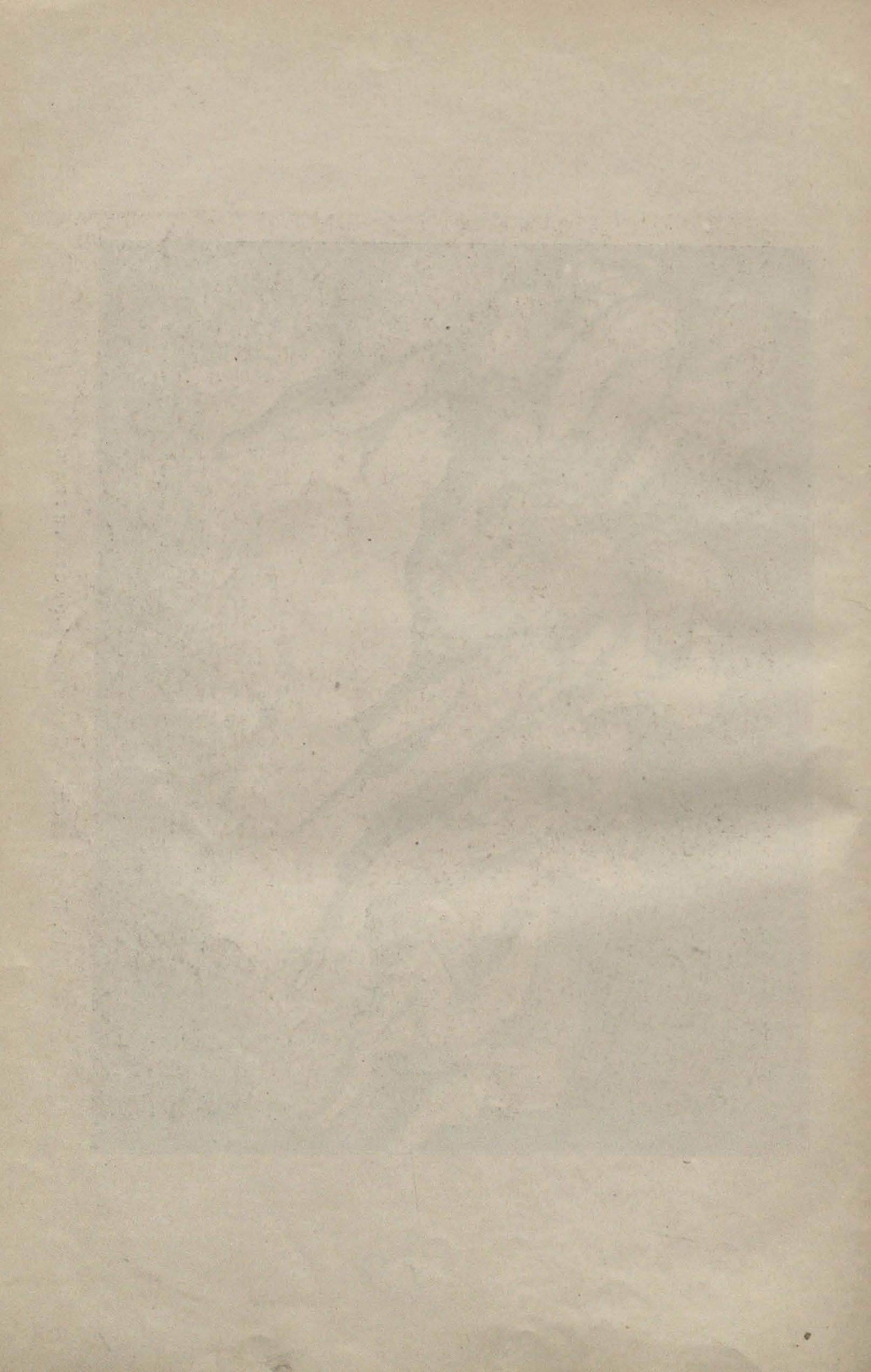

9. Къ 5-й пѣсни. — Франческа Римини.

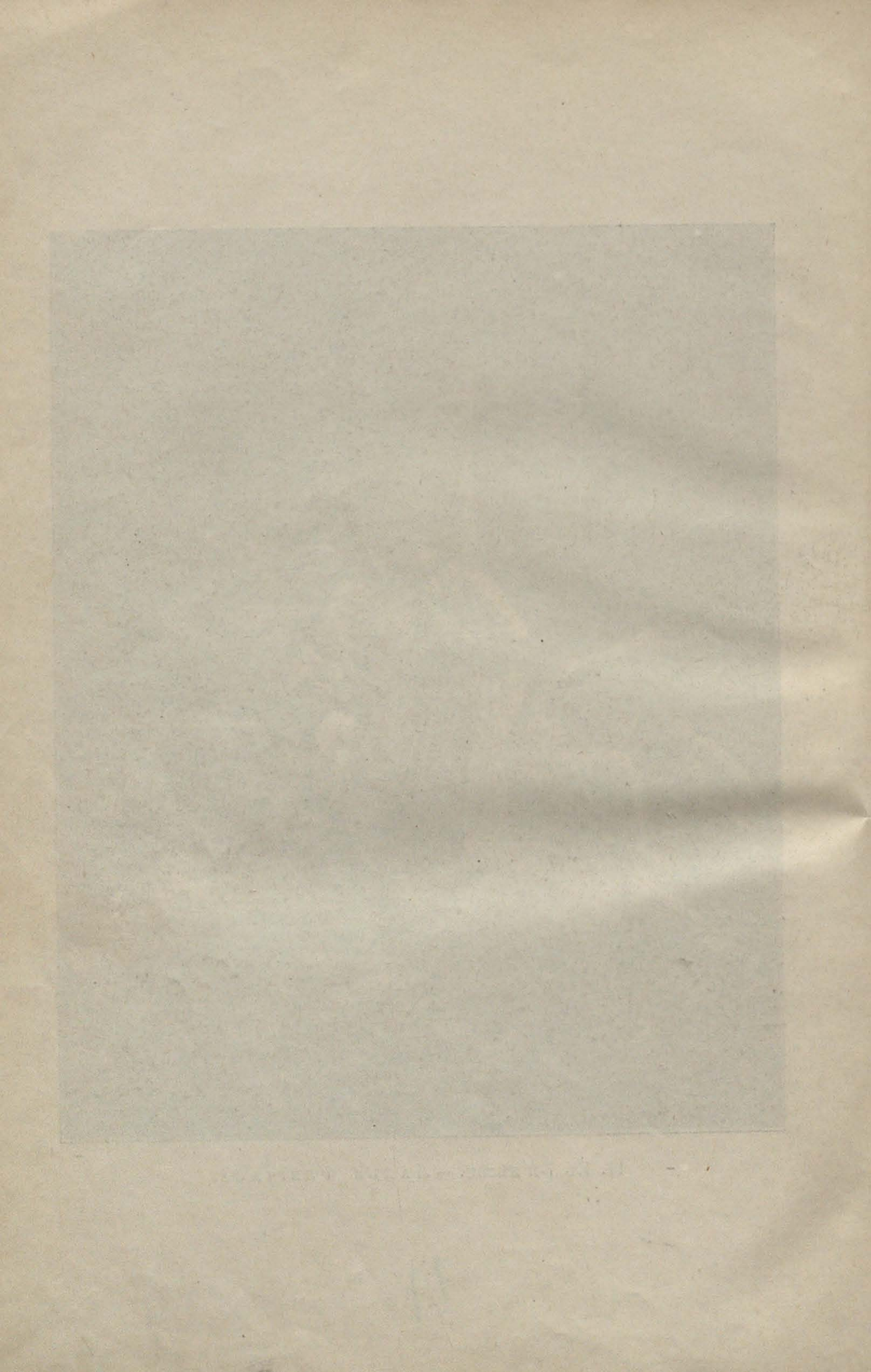

10. Къ 6-й пѣсни. — Скупые и расточители.

11. Къ 7-й пѣсни. — Ладья Флегіаса.

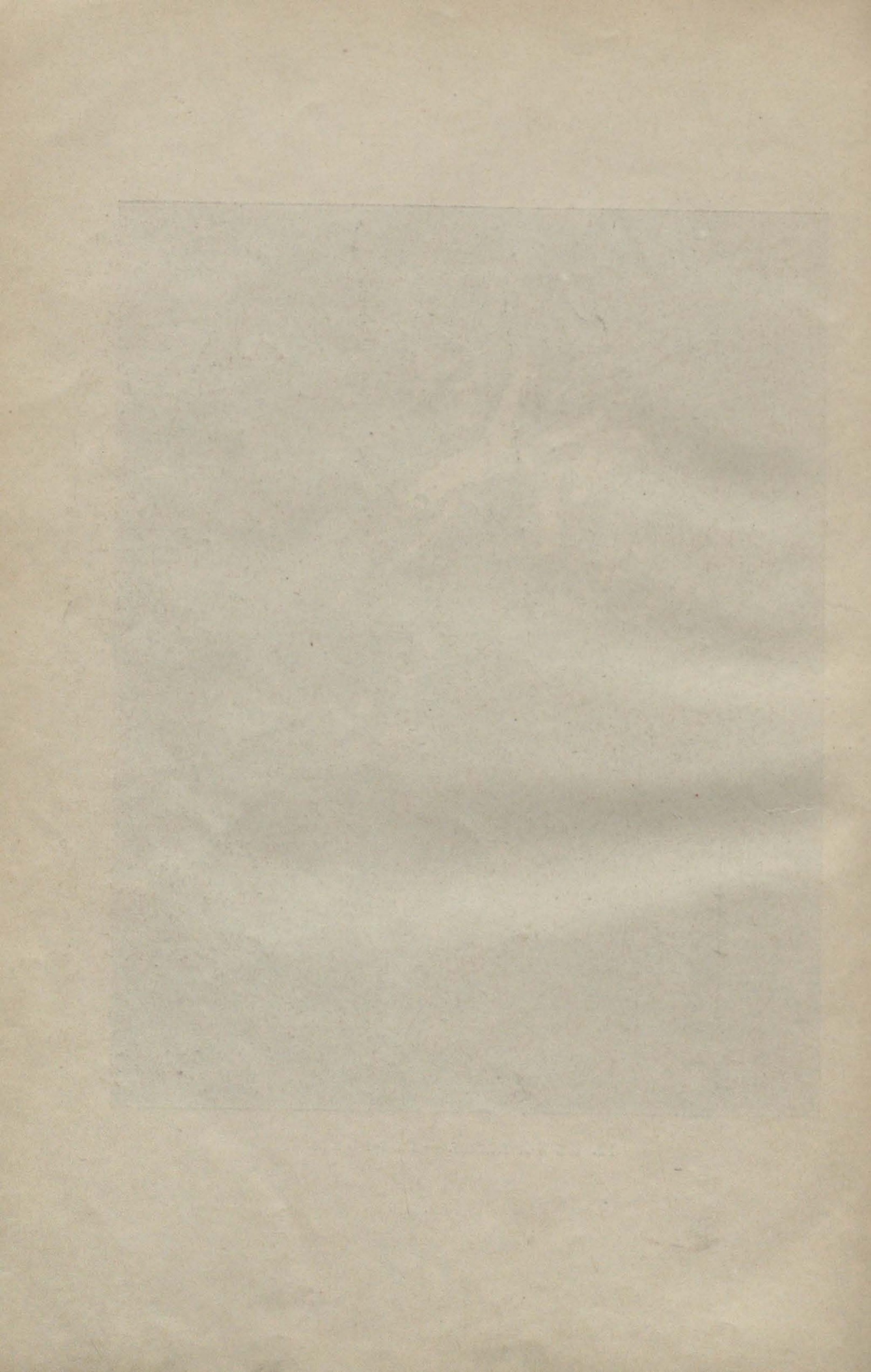

12

12. Къ 9-й пѣсни. — Горгоны.

12

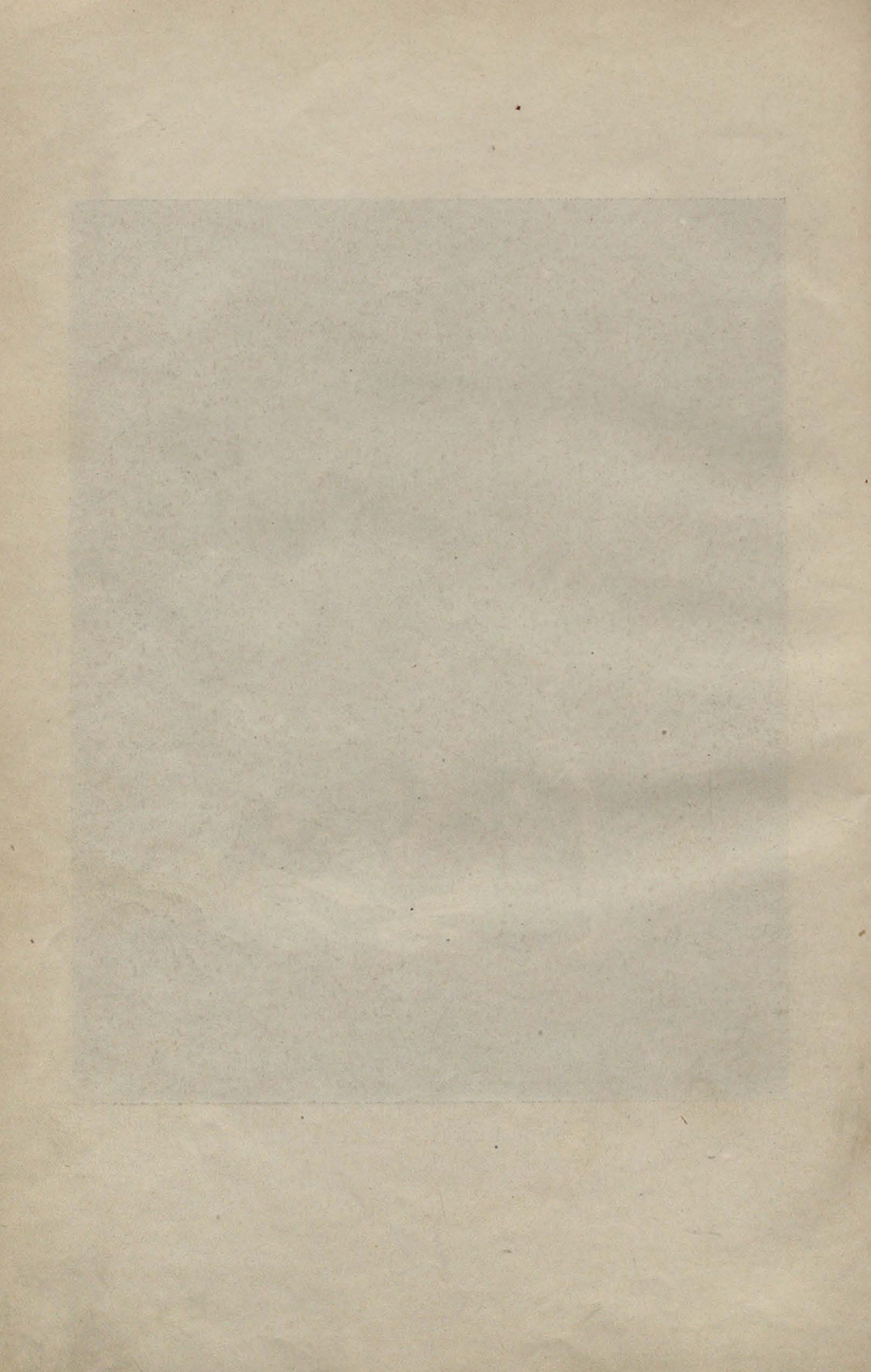

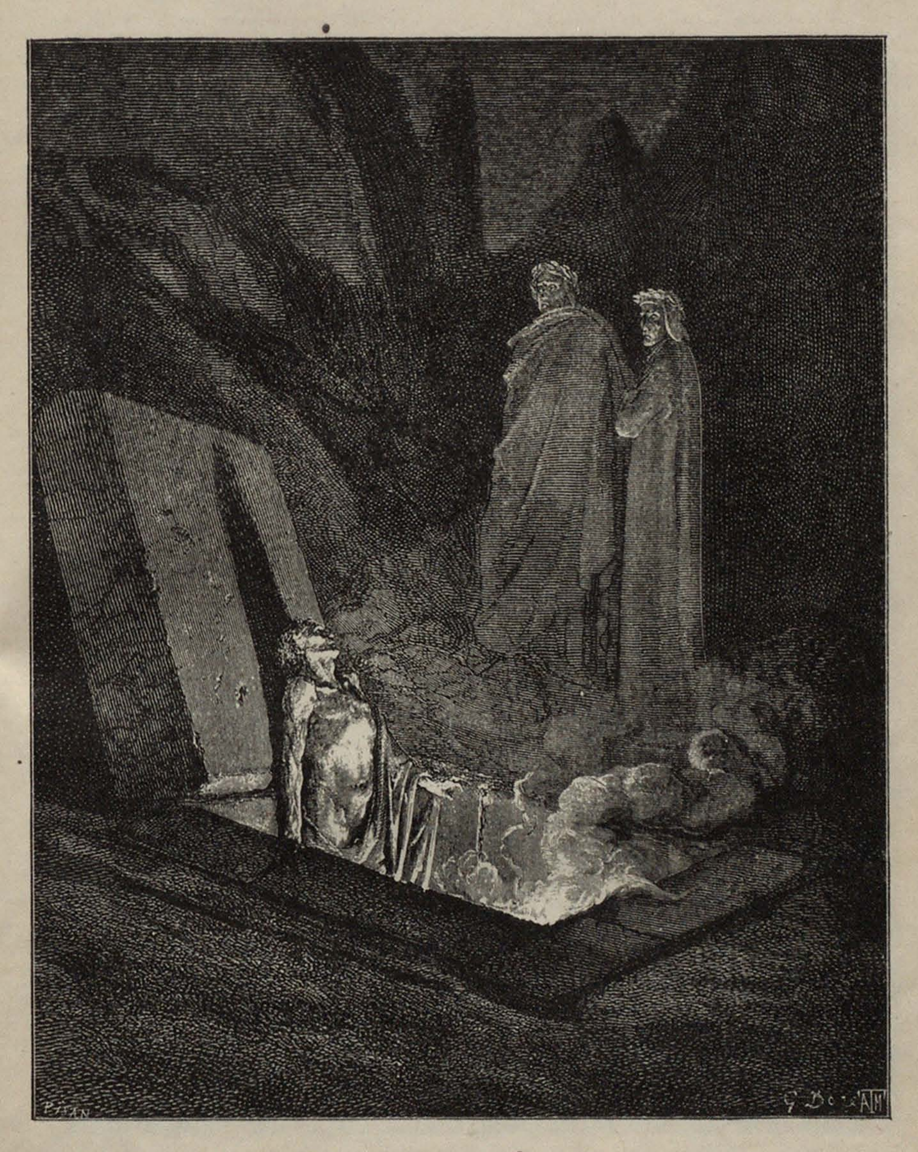
13

13. Къ 10-й пѣсни. — Ересіархи.

13

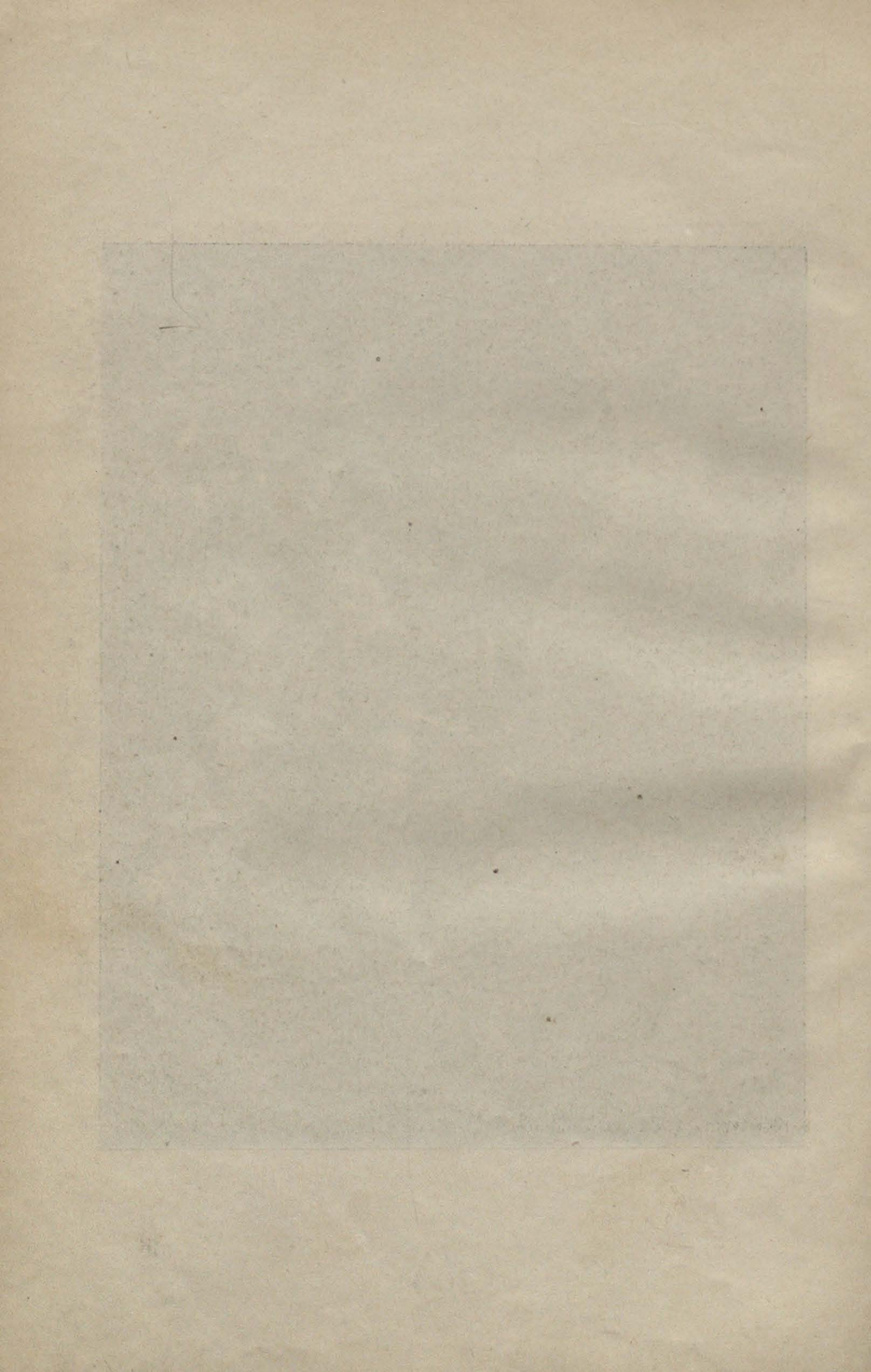

14. Къ 10-й пѣсни. — Фарината.

15. Къ 12-й пѣсни. — Кентавры.

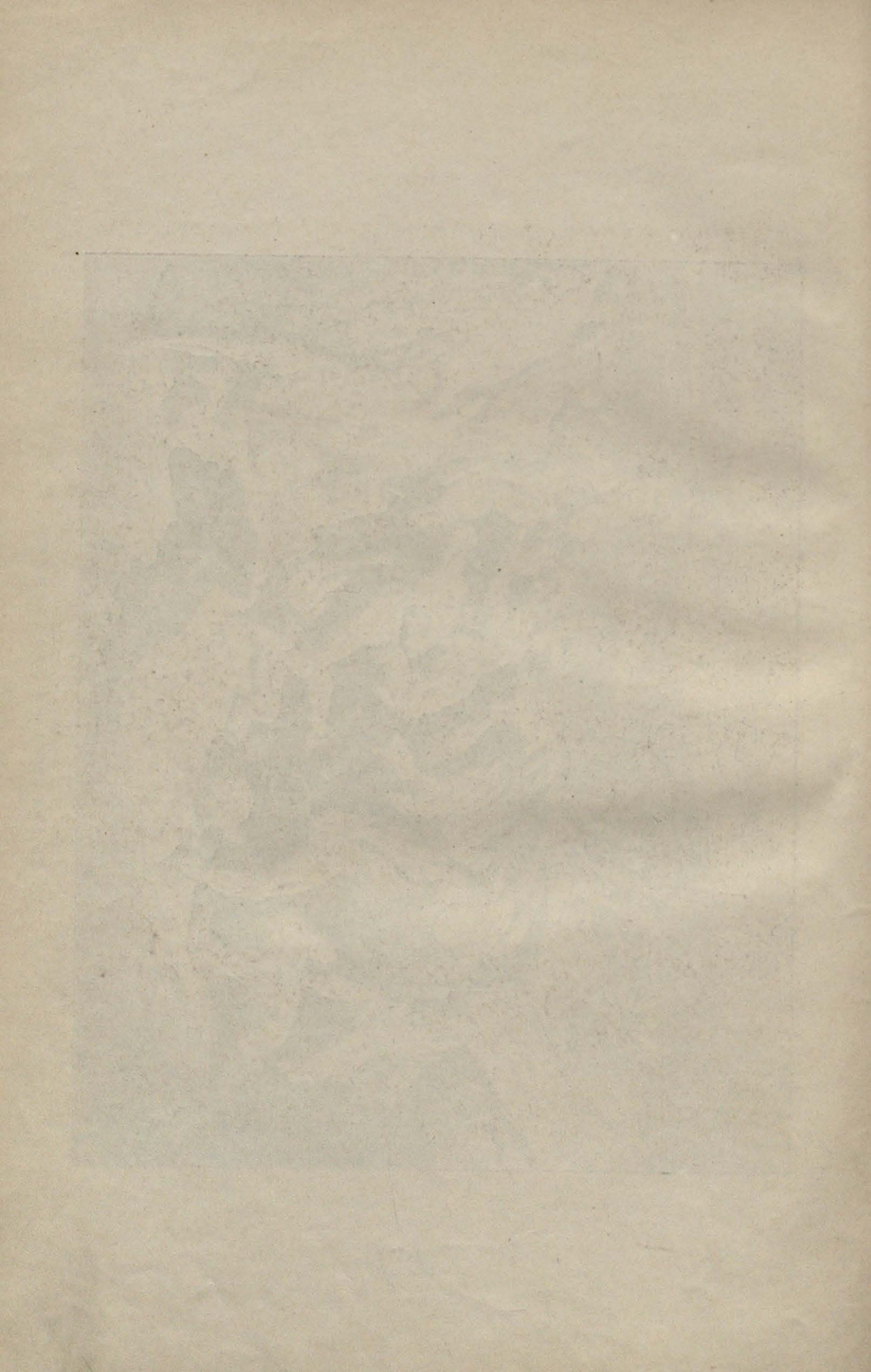

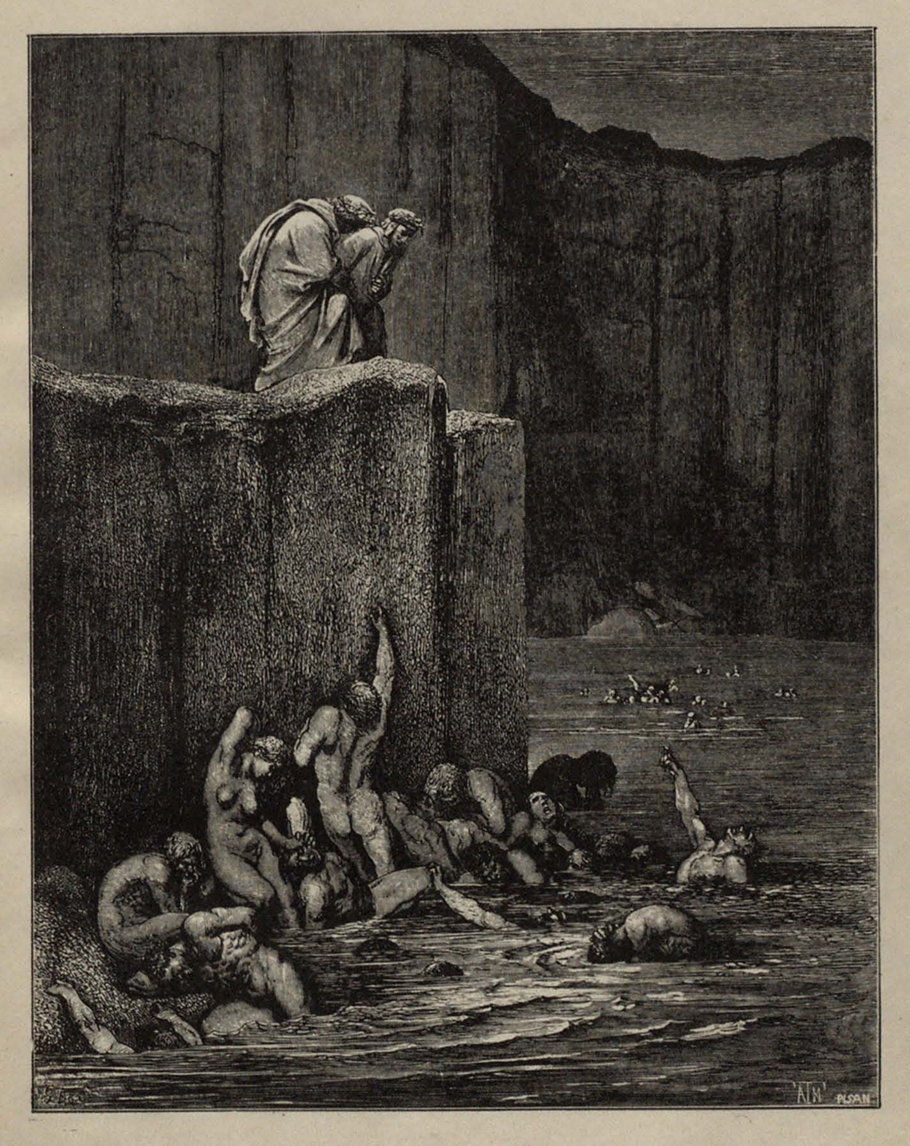
16. Къ 17-й пѣсни. — Геріонъ.

16

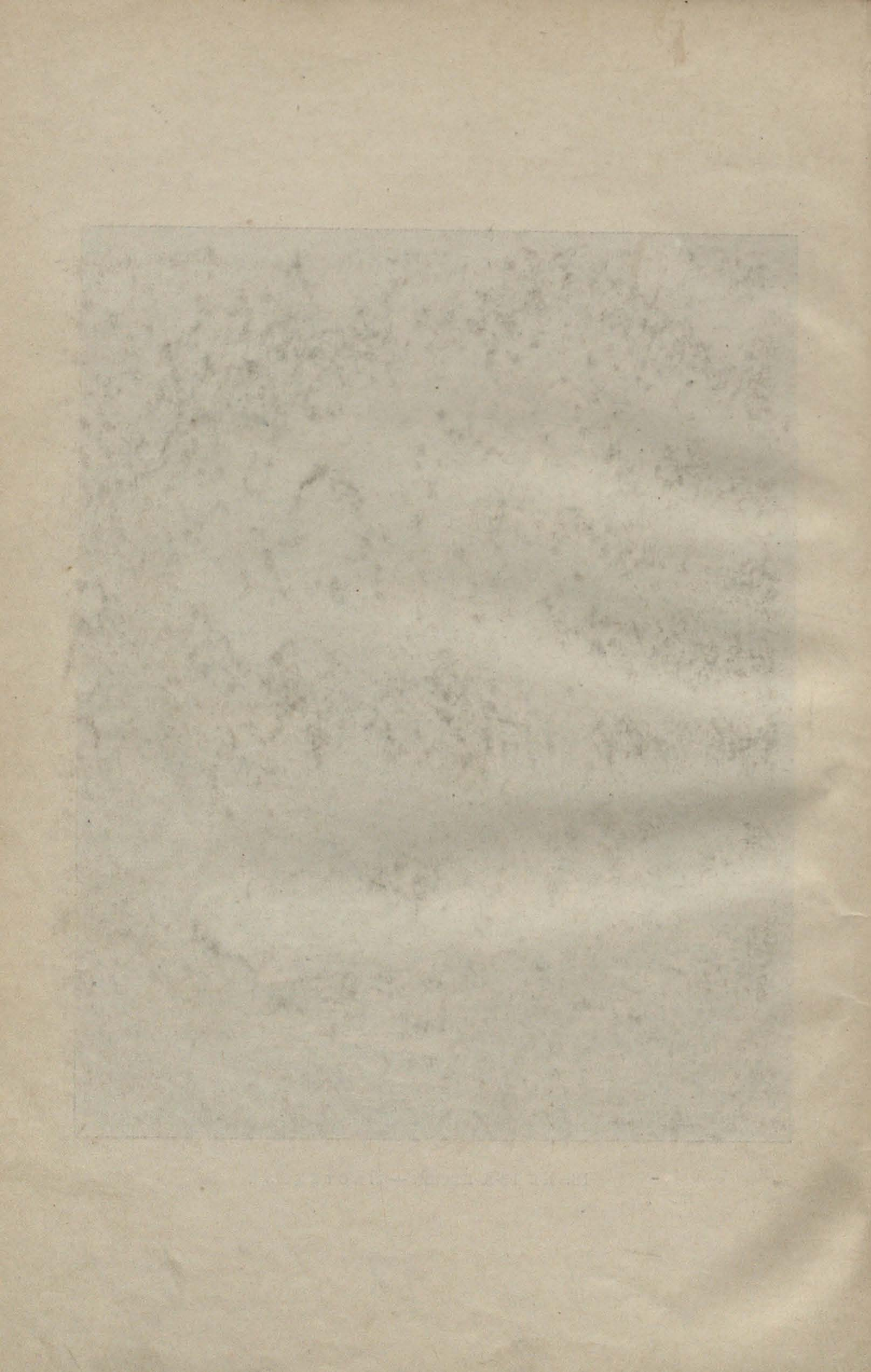
17. Къ 18-й пѣсни. — Соблазнители.

18. Къ 18-й пѣсни. — Льстецы.

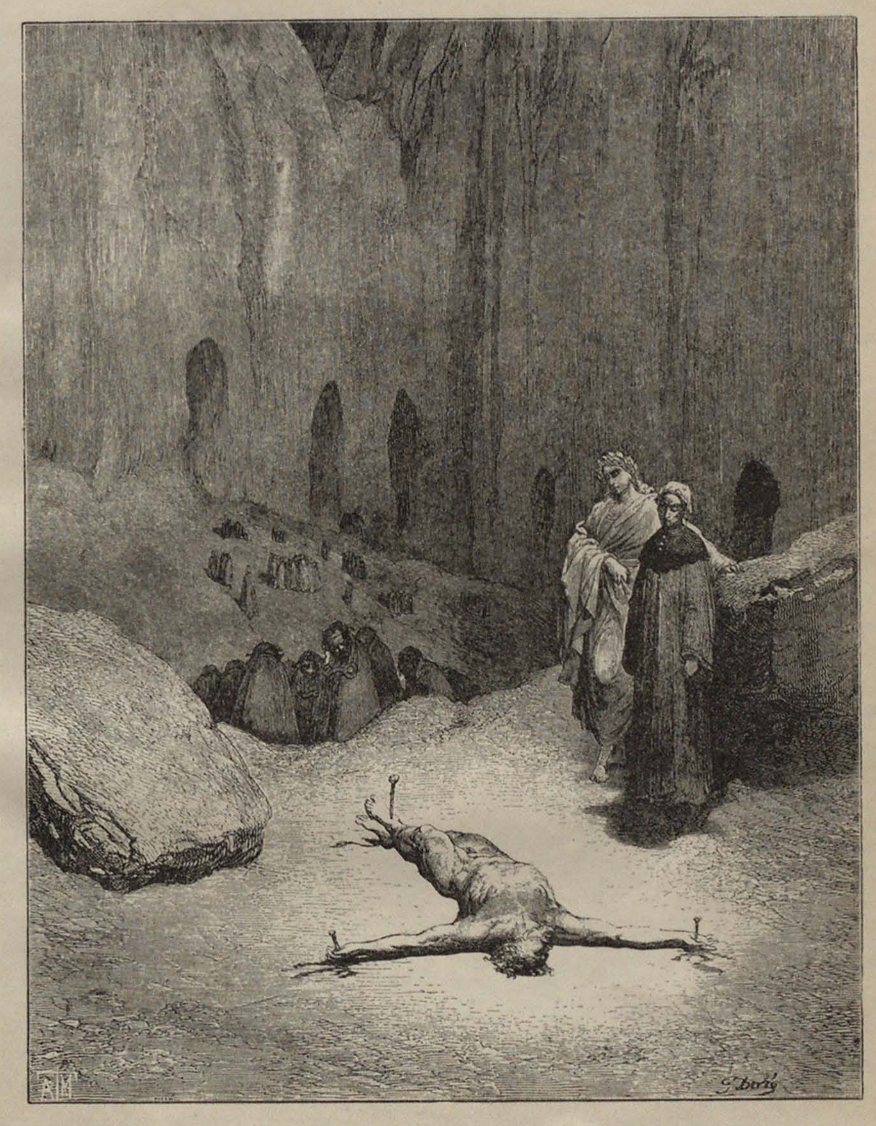
18

19. Къ 19-й пѣсни. — Папа Николай III.

19

20. Къ 23-й пѣсни. — Каіафа.

20

21. Къ 26-й пѣсни. — Поэты надъ 8-мъ рвомъ.

22. Къ 32-й пѣсни. — Кругъ измѣнниковъ.

22

23. Къ 32-й пѣсни. — Бокка.

24. Къ 33-й пѣсни. — Уголино.

68

24

2018669294